М 68
121

кн. 1

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА БѢЛЯЕВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1861.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА БѢЛЯЕВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 2-го дня 1861 года.

Ц. Гиляровъ-Платоновъ.

2007042947

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

Страна, въ настоящее время называемая Россіею, издревле, какъ только запомнятъ люди, была большею дорогою для народовъ шедшихъ изъ Азіи въ Европу. Здѣсь перебывали и Скиѳы, и Сарматы, и Готѳы и Гунны и другіе народы, но не останавливались надолго, почти не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ пройденномъ ими краю, и не имѣли никакого замѣтнаго вліянія на судьбу Русскаго народа. Позднѣе сихъ народовъ потянулись въ здѣшній край разныя племена Славянскія, жившія въ Македоніи, Ѳракіи и Иллиріи. Движеніе Славянскихъ племенъ въ здѣшній край, на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Дуная, ихъ древней родины, начались съ того времени, какъ Римляне, называвшіеся у древнихъ Славянъ Волохами, стали выдвигать свои владѣнія къ Дунаю и тѣснить тамошнихъ Славянъ, поселяя между ними свои военныя колоніи и строя города. Но Славяне поднялись съ Дуная не всѣ заразъ, а частями и въ разное время, по мѣрѣ того какъ насилія Римлянъ становились имъ невыносимы; и въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ они заняли своими поселеніями берега Днѣстра, восточнаго и западнаго Бута, Днѣпра, Припети, Десны, Семи, Оки, Западной Двины,

Приильменскій край и верхнее теченіе Волги до впаденія въ нее Оки.

Въ девятомъ столѣтіи по Р. Х. (т. е. за тысячу лѣтъ до настоящаго времени) Славянскія племена, выдвинувшіяся съ Дуная на Русскую землю, были разселены слѣдующимъ порядкомъ: въ ближайшемъ сосѣдствѣ къ Дунаю на самомъ юго-западномъ краю Русской земли по Днѣстру до Чернаго моря и Дуная жили Славянскія племена, называвшіяся Уличами и Тиверцами; нѣсколько сѣвернѣе ихъ въ верховьяхъ восточнаго и западнаго Бута жили Дулебы и Бужане, вообще называвшіеся Волынянами; на сѣверо-востокъ отъ Волынянъ въ углу образуемомъ рѣками Горынью и Припетью, по тамошнимъ лѣсамъ и болотамъ были поселенія Древлянъ; рядомъ съ Древлянами и Волынянами по западному берегу Днѣпра жили Поляне; а перешедши Днѣпръ прямо противъ Полянъ жили Сѣверяне, которыхъ поселенія простирались по рѣкамъ Сулѣ, Деснѣ и Семи; въ этой же сторонѣ, нѣсколько сѣвернѣе по рѣкѣ Сожѣ жили Радимичи; а къ востоку отъ Радимичей по рѣкамъ Угрѣ и Окѣ, въ тамошнихъ дикихъ непроходимыхъ лѣсахъ были поселенія Вятичей, которыя простирались далеко на востокъ, можетъ быть, до верховьевъ Дона. На сѣверъ отъ Припети по правому берегу Днѣпра до Западной Двины жили Дреговичи; а подлѣ нихъ по берегамъ Полоти впадающей въ Западную Двину были поселенія Полочанъ; за Полочанами на востокъ при верховьяхъ Днѣпра, Западной Двины и Волги жили Кривичи; а за ними сѣвернѣе всѣхъ Славянскихъ племенъ, около озера Ильменя и по Волхову поселились Славяне Ильменскіе или Новгородцы, которые

въ послѣдствіи своими поселеніями далеко распространились на сѣверъ и востокъ.

Рядомъ съ Славянскими племенами на сѣверо-западѣ по Неману и Западной Двинѣ, въ тамошнихъ пущахъ, болотахъ и непроходимыхъ лѣсахъ, вплоть до Балтійскаго моря жили племена Латышскія и Литовскія перемѣшанныя съ Финскими, таковы были: Жмудь, Литва, Корсь, Зимгола, Леттола, Ливь и другія; это были старожильцы тамошняго края, жившіе тамъ еще до пришествія Славянъ въ Русскую землю. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ жили племена Финскія: Чудь, Водь, Корела, Ямь, Меря, Пермь, Весь, Мурома, и на востокѣ Черемись, Мордова, и Мещера и богатые и сильные Камскіе Болгары, жившіе при впаденіи Камы въ Волгу, и на юго-востокѣ Буртасы и сильные въ то время Хазары, которыхъ владѣнія простирались отъ низовьевъ Волги, до Дона и Донца.

Славянскія племена, выдвигавшіяся съ Дуная на сѣвѣръ, должны были занимать земли уже прежде ихъ занятые другими племенами не Славянскими, а посему должны были пробиваться сквозь ихъ, отнимать у нихъ землю. Конечно племена, занимавшія Русскую землю до Славянъ, были не очень сильны и сидѣли разрозненно и неплотно на занятой ими землѣ, и простора было еще много для новыхъ пришельцевъ; но тѣмъ не менѣе Славяне какъ позднѣйшіе пришельцы, и притомъ переселявшіеся не дружно, не всѣ заразъ, а незначительными партіями и въ различное время, естественно по разрозненности своей не могли дѣлать завоеваній, и волей неволей должны были довольствоваться лишь мирнымъ заселеніемъ страны съ согласія старожильцевъ, и толь-

ко въ продолжительные сроки, по мѣрѣ собственнаго усиленія и мирнаго ознакомленія съ старожильцами туземцами, распространять на нихъ свое вліяніе и въ послѣдствіи подчинять ихъ себѣ и ославянивать. Таковое положеніе пришельцевъ Славянъ и первоначальныя ихъ отношенія къ иноплеменникамъ туземцамъ, конечно неласково смотрѣвшимъ на новыхъ людей заселявшихъ ихъ землю, естественно заставляло ихъ жить въ постоянной тревогѣ и съ большою осторожностію. Славяне, по своему шаткому ненадежному положенію на чужой землѣ, могли селиться неиначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины, въ которыя дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь бы кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защищать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; такимъ только образомъ, при такихъ условіяхъ общинной жизни, Славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россіею; ихъ новость поселенія въ незнакомомъ краю, ихъ малочисленность сравнительно съ старожилами туземцами, невольно вынуждали ихъ прибѣгать къ городскому общинному устройству ихъ жизни, которое одно дозволяло имъ сплачиваться въ значительныя массы, въ которыхъ неспрашивалось, кто какого рода и племени, и обезпечивало ихъ отъ нападеній туземцовъ, которые живучи разрозненно не могли нападать съ успѣхомъ на укрѣпленные города. И дѣйствительно Славяне пришельцы большею частію такъ и устроивали свою жизнь въ здѣшнемъ краю; они селились преимущественно городами и подлѣ городовъ подъ ихъ защитою, и такъ много настроили городовъ въ Русской землѣ, что сосѣди ихъ на сѣверо-западѣ, жители Скандинавіи, нынѣш-

ней Швеціи и Норвегіи, иначе не называли Россію того времени, какъ страною городовъ, на ихъ языкѣ Гардарикіею.

Впрочемъ Славянскія племена, пришедшія на Русь не въ одно время, не съ одинаковыми силами, и поселившіяся на огромномъ пространствѣ отъ Чернаго моря до Балтійскаго и Бѣлаго, и не при одинаковыхъ условіяхъ, не всѣ жили одинаково. Иныя изъ нихъ, по обстоятельствамъ времени и мѣста, скорѣе почувствовали необходимость въ общинной и городской жизни, значительными массами; а другія, смотря по мѣстности, еще долго оставались въ родовомъ бытѣ, и жили въ разсыпную, каждый съ своимъ родомъ. Такъ Уличи и Тиверцы, жившіе по берету Чернаго моря отъ Дуная до Днѣстра, скоро прибѣгли къ общинной и городской жизни, древніе отечественные и иноземные писатели уже въ IX вѣкѣ находятъ у нихъ множество городовъ; боевая жизнь на взморьѣ вблизи прежней своей родины, занятой врагами пришельцами, скоро заставила Уличей и Тиверцевъ укрѣпляться въ городахъ. Въ томъ же почти положеніи находились Дулебы, Волыняне. Но не такова была жизнь Полянъ, поселившихся на правомъ берегу Днѣпра, въ мѣстности, кажется, никѣмъ незанятой, удаленной отъ иноплеменниковъ; они, по свидѣтельству лѣтописи, долго жили въ родовомъ бытѣ, въ разсыпную по тамошнимъ горамъ и лѣсамъ, каждый съ своимъ родомъ и только уже въ болѣе позднее время, можетъ быть въ VII столѣтіи по Р. Х., выстроили въ своемъ краю первый городъ Кіевъ на самомъ берегу Днѣпра. Но кажется одни только Поляне пользовались такимъ положеніемъ, которое дозволяло имъ довольно долго оставаться

въ родовомъ бытѣ, по крайней мѣрѣ о нихъ однихъ свидѣтельствуютъ лѣтописи. Напротивъ того ближайшіе сосѣди Полянъ—Древляне, поселившіеся въ болотахъ и лѣсахъ на западъ отъ Полянъ, въ сосѣдствѣ съ Литовскими племенами, при самомъ началѣ поселенія вѣроятно принуждены были строить города, дабы держаться противъ воинственныхъ и дикихъ Литовцовъ жившихъ по Припети. По свидѣтельству лѣтописи Древляне въ IX столѣтіи управлялись князьями, но вмѣстѣ съ князьями въ управленіи принимали сильное участіе лучшіе мужи, держащіе землю, и народныя вѣча или вся земля Древлянская. Но полное и раннее развитіе общиннаго быта представляютъ Ильменскіе Славяне или Новгородцы и ихъ колонисты Полочане, Кривичи и Сѣверяне.

Ильменскіе Славяне или Новгородцы, далѣе другихъ Славянскихъ племенъ врѣзавшіеся въ глубь Финскихъ поселеній и окруженные ими со всѣхъ сторонъ, естественно при самомъ поселеніи должны были начать дѣло съ построенія городовъ и съ полнаго устройства общиннаго быта, который дозволялъ имъ принимать въ свое общество всѣхъ охотниковъ, изъ какого бы племени они ни были. Только симъ способомъ Новгородцы могли отстоять свою самостоятельность и не затеряться между иноплеменниками старожилами; и Новгородцы такъ и поступили: они при самомъ поселеніи выстроили при истокѣ Волхова изъ озера Ильменя Новгородъ, отъ котораго и получили свое названіе Новгородцевъ, и прямо стали управляться вѣчемъ и лучшими мужами. Изъ Новгорода они мало по малу стали выводить колоніи сперва въ ближайшемъ къ Новгороду сосѣдствѣ, а потомъ время отъ времени распространять свои поселенія далѣе и

далѣе, и строить новые города, извѣстные у нихъ подъ именемъ пригородовъ, и вполнѣ зависѣвшіе отъ стараго города. Замѣчательнѣйшими колоніями Новгородцевъ, по свидѣтельству лѣтописи, были: во 1-хъ Полочане поселенные по Западной Двинѣ и имѣвшіе своимъ главнымъ городомъ Полотскъ, при впаденіи Полоты въ Двину; во 2-хъ Кривичи широко разпространившіе свои поселенія при верховьяхъ Западной Двины, Волги и Днѣпра и имѣвшіе своимъ старшимъ городомъ Смоленскъ, построенный на берегу Днѣпра въ верхнемъ его теченіи; и въ 3-хъ наконецъ Сѣверяне, южнѣе всѣхъ удалившіеся отъ Новгорода и занявшіе лѣвый берегъ Днѣпра противъ Полянъ. У нихъ главными и старшими городами были Черниговъ, Переславль и Новгородъ-Сѣверскій. Сіи три старѣйшія Новгородскія колоніи еще до IX вѣка сдѣлались отдѣльными отъ Новгорода и самостоятельными обществами, нисколько независящими отъ своей метрополіи, но съ устройствомъ и характеромъ по преимуществу Новгородскимъ.

Славянскія племена поселившіяся въ Русской землѣ, по свидѣтельству отечественныхъ и иноземныхъ лѣтописей и сказаній, въ девятомъ столѣтіи по Р. Х. были въ слѣдующемъ положеніи. *Уличи и Тиверцы* пользовались независимостію, охраняемые своими многочисленными городами, и были въ сношеніяхъ, иногда мирныхъ, иногда враждебныхъ, съ Византійскими колоніями по берегамъ Чернаго моря; они составляли довольно сильное Славянское поселеніе въ этомъ краю и не имѣли среди себя иноплеменныхъ старожильцевъ. *Дулебы или Волыняне и Бужане*, много страдавшіе отъ Аваровъ въ VII столѣтіи, въ IX вѣкѣ пользовались независимостію и

и можетъ быть на югѣ были обезпокоиваемы Торками и другими степными кочевниками-грабителями, и на сѣверо-западѣ дикими Ятвягами и Литовцами.' *Древляне* жившіе по лѣсамъ и болотамъ, на правомъ берегу Припети, колонизировали земли Литовскія, доходившія на югѣ также до Припети даже въ XII столѣтіи, а въ древности вѣроятно простиравшіяся и за Припеть на на югъ. Племя Древлянъ въ IX вѣкѣ, по свидѣтельству лѣтописей, было довольно сильнымъ и грознымъ для своихъ сосѣдей, какъ Славянъ такъ и не Славянъ, и особенно тѣснило Полянъ, вѣроятно прокладывая себѣ дорогу къ Днѣпру, этой большой торговой дорогѣ, доставлявшей много выгодъ своимъ прибрежнымъ жителямъ. *Поляне* примыкавшіе своими поселеніями прямо къ Днѣпру, по свидѣтельству лѣтописца, извѣстные кротостію своихъ нравовъ, въ IX вѣкѣ имѣли уже богатый городъ Кіевъ и пользовались выгодами Днѣпровской торговли; но выгоды торговли не дали имъ силы, ихъ княжескій родъ къ этому времени вымеръ, и они были обидимы отъ сосѣдей; съ одной стороны ихъ тѣснили Древляне, а съ другой съ юга имъ приходилось защищаться отъ кочевыхъ грабителей Торковъ, и наконецъ они вмѣстѣ съ своими Заднѣпровскими сосѣдями Сѣверянами и Вятичами были покорены сильнымъ Придонскимъ народомъ Хозарами и обложены данью. *Сѣверяне,* подвергавшіеся игу Хозарскому вмѣстѣ съ Полянами, были съ ними въ одинаковомъ положеніи и до Хозарскаго ига; примыкая однимъ бокомъ своихъ владѣній къ Днѣпру, они участвовали вмѣстѣ съ Полянами въ Приднѣпровской торговлѣ, ихъ лодьи съ товарами ходили въ Константинополь, по свидѣтельству

тамошняго Императора Константина Порфиророднаго. Но кромѣ Днѣпра имъ былъ открытъ и другой путь торговли на востокъ; они Окою и потомъ Волгою ходили въ Камскую Болгарію, а Донцомъ и Дономъ въ Хазарію, какъ разсказываютъ Арабскіе писатели. Сѣверяне, будучи колонистами Новгорода, удержали за собою въ основныхъ началахъ и Новгородское устройство: они подобно Новгороду управлялись вѣчемъ и не имѣли Князей. Сосѣди Сѣверянъ *Радимичи* и *Вятичи* выселенцы изъ Польши, жители непроходимыхъ лѣсовъ по Сожѣ и Окѣ, не были извѣстны по торговлѣ и долго считались между сосѣдями за дикарей; имъ пришлось жить между разными мелкими Финскими племенами, которыхъ они не умѣли подчинить себѣ. По свидѣтельству Нестора ихъ привели изъ Польши два родоначальника, или Князя, Радимъ и Вятко, и потомки сихъ родоначальниковъ подъ именемъ князей владѣли ими еще въ XII столѣтіи. *Дреговичи* жившіе между Припетью и Двиною, были въ близкомъ сосѣдствѣ съ южными Литовцами, и по всему вѣроятію, какъ иноплеменники, были съ ними въ постоянной враждѣ. Такимъ образомъ всѣ Славянскія племена, большія и малыя, сильныя и слабыя, жившія въ нынѣшней южной и западной Россіи, въ началѣ IX вѣка не имѣли никакихъ союзовъ одного племени съ другимъ, и жили другъ отъ друга отдѣльно и независимо, и даже иныя болѣе сильныя племена обижали слабѣйшихъ.

Но совсѣмъ не таково было положеніе Славянъ жившихъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, при верховьяхъ Днѣпра, по Западной Двинѣ и Волхову. Весь этотъ обширный край принадлежалъ собственно одному

племени, Славянамъ Волховскимъ или Новгородскимъ и ихъ колонистамъ Кривичамъ и Полочанамъ; слѣдовательно между сими племенами, хотя самостоятельными и отдѣльными, не могло не оставаться нѣкоторыхъ связей другъ съ другомъ. Здѣсь Новгородъ, какъ старѣйшій, какъ метрополія Кривичей и Полочанъ, естественно имѣлъ на нихъ значительное вліяніе; и у сихъ трехъ племенъ много было общаго, родственнаго другъ съ другомъ, чего конечно не было у юго-западныхъ племенъ.

Самое южное, изъ трехъ сѣверныхъ племенъ, Кривичи, какъ уже сказано, жившіе при верховьяхъ Днѣпра, Западной Двины и Волги, было одно изъ многочисленнѣйшихъ и сильнѣйшихъ; его земли на югъ по Днѣпру простирались до границъ Полянъ и Сѣверянъ, а на сѣверо-западъ примыкали почти къ Чудскому озеру, гдѣ былъ Кривскій пригородъ Изборскъ, а прямо на западъ по Неману Кривскія колоніи шли до устья сей рѣки; на сѣверѣ и востокѣ они сходились съ землями Новгородскими и собственно на востокѣ далеко врѣзывались въ поселенія Финскаго племени Мери, почти до нынѣшней Москвы. Преимущественное вниманіе племени Кривичей было обращено на Литовскія племена, гдѣ по Неману Кривичамъ была открыта дорога въ глубь Литовскихъ пущь и лѣсовъ. Здѣсь они заводили свои колоніи и по Березинѣ и по Неману и по ихъ притокамъ, пробираясь постепенно въ глубь страны, гдѣ среди Литовскихъ урочищъ мы встрѣчаемъ многія урочища съ названіями Славянскими, показывающія на раннія поселенія Славянъ въ этомъ Литовскомъ краю; а что Славяне сіи преимущественно были Кривичи, то на это съ одной стороны намекаетъ близкое сосѣдство

Кривичей съ симъ краемъ, а съ другой стороны и то, что Литовцы въ простонародьи и до сего времени Русскихъ называютъ Кривичами, а Русскую землю Кривскою землею, что ясно показываетъ, что Кривичи первые познакомились съ Литовцами, проникли въ ихъ землю и стали заводить тамъ свои колоніи. Кривичи имѣли главнымъ своимъ городомъ Смоленскъ, изъ котораго уже выводили свои колоніи въ разные края по сосѣдству. У Кривичей не было князей, они управлялись вѣчемъ; въ каждомъ городѣ было свое вѣче, но всѣ городскія вѣча подчинялись главному вѣчу Смоленскому, и что постановитъ Смоленское вѣче, по тому и поступали вѣча всѣхъ другихъ городовъ Кривскихъ. Кривичи были народомъ торговымъ, ихъ лодьи съ товарами по Днѣпру внизъ ходили до Чернаго моря, и Чернымъ моремъ даже до Константинополя, а Нѣманомъ и Западною Двиною они доходили до Балтійскаго моря, и тамъ торговали съ Нѣмцами и разными Славянскими племенами живущими въ Померапіи.

Полочане, жившіе на сѣверо-западъ отъ Кривичей по Западной Двинѣ и нѣсколько южнѣе Двины, были хозяевами въ Финскихъ и Латышскихъ земляхъ тамошняго края. Въ нынѣшнихъ Лифляндіи и Курляндіи ихъ колоніи простирались до устья Западной Двины, а въ глубь Литвы до Пултуска, который въ старыхъ нашихъ лѣтописяхъ называется Полтовескомъ, т. е. Полотескомъ, Полотскомъ. Здѣсь въ глубинѣ Литвы по дорогѣ до Пултуска они оставили свои слѣды въ названіяхъ рѣкъ Десны, Бобра и Нарева и въ другихъ урочищахъ, которымъ двойниковъ находимъ въ старыхъ Новгородскихъ владѣніяхъ или въ Новгородскихъ коло-

ніяхъ за Днѣпромъ въ землѣ Сѣверянъ; въ Литовской землѣ Полочане или вмѣстѣ съ своими древними колонистами Кривичами, которые также оставили здѣсь свои слѣды въ урочищахъ Смоленскѣ, Смолиничахъ, Смоляны, Крево и Кривичи. Вообще Литовская земля представляетъ множество названій разнымъ урочищамъ совершенно одинакихъ съ названіями урочищъ въ Полотскихъ и Смоленскихъ владѣніяхъ; тамъ даже есть нѣсколько Новгородовъ и Новгородковъ, въ память Великаго Новгорода, этой общей родины Полочанъ и Кривичей. Объ управленіи у Полочанъ лѣтописи говорятъ: «мужи Полочане управлялись вѣчемъ, также какъ и Великій Новгородъ, и въ каждомъ Полотскомъ городѣ было свое вѣче зависившее отъ главнаго вѣча Полотскаго, и каждый Полотскій пригородъ составлялъ общину точно также, какъ это было въ Новгородѣ и въ Смоленскѣ.»

Новгородъ былъ старѣйшею Славянскою колоніею на сѣверѣ Россіи, въ самой глубинѣ Финскихъ земель, среди Води, Корелянъ, Чуди и другихъ. Есть преданіе, что еще въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Апостолъ Андрей Первозванный былъ у Новгородскихъ Славянъ, во время своего путешествія по Днѣпру и далѣе къ Балтійскому морю. Въ VIII и IX столѣтіяхъ Новгородцы были сильнѣйшимъ племенемъ изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ на Руси. На западъ отъ озера Ильменя, главнаго мѣста поселенія Новгородцевъ, имъ были подчинены Водь, Чудь, Корела и Ямь до самаго Балтійскаго моря; на сѣверо-востокѣ болѣе или менѣе зависѣли отъ нихъ Пермь, Печера, Самоядь, Югра и другія тамошнія племена по берегамъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго Океана до

Уральскихъ горъ; на востокъ отъ Пльмень озера Новгородцы уже имѣли значительныя колоніи на Бѣлѣозерѣ въ земляхъ Финскаго племени Веси, Ростовъ, Суздаль и Галичь Мерскій въ земляхъ Финскаго племени Мери, Муромъ въ земляхъ племени Муромы; далѣе ихъ вліяніе простиралось на Черемису и Мордву, вплоть до владѣній Камскихъ Болгаръ. Съ Камскими Болгарами и Хазарами Новгородцы вели дѣятельную торговлю; они оттуда получали разные Азіатскіе товары, дорогія ткани, золото, серебро, бисеръ и оружіе, а сами доставляли Болгарамъ и Хазарамъ дорогіе соболи и лисьи мѣха, моржевый зубъ и другія произведенія глубокаго сѣвера, высоко цѣнившіяся у Азіатскихъ народовъ, и которыя они сами получали отъ Финскихъ племенъ зависѣвшихъ отъ Новгородцевъ и торговавшихъ съ ними. Товары получаемые отъ Болгаръ и Хазаръ, а равнымъ образомъ изъ Греціи, Новгородцы сбывали своимъ западнымъ сосѣдямъ Скандинавамъ или Норманамъ, съ которыми были въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ черезъ Балтійское море, которое служило большою дорогою и для Скандинавскихъ и для Новгородскихъ лодій или кораблей.

Общественное устройство Новгородцевъ было чисто общинное; въ самомъ Новгородѣ каждая улица, каждый конецъ составляли самостоятельную общину, съ своимъ управленіемъ съ своими общинными уличанскими или кончанскими старостами, а цѣлый городъ былъ союзомъ частныхъ общинъ, управляемымъ народнымъ вѣчемъ и выборными начальниками. Новгородскіе пригороды или колоніи также состояли въ общинномъ бытѣ, управлялись выборными начальниками и мѣстнымъ вѣчемъ; но

пригородскіе начальники и вѣча зависѣли отъ главнаго Новгородскаго вѣча; Новгородское вѣче было закономъ для всѣхъ пригородовъ, какъ прямо сказано въ лѣтописи: «на чѣмъ старшіе сдумаютъ на томъ и пригороды станутъ.» Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что въ Новгородскомъ вѣчѣ участвовали и представители пригородовъ собственно въ важныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ требовалось знать голосъ всей земли Новгородской, т. е. всѣхъ Новгородскихъ пригородовъ.

Обширныя Новгородскія владѣнія, занимавшія собою весь сѣверъ и востокъ нынѣшней Европейской Россіи отъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго Океана до впаденія Оки въ Волгу, и отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ и до владѣній Камскихъ Болгаръ, были главнымъ образомъ пріобрѣтены торговлею и колонизаціею, а не большими военными походами, до которыхъ Новгородцы, какъ народъ торговый, были не охотники. Новгородцы, поселившіеся и выстроившіе свой Новгородъ при истокѣ Волхова изъ Ильмень озера между полудикими Финскими племенами, начинали дѣло распространенія своихъ владѣній сперва торговлею съ ближайшими сосѣдями, а потомъ познакомившись съ ними поближе, сажали на ихъ землѣ небольшую колонію, гдѣ нибудь въ удобномъ мѣстѣ при рѣкѣ и, разумѣется, въ укрѣпленномъ городкѣ; эта колонія садилась сначала только для бо́льшихъ удобствъ торговли, для ближайшей складки товаровъ, а потомъ мало по малу подчиняла туземцевъ себѣ и облагала данью во имя Господина Великаго Новгорода. Въ послѣдствіи когда ближайшіе туземцы болѣе или менѣе попривыкали къ Новгородскимъ колонистамъ и принимали ихъ обычаи, то далѣе въ глубь туземныхъ лѣсовъ

и болотъ выдвигалась новая колонія также съ укрѣпленнымъ городкомъ и продолжала дѣлать тоже. Далѣе по времени выдвигалась еще новая колонія, и такимъ образомъ незамѣтно росли колоніи и съ ними вмѣстѣ распространялись владѣнія Новгородцевъ. Разумѣется власть Новгорода не во всѣхъ владѣніяхъ была одинакова; земли ближайшія къ Новгороду и слѣдовательно колоніи или пригороды старѣйшіе находились въ болѣе тѣсной связи съ Новгородомъ, тамошніе туземцы отъ ближайшихъ и болѣе продолжительныхъ сношеній незамѣтно принимали всѣ Новгородскіе обычаи и сливались съ Новгородскими поселенцами въ своемъ краю. А по мѣрѣ отдаленія земель отъ Новгорода слабѣла и связь тамошнихъ жителей съ Новгородцами; такъ что въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ, въ земляхъ Печеры, Югры и другихъ вся связь съ Новгородомъ ограничивалась временнымъ сборомъ дани и торговлею, для чего каждогодно или черезъ годъ, или черезъ два, смотря по мѣрѣ отдаленія, высылались туда Новгородскіе данщики съ небольшими воинскими отрядами и караванами купцовъ, которые везли туда товары требуемые туземцами и брали у нихъ тамошніе товары, и въ тоже время собирали дань или ясакъ для Новгорода, а въ случаѣ сопротивленія прибѣгали къ силѣ, и собирали дань изъ неволи.

Важнымъ пособіемъ для Новгородцевъ въ распространеніи владѣній и торговли служилъ обычай повольничества. Въ Новгородѣ точно также, какъ и въ сосѣдней Скандинавіи, молодые люди не сидѣли дома, но обыкновенно въ продолженіе годовъ кипучей молодости странствовали по сосѣднимъ землямъ за тѣмъ, чтобы себя

показать и людей посмотрѣть, а при случаѣ и понажиться, если рука подойдетъ. Такіе странствователи въ Скандинавіи назывались королями моря, потому что странствовали и разбойничали преимущественно по морямъ; въ Новгородѣ же ихъ называли повольниками, потому что они предпринимали свои походы не по чьему либо приказанію, а по своей волѣ. Повольники сіи обыкновенно собирались небольшими ватагами, по зову самыхъ удалыхъ и бывалыхъ молодцовъ, и построивъ лодьи отправлялись внизъ по рѣкамъ въ глубину невѣдомыхъ и непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ; въ сихъ походахъ они переносили страшныя трудности, возможныя только для людей молодыхъ и цвѣтущихъ здоровьемъ, или уже выдержанныхъ, закаленныхъ въ трудѣ удальцовъ; ихъ ничто не удерживало на пути, они перетаскивали свои лодьи изъ одной рѣки въ другую; встрѣчаясь съ горами, гдѣ лодій тащить нельзя, оставляли ихъ въ скрытыхъ мѣстахъ и переходили горы и пропасти сухопутьемъ, неся на своихъ плечахъ самые необходимые припасы; а перешедши горы и встрѣтившись вновь съ какою либо рѣкою, строили новыя лодьи и продолжали путь водою. Нашедши гдѣ либо невѣдомое поселеніе лѣсныхъ жителей, повольники начинали дѣло торговлею, предлагали свои товары на обмѣнъ ихъ товаровъ; потомъ ежели замѣчали, что новые знакомцы имъ по силамъ, начинали грабить, или облагали данью во имя Великаго Новгорода, а ежели новые знакомцы были имъ не по силамъ, то ограничивались торговлею и вывѣдываніемъ чѣмъ они богаты и въ чемъ нуждаются. Таковые походы иногда продолжались по нѣскольку лѣтъ; бывали случаи, что иные повольники возвращались домой еле живы, обо-

дранные, заморенные и избитые, а иные и вовсе погибали на чужой сторонѣ; но за то другіе возвращались домой съ большими богатствами пріобрѣтенными добычею и торговлею, и сообщали Новгородцамъ важныя свѣдѣнія о новооткрытыхъ земляхъ и народахъ, и о томъ въ чемъ нуждаются ихъ новые знакомцы, каковы они, и какую можно получить отъ нихъ пользу. И по симъ свѣдѣніямъ и подъ руководствомъ самихъ же повольниковъ Новгородцы начинали торговлю съ новооткрытыми людьми, и смотря по удобству подчиняли ихъ своему вліянію, и ежели можно заводили тамъ свои колоніи, строили городки и населяли ихъ тѣми же повольниками, или другими охотниками изъ старыхъ городовъ. И такимъ образомъ торговля и колоніи Новгородцевъ раздвигались при помощи повольниковъ, а вмѣстѣ съ колоніями росло богатство и могущество Новгорода Великаго. А приволье, свобода, которыми одинаково пользовались въ Новгородѣ всѣ, свои и пришельцы, манили туда охотниковъ изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ; особенно много молодцовъ приходило къ Новгородцамъ изъ сосѣдней Скандинавіи и Помераніи, которыхъ у насъ тогда называли Варягами и Волотами, такъ что таковыми выходцами заселялись цѣлыя улицы, погосты и даже города. Въ половинѣ IX вѣка вліяніе Новгорода по всему сосѣдству такъ было велико, что Новгородцы успѣли снова присоединить къ себѣ въ союзъ племена Кривичей и Полочанъ, своихъ старинныхъ колонистовъ.

Въ 859 году по Р. Х., съ Новгородцами случилось несчастіе; на нихъ, по свидѣтельству лѣтописи, напало какое-то племя Варяговъ и взяло дань не только съ Славянъ Ильменскихъ, но и съ Чуди, Мери, Веси и Кри-

вичей; по всему вѣроятію это нападеніе и дань были не болѣе какъ набѣгъ и грабежъ какой-либо многочисленной толпы Скандинавскихъ удальцовъ, которые воспользовавшись случаемъ, когда удальцы Новгородскіе были въ разбродѣ, проникли на своихъ корабляхъ Невою въ Ладожское озеро и потомъ Волховомъ до Новгорода и разбрелись грабить далѣе и у сосѣднихъ Кривичей, и у Чуди, и у Мери и Весп, но нигдѣ не могли утвердиться на долго; а посему когда снова пришли за данью, то были прогнаны Новгородцами. Между тѣмъ въ самомъ Новгородѣ началась большая разладица, разныя племена, подчиненныя Новгородцамъ и на общинныхъ началахъ принятыя въ составъ Новгородской земли, какъ союзники, пользуясь временнымъ несчастіемъ самаго Новгорода, начали медоусобствовать и производить раздоры, такъ что, по выраженію лѣтописи, *возсталъ родъ на родъ, и воевати почаша сами на себя*, и все начинало грозить раззореніемъ и распаденіемъ Новгородскаго союза. Чтобы прекратить такія междоусобія Новгородцы какъ старѣйшіе, какъ начальные въ союзѣ, въ 862 году созвали въ Новгородъ большое вѣче, на которое были приглашены и Чудь и Кривичи, какъ болѣе сильные и важные члены Новгородскаго союза. На этомъ вѣчѣ было рѣшено—съискать Князя, который бы принялъ управленіе всею Новгородскою землею и судилъ и рядилъ по исконнымъ Новгородскимъ обычаямъ и по взаимному договору и согласію. На томъ же вѣчѣ, на которомъ рѣшено было искать князя, который бы владѣлъ Новгородскимъ союзомъ и судилъ по праву, было порѣшено отправить посольство за море къ Варягамъ Руси, и просить тамошнихъ князей, чтобы они шли править Новгородскою.

землею. Выборъ Новгородскаго вѣча палъ на Варяговъ Русь; потому что это племя, жившее по обѣимъ берегамъ Ботническаго залива, было ближайшимъ къ Новгороду и находилось въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Новгородцами, такъ что часть этаго племени еще прежде переселилась въ Новгородскую землю, и построила себѣ тамъ городъ старую Русь. Посольство Новгородцевъ Чуди и Кривичей, отправившееся къ Варягамъ Руси, сказало тамошнимъ Князьямъ братьямъ Рюрику, Синеусу и Трувору: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; идите княжить и володѣть нами. Князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ приняли это приглашеніе, и съ своими родственниками и со всѣмъ племенемъ Руси отправились въ Новгородскую землю.

—

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ ИЗЪ ПЛЕМЕНИ ВАРЯГОВЪ-РУСИ.

Прибывшимъ по приглашенію Варяго-Русскимъ князьямъ Новгородцы по договору дали въ непосредственное управленіе и для житья, — Рюрику Ладогу при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, Синеусу Бѣлоозеро въ землѣ, гдѣ Новгородская колонія была поселена въ племени Веси, и Трувору Изборскъ подлѣ Чудскаго озера принадлежащій Кривичамъ; во всѣхъ же прочихъ городахъ обширнаго Новгородскаго владѣнія управленіе осталось за Новгородскимъ вечѣмъ и Новгородскими мужами, только отъ имени князей и съ платежемъ Князьямъ опре-

дѣленныхъ сборовъ. Но черезъ два года по прибытіи Рюриковы братья Синеусъ и Труворъ умерли; и Рюрикъ, усилившись ихъ дружинами и городами, передвинулся изъ Ладоги къ самому Новгороду, и на противоположномъ берегу Волхова выстроилъ себѣ крѣпость, которую также назвалъ Новгородомъ, и началъ раздавать своимъ мужамъ города, — кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро, приказавши имъ строить тамъ себѣ крѣпости и управлять землею отъ его имени. Таковое самовольное распоряженіе Рюрика, такъ обезпокоило многихъ Новгородцовъ, особенно удалую вольницу, что они, подъ начальствомъ своего выборнаго воеводы Вадима Храбраго, возстали на Рюрика; но это возстаніе не имѣло успѣха, лучшіе, богатѣйшіе и старѣйшіе Новгородцы не приняли въ немъ участія; и Рюрикъ въ кровопролитной битвѣ убилъ Вадима, а его товарищей принудилъ бѣжать изъ Новгорода. Потомъ года черезъ два Новгородцы, опять не всѣ, а только часть, снова возстали на Рюрика и кричали на вѣчѣ, бѣда намъ отъ этого Князя, быть намъ рабами у него и его потомковъ! Но и это возстаніе не имѣло успѣха и недовольные убѣжали въ Кіевъ. Даже дружинники, приведенные изъ Варяжской земли, не всѣ были довольны Рюрикомъ, или житьемъ ихъ въ Новгородѣ, и часть ихъ, самые удалые и безпокоіиные, подъ предводительствомъ братьевъ Аскольда и Дира, оставили службу у Рюрика и отправились внизъ Днѣпромъ искать службы въ Константинополѣ, въ Греціи, гдѣ охотно принимали Варяговъ и давали имъ хорошее жалованье. Но идя внизъ по Днѣпру, Аскольдъ и Диръ съ своею дружиною подошли къ Кіеву, и узнавши, что тамошніе жители платятъ дань

Хазарамъ, обѣщалпсь защищать ихъ отъ Хазаръ и остались княжить въ Кіевѣ, и оттуда даже ходили воїною на Константинополь, и потерпѣли тамъ большое пораженіе отъ возставшей морской бури, которая разогнала и частію потопила ихъ лодьи. Рюрикъ, прокняживъ въ Новгородѣ семнадцать лѣтъ, скончался въ 879 году, и за малолѣтствомъ своего сына Игоря передалъ управленіе своему родственнику Олегу.

Олегъ прожилъ мирно съ Новгородцами только два года; но ему тѣсно было жить въ Новгородѣ, тамошнее вѣче не давало ему большей воли; и онъ на третій годъ собравъ свою дружину и вольницу изъ Чуди, Славянъ и Кривичей, и взявши съ собою малолѣтнаго Игоря, оставилъ Новгородъ, и плывя по Днѣпру занялъ сперва Смоленскъ по согласію съ тамошними жителями Кривичами, и посадилъ въ Смоленскѣ своихъ мужей, потомъ взялъ Любечь, также по согласію съ тамошними жителями, и отъ Любеча двинулся по Днѣпру къ Кіеву. Зная что тамъ сидятъ Аскольдъ и Диръ, удалые Варяги, съ которыми драться не совсѣмъ прибыльно, Олегъ противъ нихъ употребилъ хитрость; онъ скрылъ воиновъ въ лодьяхъ, а другихъ оставилъ назади, самъ же подошелъ къ Кіеву, и остановясь подъ Угорскимъ, послалъ сказать Аскольду и Диру, что прибылъ гость отъ Олега и Княжича Игоря идущій въ Греки, придите повидаться съ нимъ, вашимъ однозсмцемъ и родственникомъ, Аскольдъ и Диръ пришли въ лодью и были убиты воинами Олега; послѣ чего Кіевъ призналъ Олега своимъ княземъ.

Занявши Кіевъ, Олегъ такъ полюбилъ этотъ городъ, что остался тамъ жить и назвалъ его матерью городовъ Русскихъ; съ нимъ вмѣстѣ остались тамъ Варяжская

дружина и вольница приведенная изъ Новгорода; и съ сего времени (съ 882 года) Приднѣпровье, или Кіевская сторона стала называться Русскою землею, а владѣнія Новгорода Новгородскою землею. Сдѣлавшись самостоятельнымъ, независимымъ отъ Новгородскаго вѣча Княземъ, Олегъ впрочемъ не отказался и отъ Рюриковскихъ правъ на Новгородскую землю: тамошніе города и области, уступленные Рюрику, по прежнему остались подъ управленіемъ Олеговыхъ мужей, и онъ изъ Кіева назначилъ, чтобы ему, какъ прежде Рюрику, платили дань Кривичи, Славяне Ильменскіе и Меря, и сверхъ того условился съ Новгородцами, чтобы они каждогодно присылали по 300 гривенъ его Варягамъ для мира, вѣроятно за свободную торговлю по Днѣпру черезъ Кіевъ. Уладившись съ Новгородцами и ихъ союзниками, Олегъ принялся воевать съ своими ближайшими сосѣдями, и прежде всего напалъ на Древлянъ, которые обижали Полянъ, и одолѣвши ихъ наложилъ на нихъ дань по черной кунѣ; потомъ переправился на лѣвый берегъ Днѣпра и обложилъ данью Радимичей и Сѣверянъ, платившихъ до него дань Хозарамъ; онъ сказалъ имъ: не платите дани Хазарамъ, я буду защищать васъ. Подчинивши Сѣверянъ и Радимичей, Олегъ опять перешелъ на правый берегъ Днѣпра и началъ воевать съ Уличами и Тиверцами, съ двумя самыми сильными племенами на югѣ Россіи; война эта тянулась долго, и чѣмъ кончилась неизвѣстно; только кажется Олегъ здѣсь въ первый разъ увидалъ Черное море и задумалъ начать войну съ Греками; впрочемъ до этой войны прошло еще слишкомъ двадцать лѣтъ. Въ это время Игорь успѣлъ вырость и жениться, а воинственный Олегъ продолжалъ

воевать съ разными сосѣдними Славянскими племенами на западѣ и доходилъ въ своихъ походахъ до Хорватовъ; конечно войны сіи были не болѣе какъ набѣги для грабежа и добычи, чтобы обогатить князя и дружину. О покореніи новыхъ племенъ въ это время мы не имѣемъ извѣстій.

Наконецъ въ 907 году Олегъ, собравши большое войско изъ разныхъ сосѣднихъ племенъ, изъ приведенныхъ изъ Новгорода Варяговъ, изъ Новгородской вольницы, изъ Чуди, Кривичей и Мери, на двухъ тысячахъ лодій вступилъ въ Черное море и спустился къ Царюграду или Константинополю. Греки, чтобы не допустить Олега къ городу, заперли проливъ; но это неудержало удалаго князя: онъ велѣлъ вытащить свои лодьи на берегъ, поставить на колеса, и, распустивъ паруса, при помощи попутнаго вѣтра двинулся сухопутьемъ къ городу, и началъ все жечь и грабить по дорогѣ. Греки, неимѣвшіе въ это время достаточно войска въ городѣ, такъ перепугались, что сочли за лучшее откупиться, и согласились заплатить Олегу дань по 12 гривенъ на каждую лодью, и сверхъ того дать уклады на Русскіе города: на Кіевъ, Черниговъ, Переславль и другіе, которые непосредственно были подчинены Олегу и гдѣ сидѣли князья имъ поставленные. Получивши такую богатую добычу и выговоривши разныя льготы Русскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ торговать въ Грецію, Олегъ съ большою славою и богатствомъ возвратился въ Кіевъ; Кіевляне и другія сосѣднія племена, удивленные большими богатствами, принесенными Олегомъ изъ Греціи и слышавши разсказы о его подвигахъ подъ Константинополемъ, прозвали его вѣщимъ, т. е. чародѣемъ.

Черезъ четыре года по возвращеніи изъ Греческаго похода, Олегъ отправилъ посольство въ Грецію для заключенія новаго мирнаго договора съ тамошними Императорами Львомъ и Александромъ. Что заставило Олега вступить въ новый договоръ съ Греками и отправить къ нимъ свое посольство, лѣтописи не упоминаютъ, но изъ самыхъ словъ этого договора, сохраненнаго лѣтописцемъ, уже видно, что главная забота Олега здѣсь состояла въ томъ, чтобы упрочить торговлю Руси съ Греками, чтобы сколько можно отстранить поводы къ ссорамъ и несогласію. Въ договорѣ нѣтъ ни слова ни о данп, ни объ укладахъ ни о другихъ требованіяхъ насилія; статьи договора говорятъ только объ опредѣленіи мирныхъ безъобидныхъ отношеній между Греками и пріѣзжающими къ нимъ Руссами, о взаимномъ вспомоществованіи мореходцевъ Греческихъ и Русскихъ, и о свободной продажѣ и покупкѣ товаровъ. Олеговы послы были приняты радушно и дружелюбно, Императоръ Константинопольскій приставилъ къ нимъ особаго мужа, чтобы показать имъ красоту и богатство церквей и дворцовъ Константинопольскихъ, и на отпускѣ почтилъ богатыми дарами, золотомъ, драгоцѣнными тканями и дорогими одеждами.

Заключивши миръ съ Греками, Олегъ скончался осенью 912 года. О кончинѣ его лѣтописецъ разказываетъ слѣдующее преданіе: «И жилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми странами, княжа въ Кіевѣ. И настала осень и вспомнилъ Олегъ про своего коня, котораго поставилъ кормить и на которомъ давно уже не ѣздилъ. Потому что прежде когда то онъ спросилъ волхвовъ и кудесниковъ, отъ чего мнѣ умереть? и одинъ кудесникъ сказалъ ему:

«Князь тебѣ умереть отъ коня, на которымъ ты ѣздишь и котораго любишь». Олегъ подумалъ объ этомъ и сказалъ: «никогда же не сяду на этого коня, и не увижу его болѣе», и приказалъ кормить его и не подводить къ себѣ. И такъ прошло много лѣтъ, конь оставался безъ дѣла; потомъ Олегъ вспомнилъ о немъ и, призвавъ старѣйшину конюховъ, спросилъ: «гдѣ конь, котораго я поставилъ на кормъ и приказалъ беречь? старѣйшина отвѣчалъ: «конь умеръ». Олегъ засмѣялся и въ укоризну кудеснику сказалъ: «что они говорятъ эти волхвы, все пустяки и ложь, конь умеръ, а я живъ». И приказалъ осѣдлать себѣ другаго коня, и пріѣхавъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя конскія кости и черепъ, слѣзъ съ коня и ступивши ногою на черепъ, съ насмѣшкою сказалъ: «отъ сего ли лба умереть мнѣ». А въ это время выползла изъ конскаго черепа змѣя и укусила Олега въ ногу. Отъ этого Олегъ разболѣлся и умеръ. Далѣе лѣтописецъ продолжаетъ: «и плакали всѣ люди великимъ плачемъ по Олегѣ, и понесли его и похоронили на горѣ, что называется Щековица; и до сего дни цѣла его могила, и слыветъ Ольгова могила».

По смерти Олега Русскимъ княземъ въ Кіевѣ, во всѣмъ Приднѣпровьѣ и въ Новгородѣ, сдѣлался Рюриковъ сынъ Игорь. Этому князю тогда было около тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Игорь сидѣвшій дома и не извѣстный никакими воинскими подвигами во все княженіе Олега, кажется также мирно думалъ начать свое княженіе, какъ мирно кончилъ свое Олегъ. Но что было возможно для стараго Олега посѣдѣвшаго въ битвахъ, то оказалось не совсѣмъ удобнымъ для молодаго Игоря, только что начавшаго княжить. Не стало стараго грозь-

наго князя и все пошло иначе; на первомъ же году Игорева княженія заратились Древляне и Уличи примученные Олегомъ, и въ тоже время буйные дружинники, наскучившіе миромъ въ послѣдніе годы Олегова княженія, пустились сами мимо князя искать войны и добычи. Они въ 913 году на пятистахъ лодьяхъ явились въ устьѣ Дона, и подплывъ къ Хазарской заставѣ, выпросили у Хазарскаго Кагана пропускъ на Волгу и въ Хазарское или Каспійское море, обѣщая за то половину добычи, какую возмутъ въ Прикаспійскомъ краѣ; и перетащивши волокомъ свои лодьи съ Дона на Волгу, пустились Волгою въ Каспійское море и начали грабить прибрежныхъ жителей. Въ этомъ походѣ Руссы новольники (т. е. дружинники оставившіе Игоря) проникли до Адербейджана; они всюду являлись нечаянно, били мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ, грабили богатства, и опустошивши одно мѣсто, удалялись на острова; и потомъ снова нечаянно являлись въ другомъ мѣстѣ, также дѣлали нападеніе, разбивали противниковъ, грабили, опустошали и опять удалялись. Тамошніе жители, собравшись съ силами, хотѣли окружить ихъ на островахъ, но были разбиты на голову. Руссы проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на морѣ и награбивъ, множество добычи и плѣнницъ, отправились обратно къ устью Волги, и отсюда послали Хазарскому Кагану условленную часть добычи. Но Музульмане, жившіе въ Хазарской землѣ и состоявшіе на службѣ у Кагана, въ числѣ пятнадцати тысячь напали на Руссовъ и вступили въ битву, желая поживиться чужимъ грабежемъ; три дня жестоко дралась Русская волынца, много побила Музульманъ; но наконецъ и сама была подавлена мно-

гочисленностію непріятелей; изъ Руссовъ одни пали въ битвѣ, другіе потонули въ рѣкѣ, а часть принуждена была бѣжать и истреблена по дорогѣ Буртасами и Камскими Болгарами.

Но въ то время, какъ Олеговы дружинники, оставившіе Игоря, въ качествѣ повольниковъ, промышляли на берегахъ Каспійскаго моря, самъ Игорь и дружина, оставшаяся при немъ, не были безъ дѣла: Игорь отправился на заратившихся Древлянъ, а воеводу своего Свенельда послалъ на Уличей, предоставивъ ему собирать дань съ этого племени на себя и на свою дружину. Съ Древлянами Игорь управился скоро, и примучивъ ихъ, наложилъ дань больше Олеговой и возвратился въ Кіевъ; но многочисленные Уличи, имѣвшіе много городовъ по Днѣстру почти до моря, долго не поддавались Свенельду, и онъ, чтобы примучить ихъ и добиться дани, три года осаждалъ ихъ главный городъ Пересѣченъ, и и едва успѣлъ взять его.

Между тѣмъ на другой годъ послѣ Игорева похода въ Древлянскую землю, появился на границахъ приднѣпровской Руси новый незнакомый народъ—Печенѣги, выдвинувшіеся изъ Азіатскихъ степей; но они на первый разъ мирно встрѣтились съ Русскими, и заключивши съ Игоремъ миръ, удалились къ западу. Впрочемъ это прошла только передовая Печенѣжская орда, а за нею шли еще семь ордъ, одна другой сильнѣе и неукротимѣе. Первая, заключивъ миръ съ Игоремъ, продвинулась до Дуная и вступила въ союзъ съ Греками противъ Дунайскихъ Болгаръ; за нею прошли еще три орды; онп также перебрались на западъ за Днѣпръ и заняли пространство отъ Чернаго моря до Венгерскоп зем-

ли и до южныхъ предѣловъ Руси; за тѣмъ еще четыре орды, не переходя Днѣпра, заняли всѣ степи отъ Волги почти до Днѣпра и до моря, такъ что поставили свои кочевья прямо за Семью, Сулою и Супоемъ, по тогдашнимъ границамъ придиѣпровской Руси. При такомъ близкомъ сосѣдствѣ спльныхъ и безпокоiйныхъ кочевниковъ-грабителей, не смотря на миръ заключенный первою ордою, дѣло не обходилось безъ грабежей отъ сосѣднихъ Печенѣговъ; и въ 920 году Игорь былъ вынужденъ воевать съ ними. Чѣмъ кончилась эта война, лѣтописи не говорятъ; но нѣтъ сомнѣнiя, что дружина Игорева, преимущественно состоявшая изъ воиновъ Олеговыхъ, опытныхъ боiйцовъ, дала себя знать дикимъ кочевникамъ-Печенѣгамъ, и хотя на короткое время укротила ихъ набѣги и грабежи.

Управившись съ Печенѣгами, Игорь на другой же годъ сталъ собираться въ какой-то дальнiй походъ, собралъ множество ратниковъ и наготовилъ кораблей; но походъ не состоялся, Игорь остался дома. Лѣтопись намъ не говоритъ, что заставлю Игоря отложить походъ; но по всему вѣроятiю его остановили новыя толпы Печенѣговъ, въ это время постоянно надвигавшiя съ востока на западъ къ предѣламъ Русской земли, и такъ продолжалось не годъ, не два, а цѣлые двадцать лѣтъ. Въ продолженiи всего этого времени Игорь долженъ былъ сидѣть дома и сторожить Русскую землю отъ этихъ незваныхъ гостей, однимъ появленiемъ своимъ наводившихъ ужасъ на всѣхъ сосѣдей, и ждать пока гости сiи немного поусядутся по мѣстамъ и поугомонятся. Наконецъ долго тяготѣвшее надъ Приднѣпровскою Русью томительное ожиданiе, когда перестанутъ подходить новыя

толпы Печенѣговъ, кончилось; всѣ орды Печенѣжскія заняли свои мѣста, новыхъ полчищъ болѣе не являлось. И Игорь на старости лѣтъ (ему тогда было около 64 лѣтъ отъ роду) въ 941 году отправился въ походъ на Константинополь. Но этотъ походъ не удался, старикъ Игорь воротился домой потерпѣвъ пораженіе; Греки сперва разбили его на морѣ, потомъ на сушѣ, и наконецъ опять на морѣ. Игоревы воины, воротившіеся домой, разсказывали: Греки съ своихъ лодій жгли насъ, пуская какой-то огонь, аки молнію, что на небесахъ, и потому мы не могли одолѣть ихъ.

Воротившись домой съ неудачнаго Греческаго похода, Игорь снова сталъ готовиться на Грековъ; но войска у него сильно поубавилось въ минувшемъ походѣ, и онъ послалъ кличь къ охотникамъ, къ повольникамъ, кого разбираетъ охота промыслить славы и добычи въ далекой Греческой землѣ, славной своими богатствами. Сборы продолжались цѣлыхъ два года; дружина скоплялась не вдругъ, охотники шли по мѣрѣ распространенія вести о походѣ, одни подзывали другихъ, строили лодьи, снаряжались и пѣшіе и конные, и всѣ готовили необходимые запасы на дорогу. Недовольствуясь своими охотниками, Игорь нанялъ сосѣднихъ Печенѣговъ и послалъ за море къ Варягамъ, приглашая тамошнихъ удальцовъ принять участіе въ Греческомъ походѣ. Созвавши такимъ образомъ многочисленную рать, Игорь въ 944 году отправился во второй походъ на Грековъ; спустившись внизъ по Днѣпру, по этой большой Греческой дорогѣ изъ Русской земли, его сборная рать шла и въ лодьяхъ и на коняхъ. Корсунцы, Греческіе колонисты на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, узнавши объ этомъ,

послали сказать Грѣческому Царю Роману: «идутъ Русь, кораблямъ ихъ нѣтъ числа, покрыли море кораблями. А также и Дунайскіе Болгары подали вѣсть, что идутъ Русь и наняли Печенѣговъ. Царь, получивши такія вѣсти и разсчитавши, что дешевлѣ обойдется купить миръ у Игоря за деньги, чѣмъ воевать съ неугомоннымъ старикомъ, послалъ къ Игорю лучшихъ своихъ бояръ съ такими рѣчьми:» не ходи, но возми дань, какую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани. А также отправилъ къ Печенѣгамъ множество дорогихъ тканей и золота. Игорь, дошедъ до Дуная, созвалъ свою сборную дружину на думу и передалъ ей рѣчи царевыхъ посланниковъ. И дружина отвѣчала Игорю: «коли царь говоритъ такъ, чего же намъ еще, небившись взять золото и серебро и дорогія ткани; по чемъ знать, кто одолѣетъ мы ли, они ли? или кто съ моремъ совѣтенъ: мы теперь идемъ не по земли, а по глубинѣ морской, здѣсь общая смерть всѣмъ». Игорь послушалъ дружины и повелѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю; а самъ, взявши отъ Грековъ золото и дорогія ткани на себя и на всѣхъ воевъ, поворотилъ назадъ и пришелъ домой въ Кіевъ хвалиться богатою добычею.

Но не вся вольница, участвовавшая въ настоящемъ Греческомъ походѣ, воротилась въ Кіевъ, а напротивъ самые удалые и неугомонные изъ нихъ, нежелая, чтобы ихъ приготовленія къ походу пропали даромъ, и разчитавши, что отъ Дуная имъ легче пробраться въ какой либо богатый край, нежели снова снаряжаться и начинать походъ изъ Кіева или Новгорода и Скандинавіи, рѣшились невозвращаясь домой, прямо отъ Дуная или отъ устьевъ Днѣпра идти знакомымъ уже путемъ по

Дону и Волгѣ въ Каспійское море. Спустившись въ Каспійское море, Игоревы повольники поднялись вверхъ по Курѣ и проникли до главнаго тамошняго города Берды, разбили высланныя противъ нихъ войска и заняли этотъ городъ. Мусульмане, тамошніе жители, собрались было противъ нихъ; но опять были разбиты и обратились въ бѣгство; потомъ правитель тамошняго края собралъ противъ Руссовъ 30,000 войска, но также былъ разбитъ; и Руссы довольно долго владѣли Бердою, и оттуда одинъ разъ сдѣлали набѣгъ почти до Тебриза. Но излишнее употребленіе плодовъ произвело между Руссами заразительную болѣзнь, отъ которой много ихъ погибло. Тамошній правитель, пользуясь такимъ обстоятельствомъ, снова напалъ на Руссовъ, и послѣ жестокой битвы принудилъ ихъ запереться въ Бердайской крѣпости, здѣсь болѣзни еще болѣе ихъ ослабили; и они, собравъ лучшее имущество, удалились и ихъ никто не смѣлъ преслѣдовать. Дальнѣйшая судьба этой Русской вольницы намъ неизвѣстна; мы не знаемъ добрались ли они домой, или погибли на обратномъ пути, какъ это нерѣдко случалось съ Новгородскими повольниками или ушкуйниками.

Между тѣмъ миръ, заключенный Игоремъ въ устьяхъ Дуная, вскорѣ оказался неудовлетворительнымъ, и Греческіе Императоры отправили своихъ пословъ въ Кіевъ заключить новый мирный договоръ; Игорь же, переговоривъ съ Греческими послами, самъ также отправилъ своихъ пословъ въ Константинополь, которые и написали тамъ новый договоръ. Основная и главная мысль этого новаго договора состояла въ томъ, что Грекамъ хотѣлось сократить пріѣздъ Русской безпокойной вольницы

въ Константинополь. Для этой цѣли настоящимъ договоромъ было постановлено, чтобы послы и купцы Русскіе, пріѣзжающіе въ Константинополь, предъявляли отъ Русскаго Князя грамоту, сколько съ ними отправлено кораблей, дабы Грекамъ по грамотѣ было извѣстно, что корабли пришли съ миромъ, а не для грабежа; пріѣхавшихъ же безъ княжей грамоты Греки имѣли право взять и держать подъ стражею до тѣхъ поръ, пока перешлются о нихъ съ Русскимъ Княземъ. Мало этого, Греки включили въ договоръ и другое ограниченіе: они потребовали, чтобы Руссы не только не нападали на Корсунскіе города, состоявшіе подъ покровительствомъ Грековъ, и не мѣшали Корсунцамъ ловить рыбу въ Днѣпровскомъ устьѣ, но чтобы Руссы и не зимовали въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ, и у острова Св. Эльферія. Сіи заботы Грековъ, высказанныя въ договорѣ, ясно показываютъ, что не даромъ же въ это время Черное море называлось Русскимъ моремъ; ясно что Русская вольница тогда рыскала по Черному морю изъ конца въ конецъ и не давала покоя ни Грекамъ, ни ихъ колонистамъ Корсунцамъ.

Отпустивши Греческихъ пословъ въ 945 году, Игорь, когда наступила осень, сталъ думать о походѣ на Древлянъ, замышляя взять съ нихъ большую дань. Ходить за сборомъ дани съ побѣжденныхъ племенъ въ то время было обычнымъ дѣломъ у Русскихъ Князей, и они для этого каждую осень отправлялись съ дружиною къ тому или другому племени. Но, кажется, устарѣвшій Игорь давно уже этимъ не занимался самъ, а посылалъ своего воеводу Свенельда, имѣвшаго свою дружину отдѣльно отъ Игоревой. А посему Игорева дружина, за-

видуя Свенельдовой дружинѣ, стала говорить Князю: «Отроцы Свенельжи изодѣлися оружіемъ и платьемъ, а мы наги, пойди Княже съ нами въ дань, да и ты добудешь и мы.» Игорь послушалъ дружины, отправился за данью въ Древлянскую землю, началъ тамъ дѣлать большія грабежи и насилія, и собравъ столько дани, сколько никогда не собиралось съ Древлянской земли, поворотилъ уже назадъ къ Кіеву; но на дорогѣ раздумалъ, и, сказавъ дружинѣ, — ступайте съ данью домой, а я похожу еще, — самъ съ немногими дружинниками снова пошелъ грабить. Древляне услыхавши объ этомъ, составили съ своимъ княземъ, Маломъ, думу и разсудили, что «ежели волкъ повадится къ овцамъ, то потаскаетъ все стадо, ежели его не убьютъ; такъ точно и сей, ежели его не убьемъ, всѣхъ насъ погубитъ». И послали сказать Игорю: «ты побралъ всю дань, зачѣмъ же идешь опять.» Но Игорь ихъ не послушалъ, и Древляне, вышедши изъ своего города Коростеня, убили Игоря и малочисленную дружину его и похоронили подъ Коростенемъ.

Въ то время, какъ Древляне убили Игоря, сынъ его Святославъ былъ еще малолѣтенъ и находился въ Кіевѣ при своей матери Ольгѣ. Ольга по Русскому обычаю заступила мѣсто покойнаго мужа, и стала править Кіевомъ и всею Русью; она воспитаніе сына поручила одному дружиннику Асмуду, какъ это обыкновенно дѣлалось въ тогдашнее время и на Руси и въ Скандинавіи, а воеводой, т. е. предводителемъ княжей дружины, назначила Свенельда, извѣстнаго уже покорителя Тиверцевъ и Уличей.

Древляне, убивши Игоря, порѣшили на своемъ вѣчѣ

такъ: «вотъ мы убили Русскаго Князя, возмемъ жену его за своего Князя Мала, а съ Святославомъ сдѣлаемъ, что захочемъ.» Принявши такое рѣшеніе, они отправили къ Ольгѣ 20 человѣкъ лучшихъ мужей, которые, пришедши въ Кіевъ, сказали Ольгѣ: «послала насъ Деревская земля съ такимъ наказомъ: мы убили твоего мужа, за то что онъ былъ, какъ волкъ, хищникъ и грабитель, а наши Князи добры, распасли Деревскую землю, пойди за нашего Князя Мала.» Ольга на это отвѣчала: «мнѣ люба ваша рѣчь, мнѣ уже не воскресить своего мужа;» и велѣла имъ придти на другой день, и когда тѣ явились на другой день, то велѣла ихъ бросить въ приготовленную яму и зарыть въ ней живыхъ; а въ Древлянскую землю послала сказать, чтобы прислали новыхъ пословъ, самыхъ лучшихъ мужей, держащихъ землю; и когда тѣ пришли, то пригласила ихъ въ баню и велѣла тамъ сжечь. Потомъ собравши дружину, сама отправилась въ Древлянскую землю, напередъ пославши сказать Древлянамъ, чтобы они наварили побольше меловъ для отправленія тризны по Игорѣ. И когда это было сдѣлано, то, прибывши съ небольшою дружиною на могилу Игоря, Ольга приказала насыпать на могилу большой курганъ, и потомъ стала угощать Древлянъ, когда же тѣ понапились, то сказала своимъ, чтобы изрубили пировавшихъ, гдѣ ихъ и перерѣзали 5,000 человѣкъ, а сама воротилась въ Кіевъ.

На другой годъ по смерти Игоря Ольга, какъ говоритъ преданіе, набрала многихъ и храбрыхъ воевъ и вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Святославомъ пошла въ Деревскую землю. Древляне, узнавши объ этомъ, собрались всею землею и выступили противъ Ольги. Когда

обѣ рати Ольгина и Древлянская сошлись вмѣстѣ; то малолѣтный Святославъ, уже сидѣвшій на конѣ, первый бросилъ въ непріятелей копье, которое пролетѣвъ между ушей коня, пало подъ ноги. Въ слѣдъ за тѣмъ Асмудъ и Свенельдъ крикнули воинамъ: «Князь уже почалъ, дружина не выдавай.» Дружина на зовъ вождей отвѣчала сильнымъ натискомъ и битва кончилась въ пользу Кіевской Княгини; разбитые Древляне побѣжали и затворились по городамъ, которые скоро сдались; одинъ только Коростень, осажденный самою Ольгою, оборонялся цѣлое лѣто, но и этотъ городъ наконецъ палъ. Ольга при семъ употребила слѣдующую хитрость. Она послѣ продолжительной осады вступила въ переговоры съ Коростенцами и потребовала вмѣсто дани по три голубя и по три воробья отъ каждаго двора, обѣщаясь за тѣмъ удалиться въ Кіевъ. Коростенцы, обрадованные такимъ легкимъ требованіемъ, выслали съ двора по три голубя и по три воробья; Ольга же раздала воробьевъ и голубей своимъ воинамъ и приказала, чтобы они привязавши къ птицамъ зажженный трутъ въ тряпкахъ, выпустили ихъ въ сумерки. Выпущенные воробьи и голуби полетѣли въ свои гнѣзда и зажгли городъ; жители неимѣя возможности тушить пожаръ, охватившій весь городъ за-разъ, бросились вонъ изъ города и были взяты воинами Ольги. Ольга старѣйшинъ города взяла себѣ, а прочихъ людей — иныхъ приказала избить, другихъ отдала въ рабство своимъ дружинникамъ, а остальныхъ обложила тяжкою данью, и двѣ части этой дани приказала сбирать на Кіевъ и одну на Вышгородъ; потомъ вмѣстѣ съ сыномъ и дружиною пошла по Древлянской землѣ, уставляя вездѣ уставы и уроки, т. е. привела

Древлянскую земля въ совершенную покорность и зависимость отъ Кіевскаго Князя, и уничтожила тамошнее независимое управленіе.

Устроивши Древлянскую землю по своему, Ольга возвратилась въ Кіевъ и прожила тамъ лѣто, а на другой годъ т. е. въ 947 году, отправилась въ Новгородскій край и учредила тамъ по Мстѣ погосты и дани и по Лугѣ оброки и дани. Это путешествіе, также какъ и Древлянское, надолго осталось памятнымъ въ народѣ, и указываетъ, что Ольга успѣла нѣсколько измѣнить отношенія Кіевскаго княжества къ Новгороду, и съумѣла вытребовать у Новгородцевъ въ свое владѣніе земли лежащія по Мстѣ и Лугѣ.

Послѣ Новгородскаго путешествія, Ольга возвратилась къ сыну своему Святославу въ Кіевъ, и прожила тамъ одиннадцать лѣтъ; потомъ въ 958 году, съ большою свитою въ сопровожденіи купцовъ и посланниковъ отъ Русскихъ Князей подручниковъ, отправилась въ Константинополь. Въ Константинополѣ она была принята тамошнимъ Императоромъ съ большими церемоніями, два раза обѣдала съ Императоромъ и Императрицею, и проживъ тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, и принявши святое крещеніе отъ тамошняго патріарха, возвратилась въ Кіевъ. Возвратясь домой, Ольга старалась обратить къ христіанству и сына своего Святослава; но тотъ не думалъ мѣнять своей языческой вѣры, и на всѣ убѣжденія матери отвѣчалъ одно: «какъ я приму другой законъ, дружина будетъ смѣяться.» Онъ даже иногда гнѣвался на мать, когда она не переставала его убѣждать.

И дѣйствительно Святославу мудрено было перемѣнить вѣру: онъ совсѣмъ не тѣмъ былъ занятъ; воспи-

тавшій воинственнымъ Асмудомъ, онъ только и думалъ о войнѣ и храброй дружинѣ, его тянуло на востокъ за Днѣпръ, гдѣ много было противниковъ, не знавшихъ власти Русскаго Князя. Незная ни обозовъ, ни котловъ, легкій какъ леопардъ, невозившій съ собою шатровъ, спавшій подъ открытымъ небомъ, самъ жарившій на угольяхъ себѣ пищу, Святославъ былъ окруженъ такою же храброю и неприхотливою дружиною, и постоянно занятый войною посылалъ къ сосѣднимъ народамъ, объявляя имъ, что хочетъ на нихъ идти. Онъ два раза ходилъ на Вятичей въ ихъ непроходимые лѣса, куда до него еще не проникалъ ни одинъ Русскій Князь, разбилъ въ Придонскихъ степяхъ грознаго Кагана Хазарскаго и взялъ его крѣпкій городъ Бѣлую Вѣжу, даже доходилъ до Кавказскихъ горъ и побѣдилъ жившихъ тамъ сильныхъ Ясовъ и Касоговъ. Сіи походы Святослава продолжались три года, и обогатили его дружину большою добычею.

Потомъ Константинопольскій Императоръ Никифоръ Фока прислалъ къ Святославу посланниковъ просить помощи у Русскаго Князя противъ Дунайскихъ Болгаръ, предлагая за это нѣсколько пудъ золота. Святославъ довольный такимъ приглашеніемъ и взявши золото, немедленно началъ готовиться въ походъ, собралъ дружину, приготовилъ лодьи и въ 967 году, спустившись вишзъ по Днѣпру, обычнымъ Русскимъ путемъ добрался до Дуная. Болгары, узнавши объ этомъ, вышли къ нему на встрѣчу съ тѣмъ, чтобы не допустить его воиновъ къ высадкѣ на берегъ; но дружина Святославова, накрывшись щитами, пошла на проломъ, сбила Болгаръ, и начала брать тамошніе города одинъ за другимъ. Болгарскій Царь Петръ съ горя умеръ; и Святославъ, не встрѣ-

чая сопротивленія, занялъ почти всю Болгарію и засѣлъ княжить въ тамошнемъ главномъ городѣ Переяславцѣ.

Но не долго пришлось Святославу оставаться въ Переяславцѣ Болгарскомъ. Печенѣги въ его отсутствіе осадили Кіевъ, Ольга съ своими внуками, дѣтьми Святослава, заперлась въ городѣ и была доведена до такой крайности, что Кіевляне, томимые голодомъ, думали уже сдаться, и рѣшились на послѣднее средство извѣстить какъ нибудь воинскихъ людей, стоявшихъ на противоположномъ берегу Днѣпра, подъ начальствомъ воеводы Претича. Для этого Кіевское вѣче кликнуло кличь, не выищется ли кто охотникъ перебраться на другой берегъ и извѣстить стоявшихъ тамъ людей, что ежели они къ утру не приступятъ къ городу, то Кіевъ сдастся Печенѣгамъ. На этотъ кличь выискался одинъ молодой человѣкъ и сказалъ вѣчу: «я переберусь;» и вѣче сказало ему: «иди.» Взявши въ руки конскую узду, онъ вышелъ изъ города и пошелъ въ станъ Печенѣжскій, спрашивая по печенѣжски: невидалъ ли кто моего коня. Печенѣги считая его своимъ, свободно пропустили къ рѣкѣ; и онъ, сбросивши съ себя платье, переплылъ на другой берегъ и объявилъ тамошнимъ воинскимъ людямъ: «мнѣ наказано сказать вамъ, что ежели вы наутро не приступите къ городу, то Кіевляне хотятъ сдаться Печенѣгамъ.» Воевода Претичъ, услыхавши такую рѣчь, сказалъ своимъ: «завтра подступимъ въ лодьяхъ и подкравшись увеземъ изъ города Княгиню и Княжичей, а ежели этого не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ.» И на другой день на солнечномъ восходѣ Русскія лодьи съ шумомъ и съ трубнымъ звукомъ отчалили отъ берега и поплыли къ Кіеву; Кіевляне замѣ-

тивъ это откликнулись радостными криками; Печенѣги же думая, что воротился Святославъ, бѣжали отъ города; но одумавшись воротились назадъ, и Печенѣжскій Князь самъ явился спросить: кто подошелъ къ городу, не Князь ли Святославъ; «на что Претичь отвѣчалъ: «пришелъ я, мужъ Святославовъ, съ передовымъ полкомъ, а Святославъ идетъ за мной и съ нимъ большая рать.» Печенѣжскій Князь предложилъ Претичу миръ, и они въ знакъ мира подали другъ другу руку и обмѣнялись оружіемъ. Послѣ чего Печенѣги отступили отъ города.

Кіевляне, освободившись отъ грозившей бѣды, немедленно послали гонцовъ къ Святославу съ такимъ наказомъ: «Княже! ты ищешь и бережешь чужую землю, а свою бросилъ; и насъ и твою мать и твоихъ дѣтей едва не взяли Печенѣги; и ежели не придешь и не защитишь насъ, то они опять придутъ и возмутъ насъ; неужели тебѣ не жаль ни своей отчины, ни своей престарѣлой матери, ни дѣтей.» Святославъ, получивши такую вѣсть, немедленно сѣлъ на коней съ своею дружиною и прибылъ въ Кіевъ, ударилъ на Печенѣговъ, разбилъ ихъ и прогналъ въ степи. Но не жилось Святославу въ Кіевѣ; онъ началъ говорить матери своей и боярамъ: «не любо мнѣ жить въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, тамъ среда моей земли, туда сходятся всѣ богатства, — отъ Грековъ золото, дорогія ткани и вина и различные плоды, отъ Чеховъ и Угровъ серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и невольники.» Ольга на это отвѣчала ему: «видишь я больна, и куда же хочешь идти отъ меня, сперва похорони меня, а тамъ и ступай куда хочешь.» Впрочемъ мать не-

долго останавливала Святослава: она черезъ три дня скончалась. Ее похоронили какъ христіанку на мѣстѣ, которое она сама указала; и сынъ и внуки и весь Кіевъ провожали ее до могилы съ великимъ плачемъ; но по ея наказу не смѣли на ея погребеніи творить языческой тризны, ее отпѣвалъ бывшій при ней христіанскій священникъ.

Похоронивши мать, Святославъ началъ готовиться къ походу на Дунай въ Болгарію, и передъ походомъ назначилъ въ свое отсутствіе управителями и князьями своихъ сыновей: Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ землѣ Древлянской. Въ это же время пришли послы изъ Новгорода и просили, чтобы онъ далъ Князя и Новгородцамъ, грозя въ противномъ случаѣ отыскать себѣ Князя на сторонѣ». Святославъ, зная, что Князьямъ тѣсно жить въ вольномъ Новгородѣ, сказалъ имъ:» да кто къ вамъ пойдетъ. И дѣйствительно Ярополкъ и Олегъ отказались отъ чести быть Новгородскими Князьями; тогда Добрыня Любчанинъ, дядя по матери младшему Святославову сыну Владиміру, рожденному отъ Ольгиной ключницы Малуши, сказалъ Новгородцамъ: «просите Володимира». Тѣ и сказали Святославу: «дай намъ Володиміра». Святославъ въ отвѣтъ на это сказалъ: «берите его, этотъ Князь по васъ». И взяли Новгородцы Владиміра и повезли къ себѣ; съ нимъ поѣхалъ въ Новгородъ и Добрыня.

Святославъ, отпустивши Владиміра, самъ собравъ войско отправился въ Болгарію, какъ къ свою область; но когда онъ подошелъ къ Переяславцу, то Болгаре затворились въ городѣ. И началась страшная сѣча; Болгаре стали уже одолѣвать Русскихъ своею многочислен-

ностію, день уже клонился къ вечеру, а битва не прекращалась. Святославъ, желая воодушевить своихъ воиновъ, повелъ къ нимъ такую рѣчь: «братья, дружина! намъ уже пасть здѣсь, будемъ же биться мужески». Дружина по зову Князя дѣйствительно стала биться мужески, и Болгары были разбиты на голову и Переяславецъ взятъ приступомъ.

Но Святославу и на этотъ разъ не посчастливилось прочно утвердиться въ Болгаріи. Греческій Императоръ Іоаннъ Цимисхій, заступившій мѣсто Никифора Фоки, лишь только получилъ извѣстіе о занятіи Святославомъ Переяславца, отправилъ къ нему посольство съ требованіемъ, чтобы Русскіе немедленно оставили Болгарію, обѣщая за это заплатить Святославу столько же денегъ, сколько получилъ онъ въ первый разъ отъ Императора Никифора, и грозя въ противномъ случаѣ походомъ самого Императора въ Болгарію. Святославъ на это отвѣчалъ: «за чѣмъ трудиться Императору, мы сами придемъ къ нему и выгонимъ изъ Константинополя». И въ слѣдъ за тѣмъ по своему обычаю послалъ сказать Грекамъ: «хочу идти на васъ и взять вашъ городъ также, какъ взялъ Переяславецъ». Послѣ сего у Святослава началась война съ Греками, сперва довольно для него удачная; Святославъ разбилъ и прогналъ высланныхъ противъ него двухъ знаменитыхъ Греческихъ полководцевъ, безпрепятственно вступилъ въ предѣлы Греческой имперіи, сталъ брать городъ за городомъ и такимъ образомъ дошелъ до Адріанополя. Но когда выступилъ противъ него съ новыми многочисленными войсками самъ Императоръ Іоаннъ Цимисхій, то дѣло перемѣнилось не въ пользу Русскихъ. Святославъ, понадѣявшись на свою

до тѣхъ поръ непобѣдимую храбрость, имѣлъ неосторожность не занять Балканскихъ проходовъ въ Болгарію и безпечно распустилъ свои войска по городамъ; такою оплошностію Цимисхій воспользовался вполнѣ, онъ быстро провелъ свои войска Балканскими ущеліями и прямо устремился къ Переяславцу. Сидѣвшіе въ Переяславцѣ Руссы дали Грекамъ жесточайшее сраженіе, но подавленные многочисленною Греческою конницею, принуждены были отступить въ городъ; за тѣмъ послѣдовалъ приступъ, и хотя Русскіе, защищая городъ, показали чудеса храбрости, долго рѣзались съ Греками въ тѣсныхъ улицахъ и защищали каждый домъ; но тѣмъ не менѣе подавленные многочисленностію непріятелей принуждены были оставить городъ, и пробившись сквозь Греческія войска успѣли уйдти въ Доростолъ, и тамъ соединились съ Святославомъ. Взявши Переяславецъ Цимисхій самъ двинулся къ Доростолу, Святославъ вышелъ къ нему на встрѣчу и далъ жестокую битву, которая продолжалась цѣлый день. Русскіе покрытые огромными щитами и вооруженные длинными копьями, стояли какъ живая стѣна; Греки нѣсколько разъ старались прорвать эту живую стѣну, но постоянно были отражаемы съ большимъ урономъ; наконецъ, при самомъ захожденіи солнца, Цимисхій собралъ всю свою конницу и пустилъ ее на Русскихъ, этого послѣдняго дружнаго натиска Русскіе не выдержали и послѣ страшной рѣзни стоившей дорого той и другой сторонѣ, отступили и заперлись въ Доростолѣ. На другой день Императоръ повелъ войска на приступъ, но приступъ былъ отбитъ, и началась осада Доростола, продолжавшаяся три мѣсяца; Русскіе первое время дѣлали вылазки чуть не каж-

дый день, и много вредили Грекамъ; но когда Цимисхій успѣлъ загородить всѣ дороги къ подвозу припасовъ въ городъ, то осажденныхъ сталъ одолѣвать голодъ; и Святославъ, видя малочисленность оставшейся дружины послалъ просить мира. Цимисхій съ радостію принялъ Святославовыхъ посланниковъ, и отправилъ къ нему своихъ пословъ въ дарами. Святославъ, приявъ дары, собралъ на совѣтъ свою дружину и сказалъ ей такъ: «ежели не сотворимъ мира съ Царемъ, а Царь узнаетъ, что насъ мало, что запретъ насъ въ городѣ, а Русская земля далеко, а Печенѣги съ нами въ войнѣ, кто намъ поможетъ? сотворимъ лучше миръ съ Царемъ, вотъ они уже прислали къ намъ дань, съ насъ довольно и этого; а не будутъ исправно платить дани, то мы снова соберемъ войско и двинемся изъ Руси прямо къ Царюграду». Рѣчь князя полюбилась дружинѣ, и выбрали лучшихъ мужей и отправили послами къ Царю. Царь принялъ посланниковъ, выслушалъ условія мира, и приказалъ съ ихъ словъ писать грамоту, въ которой Святославъ за себя и за всю Русь клялся имѣть миръ и совершенную любовь съ Греческими Императорами, ни самому не замышлять войны, ни другихъ не приводить ни на Грековъ, ни на Корсунцовъ, ни на Болгаръ; а Императоръ съ своей стороны клялся не препятствовать Русскимъ возвратиться домой, снабдить ихъ хлѣбомъ на дорогу, и хранить нерушимо прежніе договоры Грековъ съ Русскими относительно торговли.

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ съ оставшеюся малочисленною дружиною сѣлъ въ лодьи и Дунаемъ вышелъ въ море, потомъ обычнымъ Русскимъ путемъ, вступивъ въ устья Днѣпра, направился къ Днѣ-

провскимъ порогамъ. Между тѣмъ Печенѣги, увѣдомленные Болгарами, засѣли около пороговъ и загородили дорогу. Святославовъ воевода старикъ Свенельдъ совѣтовалъ Князю обойти пороги на коняхъ; но Святославъ не послушалъ совѣта, и не имѣя возможности пробиться сквозь толпы Печенѣговъ, остался зимовать въ Бѣлобережьи, гдѣ дружина его терпѣла такой страшный голодъ, что по полугривнѣ платили за лошадиную голову. Съ наступленіемъ весны Святославъ опять пустился въ пороги; но тамъ его по прежнему ждали Печенѣги, и пробиваясь сквозь ихъ толпы Святославъ погибъ съ большею частію своей дружины, только съ слабыми остатками ея Свенельдъ успѣлъ пробраться въ Кіевъ. Изъ Святославова черепа Печенѣжскій Князь Куря сдѣлалъ чашу, и пилъ изъ нее, торжествуя свою побѣду.

Вѣсть о смерти Святослава развязала руки его сыновьямъ, они теперь изъ отцовскихъ посаженниковъ сдѣлались самостоятельными и независимыми князьями: Ярополкъ въ Кіевѣ и всемъ приднѣпровьѣ, Олегъ въ землѣ Древлянской и въ сосѣднихъ Русскихъ владѣніяхъ и Владиміръ въ Новгородѣ. Но независимые Князья братья не долго оставались въ согласіи: въ 972 году былъ убитъ Святославъ, а въ 977 году уже началось междуусобіе его сыновьевъ. Ярополкъ сильнѣйшій изъ нихъ, къ которому пришли и остатки отцовской дружины вмѣстѣ съ Свепельдомъ, первый напалъ на брата своего Олега по совѣту Свенельда, который мстилъ Олегу за то, что тотъ однажды на охотѣ убилъ его сына Люта. Олегъ встрѣтилъ брата готовый къ битвѣ, но былъ разбитъ въ сраженіи подъ Овручемъ, и спасаясь бѣгствомъ въ Овручь погибъ будучи столкнутъ съ моста въ городскій

ровъ; и Ярополкъ завладѣлъ Древлянскою землею. Владиміръ Новгородскій, получивъ вѣсть объ убіеніи Олега, боясь того же и себѣ, бѣжалъ къ Варягамъ за море; Ярополкъ же послалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ, и такимъ образомъ одинъ сдѣлался Княземъ всей Руси и около трехъ лѣтъ владѣлъ всею отчиною своего отца.

Между тѣмъ Владиміръ, бѣжавшій къ Варягамъ, искалъ охотниковъ между Варяжскими удальцами, которые бы помогли ему воротиться на родину и отнять владѣнія у брата; такихъ удальцовъ, охотниковъ повоевать на чужой сторонѣ, между Варягами были всегда много. И Владимиръ, проживъ у Варяговъ слишкомъ два года, и собравъ тамъ порядочную дружину вольницы, воротился въ Новгородъ и сказалъ тамошнимъ Ярополковымъ посадникамъ: «идите къ брату моему и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя, готовься биться съ нимъ»; потомъ послалъ сказать одному Варяжскому Князю Рогволоду, княжившему въ Полотскѣ: «Князь Владиміръ хочетъ жениться на твоей дочери Рогнедѣ»; но Рогнеда, спрошенная отцомъ, велѣла сказать Владиміру: «я не хочу разуть сына рабыни, хочу за Ярополка.» Послѣ такого отвѣта Владиміръ, присоединивъ къ своей Варяжской дружинѣ охотниковъ изъ Славянъ, Чуди и Кривичей, отправился на Рогволода и прибылъ въ Полотскую землю въ то самое время какъ Рогнеду сбирались везти въ Кіевъ за Ярополка. Рогволодъ, по Варяжскому обычаю, вышелъ съ своими сыновьями биться съ Владиміромъ; но былъ разбитъ и убитъ и съ нимъ вмѣстѣ были убыты и два его сына, а Рогнеду и всю землю Полотскую Владиміръ взялъ себѣ.

Счастливо управившись съ Княземъ Полотскимъ, Вла-

димiръ быстро двинулся къ Кіеву, и съ умѣлъ придти туда такъ скоро, что Ярополкъ, неуспѣвши приготовиться, не рѣшился вступить въ битву и заперся въ крѣпкомъ Кіевѣ. Владимiръ, не надѣясь взять Кіева приступомъ, обрылся, ставъ лагеремъ около города, и началъ тайно сноситься съ Ярополковымъ воеводою Блудомъ, обѣщая ему большія милости, ежели поможетъ убить Ярополка. Блудъ, польстясь на большія обѣщанія, далъ слово помогать Владимiру, и такъ ловко повелъ это дѣло, что застращавъ Ярополка небывалою измѣною Кіевлянъ, убѣдилъ его бѣжать въ городокъ Родню на устьѣ Роси поближе къ Печенѣгамъ. Ярополкъ послушалъ измѣнника и удалился въ Родню; и Владимiръ безпрепятственно вступилъ въ Кіевъ. Сидя въ Роднѣ Ярополкъ былъ доведенъ до такой крайности, что ему оставалось умереть голодною смертiю со всею дружиною, или бѣжать къ Печенѣгамъ, или просить милости у Владимiра. Одинъ изъ дружины, по имени Варяжко совѣтовалъ Ярополку бѣжать къ Печенѣгамъ и при ихъ помощи воевать съ братомъ; но Ярополкъ опять послушалъ измѣнничьяго совѣта Блуда и пошелъ просить милости у Владимiра, и когда входилъ въ теремный дворецъ Святослава, гдѣ тогда жилъ Владимiръ съ дружиною, то по его приказанiю въ самыхъ дверахъ былъ заколотъ двумя Варягами. По убiенiи Ярополка, Владимiръ взялъ себѣ и его жену Грекиню, которая была уже беременна и въ послѣдствiи родила Святополка, который въ лѣтописи потому и названъ сыномъ двухъ отцовъ. Такимъ образомъ Владимiръ подобно дѣду и отцу сдѣлался Государемъ и Княземъ всеiй Русской земли, всѣхъ владѣнiй своихъ предковъ.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ ПЕРВЫХЪ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЬЯХЪ.

Мы видѣли уже, что Рюрикъ съ братьями былъ приглашенъ въ Новгородъ добровольно съ тѣмъ, чтобы судить и рядить по исконнымъ Новгородскимъ обычаямъ и правамъ, также добровольно былъ принятъ въ Смоленскѣ, Кіевѣ и другихъ сильныхъ городахъ преемникъ Рюриковъ Олегъ, и также по добровольному согласію княжили Игорь, Ольга, Святославъ и Ярополкъ. Всѣ они судили и рядили по исконнымъ обычаямъ и правамъ народнымъ, и для суда и расправы сажали своихъ посадниковъ по городамъ, и каждый городъ признавшій надъ собою судъ и управу Князя платилъ Князю извѣстную условленную дань; и для сбора этой дани каждую осень Князья или сами ѣздили по городамъ и областямъ, или посылали своихъ дружинниковъ, таковый объѣздъ по тогдашнему назывался полюдьемъ. Князьямъ также были уступлены нѣкоторыя земли и угодья, съ которыхъ они пользовались доходами, какъ частные собственники; но тогдашніе князья мало обращали вниманія на уступленныя имъ земли, а больше думали о походахъ на сосѣднія непокорныя племена, гдѣ имъ было приволье и показать свою удаль и пограбить. Княжіе дружинники, состоявшіе изъ сброда Варяжской и Русской вольницы, даже не заботились о полученіи какихъ либо земель и владѣній, а думали только о походахъ и грабежахъ съ Княземъ и безъ Князя; къ Русской землѣ они никакъ не принадлежали и состояли только на службѣ у Князя,

получая отъ него жалованье или пользуясь доходами съ областей порученныхъ имъ отъ Князя, такъ напримѣръ Игорь отдалъ Свенельду дань съ Уличей и Тиверцовъ. Князь и дружина были сами по себѣ, а городская и сельская земщина была сама по себѣ. Всѣ войны и походы Князей преимущественно производились дружинниками, и земцы нерѣдко принимавшіе въ нихъ участіе, составляли только вольницу присоединявшуюся къ княжей дружинѣ. Князь обыкновенно передъ походомъ дѣлалъ кличь, сзывалъ охотниковъ показать свою удаль и пограбить, и по этому зову вольница сбиралась и примыкала къ княжей дружинѣ по своей охотѣ. Собственно же какъ обязанность военную службу несли земцы только въ случаѣ нападенія какого либо непріятеля на Русскую землю; тогда земщина поднималась своими полками и подъ начальствомъ своихъ воеводъ соединялась съ Княземъ и его дружиною, чтобы общими силами отразить непріятеля. Такъ напримѣръ всѣ войны съ Печенѣгами были ведены за одно и княжею дружиною и земщиною; но войны Князей другъ съ другомъ нисколько не касались земщины и были ведены или одною княжею дружиною, или при помощи вольницы или наемныхъ Варяговъ и Печенѣговъ. Такъ по смерти Святослава Ярополкъ ходилъ на Олега съ одною своею дружиною, а равно и Олегъ сражался съ Ярополкомъ также одною своею дружиною; и когда Олегъ былъ убитъ, то Древлянская земщина безъ сопротивленія приняла Ярополка. А такъ же и Новгородцы, когда убѣжалъ отъ нихъ Владиміръ, мирно приняли посадниковъ присланныхъ Ярополкомъ; но и не защищали ихъ посадниковъ, когда Владиміръ возвратился съ Варяжскою дружиною.

Владиміръ пошелъ на Рогволода и Ярополка также только съ своею дружиною и вольницею; Рогволодъ и Ярополкъ защищались противъ Владиміра тоже только одною своею дружиною и Варяжко совѣтовалъ Ярополку поднять Печенѣговъ; но ни Полотская, ни Кіевская земщина здѣсь не принимали участія, и когда Рогволодъ былъ убитъ, а Ярополкъ бѣжалъ изъ Кіева, то Полочане и Кіевляне безъ сопротивленія признали власть Владиміра. Для тогдашней Русской земщины было все равно, кто бы ни княжилъ изъ Русскихъ Князей, только бы княжилъ хорошо, и не обижалъ земцевъ, и умѣлъ справляться съ внѣшними непріятелями. Вообще тогдашняя земщина старалась держать себя въ сторонѣ отъ княжескихъ предпріятій; и сами Князья не разчитывали на нее и опирались собственно на свою дружину и вольницу, которой тогда было вдоволь, и которая охотно шла за храбрымъ и предпріимчивымъ Княземъ, куда бы то ни было, ибо она и безъ Князя неохотно сидѣла дома. Во всѣхъ дошедшихъ до насъ договорахъ съ Греками, мы находимъ постоянныя хлопоты Грековъ, чтобы какъ нибудь удержать Русскую вольницу, которая не только грабила Греческія колоніи на сѣверномъ берегу Чернаго моря, но недавала покоя Грекамъ и въ самомъ Константинополѣ.

Самое управленіе Князей и ихъ посадниковъ въ то время было далеко не самовластнымъ; тогда рядомъ съ властію Князя или посадника стояла власть земщины въ лицѣ выборныхъ старостъ, зависѣвшихъ не отъ Князя, а отъ народнаго вѣча. Даже въ договорахъ съ иноземцами земщина принимала дѣятельное участіе; такъ посланники отправлялись не отъ одного Князя, но и отъ всей

Руской земли; напримѣръ въ Олеговой договорной грамотѣ о послахъ сказано: «которые посланы отъ Олега Великаго Князя Русскаго и отъ всѣхъ сущихъ подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ и отъ всей Руси. Или въ Игоревой грамотѣ Русскіе послы говорятъ: «Великій Князь нашъ Игорь и бояре его и всѣ Русскіе люди послали насъ къ великимъ Греческимъ Царямъ сотворить миръ.» Русскіе Князья, Рюрикъ, Олегъ, Игорь и Святославъ, заботились только о распространеніи владѣній платящихъ имъ дань, а не о увеличеніи своей власти; они даже оставляли старыхъ племенныхъ Князей въ покоренныхъ племенахъ, обязывая ихъ только быть своими подручниками. О такихъ подручныхъ князьяхъ упоминаетъ Олегова грамота, въ которой сказано: «и вы Греки храните любовь къ Князьямъ свѣтлымъ нашимъ Русскимъ ко всѣмъ, которые подъ рукою свѣтлаго Князя нашего.» Вообще власть Князя тогда ограничивалась судомъ и управою; о чемъ же о другомъ Князья и не думали; имъ выгоднѣе было заниматься набѣгами на ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, которые доставляли имъ и славу и добычу, чѣмъ хлопотать объ увеличеніи своихъ доходовъ съ Русской земли, и тѣмъ раздражать противъ себя земцевъ; имъ Русская земля нужна была только для отдыха, для прокорма, пока не выискался случай сдѣлать набѣгъ на сосѣда. Святославъ даже думалъ вовсе оставить Русскую землю и переселиться въ Дунайскую Болгарію, въ которой ему представлялось больше выгодъ и удовольствій, гдѣ жители были посмирнѣе и поработлѣнѣе, чѣмъ на Руси, въ которой были и такія мѣста какъ Новгородъ, куда и княжить то шелъ не всякій Князь.

Князь и дружина большею частію принимаемые безъ

сопротивленія по всей Русской землѣ, въ то время еще нигдѣ не могли утвердиться прочно и не только почти не имѣли вліянія на туземное населеніе, но даже сами до нѣкоторой степени подчинялись вліянію туземцовъ Славянъ. Дружина приведенная въ Новгородскую землю Рюрикомъ имѣла довольно цѣлый составъ, она состояла изъ Варяговъ-Руси, и потому могла бы имѣть вліяніе на Новгородцевъ; но на она дѣлѣ не имѣла вліянія потому, что бытъ пришлой Руси и бытъ Новгородцевъ были почти одинаковы, да и притомъ Варяго-Русскіе отряды посланные Рюрикомъ по разнымъ городамъ Новгородской земли, были слишкомъ малочисленны, чтобы имѣть вліяніе на туземцовъ: имъ только въ пору было поддерживать власть Князя. А по смерти Рюрика, когда Олегъ перебрался на югъ въ Приднѣпровьѣ, вліяніе Варяго-Русской дружины въ Новгородскихъ владѣніяхъ было еще менѣе возможно; ибо Олегъ взялъ съ собою наибольшую часть дружины. А безпрестанные походы Олега на сосѣднія племена въ Приднѣпровьѣ произвели то, что собственная дружина Князя стала пополняться Славянскими охотниками, слѣдовательно Варяго-Русское вліяніе и тамъ, не смотря на присутствіе самаго Князя, слабѣло годъ отъ году. А о преемникахъ Олега и говорить уже нечего: при нихъ дружина, какъ Варяжскій элементъ въ Русскомъ обществѣ, потеряла почти всякое значеніе, хотя въ тоже время, она, какъ орудіе Княжеской власти, была въ большой силѣ, и рѣзко отдѣлялась отъ земщины и продолжала имѣть свое особое устройство, непохожее на устройство земщины. Но и въ этомъ отношеніи вліяніе дружины на земщину не могло быть сколько нибудь значительнымъ, ибо дружина тогда еще не имѣла

поземельныхъ владѣній да и не заботилась имѣть ихъ, увлекаясь легкостію и богатствомъ добычи въ военныхъ походахъ, и притомъ она состояла изъ сброда вольницы съ разныхъ сторонъ, и сброда самаго разнохарактернаго и неимѣвшаго ничего общаго, кромѣ княжей службы и жажды къ грабежамъ и войнѣ. Все это ставило дружину особнякомъ отъ земщины. Къ тому же полная свобода каждаго дружинника оставить княжую службу по собственному личному усмотрѣнію, сообщала дружинѣ какой-то подвижной полукочевой характеръ, сильно ослаблявшій значеніе дружины въ отношеніи къ земщинѣ. Единственною точкою сближенія земцевъ съ дружинниками, мимо княжей службы, была торговля, въ которой принимали дѣятельное участіе какъ Князья съ дружинниками, такъ и земцы, и особенно торговля заграничная, которую преимущественно любили дружинники, потому что она въ то время во многомъ походила на войну. Но торговля не была единственнымъ промысломъ земцевъ, — они еще занимались разными видами земледѣльческой промышленности и ремеслами, въ которыхъ дружинники вовсе не принимали участія; слѣдовательно и съ этой стороны сближеніе дружинниковъ съ земцами не могло быть значительнымъ. Дружинники здѣсь сближались только съ тѣми земцами, которые вели торговлю и преимущественно заграничную; и въ торговлѣ дружина дѣйствительно много помогала земцамъ, ибо и земцы и дружинники ходили въ однихъ караванахъ, и въ случаѣ нападенія на караванъ какихъ либо непріятелей боевая храбрость и ловкость дружинниковъ приносила большую помощь; впрочемъ и здѣсь помощь дружинниковъ была важна только для южныхъ торговцевъ,

болѣе мирныхъ; а напротивъ Новгородцы едва ли въ ней нуждались, у нихъ свои новольники не уступали ни въ отвагѣ ни въ ловкости никакимъ дружинникамъ.

Славянскія племена на Руси признавшія надъ собою власть Рюриковичей, при Рюриковичахъ жили и управлялись по прéжнему. Въ которыхъ племенахъ прежде были свои Князья, въ тѣхъ и при Рюриковичахъ оставались ихъ прежніе Князья, только съ условіемъ быть подручниками Кіевскаго Князя; а напротивъ племена прежде управлявшіяся вѣчемъ, и при Рюриковичахъ управлялись вѣчемъ же; впрочемъ съ нихъ неснималось воли имѣть и отдѣльныхъ выборныхъ князей, состоящихъ подъ рукою Кіевскаго Князя. Такъ Новгородцы выпросили себѣ въ Князья Святославова сына Владиміра, Полочанами былъ принятъ Варяжскій Князь Рогволодъ, у Туровцевъ былъ Княземъ также Варягъ Туръ. Но въ общей жизни Славянскихъ племенъ на Руси съ прибытіемъ Рюриковичей послѣдовало то важное измѣненіе, что племена, особенно на югѣ въ Приднѣпровьѣ, прежде жившія отдѣльно и даже иногда враждебно другъ къ другу, и ничего неимѣвшія общаго между собою, съ прибытіемъ Рюриковичей стали имѣть одного общаго Князя Кіевскаго. Кіевъ, старшій городъ только между городами одного племени Полянъ, съ прибытіемъ Олега сдѣлался матерью всѣхъ городовъ Русскихъ. И такимъ образомъ между разрозненными прежде племенами зародилась хотя слабая связь, образовалось понятіе объ общей Русской землѣ, которая къ концу жизни Святославовой охватила собою всѣ племена Славянскія, имѣвшія свои поселенія по всему теченію Днѣпра отъ его верховьевъ до устья Роси, и большую часть Сла-

вянскихъ племенъ жившихъ на востокъ и западъ отъ Днѣпра; въ слѣдствіе чего явилась возможность, общей защиты отъ внѣшнихъ непріятелей, если бы таковая понадобилась, и что всего важнѣе южныя племена безъ большихъ хлопотъ освободились отъ дани Хазарамъ, и получили возможность удачнѣе защищаться отъ новыхъ сосѣдей кочевниковъ Печенѣговъ. Кіевъ со времени водворенія въ немъ Олега, сталъ быстро расти и богатѣть и скоро сдѣлался не только соперникомъ Новгорода, но по торговлѣ оставилъ и Новгородъ позади себя; иностранцы даже стали его называть въ этомъ отношеніи соперникомъ Константинополя. Самое населеніе Кіева съ этого времени получило иной характеръ. Въ прежнее время Кіевъ собственно былъ населенъ Полянами; съ Олегова же времени онъ сдѣлался главнымъ мѣстопребываніемъ сбродной княжеской дружины; кромѣ того здѣсь появились слободы или улицы изъ иноплеменниковъ торговавшихъ черезъ Кіевъ, таковы Хозарская или Жидовская, Лятьская, и вѣроятно Греческая, Новгородская. и другія; въ Кіевѣ по словамъ Константина Порфиророднаго ежегодно стекались торговцы изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и другихъ Русскихъ городовъ, и Кіевскіе Руссы ходили уже для торгу въ Грецію, Камскую Болгарію, Хазарію и Ширванъ. Новое развитіе Кіевской торговли, съ утвержденіемъ тамъ Рюриковичей, естественно не мало способствовало развитію торговли и въ другихъ Русскихъ городахъ, которые, съ признаніемъ общей власти Русскаго Князя жившаго въ Кіевѣ, пріобрѣли болѣе свободный доступъ къ участію въ Кіевской торговлѣ; да и вообще разширеніе Кіевской торговли влекло за собою разширеніе

торговли и въ другихъ торговыхъ городахъ; такъ большій приливъ Греческихъ товаровъ въ Кіевъ давалъ возможность Новгородцамъ, Смольнянамъ и Полочанамъ запасаться большимъ количествомъ сихъ товаровъ для перепродажи ихъ Нѣмцамъ и другимъ народамъ на сѣверо-западѣ Европы въ Прибалтійскихъ пристаняхъ, и въ свою очередь доставлять въ Кіевъ большее количество товаровъ изъ сѣверо-западной Европы и изъ своихъ сѣверныхъ колоній, которые перепродавались Кіевлянами въ Грецію. Вообще торговля, какъ въ южныхъ такъ и сѣверныхъ городахъ Руси съ прибытіемъ и утвержденіемъ тамъ княжескаго дома Рюриковичей получила значительное разширеніе; по крайней мѣрѣ мы съ этого времени имѣемъ о ней болѣе извѣстій у тогдашнихъ иноземныхъ писателей, что подтверждаютъ и договоры Олега и Игоря съ Греками, въ которыхъ Русскіе преимущественно заботятся объ удаленіи препятствій къ торговлѣ съ Греками.

Быстрое развитіе торговли въ Кіевѣ и напливъ въ этотъ городъ разныхъ иноплеменниковъ, то для княжей службы, то изъ торговыхъ выгодъ, произвели то, что языческая религія Кіевскихъ Славянъ лишилась своего прежняго господствующаго значенія въ народѣ, такъ что въ Кіевѣ уже при Игорѣ между жителями было множество христіанъ и даже христіанскія церкви; такъ при заключеніи мира съ Греками въ 945 году между Игоревыми посланниками въ Константинополь были и христіане. А когда Игорь при Греческихъ послахъ въ Кіевѣ утверждалъ мирный договоръ клятвою, то въ лѣтописи сказано, что самъ Игорь съ своими людьми, сколько при немъ было язычниковъ, ходилъ на холмъ, гдѣ

стоялъ кумиръ Перуновъ, и тамъ клялися передъ Перуномъ, клали свое оружіе, щиты и золото; а тѣ изъ Руссовъ, которые уже были христіанами, ходили для клятвы въ церковь Св. Иліи, которая была соборною церковью въ Кіевѣ, ибо по словамъ лѣтописи между Варягами тогда уже много было христіанъ. При Ольгѣ, которая сама приняла крещеніе въ Константинополѣ, Христіанство конечно еще болѣе распространилось въ Кіевѣ, и вѣроятно не было сокращено и при Святославѣ, который хотя смѣялся надъ христіанами, но никому не запрещалъ креститься. Но конечно такъ было только въ Кіевѣ и можетъ быть въ сосѣднемъ Придніѣпровьѣ; а напротивъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ языческая вѣра была не только господствующею, но и, вѣроятно, единственною вѣрою.

—

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Владиміръ и Ярославъ.

Владиміръ сдѣлался Великимъ Княземъ Кіевскимъ, когда ему было едва ли 18 лѣтъ отъ роду, и за него и его именемъ всѣми дѣлами заправлялъ его воспитатель и дядя по матери Добрыня Любчанинъ, который какъ истый туземный Славянинъ, воспитанный въ Славянскихъ обычаяхъ, не очень жаловалъ буйныхъ Варяжскихъ дружинниковъ; ему хотѣлось, чтобы его племянникъ Князь былъ окруженъ дружиною изъ туземцевъ, а не изъ иноземцевъ, и чтобы онъ любилъ и жаловалъ земщину и

дорожилъ ею болѣе, чѣмъ сбродною дружиною. А по этому когда буйные Варяги пришедшіе съ Владиміромъ и Добрынею изъ Скандинавіи, по занятіи Кіева сказали Князю: «Кіевъ нашъ, мы добыли его тебѣ, хочемъ имѣть окупъ съ каждаго Кіевлянина по двѣ гривны;» то Владиміръ, наученный Добрынею, отвѣчалъ имъ: «подождите мѣсяцъ, пока вамъ соберутъ деньги». Варяги подождавши мѣсяцъ опять стали просить окупу, и когда Владиміръ опять не далъ, то они сказали ему: «ты обманулъ, покрайней мѣрѣ отпусти насъ въ Грецію;» на что Владиміръ отвѣчалъ имъ: «идите». И выбравъ изъ нихъ лучшихъ, смышленыхъ и храбрыхъ мужей, оставилъ у себя, и роздалъ имъ города для управленія; а остальныхъ отпустилъ, и согласно съ договоромъ дѣда своего Игоря, отправилъ впередъ грамоту къ Греческому Императору; въ которой написалъ: «Идутъ къ тебѣ Варяги, недержи ихъ у себя въ городѣ, они народъ буйный, чтобы не надѣлали у тебя зла, какъ и у меня, а разошли ихъ въ разныя стороны, а назадъ къ намъ непускай ни одного.

Выпроводивши буйныхъ Варяговъ изъ Кіева, Добрыня обратилъ вниманіе Владиміра на языческихъ боговъ Славянскихъ, о которыхъ мало думали прежніе Князья занимавшіеся только военными походами, и вѣроятно державшіеся не Славянскихъ а Скандинавскихъ боговъ. Онъ посовѣтовалъ Владиміру для большаго сближенія съ туземцами, почтить особеннымъ образомъ Славянскихъ боговъ; и Владиміръ, по его совѣту, приказалъ передъ своимъ теремнымъ дворцомъ поставить цѣлый сонмъ Славянскихъ идоловъ, именно деревянный идолъ Перуна съ серебряною головою и золотыми усами, идолы Хорса, Дажбога, Симарглы и Мокоша. И рады были разноплe-

менные Славянскіе язычники такому чествованію своихъ боговъ отъ молодаго Кіевскаго Князя, который первый изъ Князей вспомнилъ о Славянскихъ богахъ, и стали приводить къ дворцу княжескому своихъ сыновей и дочерей и приносить кровавыя жертвы мнимымъ богамъ. Вскорѣ послѣ сего Добрыня былъ отпущенъ въ Новгородъ посадничать, и пріѣхавши туда, поставилъ надъ Волховомъ также кумиръ Перуна, и тамъ народъ на радостяхъ, что посадникъ почтилъ Перуна, сталъ приносить жертвы этому идолу, какъ Богу.

Пока Добрыня былъ при Князѣ и занимался управленіемъ, Владиміръ во все это время гулялъ и пировалъ съ молодыми дружинниками, его столы ломились подъ жирными яствами и подъ сулеями или стопами разныхъ винъ и крѣпкихъ медовъ, вѣщіе пѣвцы по старому обычаю складывали пѣсни про старое былое, про Князей и витязей, и пѣли на княжихъ пирахъ; а по теремамъ княжескимъ сидѣли красныя дѣвицы и молодицы, до которыхъ былъ большой охотникъ сладострастный и необузданный юноша Князь. Лѣтописецъ въ это время насчитываетъ у Владиміра, кромѣ Рогнеды, которую Князь посадилъ въ сельцѣ на Лыбеди, еще четыре жены, да наложницъ триста въ Вышгородѣ, триста въ Бѣлгородѣ и двѣсти на Берестовѣ. Но отпустивши своего воспитателя Добрыню въ Новгородъ, Владиміръ среди пировъ и разгула, придумалъ новый разгулъ своей удалой молодости,—войну, и собравъ дружину пустился на западъ отъ Кіева въ землю ближайшихъ Ляховъ, и забралъ тамъ города Перемышль, Червенъ и другіе; разрозненныя не соединившіяся еще путемъ племена Ляховъ немогли противустоять его удалой дружинѣ, незнавшей

куда лѣться съ своими молодыми силами, ибо къ разгульному удалому Князю повольники шли со всѣхъ сторонъ. Побивши Ляховъ Владиміръ въ то же лѣто ударился совсемъ въ противоположную сторону на востокъ, и перебравшись черезъ Днѣпръ, по слѣдамъ отца, пустился въ лѣсистую страну Вятичей, побилъ ихъ и принудилъ платить дань. Но, недовольный первымъ походомъ, на другое лѣто углубился еще далѣе въ непроходимые лѣса Вятичей и взялъ новую дань. Потомъ еще черезъ годъ пустился воевать, чрезъ непроходимые лѣса и пущи Литовскія, по слѣдамъ Смоленскихъ и Полотскихъ повольниковъ, въ землю дикихъ Ятвяговъ, какого то воинственнаго племени, какимъ то образомъ поселившагося среди Литовскихъ племенъ, и вѣроятно безпокоившаго Полотскія и Кривскія колоніи въ Литовской землѣ. Этотъ походъ Владиміра былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ и трудныхъ, и только удалая дружина удалаго Князя Кіевскаго могла вынести его и воротиться домой съ побѣдою. Ибо хотя въ этомъ краю по Неману и по другимъ рѣкамъ и были колоніи Полочанъ и Кривичей, но тѣмъ неменѣе непроходимыя болота и пущи защищаемыя дикимъ и неукротимымъ племенемъ Ятвяговъ представляли неодолимыя трудности дружинѣ Владиміровой; она должна была выбивать непріятелей изъ каждаго осѣка или завала, гдѣ Ятвяги бились на смерть, и только по ихъ трупамъ можно было проникнуть въ ихъ жилища; въ войнѣ съ Ятвягами о покорности и мирѣ не могло быть и слова, Ятвяговъ можно было только бить и разорять. Но не смотря на всѣ препятствія Владиміръ воротился въ Кіевъ побѣдителемъ, опустошивши страшно землю Ятвяжскую.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ въ благодарность своимъ деревяннымъ богамъ, будто вынесшимъ его изъ Ятвяжской земли нетолько цѣлымъ и невредимымъ, но и съ большою добычею, принесъ ихъ кумирамъ Кіевскимъ обильныя жертвы; весь Кіевскій народъ участвовалъ въ жертвоприношеніяхъ Князя. Усердствуя своимъ мнимымъ богамъ, бояре и старцы Кіевскіе, недовольствуясь кровавыми жертвами разныхъ животныхъ, порѣшили на вѣчѣ принести въ жертву человѣка, и сказали: «мечнемъ жребіи на отрока и на дѣвицу, и на кого падетъ жребіи, того зарѣжемъ богамъ». Какъ сказано, такъ и сдѣлано, кинули жребіи, и выпалъ жребій на одного молодаго Варяга, который пришелъ съ отцемъ изъ Греціи и уже исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Вѣче, вынувши такой жребіи, отправило посланцевъ къ отцу Варяга, чтобы онъ выдалъ сына. Отецъ отвѣчалъ посланнымъ: «ваши боги не боги, а дерево, не дамъ сына своего бѣсамъ». Посланцы съ симъ отвѣтомъ возвратились къ вѣчу. Народъ, бывшій на вѣчѣ, бросился съ оружіемъ къ двору, въ которомъ жилъ Варягъ, и сталъ требовать, чтобы онъ выдалъ сына въ жертву богамъ. Варягъ отвѣчалъ: «ежели ваши боги въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ отъ себя одного бога, и возмутъ моего сына, а вы зачѣмъ сюда пришли»? Раздраженный такимъ отвѣтомъ народъ бросился на Варяга и его сына, и убилъ ихъ на мѣстѣ, и разнесъ ихъ жилище, и тѣмъ кончились жертвоприношенія Владимира за Ятвяжскій походъ.

На другой годъ послѣ Ятвяжскаго похода Владиміръ опять устремился на востокъ отъ Кіева въ землю Радимичей; но это племя такъ было слабо, что передовый

Владиміровъ полкъ предводительствуемый воеводою, по прозванію Волчій Хвостъ, встрѣтивъ ихъ на рѣкѣ Пищанѣ, разбилъ на голову и совершенно покорилъ Кіевскому Князю. И на Руси въ то время сложилось присловье въ насмѣшку Радимичамъ: «Радимичи Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Въ слѣдующій годъ Владиміръ пустился опять на востокъ, въ походъ самый дальній, дальше котораго Кіевскіе Князья еще не углублялись въ эту сторону, именно въ землю богатыхъ Камскихъ Болгаръ. Въ этомъ походѣ участвовалъ и Владиміровъ воспитатель Новгородскій посадникъ Добрыня съ Новгородцами. Владиміръ пустился Окою и Волгою на лодьяхъ въ новую незнакомую ему сторону, попробовать свои силы противъ далекаго богатаго народа, о которомъ конечно много ходило толковъ въ Кіевѣ отъ бывшихъ въ Болгарѣ торговцевъ, и толки по всему вѣроятію были велики. Не объ одномъ богатствѣ и торговлѣ Болгаръ доходили слухи до Владиміра, ему очевидно много было наговорено и о могуществѣ этого богатаго народа; ибо Владиміръ, отправляясь въ Болгарскій походъ, не удовольствовался своею дружиною и ратью Новгородскою, но взялъ съ собою и кочевыхъ наѣздниковъ Торковъ, живущихъ въ ближнихъ степяхъ на югъ отъ Кіева, и велѣлъ имъ идти за своими лодьями берегомъ. Болгары встрѣтили Владиміра и были разбиты. Но Добрыня отсовѣтовалъ Князю продолжать походъ, онъ сказалъ: «я осмотрѣлъ плѣнниковъ, они всѣ въ сапогахъ, это не такой народъ, который бы платилъ намъ дань, пойдемъ искать лапотниковъ». И Владиміръ по этому совѣту Добрыни заключилъ съ Болгарами миръ, и обѣ стороны дали другъ другу клятву, не воевать болѣе;

при чемъ Болгары сказали: «тогда развѣ не будетъ между нами мира, когда камень почнетъ плавать, а хмѣль тонуть на водѣ». Послѣ чего Владиміръ возвратился въ Кіевъ. Неожиданное прекращеніе далекаго похода послѣ первой же побѣды и по совѣту Новгородскаго посадника, ясно показываетъ, что походъ этотъ былъ предпринятъ для Новгородцевъ, которымъ нужно было задать острастку Болгарамъ за какія либо отъ нихъ обиды, по сосѣдству Новгородскихъ колоній съ Болгарами, и въ тоже время вовсе не было нужно, чтобы Владиміръ завладѣлъ Болгаріею или обложилъ Болгарію данью.

Удачные походы Владиміра на западъ и востокъ, а также походы его отца Святослава, и равнымъ образомъ дѣятельная торговля Русскихъ съ Греціею, Хазаріею, Болгаріею и по Балтійскому морю съ западною Европою, далеко распространили славу о Русской землѣ; о ней еще при Святославѣ знали уже въ Римѣ, и тамошній Папа писалъ къ одному Чешскому Князю, чтобы онъ не принималъ священниковъ и клириковъ христіанскихъ отъ Русскихъ, Болгаръ Дунайскихъ и Грековъ. Эта слава о Русской землѣ, а также ласковость Владиміра, его веселый нравъ, привязанность къ пирамъ и удовольствіямъ, потянули въ Кіевъ множество чужеземцевъ съ разныхъ сторонъ, и между таковыми пришельцами стали являться къ Владиміру и проповѣдники разныхъ вѣръ. И первые явились Магометане Болгары, которые въ послѣднемъ походѣ Кіевскаго Князя на ихъ землю, увидавши его силу въ битвахъ, задумали поскорѣе преклонить его къ своей вѣрѣ. Еще сладострастному и молодому Владиміру магометанскіе послы первоначально очень понравились. онъ съ сладостію

слушалъ ихъ разсказы о многоженствѣ и о Магометовомъ раѣ съ его гуріями-красавицами; но когда дѣло дошло до обрѣзанія и до запрещенія ѣсть свиное мясо и пить вино, то это охладило его къ магометанству, и онъ сказалъ проповѣдникамъ: «Руси есть веселіе пити, не можемъ быть безъ того», и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Въ слѣдъ за неудачною попыткою Магометанъ, пришли Нѣмцы, посланниками отъ Римскаго папы, и начали хвалить свою вѣру, говоря: «вѣра наша свѣтъ, мы кланяемся Богу сотворшему небо и землю, звѣзды и мѣсяцъ и всякое дыханіе, а ваши боги дерево; но и Нѣмцы не понравились Владиміру, и онъ отпустилъ ихъ, сказавъ: «отцы наши сего не приняли». За Нѣмцами явились Жиды изъ Хазаріи, и стали выхвалять свою вѣру и порицать другія вѣры; Владиміръ, выслушавши ихъ, сказалъ: «гдѣ ваша земля?» Они отвѣчали: «во Іерусалимѣ.» А тамъ ли вы живете спросилъ опять Владиміръ; на это проповѣдники сказали: «Богъ разгнѣвался на нашихъ отцовъ и расточилъ ихъ по странамъ». Тогда Владиміръ отпустилъ ихъ съ такимъ отвѣтомъ: «вы сами отвержены Богомъ и расточены, и учите еще другихъ, или хотите, чтобъ и насъ Богъ отвергъ и расточилъ. Наконецъ пришелъ къ Владиміру философъ, присланный Греками, началъ порицать вѣры прежнихъ проповѣдниковъ, и такъ запялъ Князя своею проповѣдью, что Владиміръ вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ, въ которомъ Грекъ успѣлъ передать Князю довольно подробно ученіе своей вѣры, начиная отъ сотворенія міра, и наконецъ развернулъ передъ Владиміромъ завѣсу, на которой былъ изображенъ страшный судъ, гдѣ праведники, стоящіе одесную, представлены въ веселіи идущи-

ми въ рэй; а грѣшники, написанные ошуюю, идущими въ вѣчную муку. Такая картина сильно встревожила Владиміра, и онъ вздохнувъ сказалъ. «добро симъ одесную и горе симъ ошуюю». Грекъ, замѣтивъ это, покончилъ свою проповѣдь словами: «ежели хочешь стать одесную съ праведными, то крестись». Владиміръ, еще нерѣшившись окончательно, сказалъ: «подожду немного», и отпустилъ Грека съ богатыми дарами.

Отпустивъ проповѣдниковъ, Владиміръ созвалъ начальныхъ людей изъ дружины и земщины и сказалъ имъ: «ко мнѣ приходили и Болгары, и Нѣмцы, и Жиды и Греки, и хвалили каждый свой законъ, особенно много говорилъ Грекъ, и сказалъ, что есть другой свѣтъ, и кто въ ихъ вѣру вступитъ, то по смерти возстанетъ и не умретъ вовѣки, а кто ихой законъ приметъ, тотъ по смерти на томъ свѣтѣ будетъ горѣть въ огнѣ. А что вы мнѣ посовѣтуете, какой отвѣтъ дадите на это.» Бояре и старцы (начальные люди въ дружинѣ и земщинѣ) отвѣчали: «Княже! ты знаешь, что никто своего закона не хулитъ, а хвалитъ. А ежели хочешь узнать хорошенько, то имѣешь у себя мужей, пошли ихъ, пусть испытаютъ, какъ кто служитъ Богу». Рѣчь эта понравилась Владиміру и всѣмъ, и избравши десять добрыхъ и смышленыхъ мужей, отправили ихъ сперва къ Болгарамъ; посланные воротившись изъ Болгаріи въ Кіевъ, разсказали, какъ Магометане служатъ Богу, и нашли службу ихъ омерзительною. Потомъ Владиміръ сказалъ имъ: «идите къ Нѣмцамъ и оттуда къ Грекамъ». Посланные такъ и сдѣлали, и когда пришли въ Царьградъ; то тамошній Императоръ, узнавши за чѣмъ они пришли, принялъ ихъ съ великою честію, и на другой день велѣлъ патріарху

устроить службу во всемъ величіи, какъ въ праздникъ, и освѣтить всю церковь. И когда все сіе было устроено, то Императоръ самъ отправился съ Русскими послами въ церковь, и велѣлъ ихъ поставить на такомъ мѣстѣ, чтобы ихъ было видно все великолѣпіе церковной службы. Посланникамъ Греческая служба такъ понравилась, что они стояли въ изумленьи. Послѣ чего Императоръ отпустилъ ихъ домой съ богатыми дарами.

Когда послы воротились въ Кіевъ, то Владиміръ велѣлъ собрать бояръ и старцевъ, и сказалъ имъ: «вотъ пришли мужи посланные нами, послушаемъ, что они скажутъ.» И послы начали говорить· «были мы въ Болгарахъ и смотрѣли, какъ они поклоняются въ своемъ храмѣ; стоя безъ пояса поклонившись сядетъ и озирается по сторонамъ какъ бѣшеный, и нѣтъ веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣтъ ничего добраго въ ихъ законѣ. Были у Нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ множество службъ, а красоты никакой нѣтъ. Но когда мы пришли къ Грекамъ и насъ ввели туда, гдѣ они служатъ Богу, то мы не знаемъ на небѣ ли мы были, или на землѣ; нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты, и мы недоумѣваемъ что сказать, только одно знаемъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ человѣками, и служба Греческая выше службы всѣхъ странъ. Мы же не можемъ забыть такой красоты: ибо какъ всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, уже не принимаетъ горькаго, такъ и мы не можемъ остаться при прежней нашей вѣрѣ.» На такую рѣчь посланныхъ бояре сказали Князю:, «ежели бы худъ былъ Греческій законъ, то бабка твоя Ольга непріняла бы его, а она была мудрѣйшая изъ людей». Владиміръ ска-

залъ на это: «гдѣ же принять крещеніе?» и бояре отвѣчали: «гдѣ тебѣ любо».

Миновалъ годъ, по возвращеніи пословъ въ Кіевъ, и Владиміръ отправился съ войскомъ на Греческій городъ Корсунь, лежавшій неподалеку отъ нынѣшняго Севастополя, въ Крыму. Корсунцы затворились въ городѣ, и Владиміръ сталъ съ своимъ войскомъ по заливу, въ разстояніи отъ города на одинъ выстрѣлъ. Корсунцы защищались крѣпко, но также крѣпко осаждалъ городъ Владиміръ, и послалъ сказать гражданамъ: «три года буду стоять, ежели вы не сдадитесь». Но эта угроза не дѣйствовала, и Владиміръ приказалъ воинамъ обвести городъ валомъ. Наконецъ одинъ Корсунянинъ Анастасъ пустилъ въ Русскій лагерь стрѣлу съ запискою, въ которой совѣтовалъ Владиміру перекопать на восточной сторонѣ трубы, черезъ которыя вода проходила въ городъ; по этому совѣту трубы были перекопаны, и городъ, томимый жаждою, сдался. Владиміръ, взявши Корсунь послалъ въ Царьградъ сказать тамошнимъ Императорамъ: «выдайте за меня сестру свою Анну, а ежели не выдадите, то я и съ вашимъ городомъ сдѣлаю тоже, что съ Корсунемъ». Императоры чрезъ посольство отвѣчали Владиміру: «ежели ты крестишься, то мы выдадимъ за тебя свою сестру, а ежели не крестишься, то не можемъ выдать». Владиміръ сказалъ посланнымъ: «скажите Царямъ, что я крещуся, ибо узналъ уже прежде о вашемъ законѣ, и ваша вѣра мнѣ полюбилась.» По этому отвѣту Владиміра Греческіе Императоры Василій и Константинъ отправили въ Корсунь свою сестру Царевну Анну; по прибытіи царевны у Владимира заболѣли глаза, такъ что онъ ничего немогъ видѣть; царевна посовѣтовала ему

креститься, чтобы получить изцѣленіе. Владиміръ послушалъ совѣта, крестился и получилъ изцѣленіе, и за нимъ, видѣвши чудо, крестились и многіе дружинники; потомъ Владиміръ вступилъ въ бракъ съ царевною. Послѣ чего, взявши царевну, Анастаса, Корсунскихъ священниковъ, мощи Св. Климента и Фива, церковные сосуды и иконы, и возвративши Корсунь Грекамъ, вмѣсто вѣна за царевну, Владиміръ возвратился въ Кіевъ.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ немедленно велѣлъ уничтожить кумиры, которые побросать, которые разсѣчь, которые сжечь, а Перуновъ кумиръ приказалъ привязать къ конскому хвосту, и волочить съ горы по Боричеву къ рѣкѣ и бить палками, а потомъ кинуть въ Днѣпръ, отталкивать отъ берега до пороговъ, и за порогами бросить. Усердные язычники Кіевскіе взвыли, увидя такое поругаше кумира Перунова; но очевидно таковыхъ взвывателей было не много. И когда Владиміръ въ тотъ же день послалъ глашатаевъ по городу кликать: «ежели кто на завтра не придетъ къ рѣкѣ, богатый ли или убогій, нищій ли или работникъ, тотъ будетъ мнѣ противенъ»; то народъ съ радостію принялъ такое приглашеніе, и люди говорили между собою: «ежели бы это было не добро, то Князь и бояре не приняли бы сего». И на другой день утромъ, когда Владиміръ съ священниками вышелъ къ рѣкѣ, то уже тамъ собралось безчисленное множество народа: иные стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, дѣти около берега, а младенцевъ держали взрослые на рукахъ; священники начали читать молитвы и совершать крещеніе, и люди принявши крещеніе спокойно разошлись по домамъ. Воротился домой и Князь послѣ такаго небес-

наго торжества, и далъ повелѣніе строить христіанскія церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли кумиры языческіе, и поставилъ на холмѣ Перуновомъ церковь Св. Василія; потомъ Владиміръ разослалъ своихъ вѣрныхъ мужей и священниковъ по другимъ Русскимъ городамъ и селамъ, чтобы ставили церкви и приводили людей къ крещенію. А между тѣмъ для успѣшнѣйшаго утвержденія христіанства въ народѣ, онъ повелѣлъ брать дѣтей изъ значительныхъ семействъ и отдавать въ книжное ученіе, чтобы на будущее время имѣть изъ Русскихъ людей способныхъ къ принятію священства, и вообще, чтобы новая вѣра имѣла между Русскими своихъ хорошо обученныхъ и свѣдущихъ людей.

Утвердивши христіанство въ Кіевѣ, Владиміръ разослалъ своихъ уже крещеныхъ сыновей по разнымъ значительнымъ городамъ, чтобы они и тамъ старались объ утвержденіи христіанства: именно Вышеслава старѣйшаго сына, посадилъ въ Новгородѣ, и когда Вышеславъ умеръ, то перевелъ туда Ярослава изъ Ростова, а въ Ростовѣ посадилъ Бориса, въ Муромѣ Глѣба, въ землѣ Древлянской Святослава, во Владимірѣ Волынскомъ Всеволода, въ Полотскѣ Изяслава, въ Туровѣ Святополка и въ Тмутаракани Мстислава. Потомъ онъ началъ строить города по Деснѣ, Острую, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, и населять ихъ охотниками изъ Славянъ, Кривичей, Чуди и Вятичей, чтобы укрѣпить границы своихъ владѣній съ степной стороны отъ напора Печенѣговъ, которые годъ отъ года все болѣе надвигались на Русскія границы и были въ постоянной войнѣ съ Русскими.

Владиміръ принялъ крещеніе въ 988 году, т. е. на

26-мъ году отъ рожденія, въ такомъ возрастѣ, когда война бываетъ особенно любимымъ занятіемъ для человѣка воинственнаго, каковымъ уже показалъ себя Владиміръ; но Христіанская вѣра такъ на него подѣйствовала, что онъ вдругъ изъ воинственнаго сдѣлался самымъ миролюбивымъ Княземъ, и въ продолженіе 27 лѣтъ своей жизни послѣ крещенія не предпринималъ ни одного похода по собственному желанію, и воевалъ только вызываемый необходимостію, для защиты Русскихъ владѣній, и почти единственно только противъ Печенѣговъ, которые не давали покоя пограничнымъ Русскимъ городамъ. Не противъ Печенѣговъ у Владиміра послѣ крещенія была только одна война въ землѣ Хорватской въ 992 году, куда князь ходилъ для защиты западныхъ Русскихъ границъ отъ нападеній воинственнаго Польскаго Князя Болеслава Храбраго; походъ этотъ кончился тѣмъ, что Болеславъ прислалъ своихъ пословъ заключить миръ съ Владиміромъ, и обязался не нападать на Русскія границы. Только что Владиміръ воротился съ Хорватскаго похода, какъ уже ему нужно было идти противъ Печенѣговъ, которые навалились на юго-восточныя Русскія границы. Владиміръ встрѣтилъ Печенѣговъ на Трубежѣ, и сталъ съ своимъ войскомъ по правому берегу рѣки, а Печенѣги по лѣвому, и ни Русскіе, ни Печенѣги не рѣшались перебраться черезъ рѣку. Между тѣмъ Печенѣжскій Князь разъѣзжая по своему берегу сталъ говорить Владиміру: «выпусти ты своего богатыря, а я своего, и пусть они поборятся другъ съ другомъ; и ежели твой ударитъ о землю моего, то не будемъ воевать въ вашей землѣ три лѣта; а ежели мой ударитъ твоего, то будемъ воевать вашу землю три лѣта.» Владиміръ согласился на вызовъ и послалъ по своему стану

бирючей кликать: не вышется ли такой богатырь, который бы схватился съ Печенѣжиномъ. Но въ богатыряхъ Владиміровой дружины таковаго не отыскалась, а поутру на другой день Печенѣги выставили своего. Опечаленный Владиміръ послалъ бирючей и въ земскую рать не вышется ли тамъ такаго богатыря. Тогда пришелъ къ Владиміру одинъ старый воинъ изъ земской рати и сказалъ: «Княже! есть у меня одинъ сынъ меньшій дома, а съ четырьмя я вышелъ, а онъ остался дома, а изъ дѣтства не встрѣчалось такого человѣка, который бы могъ побороть его; разъ я его побранилъ, а онъ въ это время мялъ сырую кожу, и такъ разсердился на меня, что разодралъ кожу руками.» Обрадованный Князь послалъ за молодцомъ, и когда тотъ пришелъ, то Князь сказалъ ему: «тебѣ нужно биться съ Печенѣжиномъ.» «Незнаю, Княже! замѣтилъ молодецъ, одолѣю ли я его, вели прежде испытать меня, нѣтъ ли здѣсь большаго и сильнаго быка?» И нашли быка огромнаго и сильнаго, и раздразнивши его горячимъ желѣзомъ выпустили на витязя; витязь уноровилъ такъ, что когда быкъ бѣжалъ на него, то онъ ухватилъ его за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько рука захватила. Владиміръ, довольный опытомъ, сказалъ витязю: «можешь бороться съ Печенѣжиномъ». На другой день Печенѣги опять явились и говорили Русскимъ: «нашли ли вы богатыря, а нашъ готовъ»; тогда Владиміръ велѣлъ своему молодцу одѣться во всю ратную сбрую и приготовиться къ битвѣ. И выступилъ Печенѣжскій богатырь огромный ростомъ и страшный видомъ, выступилъ и Владиміровъ витязь, середній ростомъ и очень молодой; Печенѣжинъ увидавъ его засмѣялся; потомъ отмѣрили мѣсто между обоими полка-

ми; богатыри схватились и начали давить другъ друга, и Русскій такъ тиснулъ Печенѣжина, что кости затрещали и тотъ испустилъ духъ. Печенѣги, видя гибель своего богатыря, обратились въ бѣгство, а Русскіе стали рубить ихъ въ догонку. Владиміръ же, возвратясь въ Кіевъ, принялъ въ свою дружину въ число приближенныхъ мужей и витязя-побѣдителя и его отца.

Между тѣмъ продолжала строиться большая церковь Пресвятой Богородицы, заложенная Владиміромъ еще на другой годъ по принятіи крещенія, и которую строили нарочно вызванные изъ Греціи мастера. Наконецъ въ 996 году церковь эта была покончена строеніемъ; и Владиміръ, довольный и окончаніемъ строенія и благолѣпіемъ церкви, на освященіи ея сдѣлалъ великій праздникъ своимъ боярамъ и городскимъ старцамъ и роздалъ обильную милостыню убогимъ. Потомъ, по общему согласію съ своею супругою, съ дѣтьми и съ боярами, далъ на содержаніе сей церкви десятину отъ всего княжескаго имѣнія и отъ всѣхъ княжихъ городовъ, и назвалъ эту церковь соборною церковью.

Стараясь постепенно оставлять всѣ свои старые обычаи и живя въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями, и съ Болеславомъ Польскимъ, и съ Стефаномъ Угорскимъ, и съ Ольдрихомъ Чешскимъ и съ другими, Владиміръ не оставлялъ только одного своего стараго обычая, — привязанности къ пирамъ и гостепріимству. Въ этомъ отношеніи Владиміръ, и по принятіи христіанства, остался прежнимъ веселымъ хозяиномъ, и постоянно заботился, чтобы его домъ былъ полонъ гостей и чтобы гости были веселы и довольны. Каждый богатый пріѣзжій торговецъ, каждый богатырь, или чѣмъ либо замѣчательный

человѣкъ, смѣло шелъ къ красному солнышку Князю Кіевскому, такъ звали Владиміра современники, и каждый приходящій былъ принимаемъ ласково, вступалъ въ бесѣду съ Княземъ и вельможами и былъ угощаемъ обильно, сколько душа хотѣла. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ на своемъ дворѣ въ гридницѣ учредилъ еженедѣльные пиры, на которые приходили бояре, гриди, сотскіе, десятскіе, и нарочитые мужи при Князѣ и безъ Князя, и гдѣ всегда были готовы столы ломившіеся подъ тяжестію разныхъ яствъ и крѣпкихъ напитковъ. И когда одинъ разъ гости, подпивши порядкомъ, стали роптать на Князя, что на его пирахъ они ѣдятъ не серебряными, а деревянными ложками; то Князь велѣлъ сковать серебряныя ложки, и при семъ сказалъ: «я серебромъ и золотомъ не могу пріобрѣсти дружины, а съ дружиною добуду серебра и золота, какъ добывали мой дѣдъ и отецъ.» Но веселые пиры не мѣшали Владиміру думать и о тѣхъ, которымъ пировать не на что. Слушая разныя поученія духовныхъ пастырей о милостыни, онъ велѣлъ кликать кличь, чтобы всѣ нищіе и убогіе въ Кіевѣ приходили на княжій дворъ и брали все, что имъ нужно и пищею и питьемъ и даже деньгами. Потомъ сказалъ: «больные и немощные немогутъ дойти до моего двора, приготовьте телѣги, накладите въ нихъ хлѣба, мяса, рыбы, всякаго овоща и въ бочкахъ меду и квасу, и везите по городу и кличьте: гдѣ больные и нищіе немогущіе ходить? и раздавайте имъ все нужное».

Пиры и веселья не мѣшали Владимиру въ тоже время заботиться и о лучшемъ устройствѣ своихъ владѣній и о защитѣ ихъ отъ непріятелей. По словамъ лѣтописи Владиміръ очень любилъ дружину и съ нею думалъ «о строи

земленемъ, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленемъ.» По указанію народныхъ преданій, Владиміромъ были учреждены заставы и разъѣздныя станицы богатырей для наблюденія за безпокойными Печенѣгами и всякою степною поганью, которые постоянно разъѣзжали по ближайшимъ степямъ, не пропускали степныхъ грабителей, или подавали вѣсти въ Кіевъ, когда изъ глубины степей поднимались большія полчища варваровъ. А по свидѣтельству одного иностранца, бывшаго въ Кіевѣ при Владимірѣ и ѣздившаго оттуда въ степи къ Печенѣгамъ, Владиміромъ была проведена пространная линія засѣкъ по Русской границѣ обращенной къ степямъ. Но разъѣзды станичниковъ и засѣки не всегда удерживали степныхъ грабителей Печенѣговъ: они иногда безвѣстно успѣвали прорываться къ Русскимъ городамъ и заставали Владиміра въ разсплохъ. Такъ въ 996 году Печенѣги прорвались къ Васплеву, и Владиміръ могъ встрѣтить ихъ только съ малою дружиною и былъ разбитъ, и едва самъ могъ спастися отъ смерти или плѣна, спрятавшись подъ мостомъ. Избавившись такой опасности Владиміръ, въ благодарность Богу, поставилъ въ Васплевѣ церковь во имя Преображенія, ибо сѣча была въ день Преображенія Господня, и тутъ же въ Васплевѣ праздновалъ восемь дней, приказалъ сварить 300 варь меду и угощалъ своихъ дружинниковъ и народъ, и роздалъ нищимъ триста гривенъ. Потомъ, возвратившись въ Кіевъ къ празднику Успенія Пресвятыя Богородицы, Владиміръ также сдѣлалъ большой пиръ и угощалъ народъ, и повторялъ праздникъ своего избавленія каждый годъ.

Уменъ, свѣтелъ и радостенъ былъ Владиміръ, и весело при немъ жилось въ Кіевѣ. Роскошные пиры лас-

ко́ваго Князя, богатства пріобрѣтаемыя дѣятельною торговлею, пріѣзды торговыхъ иноземцевъ, множество дружинниковъ, толпившихся при дворѣ княжескомъ, богатыхъ военными добычами и щедрымъ жалованьемъ Князя, множество данеій, стекавшихся въ Кіевскую княжую казну изъ разныхъ областей,—все это, взятое вмѣстѣ, дѣлало Кіевъ веселымъ и роскошнымъ. Туда торговля приносила золото и серебро и драгоцѣнныя ткани изъ Греціи, туда шли богатые пушные товары изъ дальнихъ сѣверо-восточныхъ областей Новгородскихъ, туда стекались богатые Азіатскіе товары изъ Камской Болгаріи. И богатый Кіевъ наслаждался спокойствіемъ и довольствомъ и былъ доволенъ своимъ Княземъ, краснымъ солнышкомъ; но не такъ были довольны иные города Русскіе, откуда собирались дани въ княжую казну Кіевскую, и особенно богатства и слава Кіева кололи глаза богатому и знаменитому Новгороду. Новгородцы, помогавшіе Владиміру въ войнѣ съ Ярополкомъ и въ занятіи Кіева, были недовольны тѣмъ, что богатый Князь Кіевскій продолжалъ брать съ Новгорода ежегодную дань, еще учрежденную Олегомъ, и увеличенную, кажется Владиміромъ, отъ 300 гривенъ до 2,000 гривенъ; и въ слѣдствіе таковаго неудовольствія, Владиміровъ сынъ Ярославъ, княжившій въ Новгородѣ, и также почему-то недовольный отцомъ, вдругъ пересталъ высылать обычную дань въ Кіевъ, началъ готовиться къ войнѣ и пригласилъ Варяговъ изъ за моря. Узнавши объ этомъ, Владиміръ также сталъ собирать войско и приказалъ готовить дороги и мостить мосты, желая самъ идти на своего сына и Новгородцевъ; но среди военныхъ приготовленій занемогъ и 15-го Іюля 1015 года скончался въ любимомъ своемъ селѣ Берестo-

вѣ, еще далеко не въ старости, имѣя отъ роду неболѣе пятидесяти четырехъ лѣтъ.

Приближеннѣйшіе дружинники, бывшіе съ Владиміромъ въ Берестовѣ, хотѣли скрыть кончину Князя; ибо въ это время, любимый отцомъ и народомъ сынъ Владиміровъ, Князь Борисъ, стоялъ въ степи съ отцовскою дружиною и земскою ратью противъ Печенѣговъ, а въ Кіевѣ жилъ нелюбимый отцомъ сынъ, Князь Святополкъ. Но смерть Владиміра не могла утаиться; Кіевляне стали стекаться въ Десятинную церковь Богородицы, куда тайно перенесено было тѣло Владиміра; и по рыданіямъ и воплямъ народа Святополкъ догадался, что отца уже не стало; и зная, что народъ и дружина любятъ Бориса, Святополкъ поспѣшилъ объявить себя Княземъ Кіевскимъ, созвалъ Кіевлянъ и началъ раздавать имъ богатства изъ казны княжескоій. Кіевляне принимали подарки, но не выказывали особаго усердія къ Святополку, ибо братья ихъ стояли на степи съ Борисомъ. Замѣтивъ это, Святополкъ тайно ночью бѣжалъ въ Вышгородъ, гдѣ, кажется, былъ посадникомъ его приверженецъ Путьша, и собравъ тамошнихъ дружинниковъ, сказалъ имъ: «будете ли мнѣ пріятели отъ всего сердца.» Путьша и Вышгородская княжая дружина отвѣчали: «готовы за тебя и головы сложить.» Тогда Святополкъ сказалъ: «не говоря никому, подите и убейте брата моего Бориса;» тѣ дали слово, что исполнятъ приказаніе княжеское, и пошли искать Бориса. Борисъ же, не встрѣтивши Печенѣговъ въ степи, уже возвращался домоій, и въ это время пришла къ нему вѣсть о смерти отца; опечаленный этою вѣстію онъ дошелъ до рѣки Альты и остановился. Тутъ приближенные его стали ему говорить: «при тебѣ отцовская дру-

жина и войско, иди и княжь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ.» На это Борисъ отвѣчалъ: «я не подыму рукъ на старшаго брата.» Тогда дружина и войско разошлись и Борисъ остался въ шатрѣ на Альтѣ съ своими слугами. Въ это время напали на его слѣдъ убійцы, посланные Святополкомъ; они подошли къ шатру вечеромъ, когда Борисъ готовился ко сну и дочитывалъ вечернія молитвы, и только что онъ кончилъ молиться и легъ, ворвались въ шатеръ и поразили копьями Бориса и его слугъ, и обвернувъ его тѣло въ шатерное полотно, отвезли къ Святополку, который, замѣтивъ что Борисъ еще живъ, приказалъ двумъ Варягамъ приколоть его. Управившись съ Борисомъ, Святополкъ послалъ убить единоутробнаго брата его Глѣба, который по ложной вѣсти о болѣзни отца спѣшилъ изъ Мурома въ Кіевъ; убійцы посланные Святополкомъ встрѣтились съ нимъ на Смядыни подъ Смоленскомъ въ лодьѣ,—они захватили лодью и приказали зарѣзать Глѣба его же повару какому-то Торчину. Услыхавши объ убіеніи братьевъ, Святославъ Князь Древлянскій бѣжалъ было въ Венгрію, но былъ пойманъ и также убитъ посланными Святополка. Святополкъ, отдѣлавшись отъ трехъ братьевъ, уже замышлялъ перебить и остальныхъ, чтобы одному княжить во всей Русской землѣ.

Между тѣмъ Ярославъ поссорился съ Новгородцами по слѣдующему случаю: Варяги, приглашенные имъ изъ за моря для войны съ отцомъ, зажившись безъ дѣла, начали буйствовать и дѣлать насилія Новгородцамъ и ихъ женамъ Оскорбленные Новгородцы зазвали Варяговъ на дворъ Парамона, и тамъ ихъ избили; Ярославъ оскорбленный этимъ ушелъ на Ракомъ, сѣлъ въ своемъ дворѣ и послалъ сказать Новгородцамъ: «мнѣ уже не воскресить

убитыхъ», и лестію зазвавъ къ себѣ нарочитыхъ мужей участвовавшихъ въ убійствѣ, приказалъ ихъ убить. А въ это время въ ночь пришла къ нему вѣсть отъ сестры Предславы, жившей въ Кіевѣ, что отецъ умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ уже Бориса, послалъ убить Глѣба и добирается до него. Эта вѣсть страшно опечалила Ярослава, ему жалко было и отца и избитыхъ Новгородцевъ; впрочемъ онъ еще не отчаявался примириться съ Новгородомъ, и на утро собравъ Новгородцевъ на вѣче, сталъ говорить народу, заливаясь слезами: «о любезная моя дружина, которую вчера избилъ, а нынѣ понадобилась; отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и избиваетъ братью». Новгородцы, любившіе Ярослава, съ дѣтства княжившаго у нихъ и привыкшаго къ ихъ вольнымъ обычаямъ, не помянули вчерашней обиды и въ одинъ голосъ отвѣчали: «хотя братьи наши изсѣчены, но мы еще можемъ постоять за тебя;» и тутъ же на вѣчѣ порѣшили, во что бы то ни стало, поддержать Ярослава противъ Святополка, собрали сорокъ тысячъ воиновъ, къ нимъ Ярославъ присоединилъ тысячу Варяговъ, и отправился въ походъ на Святополка. Передъ отправленіемъ въ походъ, призвавши имя Божіе, онъ сказалъ: «не я почалъ избивать братью, но Святополкъ; да будетъ Богъ мститель крови моихъ братьевъ, онъ безъ вины пролилъ кровь братьевъ моихъ Бориса и Глѣба, не ждать же мнѣ, чтобы и со мной сдѣлалъ тоже».

Святополкъ, получивши вѣсть о походѣ Ярослава, собралъ многочисленное войско, составленное изъ Русскихъ и Печенѣговъ, и двинулся на встрѣчу; они сошлись у Любеча на Днѣпрѣ, и стали другъ противъ друга по обоимъ берегамъ Днѣпра, не рѣшаясь перейти рѣку ни тотъ

ни другоїй, и такъ стояли три мѣсяца; но однажды Святополковъ воевода, старый Владиміровъ дружинникъ Волчій Хвостъ, разъѣзжая по своему берегу, сталъ кризать Новгородцамъ: «еї вы плотники! зачѣмъ пришли съ своимъ хромцомъ-то, вотъ мы васъ поставимъ рубить хоромы.» Новгородцы этимъ очень обидѣлись и сказали Ярославу: «княже! готовься, завтра же чѣмъ свѣтъ мы переведемся къ нимъ, а кто съ нами не пойдетъ, того сами убьемъ». Былъ уже заморозъ, Святополкъ стоялъ между двумя озерами и всю ночь пилъ съ дружиною, неожидая нападенія. Новгородцы же съ Ярославомъ, какъ сказали, чѣмъ свѣтъ перевезлися черезъ Диѣпръ, и вышедши на берегъ, оттолкнули лодки, чтобы и не думать объ отступленіи, и тутъ же на берегу начали страшную сѣчу, такъ что не давши сроку Печенѣгамъ, стоявшимъ за озеромъ, соединиться съ Святополкомъ, притиснули дружину Святополка къ озеру и принудили вступить на ледъ, который подъ нею проломился. Разбитый такимъ образомъ Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ безпрепятственно занялъ Кіевъ.

Но не спокоїно и не продолжительно было Ярославово княжествованіе въ Кіевѣ. На весну же слѣдующаго года явились Печенѣги, ворвались въ самый Кіевъ и битва съ ними продолжалась цѣлый день, только къ вечеру Ярославу удалось одолѣть сихъ варваровъ; потомъ въ Кіевѣ былъ страшный пожаръ, истребившій множество церквей и домовъ; а еще черезъ годъ пришли вѣсти, что Болеславъ Король Польскій съ большимъ воїйскомъ ведетъ своего зятя Святополка сажать на Кіевскій престолъ. Ярославъ по этимъ вѣстямъ, собравъ придѣпровскую Русь, Варяговъ и Новгородцевъ, бывшихъ еще

при немъ, двинулся на Волынь и встрѣтилъ Болеслава и Святополка на Бугѣ. Здѣсь противники остановились, несмѣя перейдти рѣку одинъ въ виду другаго, и съ Ярославомъ случилось тоже, что было съ Святополкомъ подъ Любечемъ: Ярославовъ воспитатель, воевода по имени Будый, разъѣзжая по своему берегу сталъ насмѣхаться надъ Болеславомъ и кричать: «погоди, вотъ мы рожномъ пропоремъ твое толстое пузо!» Дѣйствительно тучный Болеславъ, едва сидѣвшій на конѣ, обидѣлся такою насмѣшкою; и сказавъ своей дружинѣ, ежели такая насмѣшка надъ вашимъ Королемъ не оскорбляетъ васъ, то я одинъ погибну, тотчасъ сѣлъ на коня бросился въ рѣку, а за нимъ пустилось и войско. Ярославъ неожидавшій такаго нападенія, не успѣлъ ополчиться и разбитый на голову, только самъ-пятъ, бѣжалъ въ Новгородъ, Болеславъ же съ Святополкомъ безпрепятственно вошелъ въ Кіевъ и велѣлъ развести свое войско по городамъ на покормъ. И начали Поляки и ихъ союзники Нѣмцы и Венгры вездѣ буйствовать, грабить и оскорблять народъ разными насиліями; и этимъ возбудили противъ себя жителей, которые, будучи выведены изъ терпѣнія, и тайно побуждаемые самимъ Святополкомъ, стали избивать непрошеныхъ и буйныхъ гостей. Видя это Болеславъ, забравъ Ярославово имущество, бывшее въ Кіевѣ, его бояръ и сестеръ, поспѣшилъ удалиться въ Польшу съ большимъ полономъ, и снова присоединилъ къ Польшѣ Червенскіе города, захваченные въ свое время Владиміромъ.

Между тѣмъ Ярославъ, самъ-пятъ прибѣжавши въ Новгородъ, хотѣлъ уже бѣжать за море; но Новгородцы съ своимъ посадникомъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, изрубили Ярославовы лодьи, и сказавъ ему: «мы еще

хочемъ биться съ Болеславомъ и Святополкомъ,» начали собирать въ казну отъ мужа по четыре куны, а отъ старостъ до десяти гривенъ и отъ бояръ по осьмнадцати гривенъ; и собравъ деньги, наняли Варяговъ, собрали и свое войско, и повели Ярослава на Кіевъ. На этотъ разъ Святополкъ не рѣшился защищать Кіева, бѣжалъ къ Печенѣгамъ, и привелъ ихъ безчисленные полки. Ярославъ пошелъ къ нему навстрѣчу, остановился на Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ, и приготовившись къ битвѣ, воздѣвъ руки къ небу, повелъ такую рѣчь: «кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ Владыко! мсти крови праведнаго сего, какъ мстилъ крови Авелевой, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье, такъ положи и на семъ». И помолясь, воскликнулъ: «братья мои хотя вы уже отошли отъ насъ тѣломъ, но молитвою помогите мнѣ на этого гордаго и противнаго убійцу;» и съ сими словами бросился въ битву. Все Альтское поле покрылось ратными, и съ ранняго утра началась страшная сѣча, какой еще не бывало на Руси, рубились схватившись за руки, три раза сходились и расходились, кровь текла ручьями по полю, и только къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ. Во время бѣгства напало на него какое то особое разслабленіе и ужасъ, онъ не могъ сидѣть на конѣ, вѣрные отроки несли его на носилкахъ и принесли къ Берестью (нынѣшній Брестъ-Литовскій); ему все казалось, что за нимъ гонятся; онъ безпрестанно кричалъ: «бѣгите, насъ нагоняютъ», и не хотѣлъ нигдѣ остановиться; и такимъ образомъ ни кѣмъ не гонимый пробѣжалъ Русскую и Польскую землю, и погибъ въ пустынѣ между Польшею и Богеміею, заслуживъ у современниковъ имя окаяннаго, братоубійцы.

Ярославъ, торжествуя полную побѣду надъ врагомъ, прибылъ въ Кіевъ измученный битвою, въ пыли, крови и потѣ; Кіевляне, разумѣется не противились его вступленію въ городъ, они не принимали участія въ междоусобіи братьевъ, воевали и бились только княжія дружины, союзники Святополка Печенѣги, да союзники Ярослава Варяги и Новгородцы. Утвердившись въ Кіевѣ и давши отдыхъ себѣ, дружинѣ и союзникамъ, Ярославъ съ великою благодарностію отпустилъ храбрыхъ Новгородцевъ, главныхъ виновниковъ его торжества, и надѣлилъ ихъ дарами по десяти гривенъ каждому, и сверхъ того далъ имъ грамоту и уставъ, въ которыхъ, судя по дошедшему до насъ списку, Новгородъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ судебныхъ пошлинъ въ княжую казну.

Послѣ бѣгства и смерти Святополковой, на Руси осталось три владѣтельныхъ Князя и три отдѣльныхъ княжества. Ярославъ владѣлъ Кіевомъ и всѣмъ Приднѣпровьемъ, ему же принадлежали Волынь и всѣ западныя земли принадлежавшія Владиміру; Брячиславъ Изяславичь, племянникъ Ярослава, княжилъ въ Полотскѣ и во всѣмъ тамошнемъ краю по западной Двинѣ и Неману въ Русскихъ колоніяхъ, разсыпанныхъ въ Литовской землѣ вплоть до Балтійскаго моря; и Мстиславъ братъ Ярославовъ владѣлъ Тмутараканью и всѣми Русскими землями въ южныхъ предѣлахъ погромленной Святославомъ Хазарской державы, вѣроятно уже частію населенныхъ Русскими людьми. Кромѣ того было еще отдѣльное владѣніе Великій Новгородъ со всѣми своими обширными областями, бывшій тогда въ тѣсномъ союзѣ съ Ярославомъ и получавшій отъ него посадниковъ.

На третій годъ по занятіи Кіева Ярославомъ, Брячи-

славъ Полотскій неожиданно напалъ на Новгородскія владѣнія, и даже успѣлъ ворваться въ самый Новгородъ, пограбилъ его, но разумѣется немогъ тамъ удержаться, и съ добычею и плѣнниками отправился домой. Ярославъ получивши вѣсть о такомъ нападеніи, и желая отплатить Новгородцамъ за ихъ недавнюю важную услугу, быстро пустился къ нимъ на помощь и на седьмый день настигъ Брячислава на рѣкѣ Судомѣри, разбилъ его и принудилъ воротить Новгородскую добычу и плѣниковъ. Послѣ похода на Брячислава Ярославъ пустился въ землю Литовскую къ Берестью, гдѣ, можетъ быть, держались еще дружинники Святополковы, какъ извѣстно бѣжавшіе туда послѣ пораженія на Альтѣ. Чѣмъ кончился этотъ походъ, лѣтописи не упоминаютъ. А въ это время Мстиславъ Тмутараканскій, только что въ союзѣ съ Греками дорушившій Хазарскую державу, напалъ на своихъ Прикавказскихъ сосѣдей Касоговъ; противъ него вышелъ Косожскій Князь богатырь Редедя, и не вступая въ битву сказалъ Мстиславу: «зачѣмъ намъ губить дружину свою, лучше выйдемъ другъ на друга сами и поборемся; ежели ты одолѣешь меня, то возьми мою жену, дѣтей и все имѣніе и землю; а ежели я одолѣю тебя, то возьму все твое.» Мстиславъ воинственный и храбрый, весь въ своего дѣда Святослава, принялъ вызовъ и сказалъ Редедѣ: «будь по твоему, боремся». Тогда Редедя сказалъ: «коли бороться, такъ бороться безъ оружья, кто кого ударитъ о землю.» И вышли два Князя, стали между двумя ратьми и начали бороться, крѣпко схватились они и долго давили другъ друга; Редедя былъ очень силенъ, Мстиславъ уже началъ изнемогать, наконецъ, собравшись съ силами и призвавъ въ помощь Божію Матерь, ударилъ

Редедю о землю, и вынувъ ножъ, зарѣзалъ его; потомъ вступилъ въ его землю, взялъ жену, дѣтей и все имѣніе и наложилъ на Касоговъ дань. Возвратясь съ побѣдою и добычею въ Тмутаракань, Мстиславъ заложилъ тамъ церковь Пресвятой Богородицѣ, которую обѣщался построить во время единоборства съ Редедею.

Управившись съ своими сосѣдями Хазарами и Касогами, храбрый Мстиславъ пошелъ искать себѣ волостей въ Приднѣпровьѣ и повелъ съ собою полки Хазарскіе и Касожскіе. Ярославъ въ это время былъ въ Новгородѣ, гдѣ по случаю голода въ Суздальской землѣ, волхвы, прежніе толкователи и учители языческой религіи, вздумали возмутить еще неокрѣпшихъ тамошнихъ христіанъ; они ходили по селамъ и городамъ тамошняго края и избивали старыхъ людей, разглашая, что старые удерживаютъ обиліе и плодородіе земли, и тѣмъ страшно смущали темный народъ. Ярославъ самъ явился въ Суздаль, чтобы потушить смятеніе и наказать возмутителей; онъ переловилъ волхвовъ, иныхъ заточилъ, а другихъ казнилъ, народъ же вразумлялъ, говоря ему: «что въ нещастіяхъ должно молиться Богу а не буйствовать, что Богъ наказываетъ ту или другую землю за наши грѣхи, иную голодомъ, иную моромъ, или засухою, или другимъ бѣдствіемъ, а для человѣка это неизвѣстно.» И вразумленный народъ успокоился, торговцы пустились Волгою въ Болгарскую землю и привезли хлѣба и тѣмъ прекратили голодъ. Мстиславъ въ отсутствіе Ярослава, явившійся съ своими полками въ Приднѣпровьѣ, подошелъ сперва къ Кіеву, но Кіевляне, довольные Ярославомъ, его не приняли; тогда онъ двинулся назадъ отъ Днѣпра къ Чернигову, тамошніе жители, желая вѣроятно

имѣть своего Князя и независѣть отъ Кіевскихъ посадниковъ, приняли его охотно, и онъ остался тамъ жить, владѣя всею Сѣверскою страною. Между тѣмъ Ярославъ, успокоивши Суздальскій край, пришелъ въ Новтородъ, и тамъ получивъ вѣсть о занятіи Чернигова Мстиславомъ, немедленно послалъ за море къ Варягамъ; оттуда къ нему явился знаменитый воитель Князь Якунъ слѣпый, золотая луда, и привелъ съ собою многочисленную Варяжскую вольницу. Ярославъ съ этою вольницею и съ Якуномъ отправился на Мстислава, онъ даже не попросилъ рати у Новгородцевъ, можетъ быть надѣясь усилить Варяговъ своею дружиною изъ Кіева; но храбрый беззавѣтный Мстиславъ не допустилъ его до этого, онъ прослышавши о Ярославовомъ походѣ пустился къ нему на встрѣчу, и обѣ рати сошлись у Листвена. Мстиславъ съ вечера устроилъ свои полки, и въ полночь въ проливный дождь и сильную грозу началъ битву: при чемъ употребилъ такой порядокъ, Сѣверянъ поставилъ въ чело прямо противъ Ярославовыхъ Варяговъ, а Тмутараканской дружинѣ Хазаръ и Касоговъ велѣлъ стать по бокамъ. Битву собственно начали Сѣверяне, и когда Варяги довольно уже утомились, сражаясь съ Сѣверянами; то Мстиславъ пустилъ на нихъ съ боковъ Хазаръ и Касоговъ и такое произвелъ опустошеніе въ ихъ рядахъ, что Варяги, не смотря на свою отчаянную храбрость, еще не дождавшись свѣта, обратились въ бѣгство, а за ними побѣжали Ярославъ и Якунъ, причемъ послѣдній потерялъ и свою золотую луду; Ярославъ ушелъ въ Новгородъ, а Якунъ за море. Когда разсвѣло, то Мстиславъ, осматривая поле битвы и видя множество побитыхъ Сѣверянъ и Варяговъ, воскликнулъ:

«кто сему не радъ, вотъ лежитъ Сѣверянинъ, а вотъ Варягъ, а наша дружина цѣла.» Тогдашнему Князю дѣйствительно всего дороже была дружина, ибо она только была его, а земская рать зависѣла не отъ Князя, а отъ земщины, которая могла дать Князю рать, могла и не дать. Особенно для такаго новаго Князя, какимъ былъ Мстиславъ въ Черниговѣ, земская Сѣверянская рать была почти чужая, а дружину приведенную изъ Тмутаракани онъ щиталъ родною для себя, и какъ же ему не радоваться, когда она осталась цѣла послѣ жестокаго боя съ Варягами.

Одержавъ полную побѣду надъ Ярославомъ и Варягами, Мстиславъ возвратился въ Черниговъ и послалъ сказать Ярославу: «ступай садись въ своемъ Кіевѣ, ты старшій братъ, а мнѣ будетъ эта сторона». Но Ярославъ, испытавъ неудачу въ войнѣ съ Мстиславомъ и боясь новаго нападенія съ его стороны, остался въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ сидѣли его мужи. И такъ прошло два года; наконецъ въ 1026 году, собравъ многочисленное войско, конечно изъ Новгородцевъ, Ярославъ пришелъ въ Кіевъ, и изъ Кіева уже заключилъ съ Мстиславомъ миръ у Городца, по которому всѣ Русскія владѣнія на правомъ берегу Днѣпра достались Ярославу, а Тмуракань, Сѣверская страна и весь лѣвый берегъ Днѣпра Мстиславу. Послѣ этого мира братья стали жить въ любви и согласіи, и прекратилась усобица въ Русской землѣ.

Но не только перестала усобица между Русскими Князьями, да и со всѣми сосѣдями они жили мирно въ продолженіи трехъ лѣтъ, и только уже на четвертый годъ Ярославъ ходилъ въ Галицію и взялъ тамъ городъ Бѣльзъ. Потомъ изъ Галиціи онъ пустился въ Новгородъ, очевидно

по приглашенію самихъ Новгородцевъ, и воевалъ съ Чудью, должно быть безпокоившею Новгородскія владѣнія съ этой стороны, и для большаго обезпеченія власти Новгорода въ этомъ краю, построилъ тамъ городъ Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ). Между тѣмъ въ Польшѣ по смерти Болеслава начались страшные безпорядки, и къ тому же Болеславовъ сынъ и преемникъ Мечиславъ II-й началъ усобицу съ братомъ своимъ Оттономъ. Пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ возвратить отнятые Болеславомъ Русскіе города на западѣ, Ярославъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, собравъ войско, въ 1031 году, отправились на Поляковъ, отобрали назадъ Червенскіе города, и повоевавши Польскую землю, съ многочисленнымъ полономъ возвратились домой. Раздѣливши полонъ пополамъ, Ярославъ пошелъ въ Кіевъ, а Мстиславъ въ Черниговъ. Доставшихся на свою долю Ляховъ, Ярославъ разселилъ по рѣкѣ Роси, на югъ отъ Кіева на границахъ съ степями занятыми Печенѣгами и другими кочевниками, и началъ тамъ строить города, точно также, какъ Владиміръ въ свое время строилъ города за Днѣпромъ по Деснѣ и Сулѣ противъ тѣхъ же Печенѣговъ.

На шестой годъ послѣ похода въ Польшу, Мстиславъ Черниговскій и Тмутараканскій захворалъ во время охоты и умеръ. Его похоронили въ Черниговѣ въ церкви Спасителя, которую онъ самъ началъ строить, и которая во время его погребенія еще не была окончена. Мстиславъ скончался бездѣтнымъ и не старыхъ лѣтъ: ему едвали было пятдесятъ лѣтъ отъ рожденія. Объ этомъ Князѣ лѣтописецъ говоритъ: что онъ былъ дебелъ тѣломъ, румянъ лицомъ, съ большими глазами, и подобно дѣду и отцу отличался особенною храбростію въ бит-

вахъ, любилъ дружину и не жалѣлъ для нее богатства, и какъ отецъ былъ охотникъ попировать съ дружинниками и не щадилъ для этого ни жирныхъ яствъ, ни крѣпкихъ медовъ.

По смерти Мстислава, Ярославъ одинъ сдѣлался государемъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, и въ слѣдъ за тѣмъ отправился къ своимъ вѣрнымъ союзникамъ Новгородцамъ, и посадилъ у нихъ Княземъ своего старшаго сына Владиміра, а епископомъ, вмѣсто умершаго Іоакима Корсуняшина, назначилъ Луку Жидяту, кажется изъ Русскихъ, мужа благочестиваго, благоразумнаго и преданнаго Князю. Въ то время какъ Ярославъ былъ въ Новгородѣ, пришла къ нему вѣсть, что Печенѣги осадили Кіевъ. По этой вѣсти онъ собралъ Варяговъ и Новгородцевъ, пустился къ Кіеву и успѣлъ прокрасться въ городъ. Печенѣги стояли огромнымъ обозомъ, ихъ собралось безчисленное множество, можетъ быть нѣсколько ордъ; но Ярославъ этого не испугался и не думалъ отсиживаться за стѣнами, а напротивъ устроивши полки выступилъ и сталъ передъ городомъ, поставивъ Варяговъ въ срединѣ, Кіевлянъ на правой и Новгородцевъ на лѣвой рукѣ. Печенѣги первые сдѣлали нападеніе и началась упорная сѣча, продолжавшаяся цѣлый день, и только къ вечеру Печенѣги были сбиты на всѣхъ мѣстахъ и обратились въ бѣгство въ разныя стороны, незная кто куда, и многіе потонули въ Сетомли и другихъ рѣкахъ, а остатокъ бѣжалъ розно невѣдомо куда, и никто не воротился назадъ въ степи. Это былъ послѣдній набѣгъ Печенѣговъ; въ степяхъ, гдѣ они жили на Дону и Волгѣ, уже явились новые кочевники, Половцы, отъ которыхъ Печенѣгамъ болѣе не было житья; отъ то-

го-то они и бились подъ Кіевомъ цѣлый день, и не воротились назадъ въ стени, ибо возвращаться имъ было некуда, они бѣжали изъ степей, гдѣ имъ уже туго приходилось отъ Половцевъ.

Ярославъ, побѣдивши Печенѣговъ, торжествовалъ побѣду не пирами, какъ было при охотникѣ до пировъ Владимірѣ, а построеніемъ новыхъ стѣнъ около Кіева съ золотыми вратами, по образцу златыхъ вратъ Константинопольскихъ, построеніемъ великолѣпной церкви Св. Софіи на томъ мѣстѣ, гдѣ была послѣдняя битва съ Печенѣгами, вѣроятно также въ напоминаніе знаменитой Софійской церкви въ Константинополѣ; потомъ еще построилъ церковь Благовѣщенія на златыхъ вратахъ и монастыри Св. Георгія и Св. Прины. Вообще Ярославъ, не уступавшій Владиміру въ воинскихъ подвигахъ, по свидѣтельству лѣтописи, далеко не походилъ на отца въ мирной жизни; о пирахъ Ярослава нѣтъ и помину ни въ одномъ преданіи, а напротивъ лѣтописецъ говоритъ, что при Ярославѣ «вѣра христіанская начала плодиться и разширяться, появились чернецы и монастыри, что Ярославъ любилъ церковные уставы, былъ расположенъ къ священникамъ и особенно любилъ монаховъ, читалъ книги и днемъ и ночью, собралъ множество писцевъ и переводчиковъ, при немъ и по его приказу много было переведено Греческихъ книгъ на Славянскій языкъ, много переписано и много скуплено. Ярославъ заботился, чтобы новопросвѣщенные Русскіе христіане не только вѣровали, но и поучались и наслаждались божественнымъ ученіемъ. Ярославъ, когда была отстроена Софійская церковь, украсилъ ее золотомъ и серебромъ и драгоцѣнными церковными сосу-

дами, и положилъ въ ней написанныя по его приказанію книги, т. е. устроилъ при этой церкви книгохранилище, также какъ было устроено книгохранилище при Софійской церкви въ Константинополѣ. Здѣсь же вѣроятно онъ положилъ и написанный имъ новый уставъ о церковныхъ судахъ; ибо Софійская церковь въ лѣтописи названа митрополитскою, т. е. каѳедральною. П не объ одномъ Кіевѣ заботился Ярославъ: по словамъ лѣтописи онъ ставилъ церкви и въ другихъ городахъ и мѣстахъ и посылалъ туда священниковъ, давая имъ жалованье изъ своего имѣнія, и приказывая имъ, чтобы они учили людей и призывали чаще въ церкви, какъ духовные пастыри на то поставленные отъ Бога. А въ Новгородѣ онъ открылъ училище на триста человѣкъ мальчиковъ, приказавъ, чтобы въ немъ учились дѣти старостъ и священниковъ.

Впрочемъ дѣла мира и церкви у Ярослава непрепятствовали дѣламъ войны, и онъ былъ едва ли не воинственнѣе своего отца Владимира, только всѣ его военные походы преимущественно были направлены на западъ и на сѣверо-западъ; на востокѣ мы не знаемъ ни одного предпринятаго имъ похода; степные кочевники его мало занимали, его все тянуло къ западу, къ Европѣ, ему хотѣлось войдти въ ближайшія сношенія съ западно-европейскими народами. Мы уже знаемъ его войны съ Болеславомъ Польскимъ, какъ говорятъ, веденныя по союзу съ Германскимъ Императоромъ, знаемъ, что по смерти Болеслава онъ ходилъ въ Польшу и воротился съ множествомъ плѣнниковъ, знаемъ что въ Литвѣ онъ доходилъ до Берестья. Потомъ на третій годъ по прогнаніи Печенѣговъ Ярославъ по отцовскимъ слѣдамъ

можетъ быть изъ Берестья, или въ союзѣ съ Полоцкимъ Княземъ Брячиславомъ по Неману, ходилъ на дикихъ Ятвяговъ, и какъ говоритъ одна лѣтопись не одолѣлъ ихъ; да и мудрено было одолѣть такихъ дикарей, ихъ можно было только истреблять понемногу. Еще черезъ годъ онъ ходилъ на Литву и взялъ дань, какъ говорятъ лыками и вѣниками. Извѣстіе сіе указываетъ, что въ этотъ походъ Ярославъ далеко проникъ въ глубь Литовскихъ болотъ и пущей, куда еще не проникали Русскія колоніи, гдѣ Литовцы жили во всей своей первобытной дикости, такъ что не имѣли никакихъ запасовъ, чѣмъ бы платить дань.

Между тѣмъ въ Польшѣ умеръ и Мечиславъ II-й и послѣ него начались безпорядки сильнѣе прежнихъ: народъ, еще неутвердившійся въ христіанствѣ и ненавидѣвшій бояръ и Латинскихъ монаховъ за непомѣрные поборы, слѣлалъ противъ нихъ общее возстаніе, сталъ изгонять и избивать бояръ и монаховъ и даже истреблять церкви. Пользуясь такимъ случаемъ, Ярославъ въ 1041 году открылъ походъ въ Мазовію изъ Берестья по западному Бугу. Мазовія, какъ и прочія части Польши, раздираемая междуусобіями, разумѣется не могла ему противиться, и онъ, опустошивъ страну, возвратился въ Кіевъ съ множествомъ плѣнниковъ.

Съ Греческою имперіею, со времени принятія Владиміромъ христіанства, у Русскихъ былъ постоянный миръ: этого требовало и единство церкви Греческой и Русской и взаимныя выгоды торговли, которая тогда велась съ большою дѣятельностію обѣими сторонами. Но торговля поддерживавшая миръ, подала случайный поводъ и къ войнѣ. Въ Константинополѣ обидѣли Русскихъ купцовъ

и одного изъ нихъ убили; Ярославъ вступился въ это дѣло и, не получивъ отъ Грековъ должнаго удовлетворенія, началъ съ Греками войну, и въ 1043 году послалъ къ Константинополю сына своего Владиміра Новгородскаго и съ нимъ отправилъ множество войска подъ начальствомъ воеводы Вышаты. Объ этомъ походѣ разсказывалъ лѣтописцу Кіевопечерскій инокъ Янъ, сынъ воеводы Вышаты. Изъ его разсказа видно, что Владиміръ отправился въ лодьяхъ обыкновеннымъ Русскимъ путемъ, сперва внизъ по Днѣпру, потомъ моремъ въ Дунай, и отъ Дуная опять моремъ къ Константинополю; и когда Русскіе подошли къ Константинопольскому проливу, то возстала сильная буря, которая разогнала ихъ корабли и нѣкоторые разбила, и въ числѣ ихъ корабль Владиміровъ. Владиміра взявъ къ себѣ на корабль Ярославовъ воевода Иванъ Творимиричь; прочіе же воины въ числѣ 6,000 человѣкъ, собравшіеся на берегъ съ другихъ разбитыхъ кораблей, изъявили желаніе пробиться домой сухимъ путемъ, но изъ княжей дружины никто не хотѣлъ съ ними идти; тогда главный воевода Вышата сказалъ: «я пойду съ ними, живъ ли буду, то съ ними, погибну ли то съ дружиною», и высадившись съ корабля повелъ ратниковъ длиннымъ путемъ по направленію къ Русскимъ предѣламъ. Между тѣмъ Греки получили вѣсть, что Русскіе корабли разбиты бурею; и тогдашній Греческій Императоръ Константинъ Мономахъ выслалъ 14 галеръ для преслѣдованія остатковъ Русскаго флота. Владиміръ съ дружиною, увидавъ Греческую погоню, поворотилъ назадъ прямо на Греческія галеры, разбилъ ихъ, и никѣмъ уже не преслѣдуемый благополучно возвратился въ Кіевъ. Но Вышата шедшій сухимъ

путемъ не былъ такъ счастливъ какъ Князь: онъ хотя успѣлъ пробраться въ Болгарію, искусно уклоняясь отъ Греческой погони; но здѣсь, не доходя Варны, Греки наконецъ настигли его, окружили и разбили на голову, при чемъ самъ Вышата съ 800 воиновъ попался въ плѣнъ, а прочіе пали въ битвѣ. Плѣнниковъ Греки отвели въ Константинополь и тамъ ослѣпили. Вышата возвратился въ Кіевъ уже черезъ три года, когда Греки заключили съ Ярославомъ миръ и выдали въ супружество свою царевну за Ярославова сына Всеволода.

Въ то время, какъ Владиміръ воевалъ съ Греками, отецъ его Ярославъ отдалъ сестру свою Марію въ супружество за Казиміра Короля Польскаго. Марія, прозванная въ Польшѣ Доброгнѣвою, какъ сказываютъ, принесла за собою богатое приданое, а Казиміръ въ вѣно за это приданое возвратилъ 800 человѣкъ Русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ еще Болеславомъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ брака и союза къ Казиміромъ была война Ярослава въ Мазовіи, гдѣ утвердился Моиславъ одинъ изъ дружинниковъ Мечислава II-го, взбунтовавшійся противъ Казиміра. Ярославъ однимъ походомъ совершенно покорилъ Мазовію въ 1047 году, и возвратилъ ее зятю своему Казимиру. Тѣсный союзъ Ярослава съ Польшею и усердное пособіе Казиміру служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что ему хотѣлось ближе придвинуться къ западной Европѣ и принять дѣятельное участіе въ тамошнихъ дѣлахъ. Кромѣ того на стремленіе Ярослава къ западу Европы указываютъ брачные союзы дѣтей Ярославовыхъ съ разными Европейскими Государями. До насъ дошли болѣе или менѣе вѣроятныя извѣстія, что дочери Ярославовы были выданы въ замужство: Елисавета за Гаральда Коро-

ля Норвежскаго, Анастасія за Венгерскаго Короля Андрея, Анна за французскаго Короля Генриха II. Сыновья Ярославовы были женаты: Всеволодъ, какъ мы уже видѣли на Греческой царевнѣ, Изяславъ на сестрѣ Казиміра Польскаго, другіе два сына на какихъ-то Нѣмецкихъ княжнахъ. Ярославъ также съ охотою принималъ разныхъ Европейскихъ знаменитыхъ изгнанниковъ и покровительствовалъ имъ: такъ у него жили изгнанный изъ отечества Норвежскій Король Олафъ святый и сынъ его Магнусъ; у Ярослава же нашли убѣжище сыновья Англійскаго Короля Эдмунда Эдвинъ и Эдвардъ, также Венгерскіе принцы Андрей и Левента, и Варяжскій князь Шимонъ, приведшій съ собою около трехъ тысячь Варяговъ, и въ послѣдствіи вступившій въ Русскую службу къ Ярославову сыну Всеволоду.

Въ 1044 году скончался постоянный Ярославовъ союзникъ Брячиславъ Полотскій и его мѣсто заступилъ его сынъ Всеславъ. Ярославъ и съ симъ новымъ Княземъ былъ въ мирѣ и союзѣ; ибо ему нужны были постоянные союзники въ сосѣдствѣ съ дикою Литвою; а Полотскіе Князья, далеко проникнувшіе въ Литву по Неману, всего лучше могли содѣйствовать видамъ Ярослава на западѣ. Воинственный и неутомимый Всеславъ въ преданіи пользовался славою заколдованнаго человѣка и даже чародѣя; въ лѣтописи сказано: что онъ родился отъ волхованія, и при рожденіи волхвы сказали матери, чтобы она навязала ему какую-то язвину, чтобы онъ носилъ ее до смерти, что эта язвина дѣлала его немилостивымъ на кровопролитіе. Въ 1050 году скончалась Ярославова супруга Ингигерда, въ крещеніи Ирина; въ 1052 году умеръ старшій сынъ Ярославовъ Владиміръ Новгородскій,

и положенъ въ церкви Св. Софіи въ Новгородѣ, которую самъ построилъ. Наконецъ въ 1054 году скончался и самъ Ярославъ въ глубокой старости, 76 лѣтъ отъ роду.

Чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ далъ слѣдующій завѣтъ своимъ сыновьямъ: «Вотъ я отхожу сего свѣта, сыновья мои, любите другъ друга, вы братья, дѣти одного отца и матери. Ежели будете жить въ любви между собою, то будетъ въ васъ Богъ, и покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и вы будете жить мирно. А ежели начнете ненавидѣть другъ друга и ссориться, то погибнете сами и погубите землю дѣдовъ и отцовъ своихъ, которые пріобрѣли ее съ великимъ трудомъ; пребывайте въ мирѣ, слушайте братъ брата. А я вмѣсто себя поручаю столъ Кіевъ старѣйшему сыну своему и брату вашему Изяславу; вы слушайте его, какъ меня слушали, пусть будетъ онъ вамъ вмѣсто меня. А Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Игорю Владиміръ Волынскій и Вячеславу Смоленскъ.» И такъ раздѣлилъ города и заповѣдалъ имъ не переступать братня предѣла и не сгонять братьевъ. И сказалъ Изяславу: «кто вздумаетъ обижать брата своего, то ты помогай тому, кого будутъ обижать.» Сдѣлавши таковое распоряженіе, Ярославъ, ослабѣвая день отъ дня, перебрался для большаго спокойствія изъ Кіева въ Вышгородъ, и тамъ разболѣвшись скончался 19 февраля, въ первую субботу великаго поста, по тогдашнему счету въ концѣ 1054 года. Въ это время при немъ былъ только одинъ сынъ Всеволодъ, котораго Ярославъ очень любилъ и не отпускалъ отъ себя. Всеволодъ обрядивъ тѣло умершаго отца своего повезъ изъ Вышгорода въ Кіевъ, въ предшествіи духовенства съ обычными погребальными церковными пѣс-

нями и въ сопровожденіи народа провожавшаго стараго Князя съ плачемъ и слезами. Въ Кіевѣ тѣло Ярослава похоронили въ мраморной ракѣ въ каѳедральной церкви Св. Софіи, и много плакали по немъ и Всеволодъ и всѣ люди Кіевскіе.

—

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ ВЛАДИМІРѢ И ЯРОСЛАВѢ.

При Владимірѣ и Ярославѣ Русская земля захватывала уже большое пространство: на югѣ она касалась береговъ Чернаго моря въ Тмутараканскомъ Княжествѣ, а по Днѣпру доходила на югъ до пороговъ; на западѣ Русскою границею были западный Бугъ и Балтійское море; на сѣверѣ Русскія или собственно Новгородскія колоніи по разнымъ мѣстамъ доходили до Бѣлаго моря, Печеры и Уральскихъ горъ; на востокѣ Русскія владѣнія частію доходили до земли Камскихъ Болгаръ, частію ограничивались степями лежащими за Сулою и Семью, и частію, въ Тмутараканскомъ княжествѣ, простирались до Кавказскихъ горъ и захватывали большую часть Хазаріи. Разныя племена жившія на этомъ огромномъ пространствѣ, болѣе или менѣе зависѣли отъ Русскаго или Кіевскаго Князя, и потому носили одно общее названіе Русской земли, и дѣйствительно составляли части одного общаго цѣлаго, и управлялись посадниками или дѣтьми Кіевскаго Князя; такъ по крайней мѣрѣ было при Владімірѣ. При Ярославѣ это нѣсколько измѣнилось; ибо Мстиславъ Тмутараканскій и Черниговскій, и Брячиславъ По-

лотскій были самостоятельными и независимыми Князьями въ своихъ довольно обширныхъ владѣніяхъ: но Ярославъ умѣлъ держаться въ постоянномъ союзѣ съ сими двумя Князьями; и посему при немъ ежели не было единовластія, то не было и раздора, и Русскія владѣнія продолжали составлять одно цѣлое, и цѣлое тѣмъ болѣе прочное, что во всѣхъ владѣніяхъ Руси была признана господствующею одна религія христіанская, и въ церковномъ отношеніи всѣ Русскія земли были подчинены одному Кіевскому митрополиту, который поставлялъ епископовъ по другимъ городамъ.

Съ введеніемъ христіанства княжеская власть на Руси значительно усилилась; ибо Князья кромѣ сбродной дружины состоящей на ихъ службѣ, теперь стали имѣть на своей сторонѣ духовенство христіанской церкви. Христіанская церковь, введенная преимущественно Князьями и ими первоначально поддерживаемая, естественно должна была и сама поддерживать Князей, по крайней мѣрѣ внушать народу мысль о святости княжеской власти, о происхожденіи ея отъ Бога, объ обязанностяхъ подданныхъ повиноваться безпрекословно Князьямъ и начальникамъ отъ нихъ поставленнымъ. Кромѣ того сами Владиміръ и Ярославъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣли сблизиться съ народомъ; они хотя еще употребляли Варяжскую дружину, но уже не дорожили ею столько, сколько дорожили прежніе Князья. Мы видѣли, что Владиміръ въ 980 году выпроводилъ буйныхъ Варяговъ въ Грецію, и нашелъ средство пополнять свою дружину охотниками изъ туземцевъ; Ярославова дружина также преимущественно пополнялась туземцами; у Мстислава Тмутараканскаго дружина первоначально состояла также

изъ Тмутараканскихъ туземцевъ Хазаръ и Касоговъ, а когда онъ перебрался въ Черниговъ, то къ Хазарамъ и Касогамъ присоединились охотники изъ Сѣверянъ; дружина Полотскаго Князя Брячислава преимущественно состояла изъ Полочанъ. Все это сообщало княжеской власти новую силу и крѣпость, Князья, такъ сказать, сживались съ народомъ, пріобрѣтали болѣе общихъ интересовъ; даже въ иныхъ случаяхъ народъ сталъ защищать интересы Князя также горячо, какъ и свои. Такъ Новгородцы, самое вольнолюбивое племя изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ на Руси, помогали Владиміру въ войнѣ его съ Ярополкомъ, а Ярослава три раза выручали въ войнахъ его съ Святополкомъ и Болеславомъ, и даже одинъ разъ изрубили Ярославовы лодки, когда онъ разбитый Болеславомъ хотѣлъ бѣжать за море къ Варягамъ, и прямо сказали ему: «мы еще хочемъ биться съ Болеславомъ и Святополкомъ. Также Черниговцы бились на Лиственѣ за своего Князя Мстислава.

Но не смотря на значительное усиленіе княжеской власти, ни Владиміръ, ни Ярославъ не были еще самовластцами въ Русской землѣ. Земщина по прежнему была еще сильна и самостоятельна, и при Князьяхъ и при ихъ посадникахъ продолжала еще имѣть свое собственное управленіе, своихъ старостъ и другихъ выборныхъ начальниковъ, и свое вѣче, которое въ важныхъ случаяхъ даже приглашалось Князьями, и иногда дѣйствовало мимо Князей. Владиміръ, желая перемѣнить языческую вѣру, пригласилъ представителей дружины и земщины, бояръ и старцевъ, и по ихъ совѣту послалъ избранныхъ мужей испытать, какой народъ какъ служитъ Богу; и когда возвратились въ Кіевъ избранные мужи, то опять пригла-

силъ бояръ и старцевъ, и съ ихъ совѣта рѣшился принять христіанскую вѣру. Ярославъ, получивши вѣсть о смерти отца и избіеніи братьевъ, собралъ вѣче въ Новгородѣ и просилъ у земщины помощи на Святополка. Въ 997 году въ Бѣлгородѣ было вѣче, на которомъ Бѣлгородцы порѣшили сдаться Печенѣгамъ. Владиміръ также искалъ любви и расположенія у земщины, какъ и у дружины; на его еженедѣльныхъ пирахъ участвовали какъ дружинники, такъ и земцы, сотскіе, десятскіе и нарочитые мужи; или онъ одинаково угощалъ какъ дружинниковъ, такъ и земцевъ и въ Василевѣ и въ Кіевѣ, по случаю своего спасенія въ битвѣ съ Печенѣгами подъ Василевымъ. Земщина и при Владиміръ и Ярославѣ продолжала имѣть свое войско, предводительствуемое своими отдѣльными воеводами; войско это составлялось изъ земцовъ, собственно только для защиты земли отъ нападенія непріятелей, но иногда, конечно по рѣшенію вѣча, участвовало и въ походахъ и войнахъ княжескихъ. Такъ земская рать была въ походѣ Ярославова сына Владиміра въ Константинополь, и имѣла своимъ начальникомъ воеводу Вышату; земцы очевидно участвовали въ этомъ походѣ потому, что самая война съ Греками была начата за обиду Русскихъ купцовъ. Земское войско въ самыхъ сраженіяхъ и походахъ всегда стояло и шло отдѣльно отъ княжеской дружины. Такъ въ 992 году при нападеніи Печенѣговъ, когда Печенѣжскій Князь предложилъ Владиміру выставить Русскаго богатыря для единоборства съ Печенѣжскимъ богатыремъ; то Владиміръ сперва послалъ бирючей въ свой станъ къ дружинѣ, а когда такого богатыря въ княжемъ стану не нашлось, то велѣлъ кликать въ земской ратн. и пришелъ къ Вла-

дміру старъ мужъ, и сказалъ: «Княже! есть у меня одинъ сынъ меньшій дома, а съ четырьмя я вышелъ, а онъ дома, а отъ дѣтства никто его не могъ побороть.» У Мстислава подъ Лиственомъ Сѣверянская земская рать также стояла и билась съ Варягами Ярослава отдѣльно отъ княжей дружины; и Мстиславъ осматривая поле битвы еще сказалъ: «кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». Или въ 1036 году въ битвѣ съ Печенѣгами подъ Кіевомъ земская рать Кіевлянъ и земская рать союзныхъ Новгородцевъ стояли отдѣльно отъ Варяговъ дружины Ярославовой, имепно Варяги въ срединѣ, Кіевляне на правомъ крылѣ, Новгородцы на лѣвомъ. Какъ земцы иногда помогали Князьямъ въ ихъ войнахъ, такъ на оборотъ и Князья иногда помогали земцамъ въ ихъ войнахъ: такъ мы уже видѣли, что Владиміръ въ 985 году для Новгородцовъ воевалъ съ Камскими Болгарами, и по желанію Новгородцовъ заключалъ съ ними миръ; также Ярославъ въ 1021 году за Новгородцовъ воевалъ съ Брячиславомъ Полотскимъ, или въ 1030 году для Новгорода же воевалъ съ Эстонскою Чудью; а въ 1042 году Ярославовъ сынъ Владиміръ вмѣстѣ съ Новгородцами и для Новгородцевъ раззорялъ земли сосѣдняго Финскаго племени Ямь. Также войны Ярослава съ дикою Литвою очевидно были ведены въ пособіе сосѣдней Русской земщинѣ, именно для защиты Русскихъ колоній въ Литвѣ; ибо конечно Ярославъ ходилъ въ Литву не за вѣниками же и лыками, которыми дикіе Литовцы будто бы платили дань.

Принятіе христіанской вѣры произвело большое измѣненіе въ Русской земщинѣ: оно не только сообщило церковное единство всѣмъ племенамъ составлявшимъ тогда

Русь, чего они прежде неимѣли, но и въ самое общественное устройство земщины ввело сильное участіе церкви. По уставу Владиміра о церковныхъ судахъ, составленному на основаніи Греческихъ церковныхъ законовъ, многое, что прежде находилось въ вѣдѣніи земскихъ общинъ, перешло въ вѣденіе церкви, митрополита и епископовъ. Такъ по этому уставу въ вѣдѣніе церкви и епископовъ были переданы больницы, странноприимницы, также лѣкаря, странники, слѣпцы, хромцы, калѣки и рабы освобожденные на поминъ души. Во всѣ дѣла сихъ учрежденій и лицъ, равно какъ и въ причетъ церковный, ни земскіе ни княжіе начальники немогли уже вступаться. Потомъ симъ же уставомъ переданъ былъ въ вѣдѣніе церкви надзоръ за торговыми мѣрами и вѣсами, слѣдовательно до нѣкоторой степени и торговля вышла изъ подъ вліянія земскихъ общинъ; далѣе судъ по дѣламъ семейнымъ, а также въ нарушеніи правилъ церкви и нравственности, рѣшительно отошелъ отъ общинъ къ церкви: по всѣмъ семейнымъ ссорамъ, по тяжбамъ о наслѣдствѣ и по прочимъ подобнымъ дѣламъ, должно уже было идти не къ земскимъ старостамъ, а къ епископу или его намѣстникамъ и десятильникамъ. Мало этого; Владиміръ, считая всѣ древніе Русскіе обычаи и порядки погаными и неприличными христіанамъ, хотѣлъ чтобы во всѣхъ судахъ между Русскими христіанами вмѣстѣ съ княжими тіунами и земскими старостами участвовало и духовенство, и съ этою цѣлію принялъ, такъ называемый, законъ судный людемъ, особый сборникъ Греческихъ узаконеній, и желалъ, чтобы этимъ закономъ, какъ христіанскимъ, судились христіане на Руси. Ближайшимъ слѣдствіемъ таковаго нововведенія конечно было то, что Рус-

скіе люди старались избѣгать суда по Греческимъ законамъ, оскорбительнымъ для вольныхъ людей и несогласнымъ съ Русскою жизнію, и покончивали свои дѣла самосудомъ. А по сему Ярославъ, утвердившись послѣ Владиміра въ Кіевѣ, немедленно издалъ новый законъ, извѣстный подъ именемъ Русской Правды, въ которомъ обратилъ единственно вниманіе на тѣ дѣла, въ которыхъ по судному закону людемъ назначалось тѣлесное наказаніе особенно ненавистное и нетерпимое въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ, какъ оскорбительное для свободныхъ людей; и согласно съ изконными Русскими обычаями замѣнилъ его денежными пенями, а также оставилъ въ своей силѣ древнѣйшій обычай мести въ дѣлахъ по убійствамъ; впрочемъ, согласно съ новыми требованія общественной жизни, ограничилъ право мести только ближайшими родственниками убитаго, членами одной семьи, а за неимѣніемъ ближайшихъ родственниковъ убитаго назначилъ, чтобы убійца платилъ большую пеню въ сорокъ гривенъ, т. е. семь фунтовъ серебра. Но недовольствуясь изданіемъ Русской Правды, Ярославъ, чтобы ослабить вліяніе Греческихъ законовъ, неугодныхъ Русскому обществу и во многомъ несогласныхъ съ его обычаями, издалъ новый уставъ о церковныхъ судахъ, въ которомъ строго отдѣлилъ церковный судъ отъ свѣтскаго суда и значительно сократилъ его вѣдомство. По сему уставу съ одной стороны духовенство потеряло право участвовать въ свѣтскихъ судахъ, а княжіе тіуны и другіе свѣтскіе судьи отстранены отъ участія въ церковныхъ судахъ, а съ другой стороны церковные суды почти исключительно ограничены дѣлами семейными и лицами состоявшими въ непосредственномъ вѣдѣніи церкви.

Чтобы еще болѣе отстранить вліяніе Греціи на Русское общество черезъ церковь, Ярославъ въ 1051 году избралъ въ митрополиты всея Руси священника села Берестова Иларіона, родомъ Русина, мужа уже пріобрѣтшаго извѣстность своимъ благочестіемъ и книжнымъ ученіемъ, и велѣлъ поставить его въ митрополиты Русскимъ епископамъ безъ сношенія съ Греческимъ патріархомъ, но вполнѣ придерживаясь правилъ церковнаго помокановна; и такимъ образомъ Ярославъ, не дѣлая и не желая дѣлать совершеннаго разрыва съ Греческою церковію, въ то же время далъ Русской церкви болѣе самостоятельности и независимости отъ Греческой. Но высвобожденіе Русской церкви изъ подъ зависимости отъ Греческой и точнѣйшее опредѣленіе церковныхъ судовъ по новому уставу только ослабило Греческое вліяніе; церковь же тѣмъ не менѣе продолжала дѣйствовать на Русское общество и вести его впередъ, за церковію шли на Русь книжное ученіе и другія потребности болѣе развитой общественной жизни. Ярославъ уже любилъ читать книги и занимался чтеніемъ день и ночь, митрополитъ Иларіонъ и Новгородскій епископъ Лука Жидята, оба Русскіе уроженцы, уже были извѣстны своимъ книжнымъ ученіемъ и оставили послѣ себя, хотя не многія, но замѣчательныя сочиненія, сохранившіяся до нашего времени въ разныхъ спискахъ, слѣдовательно любимыя и уважаемыя не только у современниковъ, но и у позднѣйшаго потомства. Училища заведенныя Владиміромъ и Ярославомъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, не остались единственными: при Ярославѣ же начали появляться училища и въ другихъ городахъ, — такъ мы имѣемъ извѣстіе объ училищѣ въ Курскѣ. Кромѣ славы книжнаго ученія въ Рус-

скомъ обществѣ за Ярославово время появилась еще новая слава, прежде неизвѣстная на Руси, слава подвиговъ благочестія, постничества и неусыпныхъ трудовъ. Такъ при Ярославѣ одинъ житель Любеча, путешествовавшій на Аѳонскую гору, и постриженный тамъ въ иноки подъ именемъ Антонія, поселившись въ пещерѣ надъ Днѣпромъ, ископанной Пларіономъ до поставленія его въ митрополиты, такъ прослылъ своею строгою иноческою жизнію, постничествомъ, молитвами и другими подвигами благочестія, что славу его лѣтописецъ уподобляетъ славѣ древняго великаго Антонія Египетскаго, и говоритъ, что къ нему стекались люди съ разныхъ сторонъ, прося у него благословенія и молитвъ. Такимъ образомъ струя новой жизни, порожденной христіанствомъ, дѣятельно и съ успѣхомъ пробивала кору стараго язычества въ жизни Русскаго общества.

Но въ то же время и старая жизнь еще продолжала пользоваться своими успѣхами въ большинствѣ Русскихъ людей. Отдаленные углы Русской земли еще упорно отстаивали свое язычество, волхвы и кудесники еще пользовались уваженіемъ темнаго народа; мы видѣли, что въ 1024 году Ярославъ самъ долженъ былъ отправиться въ отдаленную землю Суздальскую, чтобы утишить тамъ мятежъ, произведенный волхвами, которые ходили по случаю голода по селамъ и городамъ и избивали старыхъ людей, разсказывая невѣждамъ старую языческую басню, что старики и старухи удерживаютъ у себя обиліе земли, и отъ того де хлѣбъ не родится. Такая привязанность къ старому язычеству, нѣтъ сомнѣнія, продолжалась и въ другихъ краяхъ Руси; тѣ изъ Кіевлянъ и Новгородцевъ, которые съ воплемъ и слезами провожали по-

руганный кумиръ Перуновъ, конечно тайно продолжали еще молиться и Перуну и рощамъ и кладезямъ, и бѣгать отъ христіанскихъ церквей. Не даромъ же Ярославъ, разсылая священниковъ по городамъ и селамъ, наказывалъ имъ, что бы они почаще приглашали прихожанъ, въ церкви; ясно что новые христіане еще туго посѣщали храмы божіи, а охотнѣе ходили молиться рощамъ и кладязямъ. Самые монастыри, построенные Ярославомъ въ Кіевѣ, плохо еще удовлетворялп истинно благочестивыхъ людей и не были образцами христіанской жизни; такъ преподобный Антоній, пришедши отъ Аѳонской горы, пересмотрѣлъ всѣ Кіевскіе монастыри, и ни въ одномъ не рѣшился остаться, а поселился въ уединенной пещерѣ надъ Днѣпромъ. Даже въ иныхъ семьяхъ княжескихъ еще продолжалп довѣрять разнымъ языческимъ суевѣріямъ; такъ при рожденіи Всеслава Полотскаго были приглашены волхвы, которые и наказали его матери навязать новорожденному какое-то язвено, чтобы носилъ до смерти.

Но и кромѣ, прямыхъ языческихъ суевѣрій старая жизнь еще неоставляла Русскаго общества. Знаменитыя по народнымъ преданіямъ пиры Владимира, и по принятіи Княземъ христіанства, еще много удерживали въ себѣ старыхъ языческихъ обычаевъ, на нихъ еще участвовали скоморохи съ старыми языческими пѣснями, весь складъ сихъ пировъ былъ еще старый и всѣ попойки и разговоры отзывались удалой стариною. Книголюбецъ Ярославъ уже не давалъ пировъ, какъ не согласныхъ съ новыми требованіями жизни и напоминавшихъ не христіанскую старину; братъ его Мстиславъ Черниговскій и Тмутараканскій, подобно отцу, былъ еще

охотникъ до пировъ и не щадилъ для нихъ своего имѣнія. А ежели такъ было у Князей; то у народа, вообще туго принимающаго новости, дохристіанская старина была еще сильнѣе. Мы уже видѣли, что Ярославъ въ своей Русской Правдѣ не могъ еще отмѣнить стараго обычая мести и только сократилъ его, а въ своемъ уставѣ о судахъ церковныхъ тотъ же Князь не только допустилъ, но и узаконилъ нѣкоторые старые, отзывающіеся язычествомъ, обряды на свадьбахъ и сговорахъ. И вообще Русскіе люди при Владимірѣ и Ярославѣ въ большинствѣ еще много соблюдали языческихъ старыхъ обрядовъ въ разныхъ важныхъ случаяхъ частной жизни, отъ рожденія человѣка до его погребенія.

Но въ тоже время жизнь Русскаго общества быстро продолжала развиваться, по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ городахъ. Для построенія и украшенія церквей стали приходить на Русь разные художники изъ Греціи, строители, иконописцы, пѣвцы и другіе, къ которымъ поступали Русскіе люди въ ученье и разпространяли разныя искуства, допрежде неизвѣстные на Руси. Пышность княжескаго двора, введенная Владиміромъ и поддерживаемая Ярославомъ, вызывала также своего рода разныхъ художниковъ, которые тоже распространяли свои знанія въ народѣ, принимая къ себѣ въ ученики Русскихъ людей. Торговля по прежнему производилась съ большою дѣятельностію и постепенно разширялась; новые потребности жизни вызывали новые виды торговли. Современникъ Владиміра, Нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ насчитываетъ въ Кіевѣ уже четыреста церквей и восемь торговыхъ площадей; другой иностранный лѣтописецъ Адамъ Бременскій уподобляетъ уже

Кіевъ Константинополю; и дѣйствительно Ярославъ старался украсить этотъ городъ по образцу Греческой столицы. Другіе города Руси современной Владиміру и Ярославу по всему вѣроятію также процвѣтали и украшались, особенно тѣ, гдѣ жили Князья сыновья Владиміра и Ярослава.

—

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

СЫНОВЬЯ ЯРОСЛАВА.

Русь, при Ярославѣ состоявшая изъ трехъ отдѣльныхъ владѣній, самаго большаго Ярославова и потомъ Новгородскаго и Полотскаго, по смерти Ярослава раздѣлилась на семь отдѣльныхъ владѣній независимыхъ другъ отъ друга. Новгородское и Полотское владѣнія остались по прежнему, Полотское за потомками Изяслава Владиміровича, а Новгородское за самимъ господиномъ Великимъ Новгородомъ при выборныхъ Князьяхъ. Огромное же владѣніе Ярославово по собственному завѣщанію самого стараго Князя раздѣлилось на слѣдующія отдѣльныя княжества: 1-е Кіевское, которое обнимало собою весь правый берегъ Днѣпра, ему принадлежали какъ Кіевская область Полянъ, такъ и земли Древлянская и Туровская и кажется Червенскіе города; 2-е Черниговское, ему принадлежали кромѣ Сѣверянской области Чернигова еще Тмутаракань на Югѣ, и земля Вятичей, также Рязань и Муромъ на Сѣверо-востокъ; 3-е Переяславское состояло изъ Переяславской области на югѣ въ Приднѣпровьѣ и изъ Сѣверныхъ областей,

Ростова, Бѣлоозера, Суздаля и другихъ тамошнихъ Новгородскихъ колоній; 4-е, Смоленское заключало въ себѣ древнія земли Кривичей, верхнее теченіе Днѣпра по обѣимъ его берегамъ, а также колоніи Кривичей въ южныхъ предѣлахъ Литовской земли; и 5-е, Владиміро-Волынское, которому принадлежала Волынь съ частію Подоліи, область сія простиралась отъ рѣки Горыни на западъ, до рѣки западнаго Бута.

Хотя по Ярославову завѣщанію Изяславъ Кіевскій названъ старшимъ Княземъ и заступилъ мѣсто отца; но по характеру своему онъ не могъ занимать этого мѣста, а старшинство по завѣщанію не давало ему никакой власти надъ младшими Князьями, которые по самому завѣщанію были признаны независимыми и самостоятельными владѣльцами, каждый въ своей области, старшій братъ даже не получилъ права суда надъ младшими и не могъ изгнать ни одного изъ нихъ, а только обязанъ былъ помогать тому изъ братьевъ, кого будутъ обижать другіе. Но владѣнія Ярославовыхъ дѣтей не долго оставались въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ оставилъ Ярославъ: на третьемъ году, по смерти Ярослава умеръ Вячеславъ Смоленскій, а на пятомъ Игорь Волынскій; и Изяславъ Кіевскій ихъ владѣнія присоединилъ къ своимъ, а сыновей ихъ оставилъ безъ владѣній, и держалъ ихъ при себѣ, какъ малолѣтныхъ; и такимъ образомъ изъ пяти княжествъ, образовавшихся изъ Ярославовыхъ владѣній, чрезъ пять лѣтъ послѣ его смерти образовалось три владѣнія, самое большое Изяславово, и потомъ Святославово и Всеволодово. Сіи три старшіе брата первоначально жили мирно между собою; Святославъ и Всево-

лодъ даже смолчали, когда Изяславъ усилилъ свои владѣнія присоединеніемъ Смоленска и Волыни.

Но миръ и тишина на Руси были непродолжительны: съ одной стороны на юго-восточныя границы Руси надвигался новый сильный врагъ, — Половцы, смѣнившіе Печенѣговъ; а съ другой стороны и между Князьями накоплялось много разныхъ неудовольствій, которыя скоро ли долго ли должны были разродиться междоусобіями. Въ народѣ уже начало носиться какое-то темное предчувствіе грядущихъ нещастій, люди стали уже замѣчать разныя предзнаменованія не на добро: то Волховъ шелъ пять дней вверхъ, а не по теченію, то семь вечеровъ къ ряду видѣли на западѣ какую-то необычайную звѣзду съ кровавыми лучами, то рыболовы вынули изъ Сетомли какого-то страшнаго урода въ образѣ человѣческомъ, то замѣчали затмѣніе солнца; и все это сильно смущало и волновало народъ. Да и кромѣ темныхъ предзнаменованій было уже не мало безпокойствъ: Всеволодъ Переяславскій уже нѣсколько разъ бился, то съ Торками, то съ новымъ врагомъ Половцами; Святославъ Черниговскій долженъ былъ воевать съ своимъ безъудѣльнымъ племянникомъ Ростиславомъ, сыномъ покойнаго Владиміра Ярославича Новгородскаго, который отнялъ у Святославова сына Глѣба Тмутаракань, пробравшись туда изъ Новгорода. Потомъ въ 1066 году Всеславъ Брячиславичь Князь Полотскій, одинъ изъ самыхъ удалыхъ Князей своего времени, напалъ на Новгородъ, разбилъ тамошняго Князя Мстислава сына Изяславова, ограбилъ храмъ св. Софіи, снялъ колокола и паникадилы, и кромѣ разныхъ богатствъ захватилъ множество плѣнниковъ, женъ и дѣтей. Это нападеніе Всеслава на Новгородъ

подняло Князей Кіевскаго, Черниговскаго и Переяславскаго; они всѣ вмѣстѣ двинулись на Полотскія владѣнія и послѣ жестокой битвы взяли Минскъ, потомъ пошли къ Немизѣ, куда явился и Всеславъ, и здѣсь произошла страшная сѣча, дорого стоившая обѣимъ сторонамъ, и кончившаяся бѣгствомъ Всеслава. Но Всеславъ и разбитый былъ еще страшенъ для сыновей Ярослава; они цѣлыхъ четыре мѣсяца не разпускали войска и стояли на границахъ Полотскихъ владѣній, и чтобы покончить съ нимъ дѣло, прибѣгли къ хитрости. Они зазвали Всеслава для переговоровъ въ Оршу близь Смоленска, поклявшись честнымъ крестомъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла; и когда Всеславъ, положившись на ихъ крестное цѣлованіе, переѣхалъ въ лодкѣ черезъ Днѣпръ и вошелъ въ шатеръ Изяславовъ; то схватили его измѣнически и увезли въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ его и его двухъ сыновей засадилъ въ порубъ.

Наконецъ въ 1068 году наступила настоящая бѣда въ Русской землѣ, та самая которая давно предчувствовалась въ народѣ: Половцы напали на Переяславскую область безчисленными толпами, такъ что къ Всеволоду явились на помощь Изяславъ и Святославъ, и дали битву на Альтѣ, гдѣ Русскіе Князья были разбиты на голову, Изяславъ съ Всеволодомъ бѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Но это было только начало бѣдствій. Въ слѣдъ за пораженіемъ Русскихъ Князей на Альтѣ, Половцы разсыпались по южнымъ границамъ Русскихъ владѣній и начали опустошать беззащитные города и села. Богатые Кіевляне, ожидая и себѣ такой же участи, созвали вѣче на торговой площади и послали сказать Изяславу: «Князь, дай намъ оружія и коней,

мы хотимъ еще биться съ Половцами»; но Изяславъ отказалъ имъ. Тогда Кіевляне, и прежде недовольные своимъ Княземъ, за то, что онъ многихъ изъ нихъ посажалъ въ темницы, возстали всѣмъ городомъ; и сперва выпустили своихъ темничныхъ узниковъ, засаженныхъ Изяславомъ, а потомъ вывели изъ поруба и Всеслава Полотскаго съ его сыновьями. Изяславъ и Всеволодъ, незная какъ унять народное возстаніе, бѣжали изъ Кіева; ихъ бѣгство еще болѣе развязало руки возставшимъ гражданамъ: они разграбили княжій дворъ и провозгласили Кіевскимъ Княземъ Всеслава Полотскаго. Между тѣмъ храбрый Святославъ Черниговскій, собравъ три тысячи ратниковъ, дружно ударилъ на Половцевъ, грабившихъ около Чернигова, разбилъ ихъ двѣнадцать тысячь и взялъ въ плѣнъ ихъ Князя.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ бѣгства изъ Кіева, Изяславъ возвратился на Русь въ сопровожденіи Польскаго короля Болеслава II-го и съ большимъ Польскимъ войскомъ. Услышавъ о его походѣ, Кіевляне вмѣстѣ съ своимъ выборнымъ Княземъ Всеславомъ выдвинулись впередъ къ Бѣлгороду; но Всеславъ, не надѣясь на Кіевлянъ, или не сочувствуя имъ, ночью тайно бѣжалъ изъ Бѣлгорода и ушелъ въ свой родной Полотскъ. Кіевляне, оставленные Княземъ, воротились въ Кіевъ, и созвавши вѣче порѣшили отправить посланниковъ къ Святославу и Всеволоду съ такими рѣчьми: «Князи! Мы худо сдѣлали, прогнавши своего Князя, а онъ теперь ведетъ на насъ Лятьскую землю, а пойдите въ городъ отца своего, а ежели не пойдете; то мы зажжемъ свой городъ и уйдемъ въ Греческую землю». Святославъ съ Всеволодомъ на такія рѣчи Кіевскихъ посланцевъ отвѣчали:

«мы пошлемъ сказать своему брату, что ежели онъ пойдетъ на васъ съ Ляхами, губить васъ, то мы выйдемъ противу его ратью, и не дадимъ погубить городъ отца своего, а ежели хочетъ идти съ миромъ, то пусть придетъ въ малой дружинѣ»; и тѣмъ успокоили Кіевлянъ, а сами послали къ Изяславу сказать: «Всеславъ убѣжалъ, не води Ляховъ въ Кіевъ, тебѣ тамъ нѣтъ противника; а ежели хочешь имѣть гнѣвъ и погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола». Изяславъ, получивши такую вѣсть отъ братьевъ, отослалъ Ляховъ назадъ, и только съ небольшою дружиною и съ Болеславомъ отправился въ Кіевъ, пославши напередъ себя своего сына Мстислава. Мстиславъ вошедши въ Кіевъ, изсѣкъ до 70 человѣкъ Кіевлянъ, которыхъ подозрѣвалъ въ освобожденіи Всеслава, а другихъ ослѣпилъ, иныхъ же безъ вины погубилъ, не разобравши дѣла.

Кіевляне, желая искренно примириться съ Княземъ, смолчали противъ жестокостей Мстислава, вышли встрѣчать Изяслава и съ поклономъ приняли его какъ своего Князя. Но не такъ искренно дѣйствовалъ Изяславъ; онъ недовольствуясь нелѣпою местію совершенною его сыномъ, отдалъ Кіевъ на грабежъ Полякамъ, пришедшимъ съ Болеславомъ, которые своимъ буйствомъ, грабительствами и разными оскорбленіями довели Кіевлянъ до того, что они, чтобы избавиться отъ навязанныхъ имъ гостей, нашлись вынужденными тайно убивать ихъ, и тѣмъ только заставили Болеслава съ уцѣлѣвшими спутниками поскорѣе убраться въ Польшу. Потомъ по удаленіи Болеслава, Изяславъ перевелъ торговую площадь съ Подола на гору, что бы самому было удобнѣе и ближе

вмѣшиваться въ торговыя дѣла и имѣть строгій надзоръ за гражданами. Далѣе, изъ какой-то непонятной подозрительности, онъ сталъ преслѣдовать уважаемаго цѣлымъ Кіевомъ преподобнаго Антонія Печерскаго; такъ что сей святый мужъ принужденъ былъ оставить свою пещеру и укрыться въ Черниговъ подъ покровительство Святослава. Все это ставило Изяслава въ невыгодное положеніе въ отношеніи къ народу. А между тѣмъ Святославъ Черниговскій день отъ дня пріобрѣталъ большее уваженіе и любовь народа своимъ мужествомъ и благоразумiемъ; его побѣда надъ Половцами подъ Черниговомъ и заступничество за Кіевлянъ передъ Изяславомъ, такъ подняли его въ народномъ мнѣніи, что вольнолюбивые Новгородцы выбрали себѣ въ Князья его сына Глѣба; къ тому же самъ Святославъ завладѣлъ Бѣлозерскимъ краемъ, а можетъ быть и Ростовомъ. Все это ставило Святослава въ такое положеніе, что онъ при своемъ характерѣ могъ первенствовать между Русскими Князьями, чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться.

Изяславъ въ первый же годъ по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, напалъ и довольно удачно, на Всеслава въ самомъ Полотскѣ; и выгнавши его оттуда, посадилъ тамъ своего сына Мстислава, а когда тотъ скоро умеръ, то перевелъ туда другаго сына Святополка. Но съ Всеславомъ нельзя было раздѣлаться одною удачною битвою или занятіемъ одного или нѣсколькихъ городовъ; это былъ Князь самый находчивый, неуступавшій ни передъ какою бѣдою, и такъ ловко умѣвшій выпутываться изъ разныхъ напастей, что современники его называли богатыремъ чародѣемъ и оборотнемъ. Война съ такимъ чародѣемъ, начатая Изяславомъ кажется изъ одной не-

нависти, только ему самому доставила множество несчастій: во первыхъ она продолжалась около трехъ лѣтъ, и Всеславъ успѣлъ воротить свой Полотскъ, и до того довелъ Изяслава, что тотъ призналъ неприкосновенность его владѣній и вступилъ съ нимъ въ отдѣльный союзъ. Потомъ объ этомъ союзѣ Кіевскаго Князя съ Полотскимъ стали носиться слухи, что будто бы Изяславъ условился съ Всеславомъ соединенными силами напасть на Святослава Черниговскаго и Всеволода Переяславскаго. Насколько вѣрны были сіи слухи мы не знаемъ: но ими какъ ненадо лучше воспользовался Святославъ, онъ подъ ихъ предлогомъ заключилъ союзъ съ Всеволодомъ, и принудилъ Изяслава бѣжать изъ Кіева, а самъ занялъ Кіевъ, и соединя всѣ Кіевскія владѣнія съ Черниговскими сдѣлался старшимъ Княземъ.

Изяславъ, оставляя Кіевъ, вывезъ съ собою большія богатства добытыя разными насиліями, и думалъ при ихъ помощи найдти себѣ скорую помощь въ Польшѣ; но Святославъ такъ ловко повелъ свои дѣла, что при его жизни Изяславъ, сколько не хлопоталъ о возвращеніи себѣ Кіева, ничего неуспѣлъ сдѣлать. Въ Польшѣ только порядочно обобрали его и выпроводили вонъ; ибо Святославъ успѣлъ уже заключить союзъ съ Польскимъ Королемъ и помогалъ ему въ войнѣ съ Чехами, гдѣ по его приказанію четыре мѣсяца воевали за-одно съ Поляками сынъ его Олегъ Святославичь и сынъ Всеволодовъ Владиміръ Мономахъ. Такая же неудача была Изяславу въ Германіи предъ тамошнимъ Императоромъ Генрихомъ IV: Генрихъ погрозилъ было Святославу войною, ежели онъ не возвратитъ Кіева Изяславу; но дѣло обошлось и безъ войны, Святославъ отправилъ богатые

дары къ Генриху, хорошо приняль его посольство въ Кіевѣ; и Генрихъ, сильно занятый своими домашними дѣлами, замолчалъ. Не болѣе успѣха было для Изяслава и въ Италіи передъ Римскимъ Папою, которому онъ обѣщалъ подчинить Россію въ церковномъ отношеніи. Папа написалъ ему жалованную милостивую грамоту и приказалъ Польскому Королю возвратить богатства отнятыя у Изяслава и помочь ему при занятіи Кіева; но грамота осталась грамотою, какъ прямая улика Изяславова малодушія и властолюбія, а Польскій Король, уже союзникъ Святославовъ, не думалъ ни возвращать Изяславу его богатствъ, ни помогать ему въ занятіи Кіева. И Изяславъ по прежнему оставался изгнанникомъ и бездомнымъ скитальцемъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и конечно надолго бы остался въ этомъ жалкомъ положеніи; но къ его счастію Святославъ на четвертомъ году своего княжествованія въ Кіевѣ скончался, и Кіевскимъ Княземъ объявилъ себя Всеволодъ Переяславскій, съ которымъ Изяславу легче было управиться.

Вѣсть о смерти Святослава какъ бы развязала руки Изяславу: онъ ее получилъ въ Польшѣ, и собравши на скоро Польскую помощь отправился на Волынь, куда къ нему на встрѣчу выступилъ и Всеволодъ съ своими полками; но вмѣсто битвы братья заключили миръ, по которому Всеволодъ уступилъ Изяславу Кіевъ, и за это самъ получилъ въ придачу къ своимъ Переяславскимъ владѣніямъ владѣнія Черниговскія и Смоленскія. Этотъ новый дѣлежъ владѣній безъ борьбы такъ усилилъ Всеволода, что и не будучи Кіевскимъ Княземъ онъ сдѣлался могущественнѣе Изяслава; и напротивъ по сему дѣлежу почти совершенно были лишены владѣній сы-

новья покойнаго Святослава, за которыми осталась только одна полурусская отдаленная Тмутаракань, гдѣ княжилъ Романъ Святославичь. Здѣсь Изяславъ поступилъ также съ Святославичами, какъ прежде онъ поступилъ съ дѣтьми своихъ братьевъ Вячеслава и Игоря, которыхъ по смерти отцовъ оставилъ безъ владѣній; но тогда такой грабежъ ему сошелъ съ рукъ, потому что сироты Вячеслава и Игоря были малолѣтными и заступиться за нихъ было некому; Святославичи же напротивъ были уже не малолѣтки, и отличались и храбростію и находчивостію, да и прежніе ограбленные сироты Вячеслава и Игоря уже выросли. А по сему необходимымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ беззаконнаго Волынскаго дѣлежа была война съ Святославичами и сыновьями Вячеслава и Игоря, которая началась на другой же годъ по возвращеніи Изяслава въ Кіевъ. Войну эту начали Борисъ Вячеславичь и Олегъ Святославичь; они, оставаясь безъ владѣній, сперва бѣжали въ Тмутаракань, а потомъ, подговоря Половцевъ напали на Всеволода въ Черниговѣ, разбили его и принудили бѣжать въ Кіевъ. Изяславъ вступился за брата, и желая поддержать незаконный Волынскій дѣлежъ, собралъ многочисленное войско и приступилъ къ Чернигову; Черниговцы, не считавшіе Волынскаго дѣлежа для себя закономъ, затворили передъ нимъ ворота и стали защищаться; между тѣмъ Борисъ и Олегъ явились къ нимъ на выручку, и на виду отъ Чернигова на Нежатиной нивѣ завязалась страшная сѣча, на которой съ одной стороны палъ Борисъ Вячеславичь, и съ другой Изяславъ Кіевскій, а разбитый на голову Олегъ Святославичь убѣжалъ въ Тмутаракань.

Смерть Изяслава опростала престолъ Кіевскій, который и занялъ Всеволодъ, послѣдній изъ сыновей Ярослава оставшійся въ живыхъ; онъ Черниговъ отдалъ сыну своему Владиміру Мономаху, а Изяславова сына Ярополка посадилъ во Владимірѣ Волынскомъ и сверхъ того придалъ ему Туровъ. Но война тѣмъ непрекратилась: обиженные племянники Романъ и Олегъ Святославичи на слѣдующій же годъ привели Половцевъ воевать Переяславскія владѣнія; впрочемъ Всеволодъ, не вступая въ битву купилъ миръ у Половцевъ, которые въ придачу къ миру убили еще Романа Святославича, а брата его Олега отправили въ ссылку въ Грецію, и такимъ образомъ Тмутаракань досталась Всеволоду, который и послалъ туда своего посадника Ратибора. Тѣмъ не менѣе обиженные Князья, испугались могущества Всеволода и черезъ годъ Давидъ Игоревичь и Володарь Ростиславичь, проживавшіе у Всеволода, тайно бѣжали отъ него и захватили Тмутаракань, а еще черезъ годъ туда же явился изъ Греціи Олегъ Святославичь, и занялъ эту область, какъ наслѣдственный удѣлъ Князей Черниговскихъ. А еще черезъ годъ два Ростиславича Рюрикъ и Василько, также безземельные, проживавшіе у Ярополка Ростиславича во Владимірѣ Волынскомъ, бѣжали отъ него и начали воевать въ разныхъ мѣстахъ и принудили Всеволода уступить имъ Перемышль и Теребовль, а еще прежде Давыдъ Игоревичь успѣлъ вытребовать у него Дорогобужъ. Потомъ и Ярополкъ Изяславичь за Владиміръ Волынскій началъ войну съ Всеволодомъ, но разбитый Всеволодовымъ сыномъ Мономахомъ принужденъ былъ бѣжать въ Польшу, и послѣ черезъ годъ примирился и получилъ назадъ свой удѣлъ

Волынь. Всеволодъ умеръ 13 Апрѣля 1093 года и заключилъ собою рядъ сыновей Ярослава, владѣвшимъ почти всею тогдашнею Русью безъ малаго сорокъ лѣтъ.

—

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ ЯРОСЛАВИЧАХЪ.

Мы видѣли отношенія Князей-братьевъ другъ къ другу и къ племянникамъ и другимъ родственникамъ при сыновьяхъ Ярослава; теперь посмотримъ на ихъ отношенія къ народонаселенію, и вообще на тогдашнее состояніе Русскаго общества.

Княжеская власть значительно усилившаяся при Владимірѣ и Ярославѣ, при сыновьяхъ Ярославовыхъ напротивъ значительно ослабла: Владиміръ и Ярославъ старались сжиться съ Русскимъ обществомъ, соединить свои интересы съ интересами общественными, и сблизить дружину съ земщиною; сыновья же Ярослава все это совершенно опустили изъ вида, они вовсе не заботились о сближеніи съ земщиною, и всю свою надежду полагали на сбродной дружинѣ и даже на наемныхъ Половцовъ, Русскія же области считали только какъ бы мѣстомъ временной осѣдлости и средствомъ содержать дружину, и заботились преимущественно о томъ, чтобы какимъ бы то нибыло образомъ побольше собрать богатствъ, на которыя бы содержать лучшую и многочисленнѣйшую дружину, какъ прямо говорилъ Изяславъ, удаляясь изъ Кіева со многимъ имѣніемъ: «*яко сими налезу воп*». Въ

прежнее время старые Князья Олегъ, Святославъ, Владиміръ и Ярославъ добывали себѣ богатства отдаленными походами въ Грецію и Хазарію и нападеніями на сосѣднія независимыя Славянскія племена; для сыновей же Ярослава этотъ источникъ доходовъ прекратился: сосѣднія Славянскія племена уже вошли въ составъ разныхъ Русскихъ княжествъ, самая Хазарія разпалась, а походы на Грецію сдѣлались почти невозможными при постоянной грозѣ дикихъ Половцевъ, именно занявшихъ своими кочевьями степи на пути въ Грецію. А по сему Князья этого времени главнымъ источникомъ обогащенія стали считать отнятіе владѣній другъ у друга. Вторымъ источникомъ княжихъ доходовъ того времени считался прямой грабежъ, на который преимущественно разсчитывали Князья безземельные, или которые не имѣли средствъ отнимать владѣнія у сосѣдей; такъ Давыдъ Игоревичъ засѣвши въ Олешьи грабилъ Греческихъ купцовъ и тѣмъ вынудилъ Всеволода дать ему Дорогобужъ на Волыни, удалый Всеславъ Полотскій нѣсколько разъ грабилъ Смоленскъ и Новгородъ, Ростиславичи за-одно съ Половцами постоянно занимались грабежами въ сосѣднихъ Польскихъ владѣніяхъ. Наконецъ третьимъ источникомъ княжихъ доходовъ того времени считался сборъ даней и разныхъ пошлинъ въ собственныхъ областяхъ; но этотъ источникъ тогда былъ очень бѣденъ и ненадеженъ, на него можно было расчитывать только въ богатыхъ торговыхъ и многолюдныхъ городахъ, каковы: Кіевъ, Смоленскъ и Черниговъ; а посему сіи-то города преимущественно и были предметомъ искательствъ тогдашнихъ Князей.

Владиміръ, какъ мы уже видѣли, окружалъ себя и

дружинниками и земцами, приглашалъ земцовъ на совѣтъ, даже собиралъ иногда земское вѣче, тоже дѣлалъ и Ярославъ; но не такъ поступали сыновья Ярослава: они окружали себя дружинниками, земцовъ же только отягощали разными поборами, и дозволяли ихъ грабить своимъ тіунамъ и посадникамъ. Пиры Изяслава, Святослава и Всеволода были доступны однимъ дружинникамъ, дружинники только наслаждались роскошною княжескою трапезою и вмѣстѣ съ Княземъ потѣшались музыкою, пѣснями и разными играми, земцовъ же нарочитыхъ людей туда вовсе не приглашали. О приглашеніи земцовъ на совѣтъ сыновья Ярослава также не думали, а напротивъ старались отказывать и законнымъ требованіямъ земскаго вѣча, какъ напримѣръ Изяславъ во время войны съ Половцами отказалъ Кіевскому вѣчу въ выдачѣ оружія и коней. Ближайшимъ необходимымъ слѣдствіемъ таковаго поведенія Князей было то, что земщина охладѣла къ Князьямъ, и равнодушно стала смотрѣть на переходы Князей и дружинниковъ изъ одной области въ другую; земцы въ это время не только не защищали и не поддерживали Князей, но даже иногда изгоняли ихъ, какъ это сдѣлали Кіевляне съ своимъ Княземъ Изяславомъ въ 1067 году, или передавались другимъ Князьямъ, какъ это сдѣлали Черниговцы въ 1078 году, передавшись Олегу Святославичу отъ Всеволода, или Владимірцы въ 1084 году передались Ростиславичамъ, а своего Князя Ярополка Изяславича оставили. Да и вообще при нападеніи Князей другъ на друга ни одинъ городъ не защищалъ своего Князя, Князья защищались и нападали при помощи своихъ дружинниковъ и Половцевъ.

При взглядѣ на внутреннее состояніе Русскаго общества или земщины во время дѣтей Ярослава, прежде всего бросается въ глаза какое-то раздвоеніе, борьба стараго съ новымъ; тогдашніе памятники представляютъ намъ то свѣтлые образы новаго направленія, порожденнаго христіанствомъ, то мрачныя картины стараго язычества и крайняго невѣжества и суевѣрія. Центромъ свѣтлыхъ явленій тогдашней общественной жизни былъ въ то время Кіевопечерскій монастырь, основанный двумя бѣдными иноками, Антоніемъ уроженцемъ города Любеча, и Ѳеодосіемъ, пришельцемъ изъ Курска. И первыми свѣтлыми личностями сей обители являются сами основатели ея, мужи просвѣщенные, съ твердою волею и полною преданностію христіанскому ученію, снискавшіе своею высоко-христіанскою жизнію не только почтеніе и удивленіе у простолюдиновъ, но любовь и уваженіе у самихъ Князей и знаменитѣйшихъ дружинниковъ; такъ что сами Князья приходили къ нимъ для бесѣдъ и совѣтовъ. А когда Антоній или Ѳеодосій приходили во дворецъ княжескій, то шумъ, говоръ и музыка прекращались и водворялась благоговѣйная тишина и внимательное слушаніе поучительной бесѣды святыхъ мужей. Ученики Антонія и Ѳеодосія также пользовались большимъ уваженіемъ у народа и Князей и были представителями свѣтлой стороны тогдашняго Русскаго общества; иные изъ нихъ прославились подвигами благочестія не выходя изъ стѣнъ монастырскихъ; другіе напротивъ, получивъ христіанское образованіе въ монастырѣ, въ послѣдствіи дѣйствовали внѣ монастыря на разныхъ чредахъ общественной жизни, и по всѣмъ краямъ Руси распространяли христіанское просвѣщеніе въ темномъ

народѣ, смягчая грубые нравы еще полуязыческаго общества. Изъ Печерскихъ иноковъ были и такіе, которые прославились Апостольскою проповѣдью въ отдаленныхъ краяхъ тогдашней Руси, еще не озаренныхъ свѣтомъ христіанства: таковы были ученики Антонія и Ѳеодосія Леонтій и Исаія, проповѣдывавшіе христіанство въ Ростовѣ, изъ коихъ первый запечатлѣлъ свою проповѣдь мученическою кончиною; тоже Печерскій инокъ былъ Кукша, проповѣдывавшій Евангеліе въ землѣ дикихъ Вятичей, крестившій тамъ многихъ язычниковъ, и также запечатлѣвшій проповѣдь своею кровію. Многіе изъ Печерскихъ иноковъ занимали епископскія каѳедры по городамъ, и первый нашъ лѣтописецъ знаменитый Несторъ былъ также Печерскимъ инокомъ. Но не одинъ Печерскій монастырь представлялъ свѣтлую сторону; новое направленіе, данное Русскому обществу христіанствомъ и соединеннымъ съ нимъ просвѣщеніемъ, вездѣ приносило добрые плоды: Князь Всеволодъ Ярославичь говорилъ на пяти языкахъ, Князья Святославъ Ярославичь, Владиміръ Всеволодичь любили чтеніе книгъ и бесѣду съ благочестивыми и просвѣщенными людьми. О Святославѣ Ярославичѣ одинъ современникъ его пишетъ: «сей Князь подобно пчелѣ со всякаго цвѣтка писанія собравъ въ одинъ сотъ въ мысленное сердце свое—сладость, источалъ ее изъ устъ своихъ предъ боярами на вразумленіе имъ, и являлся имъ новымъ Птоломеемъ не по вѣрѣ, но по желаніямъ сердца, по собранію многоцѣнныхъ божественныхъ книгъ разныхъ, которыми наполнилъ свои клети». Митрополиты Иларіонъ и Іоаннъ II-й, епископъ Лука Жидята славились въ то время своимъ книжнымъ ученіемъ, и оставили замѣчательныя поученія, частію до-

шедшія до нашего времени. А что всего важнѣе для жизни общества, просвѣщеніе тогда не было заключено въ однихъ монастыряхъ, но болѣе или менѣе распространялось и между мірскими людьми; чему доказательствомъ служатъ библіотеки Князеи, а вѣроятно были библіотеки у бояръ и другихъ свѣтскихъ людей. Въ Патерикѣ Печерскомъ разсказывается случай, что Печерскій инокъ Григорій, имѣвшій значительную библіотеку, желая задобрить одного судью, подарилъ ему нѣсколько книгъ, и судья принялъ подарокъ и исполнилъ то, о чемъ просилъ Григорій. Очевидно судья не охотникъ до книгъ, непринялъ бы такого подарка.

Но рядомъ съ прекрасными плодами новаго просвѣщенія пришедшими вмѣстѣ съ христіанствомъ, дошедшіе до насъ памятники представляютъ намъ свидѣтельство и о темной сторонѣ тогдашняго общества на Руси, указывающія на то, что старое язычество еще было довольно сильно, и поганскіе нравы и обычаи еще продолжались между новыми христіанами. Такъ изъ правилъ митрополита Іоанна видимъ, что на украинахъ Русской земли иные новопросвѣщенные христіане продолжали ѣсть мясо въ великій постъ и не причащались святыхъ таинъ, иные безъ стыда и срама имѣли по двѣ жены и жили съ ними безъ церковнаго вѣнчанія; а были и такіе, которые продолжали приносить жертвы бѣсамъ, кладязамъ и болотамъ по старому языческому обыкновенію. Даже въ самыхъ монастыряхъ былъ разпространенъ не монастырскій обычай заводить частые пиры и приглашать на нихъ мірскихъ мужей и женъ, и другъ передъ другомъ состязаться, кто лучше устроитъ пиръ. А мірскіе пиры между христіанами, потому же свидѣтельству, сопровождались

играніемъ, плясаніемъ, гуденіемъ, пьянствомъ, языческими пѣснями, неблагопристойными бесѣдами и иногда драками и ссорами. Или Несторъ, укоряя своихъ современниковъ въ привязанности къ языческимъ обычаямъ и холодности къ Церкви, пишетъ: «не поганскі ли живемъ, ежели еще вѣруемъ въ встрѣчу, ибо кто встрѣтитъ монаха или зайца или свинью, возвращается назадъ, другіе вѣруютъ въ чиханье, которое бываетъ на здравіе головѣ. Но сими дьяволъ льститъ и другими нравы, всячески лѣстьми отдаляя насъ отъ Бога, трубами, скоморохами, гуслями и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людей многое множество, такъ что толкаютъ другъ друга на позорищахъ замышленныхъ отъ бѣса; а церкви стоятъ, а когда наступаетъ часъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви.» Пные изъ Князей и ихъ дружинниковъ отличались крайнею грубостію и жестокостію, какъ разсказывается въ Печерскомъ Патерикѣ о Ростиславѣ Всеволодичѣ, и какъ мы знаемъ по лѣтописи о Мстиславѣ Изяславичѣ, свирѣпствовавшемъ въ Кіевѣ въ 1068 году.

Язычество, выросшее цѣлою прежнею жизнію Русскаго народа, естественно не могло совершенно изчезнуть въ какіе либо сто лѣтъ. Мало этаго, оно въ это время даже дѣлало попытки возвратить себѣ прежнюю силу, и по разнымъ мѣстностямъ находило себѣ сочувствіе у темныхъ людей. Такъ въ 1071 году вдругъ поднялись волхвы и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ и въ Новгородѣ. По словамъ Нестора, въ Кіевъ явился волхвъ въ полномъ изступленіи оракула, и началъ говорить людямъ, что ему явились пять боговъ, что на пятое лѣто Днѣпръ потечетъ вверхъ, и страны передвинутся на иныя мѣста,

Греческая земля будетъ на мѣстѣ Русской земли, и Русская на мѣстѣ Греческой, и иныя страны также перемѣнятъ свои мѣста. Эта языческая проповѣдь раздѣлила Кіевъ на двѣ стороны: сторона невѣждъ, тайныхъ язычниковъ, обратилась къ волхву и охотно слушала его; другая же сторона, искренно привязанныхъ къ христіанской вѣрѣ, стала смѣяться надъ нимъ, говоря: бѣсъ тобою играетъ тебѣ на пагубу; и дѣйствительно волхвъ въ одну ночь пропалъ безъ вѣсти. Въ Ростовской землѣ въ тоже время показались два волхва, пришедшіе изъ Ярославля; они, воспользовавшись голодомъ бывшимъ въ томъ краю, шедши по Волгѣ стали говорить: «мы знаемъ кто скрываетъ обиліе,» и заходя въ прибрежные погосты указывали на лучшихъ женщинъ, говоря, что такая-то удерживаетъ жито, такая-то рыбу, такая-то медъ; и суевѣрные невѣжды стали приводить къ нимъ сестеръ своихъ, матерей и женъ, которыхъ они избивали. Такая нелѣпая проповѣдь сначала имѣла нѣкоторый успѣхъ, такъ что волхвы пришли на Бѣлоозеро въ сопровожденіи трехъ сотъ суевѣрныхъ невѣждъ; но здѣсь успѣхъ ихъ прекратился,—болѣе благоразумные Бѣлозерцы принесли на нихъ жалобу, случившемуся тамъ Святославову даньщику Яну Вышатичу, который вытребовалъ волхвовъ къ себѣ на судъ, и по суду велѣлъ повѣсить. Въ томъ же году еще сильнѣе было возстаніе язычниковъ въ Новгородѣ; тамъ одинъ волхвъ объявилъ себя Богомъ, явно ругалъ христіанскую вѣру, обѣщался предъ всѣми идти по водамъ Волхова, какъ по сушѣ, произвелъ общее возстаніе въ народѣ и грозилъ убить епископа; такъ что епископъ прибѣгъ къ крайнему средству, облачился въ архіерейскія ризы, взялъ крестъ въ руки и

вышедши къ народу сказалъ: «кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто вѣруетъ во Христа, тотъ да идетъ ко кресту.» И городъ раздѣлился на двое: Князь Глѣбъ Святославичь съ дружиною сталъ на сторонѣ епископа, а народъ сталъ за волхва. Тогда Глѣбъ, скрывши подъ одеждою топоръ, подошелъ къ волхву и сказалъ: знаешь ли, что будетъ завтра утромъ и что вечеромъ; волхвъ отвѣчалъ все вѣдаю; тогда Глѣбъ еще спросилъ, а знаешь ли, что будетъ нынѣшній день; волхвъ отвѣчалъ: я сотворю великія чудеса. Въ слѣдъ за сими словами Князь вынулъ топоръ и однимъ ударомъ разсѣкъ волхва надвое. И народъ, видя злую кончину своего самозваннаго Бога, разошелся по домамъ, и тѣмъ кончилось явное возстаніе язычества въ Новгородѣ.

Такимъ образомъ всѣ попытки стараго язычества и въ Новгородѣ и на Бѣлѣозерѣ не удались; но тѣмъ не менѣе сѣверный краи Россіи, страна Ростовская и далѣе на сѣверъ земли Заволоцкой Чуди, долго еще были гнѣздомъ самаго упорнаго язычества; христіанство тамъ прививалось только въ Славянскомъ населеніи, изконные же тамошніе жители Финны, издревле извѣстные у сосѣдей за страшныхъ волхвовъ и чародѣевъ, надолго еще оставались ревностными язычниками, и время отъ времени высылали въ сосѣднія земли отчаянныхъ борцовъ язычества, которые, особенно женщины, странствуя по селамъ и деревнямъ, продолжали поддерживать разныя суевѣрія въ темномъ народѣ. Полотская земля, находившаяся въ ближайшемъ сосѣдствѣ и тѣсныхъ связяхъ съ языческою Литвою, также долго страдала суевѣріемъ и слѣпымъ язычествомъ. Лѣтопись разсказываетъ подъ 1092 годомъ страшный случай переполошившій

Полочанъ и Дручанъ: однажды ночью слышался какой-то необыкновенный шумъ и стонъ, вѣроятно подземный гулъ отъ землетрясенія или отъ другихъ естественныхъ причинъ; но это суевѣрнымъ народомъ было перетолковано въ пользу язычества; толпа стала разносить вѣсти, что мертвецы (т. е. умершіе язычники) бьютъ Полочанъ, что въ Полотскѣ и по всей тамошней области, начиная отъ Друцка, по ночамъ страшный стукъ и стонъ, что бѣсы какъ люди рыщутъ по улицамъ, и невидимо уязвляютъ до смерти того, кто выѣзетъ изъ хоромины, чтобы взглянуть, что дѣлается, что потомъ они стали являться и среди дня, разъѣзжая на коняхъ, такъ что самихъ ихъ не видно, а видны только конскія копыта.

Но всѣ усилія, всѣ затѣи, всѣ страхи и пустые ужасы, чтобы обратить Русское общество къ языческой старинѣ, очевидно вездѣ оказывались безъуспѣшными. Новая христіанская вѣра на столько уже успѣла укрѣпиться между Русскими, что возстановленіе язычества явно было невозможно; при всѣхъ попыткахъ закоренѣлыхъ идолопоклонниковъ и волхвовъ, лучшая и сильнѣйшая часть Русскаго общества всегда становилась на сторонѣ христіанской вѣры и явно смѣялась надъ затѣями старовѣровъ язычниковъ, одни только темные люди, невѣжи, глухо вѣрили волхвамъ, да и тѣ неоказывали большаго сопротивленія лучшимъ людямъ, и мирно разходились въ слѣдъ за пораженіемъ своихъ заводчиковъ волхвовъ. А между тѣмъ церкви и монастыри быстро росли, люди просвѣщенные и ревностные послѣдователи Христовой вѣры продолжали неукоснительно распространять христіанство и просвѣщать темныхъ людей.

Но въ то время, какъ старина гнилая, отжившая,

суевѣрная видимо вымирала и уступала новому христіанскому просвѣщенію, другая старина здоровая и крѣпкая, т. е. старое земское устройство, составлявшее существенную основу жизни Русскаго общества, продолжала жить по прежнему; охраняла законную самостоятельность общества отъ всѣхъ внѣшнихъ притязаній, способствовала къ его постепенному и правильному развитію и недопускала загибнуть Русскому народу въ княжескихъ междоусобіяхъ и въ войнахъ съ внѣшними непріятелями. Этой здоровой старинѣ христіанство, какъ мы уже видѣли, дало новыя силы, и соединивъ разныя Славянскія племена, составлявшія Русь, одною вѣрою, одною церковію, крѣпче связало ихъ, и какъ бы отлило въ одну сплошную массу Русскихъ людей, православныхъ христіанъ. Княжескія междоусобія при сыновьяхъ Ярослава, пріостановившія развитіе княжеской власти начавшееся при Владимірѣ и Ярославѣ, въ свою очередь также много способствовали старому земскому устройству поддерживать свою самостоятельность и еще болѣе отдѣлить Князя и дружину отъ земщины, не разрывая въ тоже время связи съ Князьями и признавая ихъ власть.

Собственно общественное устройство при сыновьяхъ Ярослава по всей Русской землѣ было общинное, какъ и въ прежнее время вся Русская земля продолжала еще состоять изъ разныхъ крупныхъ и мелкихъ общинъ, находившихся въ болѣе или менѣе тѣсной связи другъ съ другомъ. Общины сіи носили названіе городовъ и селеній. Городами тогда назывались тѣ главныя крупныя общины, къ которымъ тянули мелкія общины; они дѣлились на старые города и пригороды Селенія также дѣлились на селы и починки, а нѣсколько селъ и почин-

ковъ, состоявшихъ въ связи другъ съ другомъ, составляли новые центры подчиненные городамъ, которые на югозападѣ Русской земли назывались волостями, а на сѣверовостокѣ погостами. Такъ что любый край въ Русскоїй землѣ непремѣнно имѣлъ въ себѣ главный городъ, отъ котораго большею частію получалъ и свое названіе; и въ каждомъ краю отъ главнаго города зависѣли и тамошніе пригороды, т. е. или колоніи главнаго города, или города построенные на землѣ тянувшей къ старому городу, хотя бы они были населены выведенцами изъ другихъ земель. Цѣлый край тянувшій къ своему старому городу, и при власти Княжеской управлялся вѣчемъ стараго города, отъ котораго вѣча зависѣли и пригороды; въ каждомъ пригородѣ также было свое вѣче, которому повиновались волости и погосты тянувшіе къ городу; равнымъ образомъ волости и погосты и каждая мелкая община имѣли свой міръ, свое вѣче, приговору котораго должны были повиноваться члены общины. Такимъ образомъ каждый цѣлый край Русской земли былъ союзомъ общинъ его населявшихъ, или большимъ міромъ состоящимъ изъ союза малыхъ міровъ, поселенныхъ на его землѣ и ему подчиненныхъ; а вся Русская земля была общимъ Русскимъ міромъ. Но для этого общаго міра, во время сыновей Ярослава и долго послѣ нихъ, еще не было выработано жизнію и исторіею общаго вѣча; ибо ни одинъ большой міръ, ни одинъ самостоятельный край Русскоїй земли не признавалъ себя въ подчиненіи другому краю; а изъ Князей того времени и долго послѣ ни одинъ не могъ назваться главою или представителемъ всего Русскаго міра, ибо каждый изъ нихъ былъ только Княземъ одного или нѣсколькихъ большихъ міровъ Рус-

ской земли. Связь выражающая единство общаго Русскаго міра или всей Русской земли тогда состояла только въ единствѣ религіи, языка и общественнаго устройства.

При таковомъ общественномъ устройствѣ Русская земля, или скорѣе большіе міры Русской земли, какъ самостоятельныя общества, сами защищались отъ набѣговъ непріятельскихъ, или сами начинали воіны съ сосѣдями или возмутившимися своими данниками инородцами. Конечно въ сихъ войнахъ всегда почти принимали участіе Князья съ своими дружинами, они это считали своею обязанностію и этимъ преимущественно могли привлечь къ себѣ расположеніе народонаселенія. Главными и постоянными врагами Руси въ это время были Половцы, занявшіе своими кочевьями степи, лежащія на юговосточныхъ границахъ Русской земли, и по своему дикому разбойническому характеру почти каждогодно грабившіе пограничныя Русскія области. А посему во всѣхъ Русскихъ областяхъ, сосѣднихъ съ Половецкими степями, было протянуто нѣсколько линій небольшихъ городковъ, куда при Половецкихъ набѣгахъ тамошніе Русскіе люди укрывались со всѣмъ своимъ имуществомъ, и большею частію отсиживались; ибо Половцы, бойкіе и ловкіе въ открытомъ полѣ, не умѣли брать и плохихъ городковъ и вообще боялись мѣстъ закрытыхъ. Тѣмъ не менѣе для ихъ разбойническихъ набѣговъ въ лѣтнюю пору всегда была порядочная пожива въ Русскихъ пограничныхъ владѣніяхъ; всѣ сельскіе жители застигнутые въ расплохъ и не успѣвшіе укрыться въ городкахъ или какъ нибудь спрятаться, обыкновенно попадались въ плѣнъ и вмѣстѣ съ своими стадами отгонялись въ степи, а беззащитныя селенія выжигались. Плѣнниковъ Половцы или оставляли у

себя въ рабствѣ, или продавали на сторону, или отдавали на выкупъ родственникамъ и знакомымъ, и для этого выкупа или покупки плѣнниковъ, Русскіе люди свободно допускались въ Половецкія кочевья, куда также свободно съѣзжались Болгары, Хазарскіе Жиды и Греки, тоже для выкупа и покупки плѣнниковъ.

Но кромѣ постоянныхъ мелкихъ разбойническихъ набѣговъ Половцы за время сыновей Ярослава дѣлали нѣсколько набѣговъ большими полчищами, въ которыхъ имъ приходилось сталкиваться и съ Русскими ратьми и брать иногда города. Первый большій набѣгъ Половцевъ былъ въ 1055 году, когда они съ своимъ Княземъ Болушемъ подступили къ Переяславскимъ владѣніямъ и не воюя заключили миръ съ Княземъ Всеволодомъ; потомъ въ 1061 году явилась другая орда Половцевъ съ Княземъ Искаломъ и также напала на Переяславскія владѣнія, разбила Всеволода и страшно опустошила землю; въ 1067 году новая орда Половцевъ опять опустошила не только Переяславскія, но Черниговскія и Кіевскія земли и разбила Русскихъ Князей на Альтѣ. Въ 1071 году Половцы воевали у Растовца и Неятина, вѣроятно въ предѣлахъ Переяславскихъ, но здѣсь они кажется не встрѣчались съ Русскою ратью и ограничились грабежемъ беззащитныхъ селъ. Потомъ нѣсколько разъ они приходили съ Русскими Князьями Олегомъ и Романомъ Святославичами и Борисомъ Вячеславичемъ воевать противъ старшихъ Князей Изяслава и Всеволода Ярославичей. Въ княженіе Всеволода особенно прославился и снискалъ любовь народа, своими быстрыми и удачными походами на Половцевъ, Всеволодовъ сынъ Владиміръ Мономахъ, который въ продолженіи 14 лѣтъ отцовскаго княжествованія въ Кіевѣ

постоянно гонялся за Половцами съ своею дружиною и съ земскими полками; онъ самъ въ одномъ своемъ сочиненіи насчитываетъ до 12 своихъ походовъ на Половцевъ, преимущественно въ предѣлахъ Переяславскаго и Черниговскаго княженій, по рѣкамъ Деснѣ, Супою и Сулѣ; онъ разъ даже пробрался за Хороль, въ Половецкія степи, куда до него не доходилъ ни одинъ Русскій Князь.

На Сѣверо-западѣ, въ предѣлахъ Новгородскихъ, врагами Русскаго владычества, хотя слабыми, были разныя независимыя и полупокоренныя Финскія племена, противъ которыхъ почти всегда удачно воевали Новгородцы и Псковичи, и одни и съ своими Князьями. Здѣсь преимущественно дѣло состояло въ томъ, чтобы распространить Новгородское вліяніе на Финскія племена или поддержать Новгородскую власть надъ племенами возмутившимися противъ нее. Въ первый же годъ по кончинѣ Ярослава посадникъ Остромiръ съ Новгородцами ходилъ въ Эстонію и взялъ тамъ Чудскій городъ Оссекъ Дерпивъ; потомъ въ 1060 году самъ Изяславъ Кіевскій приходилъ въ Новгородъ и вмѣстѣ съ Новгородскими полками ходилъ въ Ливонію на Финское племя Сосолъ и наложилъ на нихъ дань въ 2000 гривенъ; впрочемъ Сосолы, въ слѣдъ за удаленіемъ Изяслава изъ ихъ земли, выгнали его даньщиковъ и на весну подошли къ Юрьеву, (Дерпту) Русскому городу въ тамошней странѣ, сожгли его, опустошили окольныя Русскія села и дошли до самаго Пскова; но здѣсь были встрѣчены Новгородцами и Псковичами и разбитые въ сильной и упорной сѣчѣ бѣжали въ свои лѣса и осѣки. Въ 1069 году возмутилось противъ Новгородцовъ Финское племя Водь и подъ предводительствомъ удалаго Всеслава Полотскаго подступило къ самому Нов-

городу, конечно съ цѣлію пограбить; но Новгородцы съ своимъ любимымъ и храбрымъ Княземъ Глѣбомъ Святославичемъ дали имъ битву на Гзени близь Звѣринца, гдѣ Вожанъ было изсѣчено безчисленное множество, и Всеславъ попался въ плѣнъ; впрочемъ Новгородцы сжалились надъ нимъ и отпустили на свободу. Потомъ Новгородцы воевали съ своими полупокорными данниками Заволочскою Чудью въ предѣлахъ Сѣверной Двины; въ этомъ далекомъ походѣ былъ убитъ любимый ихъ Князь Глѣбъ.

Послѣдніе годы Всеволодова княженія въ Кіевѣ особенно были тяжелы для придиѣпровья. Кромѣ частыхъ набѣговъ Половецкихъ и разорительныхъ поборовъ отъ Всеволодовыхъ тіуновъ, жители Кіева и другихъ сосѣднихъ странъ страшно страдали отъ голода, происшедшаго въ слѣдствіе сильноіі засухи, отъ которой загарались лѣса и болота, и наконецъ отъ повальныхъ болѣзней, погубившихъ въ одномъ Кіевѣ въ два мѣсяца съ половиной семь тысячь человѣкъ. Кромѣ дѣйствительныхъ бѣдствій, народъ въ это же время былъ страшно смущаемъ разными предзнаменованіями новыхъ бѣдъ: таковыми предзнаменованіями тогда считались солнечное затмѣніе бывшее 21 Мая 1091 года, легкое землетрясеніе въ 1092 году, и какой-то кругъ посреди неба и другія естественныя, но необыкновенныя, воздушныя явленія. Все это наводило большой ужасъ на тогдашнихъ Русскихъ людей, всѣ въ смятеніи ждали новыхъ несчастій и духовенство призывало людеіі къ покаянію и удаленію отъ злыхъ дѣлъ, отъ зависти и непріязни. И въ это время скончался Всеволодъ, давно уже страдавшій разными болѣзнями.

—

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ.

ВНУКИ И ПРАВНУКИ ЯРОСЛАВА.

Недаромъ народъ былъ смущенъ разными предзнаменованіями предъ кончиною Всеволода: за этой кончиной дѣйствительно послѣдовали страшныя бѣдствія, какихъ еще не было въ Русской землѣ. Все что было сдавлено могуществомъ Всеволода, всѣ накипѣвшія неудовольствія, всѣ вопіющія обиды поднялись и предъявили свои права, всѣ обиженные и ограбленные начали требовать того, что у нихъ отнято. Умнѣйшій и знаменитѣйшій изъ тогдашнихъ Князей Владиміръ Всеволодовичь Мономахъ, желая сколько возможно отдалить взрывъ недовольныхъ, какъ нибудь прикрыть неправды отца и найти себѣ хорошаго союзника на случай неминуемой войны съ недовольными, въ слѣдъ за похоронами Всеволода послалъ въ Туровъ къ тамошнему Князю Святополку Изяславичу съ извѣстіемъ, чтобы онъ шелъ занять Кіевскій престолъ, какъ свою отчину; самъ же ушелъ въ Черниговъ, которымъ владѣлъ въ послѣдніе годы отцовской жизни, а другой братъ его Ростиславъ пошелъ въ Переславль. Такимъ благоразумнымъ и хорошо разсчитаннымъ распоряженіемъ Мономахъ дѣйствительно отдалилъ взрывъ недовольныхъ до перваго благопріятнаго случая, который къ несчастію не замедлилъ представиться.

Скупый Святополкъ, не посовѣтовавшись съ опытными людьми, не́ купилъ мира у Половцевъ и даже посадилъ подъ стражу ихъ посланниковъ пришедшихъ къ нему въ Кіевъ. Это страшно разобидѣло Половцевъ уже

стоявшихъ на границѣ и готовыхъ къ войнѣ, они немедленно начали воевать и осадили Торческъ, Русскій городъ на Роси. Святополкъ, не имѣя достаточно войска, пригласилъ къ себѣ на помощь Владиміра Мономаха и брата его Ростислава, и всѣ трое и съ Кіевскими земскими полками отправились на выручку Торческа. Но едва они перебрались черезъ Стугну и миновали Треполь, какъ Половцы вышли къ нимъ на встрѣчу и началась страшная сѣча, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Русскихъ Князей; Святополкъ едва убѣжалъ въ Кіевъ, а Владиміръ Мономахъ въ Черниговъ, Ростиславъ же въ бѣгствѣ потонулъ при переправѣ черезъ Стугну. Половцы одержавъ побѣду раздѣлились на двое, — одни продолжали осаду Торческа, а другіе принялись жечь и опустошать несчастную страну Кіевскую, города и села запылали, и такъ продолжалось безъ малаго два мѣсяца, Половцы даже пробрались до Кіева и Вышгорода. Святополкъ снова вышелъ съ своею ратью и далъ битву при Желани, но эта битва для него была несчастнѣе Трепольской, онъ едва самтретей убѣжалъ въ Кіевъ; въ слѣдъ за тѣмъ сдался Половцамъ Торческъ, девять недѣль бывшій въ осадѣ и изнемогавшій отъ голода; Половцы зажгли городъ, а несчастныхъ жителей плѣнниками погнали въ свои степи. Лѣтописецъ, описывая бѣдствія Кіевскаго края въ это время, говоритъ: «лукавые сыны Измаиловы (такъ по книжному называли Половцевъ) пожгли наши села и гумны, не пощадили и церквей, всюду по землѣ нашей плачь, опустѣли наши города и селы, нивы наши поросли и обратились въ жилище звѣрей, на лугахъ нашихъ нѣтъ ни коней ни воловъ, ни овецъ; жители одни уведены въ плѣнъ, другіе

посѣчены, иные умираютъ съ голода и жажды, ходятъ нагіе и босые, съ почернѣвшими лицами, избитые, измученные, и ждутъ смерти». Святополкъ, два раза разбитый и уже не имѣя ни откуда помощи, волей не волей заключилъ миръ съ Половцами, т. е. далъ большой окупъ, и женился на дочери ихъ Князя Тугоркана, и тѣмъ остановилъ на этотъ разъ страшное опустошеніе земли Кіевской.

Но бѣдствія Русской земли тѣмъ не кончились, за Кіевомъ наступила череда Чернигову и Переяславлю. Въ слѣдующій же годъ Олегъ Святославичь, проживавшій въ Тмутаракани и ждавшій только удобнаго случая возвратить себѣ отцовскій Черниговъ, надѣясь, что разбитый Святополкъ не будетъ помогать Владиміру Мономаху, явился съ Половцами подъ Черниговомъ. Владиміръ Мономахъ думалъ отсидѣться и затворился въ городѣ; но Олегъ не за тѣмъ пришелъ, чтобы идти назадъ ни съ чѣмъ, онъ велѣлъ зажечь окрестные села и монастыри, а самъ сталъ приступать къ Чернигову; восемь дней къ ряду дружина Мономахова защищала городскій валъ и была почти вся избита; наконецъ, видя невозможность держаться долѣе, Мономахъ заключилъ съ Олегомъ миръ и отдалъ ему Черниговъ, а самъ съ своимъ семействомъ и дружиной, которой не осталось и ста человѣкъ, отправился въ свой отцовскій Переяславль. Половцы добывшіе Олегу Черниговъ, въ награду за трудъ, получили отъ него дозволеніе грабить Черниговскія села, и награбившись досыта, ушли въ свои степи.

Владиміръ Мономахъ, выгнанный изъ Чернигова, три лѣта и три зимы, какъ самъ говоритъ, сидѣлъ въ Переяславлѣ съ своею дружиною, терпѣлъ голодъ и вся-

кую нужду, безпрестанно воюя съ Половцами опустошавшими Переяславскую землю; и наконецъ добился того, что Половцы разбитые въ разныхъ мѣстахъ, особенно подъ Римовымъ, очистили Переяславскія земли и стали просить у Мономаха мира. Для переговоровъ объ этомъ мирѣ явились въ Переяславль два Половецкихъ Князя Итларь и Китанъ; первый вошелъ въ городъ съ лучшими своими спутниками, а второй остановился передъ городомъ въ шатрахъ, и Мономахъ далъ Китану въ заложники своего сына Святослава. Въ это время пришелъ къ Мономаху Славята, посланецъ отъ Святополка Кіевскаго, и сговорясь съ Ратиборомъ, старшимъ дружинникомъ Мономаховымъ, уговорили Князя убить Итларя. Мономахъ сперва не соглашался, а потомъ, согласившись, послалъ Славяту съ частію дружину и Торками выкрасть ночью Святослава и убить Китана съ его дружиною въ шатрахъ; тѣ сдѣлали какъ приказано, подкравшись ночью, выкрали Святослава, а Китана и его дружину изсѣкли; на другой же день поутру Ратиборъ приказалъ убить остановившихся въ его домѣ Итларя и его спутниковъ, что также было въ точности исполнено слугами Ратиборовыми.

Убивши измѣнически Итларя и Китана, Мономахъ и Святополкъ отправились на Половцевъ въ ихъ степи, они звали съ собою и Олега Черниговскаго, но тотъ не пошелъ. Настоящій походъ ихъ былъ довольно удаченъ: Мономахъ и Святополкъ, перешедши Пселъ за Гольтвомъ, взяли Половецкія вежи, полонили скотъ и невольниковъ, и воротились домой благополучно. Но въ слѣдъ за ними явились и Половцы въ Поросье мстить за раззореніе своихъ вежъ; они осадили главный тамошній городъ, Юрь-

евъ, держали его въ осадѣ цѣлое лѣто и принудили Святополка заключить съ ними миръ такой, какой имъ хотѣлось. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого мира было то, что Русскіе оставили Юрьевъ и другіе города и селенія, лежавшіе на правомъ или степномъ берегу Роси, и всѣ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Мариномъ перешли на лѣвый берегъ, и поселены Святополкомъ во вновь построенномъ городѣ Святополчѣ; Половцы же зажгли опустѣлый Юрьевъ и всѣ заросьскія селенія.

Между тѣмъ Мономаху, во чтобы то ни стало, хотѣлось возвратить Черниговъ и Смоленскъ и выгнать оттуда Святославичей; онъ сперва приказалъ сыну своему, Изяславу Князю Курскому, взять Муромъ; потомъ, когда это было сдѣлано, вмѣстѣ съ Святополкомъ послалъ сказать Олегу: «приходи въ Кіевъ, чтобы сообща поло ить порядъ о Русской землѣ передъ епископами и передъ игуменами и передъ мужами нашихъ родителей и передъ людьми градскими, чтобы намъ оборонить Русскую землю отъ поганыхъ». Но Олегъ обиженный отнятіемъ Мурома и опасаясь какого либо обмана, отвѣчалъ: епископы и игумены и смерды не имѣютъ права судить меня, и не пошелъ въ Кіевъ. Тогда Святополкъ и Мономахъ послали сказать ему: «ты съ нами не ходишь на поганыхъ и на совѣтъ къ намъ нейдешь, значитъ ты мыслишь противъ насъ зло и хочешь помогать поганымъ, пусть же разсудитъ насъ Богъ»; и въ слѣдъ за тѣмъ отправились съ своими полками къ Чернигову. Олегъ, неожидая такого скораго нападенія, бѣжалъ изъ Чернигова въ Стародубъ, куда за нимъ погнались и Святополкъ съ Мономахомъ, и осадили городъ. Олегъ защищался мужественно, осада продолжалась тридцать три дня, было нѣсколько

приступовъ, защитники города уже стали изнемогать, и Олегу не уйдти бы отъ своихъ враговъ; но вѣрные его союзники Половцы выручили его: одна орда ихъ подъ предводительствомъ удалаго Боняка явилась около Кіева, а другая съ другимъ Княземъ Курею у Переяславля. Святополкъ и Мономахъ, получивъ объ этомъ вѣсть, согласились дать Олегу миръ, обязавъ его оставить Стародубъ и удалиться къ своему брату Давыду въ Смоленскъ, и потомъ оттуда вмѣстѣ съ братомъ придти въ Кіевъ на общій порядъ.

Святополкъ и Мономахъ отъ Стародуба пошли воевать съ Половцами въ Переяславскихъ и Кіевскихъ владѣніяхъ, но они уже незастали тамъ ни Кури, ни Боняка; на мѣсто Кури стоялъ подъ Переяславлемъ Тугоркань и держалъ городъ въ осадѣ. Святополкъ и Мономахъ успѣли обойти шатры Тугорхановы и соединившись съ Переяславцами разбили Половцевъ. А въ это время удалой Бонякъ вторично побывалъ подъ Кіевомъ, едва не ворвался въ самый городъ, ограбилъ и сжегъ всѣ пригородные монастыри и села, и ни кѣмъ не преслѣдуемый съ добычею воротился въ свои степи. Между тѣмъ Олегъ Святославичь, пополнивши свою дружину у брата въ Смоленскѣ, пошелъ добывать отцовское владѣніе Муромъ; Изяславъ, услыхавши объ этомъ, собралъ къ себѣ полки Ростовцевъ, Суздальцевъ и Бѣлозерцевъ и приготовился встрѣтить Олега; но многочисленные полки не спасли его, онъ былъ разбитъ и убитъ подъ Муромомъ. А Олегъ, занявши Муромъ, отправился воевать Суздальскую и Ростовскую землю, уже успѣлъ взять безъ сопротивленія и Суздаль и Ростовъ и пробирался къ Новгороду; но здѣсь былъ остановленъ Мономаховымъ старшимъ сыномъ Мстиславомъ, который съ Новгородцами и по-

досѣвшими отъ отца наемными Половцами удачно разбилъ Олега на рѣкѣ Колакчѣ, и не только принудилъ его оставить Ростовъ и Суздаль, но и заставилъ бѣжать изъ Мурома и Рязани, и потомъ изъ Рязани послалъ сказать ему: «не бѣгай никуда, а пошли къ братьямъ своимъ съ мольбою, чтобы не лишили тебя Русской земли, а я пошлю къ отцу просить за тебя.» Олегъ обѣщался сдѣлать такъ, а Мстиславъ съ своей стороны послалъ просительное письмо къ Мономаху; и Мономахъ поспѣшилъ заключить съ Олегомъ миръ, чтобы скорѣе собрать общій княжескій съѣздъ и тамъ порѣшить всѣ споры.

Наконецъ послѣ четырехлѣтнихъ кровопролитій состоялся, въ 1097 году, общій княжескій съѣздъ въ Любечѣ, куда собрались Святополкъ, Мономахъ, Давыдъ Игоревичь, Василько Ростиславичь и Давыдъ и Олегъ Святославичи. На этомъ съѣздѣ Князья всѣ порѣшили, чтобы каждое княжеское племя въ Ярославичахъ держало отчину своего родителя: именно Святополкъ Изяславову отчину Кіевъ съ причисленными къ нему областями; Давыдъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи Святославову отчину Черниговъ съ Муромомъ, Рязанью и Тмутараканью; Мономахъ Всеволодову отчину Переяславль, Смоленскъ и землю Ростовскую, Давыдъ Игоревичь отчину своего отца Владиміръ Волынскій; а племянники ихъ Володарь и Василько Ростиславичи владѣли бы Перемышлемъ и Теребовлемъ, которые за ними утвердилъ Всеволодъ. И на томъ цѣловали крестъ, и каждый говорилъ: «если теперь кто изъ насъ поднимется на другаго, то мы всѣ встанемъ на зачинщика, и крестъ честный будетъ на него же»! И потомъ всѣ повторяли: «крестъ честный на него и вся земля Русская». Каза-

лось, такою торжественною клятвою должны были прекратиться всѣ междоусобія.

Но не всѣ еще Князья успѣли пріѣхать въ свои волости послѣ Любечьскаго съѣзда, какъ княжескія междоусобія начались съ новою силою; и Мономахъ сдѣлался главою, руководителемъ Князей и защитникомъ обиженныхъ, и на его сторонѣ стали Святославичи. Дѣло началось такъ, Святополкъ, какъ говорятъ, по наговору Давыда Игоревича, зазвалъ въ Кіевъ проѣзжавшаго домой Василька Ростиславича Князя Теребовльскаго и приказалъ выколоть ему глаза. Мономахъ, получивъ вѣсть о такомъ злодѣяніи, пригласилъ Давыда и Олега Святославичей въ Городецъ; и всѣ трое послали своихъ мужей сказать Святополку: «зачѣмъ ты сдѣлалъ такое зло въ Русской землѣ, ввергъ ножъ между нами? На что ослѣпилъ своего брата? Есть ли онъ былъ виноватъ передъ тобою, то обличилъ бы его передъ нами, и тогда по суду наказалъ бы его; а нынѣ объявп намъ вину его, за что такъ поступилъ съ нимъ.» Святополкъ на это непринесъ удовлетворительнаго оправданія, и на другой день союзники Мономахъ и Святославичи уже готовились перевозиться черезъ Днѣпръ и идти на Кіевъ ратью, а Святополкъ сбирался бѣжать изъ Кіева; но Кіевляне непустили его и послали отъ себя къ союзникамъ мачиху Мономахову и митрополита молить, чтобы не губили Русской земли и не начинали кровопролитія. Мономахъ, изъ уваженія къ просьбѣ Кіевлянъ и по ходатайству митрополита и мачихи, вступилъ въ переговоры съ Святополкомъ, и послѣ нѣсколькихъ пересылокъ союзники помирились съ Княземъ Кіевскимъ и сказали ему: «Святополкъ! такъ какъ ты говоришь, что смуту сдѣлалъ Да-

выдъ, то иди на него, и поймай или прогони»; и на томъ другъ другу цѣловали крестъ.

Между тѣмъ Давыдъ Игоревичь, державшій ослѣпленнаго Василька у себя во Владимірѣ Волынскомъ, вздумалъ завладѣть Васильковымъ княженіемъ; но Васильковъ братъ Володарь, Князь Перемышльскій, выступилъ противъ него и принудилъ отпустить Василька, и Василько по прежнему сѣлъ въ своемъ Теребовлѣ. Наконецъ Святополкъ, во исполненіе Кіевскаго договора, двинулся къ Владиміру Волынскому и осадилъ въ немъ Давыда Игоревича; осада продолжалась семь недѣль, и Давыдъ неимѣя силъ сопротивляться долѣе умолялъ Святополка, чтобы онъ дозволилъ ему выйдти изъ города, и получивъ дозволеніе ушелъ въ Польшу. Но Святополкъ не удовольствовавшись прогнаніемъ Давыда, вздумалъ прогнать и Ростиславичей, и снова началась страшная междоусобная война продолжавшаяся около трехъ лѣтъ. Ростиславичи при первой же встрѣчѣ разбили Святополка; потомъ, соединясь съ Давыдомъ Игоревичемъ, возвратившимся изъ Польши, и при помощи Половцовъ предводительствуемыхъ удалымъ ихъ Княземъ Бонякомъ, разбили приведенныхъ Святополкомъ Венгровъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Давыдъ Игоревичь при помощи тѣхъ же Половцовъ, возвратилъ себѣ Владиміръ Волынскій; и Святополкъ опять пошелъ на него. Тогда, чтобы прекратить междоусобія, грозившія затянуться надолго, Владиміръ Мономахъ съ Святославичами назначили новый съѣздъ Князей въ Увѣтичахъ, куда явились и Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ. На этомъ съѣздѣ порѣшили, чтобы Давыдъ отказался отъ Владиміра Волынскаго, за что ему дали Бужскій острогъ, Дубенъ и Черторыескъ и четыреста гривенъ серебра,

къ чему Святополкъ еще прибавилъ Дорогобужъ. Думали было и у Ростиславичей отнять Теребовль и послали къ нимъ такое рѣшеніе съѣзда; но тѣ не приняли сего рѣшенія, а Мономахъ помня къ нимъ крестное цѣлованіе на Любечьскомъ съѣздѣ, недозволилъ начать съ ними войны; тѣмъ дѣло и кончилось, Ростиславичи остались при своихъ владѣніяхъ. Увѣтическимъ съѣздомъ общія междоусобія Ярославичей закончились на цѣлые тридцать лѣтъ.

Покончивши междоусобія Ярославичи принялись за войны съ Половцами, которые не давали покоя пограничнымъ Русскимъ владѣніямъ. И на слѣдующій же годъ послѣ Уветическаго съѣзда (т. е. въ 1101 году) Святополкъ, Владиміръ Мономахъ, Давыдъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи съѣхались на новый съѣздъ на Золотчи, чтобы условиться о войнѣ съ Половцами. Половцы, узнавши объ этомъ, немедленно прислали отъ всѣхъ своихъ Князей просить мира. Русскіе Князья назначили имъ съѣхаться у Сакова и тамъ заключили съ ними миръ, и размѣнявшись заложниками, разошлись розно. Но миръ съ Половцами, по самому характеру и образу жизни сихъ степныхъ грабителей, не могъ быть прочнымъ, онъ даже не прекратилъ ихъ частныхъ набѣговъ и грабежей. А по сему на слѣдующій же годъ, по настоянію Мономаха, рѣшенъ былъ походъ въ Половецкія степи; въ этомъ походѣ приняли участіе Святополкъ, Мономахъ и Давыдъ Святославичь, Олегъ же сказался больнымъ. Князья сіи съ своими дѣтьми и племянниками, съ дружинами и съ земскими полками собрались у Переяславля, и оттуда отправились въ походъ пѣшіе въ лодьяхъ Днѣпромъ, а конные берегомъ, и такимъ порядкомъ шли до Хортицкаго острова, что за порогами; здѣсь же пѣшіе высадились

изъ лодій и вмѣстѣ съ конными пошли степью, и шли четыре дня до мѣста называемаго Сутень. Между тѣмъ Половцы прослышавши о походѣ Русскихъ, собрались въ безчисленномъ множествѣ съ храбрѣйшими своими Князьями, и выслали напередъ для развѣдокъ самаго удалаго изъ своихъ наѣздниковъ Князя Антулоцу съ его полкомъ. Русскій сторожевый полкъ встрѣтилъ Антулопу, и окруживъ его со всѣхъ сторонъ, началъ битву, въ которой изъ первыхъ палъ самъ Антулопа, а за нимъ были побиты и остальные, такъ что ни одинъ не ушелъ подать вѣсть своимъ. За тѣмъ явились и остальные Половецкіе полки, которые были такъ многочисленны, что казались необозримымъ лѣсомъ; Русскіе бросились на нихъ съ такою силою и стремительностію, что Половцы въ ужасѣ, не вступая въ битву, пустились бѣжать, и Русскіе преслѣдуя ихъ произвели въ ихъ смятенныхъ полкахъ страшное опустошеніе, такъ что одинхъ Князей было убито 20 человѣкъ. Побѣда Русскихъ была полная и доставила имъ огромную добычу,—безчисленныя стада рогатаго скота, овецъ, коней и верблюдовъ, половецкіе шатры съ ихъ имуществомъ и рабами, и сверхъ того цѣлыя кочевья Печенѣговъ и Торковъ жившихъ съ Половцами. Этихъ Печенѣговъ и Торковъ Святополкъ поселилъ по правому берегу Роси, и возобновилъ для нихъ городъ Юрьевъ, уже восемь лѣтъ лежавшій въ запустѣніи.

Но и этотъ знаменитый походъ не смирилъ Половцевъ, и на другой же годъ удалый Половецкій Князь Боякъ, мстя за гибель своихъ, зимою прорвался между Русскими городами на Роси, проникъ до Заруба и разбилъ и ограбилъ поселенныхъ тамъ Торковъ и Берен-

дѣвъ. А въ слѣдующемъ году Половцы явились грабить около Зарѣчьска; впрочемъ Святополковы воеводы Янъ Вышатичь, братъ его Путята, Иванко Захарьичь и Казаринъ, нагнали грабителей и отняли у нихъ плѣнниковъ. Въ 1107 году удалый Бонякъ весною явился подъ Переяславлемъ и отогналъ Переяславскіе конскіе табуны; потомъ лѣтомъ пришелъ опять съ старикомъ Шаруканомъ и съ другими Половецкими Князьями и осадилъ Переяславскій городъ Лубно на рѣкѣ Сулѣ; но эта осада имъ не удалась, какъ и вообще осады рѣдко удавались симъ кочевникамъ. Пока они стояли станомъ подъ Лубномъ, Святополкъ, Мономахъ и Олегъ съ своими дѣтьми и племянниками успѣли собраться, тихо и незамѣтно перебродились черезъ Сулу и съ такою силою и крикомъ бросились на Половецкій станъ, что Половцы въ ужасѣ, не успѣвши поставить и знаменъ, обратились въ бѣгство, и многіе даже неуспѣли сѣсть на своихъ коней. Русскіе гнались за ними до Хороля, и на этой погонѣ многихъ побили, многихъ побрали въ плѣнъ и захватили весь станъ. Вслѣдъ за тѣмъ Владиміръ Мономахъ Давыдъ и Олегъ Святославичи, какъ ближайшіе сосѣди Половцамъ, вступили въ мирные переговоры съ двумя Половецкими Князьями, изъ которыхъ каждый назывался Аэпою, и для лучшаго утвержденія мира Мономахъ женилъ своего сына Юрья на дочери одного Аэпы, а Олегъ своего сына на дочери другаго Аэпы.

Впрочемъ и родство Русскихъ Князей съ Половецкими Князьями не давало надлежащаго мира пограничнымъ Русскимъ владѣніямъ отъ Половцевъ; кочевники сіи жившіе грабежемъ, не думая о мирныхъ договорахъ своихъ Князей, по прежнему продолжали грабить сосѣдніе

Русскіе города и селенія. И чтобы сколько нибудь унять сіи грабительства Русскіе Князья Святополкъ, Мономахъ и Давыдъ Святославичь, черезъ два года послѣ Аэпинскаго мира, ходили въ Половецкія степи; но дошедъ до Воиня воротились назадъ, вѣроятно не встрѣтивъ непріятелей. Наконецъ въ 1111 году Мономахъ, Переяславскимъ владѣніямъ котораго особенно много доставалось отъ Половецкихъ набѣговъ, поднялъ своихъ постоянныхъ союзниковъ Святополка и Давыда Святославича на новый походъ въ Половецкія степи, и всѣ трое съ своими сыновьями еще въ глубокую зиму, въ Февралѣ мѣсяцѣ, пустились къ Дону въ глубину Половецкихъ степей, куда уже провѣдалъ имъ дорогу Мономаховъ воевода Дмитръ Иворовичь, опустошившій Половецкія кочевья на Дону въ 1109 году. Они шли на Сулу, Хоролъ, Пселъ, Гольтву, Ворсклъ и другія рѣки до Дону, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, нигдѣ не встрѣчая непріятелей до самыхъ становищъ Шарукана, бывшихъ на Дону, и составлявшихъ укрѣпленный городъ. Подходя къ этому городу, Русскіе надѣли брони и раздѣлили ратниковъ на полки готовые къ бою; но Шаруканцы не рѣшились защищаться, и вышедши изъ города поднесли Русскимъ Князьямъ съ поклономъ рыбу и вино. Русскіе, переночевавъ въ Шаруканѣ, на другой день двинулись къ другому Половецкому городу Сугрову и сожгли его; потомъ съ Дона пустились въ степи искать непріятелей и на рѣкѣ Дегеѣ нашли ихъ многочисленныя полчища, уже готовыя къ бою. Русскіе Князья, возложивъ упованіе на Бога, и разцѣловавшись другъ съ другомъ, прощаясь какъ бы предъ смертью, бросились въ битву, которая была ужасна по упорству обѣихъ сторонъ, и кончилась страшнымъ избіеніемъ Половцевъ.

Русскіе простояли на костяхъ непріятельскихъ два дни, и потомъ спустились къ рѣкѣ Сальницѣ, гдѣ стояли полки Половецкіе какъ необозримый лѣсъ; здѣсь произошла новая страшная битва, которая дорого стоила обѣимъ сторонамъ и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Половцевъ; и Русскіе, обогатившись разною добычею и плѣнниками, со славою возвратились домой. Этотъ походъ на Половцевъ былъ знаменитѣйшимъ событіемъ того времени; по словамъ лѣтописца слава о немъ разнеслась и въ Грецію и въ Римъ, и къ Ляхамъ и къ Уграмъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ походъ сей былъ и послѣднимъ при Святополкѣ: въ 1113 году Святополкъ скончался въ Кіевѣ, оплаканный дружинниками, которымъ давалъ волю чинить всякія неправды.

По смерти Святополка Кіевскій престолъ долженъ бы былъ перейдти къ старшему сыну его Ярославу, Князю Владиміро Волынскому; но Кіевляне, недовольные покойнымъ Святополкомъ за его корыстолюбіе и притѣсненія земцовъ, не хотѣли, чтобы его сынъ княжилъ надъ ними; и на другой же день послѣ Святополковой кончины созвали вѣче, на которомъ порѣшили звать себѣ въ Князья Владиміра Мономаха, извѣстнаго тогда по всей Русской землѣ своими многочисленными походами на Половцевъ и умѣньемъ жить въ любви съ своею земщиною. Мономахъ на первый зовъ Кіевскаго вѣча не рѣшился идти въ Кіевъ, показывая тѣмъ, что Кіевъ отчина Святополчичей, а не его. Тогда Кіевляне разграбили дворъ тысячкаго Путяты, любимца и главнаго воеводы Святополкова, и дворы соцкихъ и жидовъ, которымъ особенно покровительствовалъ Святополкъ; и въ слѣдъ за тѣмъ снова послали къ Мономаху съ такими рѣчьми: «Княже! иди въ

Кіевъ, а ежели непойдешь, то знай что много зла поднимется, дѣло неограничится грабежемъ дворовъ Путяты, соцкихъ и жидовъ, пойдутъ и на княгиню Святополкову и на бояръ и на монастыри; и ты Князь дашь отвѣтъ, ежели будутъ ограблены монастыри». Послѣ этого вторичнаго приглашенія Владиміръ Мономахъ уже болѣе немедлилъ и 30 Апрѣля, т. е. на четвертый день по кончинѣ Святополковой, прибылъ въ Кіевъ. Кіевляне его встрѣтили съ радостію и мятежъ прекратился, а Святополчичи и другіе Князья не осмѣливались подать и голоса противъ рѣшенія Кіевскаго вѣча. Утвердившись въ Кіевѣ, Мономахъ одного сына своего Святослава посадилъ въ Переяславлѣ, другаго Вячеслава въ Смоленскѣ, а старшій его сынъ Мстиславъ уже давно княжилъ въ Новгородѣ по приглашенію самихъ Новгородцевъ, потомъ Владиміръ, за смертію Святослава, посадилъ въ Переяславлѣ Ярополка.

Владиміръ Мономахъ своимъ княженіемъ въ Кіевѣ напомнилъ славное время дѣда своего Ярослава, какъ по своему могуществу, такъ и по характеру; вступивши на Кіевскій престолъ уже 60 лѣтъ отъ роду, онъ былъ также неусыпно дѣятеленъ, какъ и въ молодости; лѣта проведенные въ разнообразныхъ трудахъ войны и мира только сообщили ему опытность, и нисколько неослабили энергіи и настойчивости. Онъ обыкновенно вставалъ съ постели раннимъ утромъ и шелъ въ церковь, потомъ садился съ дружиною разсуждать о дѣлахъ управленія и творить судъ; по собственнымъ его словамъ онъ отъ юности самъ дѣлалъ всѣ дѣла, которыя бы слѣдовало дѣлать слугѣ, и на войнѣ, и на ловляхъ, день и

ночь зимой и лѣтомъ, не давая себѣ покоя, не надѣясь ни на посадниковъ, ни на бирючей, все дѣлалъ самъ, что было нужно, весь нарядъ въ своемъ дому, и въ ловчихъ ловчій нарядъ, и въ конюхахъ, и въ соколахъ и въ ястребахъ, не давалъ обидѣть сильнымъ ни бѣднаго поселянина, ни убогой вдовы, самъ смотрѣлъ и за порядкомъ церковной службы. При таковой дѣятельности, при высокомъ умѣ и захвативъ въ свои руки большую и лучшую часть Русскихъ владѣній, Владиміръ Мономахъ съ разу поставилъ современную ему Русь честно и грозно въ отношеніи къ сосѣдямъ, а съ Князьями Русскими онъ подобно дѣду своему Ярославу старался быть въ постоянномъ мирѣ и союзѣ, но въ тоже время требовалъ отъ нихъ послушанія и настойчиво преслѣдовалъ строптивыхъ.

По вступленіи въ Кіевъ Владиміръ Мономахъ прежде всего озаботился положить границы корыстолюбію Жидовъ, которые бывши подъ покровительствомъ Святополка страшно притѣсняли бѣдныхъ Кіевскихъ земцевъ, взыскивая съ своихъ должниковъ огромные, чисто жидовскіе, проценты, и захватили въ свои руки большую часть Кіевской торговли. Чтобы сдержать Жидовъ, Мономахъ созвалъ тысящкихъ отъ разныхъ городовъ Кіевской Переяславской и Черниговской областей, и посовѣтовавшись съ ними издалъ законъ, чтобы небрать процентовъ болѣе десяти кунъ отъ гривны на годъ, и чтобы купцамъ, сдѣлавшимся несостоятельными не по своей винѣ, а по несчастію, разсрочивать платежъ долговъ въ годы; а при раздѣлѣ, добытковъ послѣ несостоятельнаго купца по своей винѣ, выплачивать долги сперва пріі-

ѣзжимъ купцамъ и казнѣ, а потомъ кредиторамъ того же города дѣлить что останется, и не допускать къ участію въ дѣлежѣ тѣхъ, которые брали большіе проценты.

Провѣдавши о смерти Святополка, Половецкіе Князья, знаменитые удальствомъ Бонякъ и Аэпа, съ многочисленными полками нагрянули на восточныя границы приднѣпровья и осадили городъ Вырь; но услыхавши, что Мономахъ съ Олегомъ Святославичемъ пришли уже къ Ромну и идутъ на нихъ, обратились въ бѣгство и болѣе уже неявлялись на Русскихъ границахъ въ продолженіи всего княжествованія Мономаха въ Кіевѣ. Желая быть въ любви и союзѣ со всѣми Русскими Князьями, Владиміръ въ первый же годъ своего княженія женилъ своего сына Романа на дочери Володаря Ростиславича Перемышльскаго. А на третій годъ его княженія пріѣхали къ нему въ Кіевъ Давыдъ и Олегъ Святославичи и торжественно при многочисленномъ стеченіи народа перенесли мощи Бориса и Глѣба въ новосозданную каменную церковь, и три дня богато праздновали это перенесеніе, и потомъ въ любви и мирѣ разошлись по домамъ. И Олегъ вскорѣ по возвращеніи изъ Кіева скончался въ Черниговѣ и погребенъ въ церкви Св. Спаса, близь гроба отца своего Святослава.

Три года Владиміръ Мономахъ былъ миренъ со всѣми Русскими Князьями, какъ вдругъ Глѣбъ Всеславичь, Князь Минскій, напалъ на Дреговичей принадлежавшихъ Кіевскому княжеству и сжегъ ихъ городъ Слуцкъ; и тѣмъ вызвалъ на себя войну Кіевскаго Князя. Владиміръ Мономахъ, нелюбившій полумѣръ, поднялъ на Всеславича почти всѣхъ союзниковъ, и однимъ непродолжительнымъ походомъ принудилъ его униженно молить о мирѣ, и поучивши его

и взявши обѣщаніе быть послушнымъ, оставилъ за нимъ всѣ его прежнія владѣнія.

Смиривъ Глѣба Минскаго, Владиміръ, возвратясь въ Кіевъ, въ тотъ же годъ отправилъ свои рати въ двѣ разныя страны: одну на Дунаій противъ Грековъ, куда уже давно со временъ Ярослава не ходили Русскіе полки, и другую въ глубину Половецкихъ степей на Донъ. Войну съ Греками Мономахъ началъ изъ того, что Греки въ Доростолѣ убили его зятя царевича Леона, сына прежняго Константинопольскаго Императора Діогена. Посланный на Дунаій Мономаховъ воевода Иванъ Войтишничь быстро завоевалъ города Дунайскіе и посажалъ тамъ посадниковъ Кіевскаго Князя; но другое воійско посланное подъ начальствомъ Мономахова сына Вячеслава и воеводы Ѳомы Ратиборича отступило безъ успѣха отъ Доростола. Тѣмъ не менѣе Греческій Императоръ Алексѣй Комненъ поспѣшилъ заключить съ Кіевскимъ Княземъ миръ, и прислалъ въ Кіевъ митрополита Ефесскаго Неофита и другихъ знатныхъ посланниковъ, которые принесли богатые дары,—крестъ животворящаго древа, царскій вѣнецъ, чашу сердоликовую Императора Августа, золотые бармы Константина Мономаха и проч. Причемъ Неофитъ въ Кіевскомъ соборномъ храмѣ, возлагая вѣнецъ царскій на Владиміра, провозгласилъ его Царемъ.

Рать посланная на Половцевъ, была подъ предводительства храбраго Ярополка, сына Мономахова, и Всеволода сына Давыда Черниговскаго. Сіи два Князя благополучно прошли, уже знакомыя Русскимъ, Половецкія степи, разбили Половцевъ и взяли три ихъ города на Дону—Сугровъ, Шарукань и Балинъ. Сей походъ такъ ослабилъ Половцевъ, что вслѣдъ за удаленіемъ Русской рати воз-

мутились противъ нихъ, жившіе съ ними въ глубинѣ степей, Торки и Печенѣги и послѣ страшной сѣчи на Дону, продолжавшейся два дня и двѣ ночи, удалились къ Русскимъ предѣламъ и были поселены Владиміромъ частію у Переславля, частію по Роси на югъ отъ Кіева, и въ послѣдствіи были извѣстны подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ или Черкасовъ. А надругой годъ послѣ Ярополкова похода пришли изъ Половецкихъ степей Хозары, и были поселены въ предѣлахъ Черниговскихъ владѣній, и выстроили себѣ тамъ городъ Белую-Вѣжу при верховьяхъ рѣки Остра.

Между тѣмъ Ярославъ, сынъ Святополковъ, княжившій въ Владимирѣ Волынскомъ, дурно обращался съ своею женою, внукою Мономаха, да и въ отношеніи къ самому Мономаху велъ себя строптиво, и сносился съ Поляками, которыхъ Король, Болеславъ Кривоустый, былъ женатъ на его сестрѣ. Мономахъ нѣсколько разъ приглашалъ его въ Кіевъ; но онъ таковыя приглашенія оставлялъ безъ вниманія. Наконецъ въ 1118 году Мономахъ рѣшился смирить Ярослава и, по своему обычаю въ таковыхъ случаяхъ, поднялъ на него большую часть своихъ союзниковъ-Князей, вступилъ въ Волынскія земли и осадилъ Владиміръ Волынскій. Цѣлыхъ два мѣсяца Ярославъ мужественно держался въ осадѣ; но наконецъ, не получая ни откуда помощи, началъ молить о мирѣ; и Владиміръ сдѣлавши ему строгій выговоръ и предписавши условія быть во всемъ послушнымъ и по первому зову являться въ Кіевъ, далъ ему миръ и самъ съ своими союзниками вышелъ изъ Волынской земли. Но условія мира, предписанныя Ярославу, такъ были тяжелы, что онъ, оставленный своими боярами, на другой же годъ бѣжалъ

къ Венграмъ; а Мономахъ на мѣсто его во Владимірѣ посадилъ своего сына.

Покончивъ дѣла на Волыни, Мономахъ въ 1119 году ходилъ опять на Глѣба Всеславича, Князя Минскаго, который вѣроятно плохо исполнялъ тяжелыя условія мира, даннаго ему три года назадъ. Этотъ походъ Мономаха былъ непродолжителенъ, Кіевскій Князь взялъ Минскъ кажется безъ большаго сопротивленія, а самаго Глѣба отвезъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ въ томъ же году. Но бѣглецъ Ярославъ не оставлялъ еще своего намѣренія воротиться на Волынь и сдѣлаться тамъ независимымъ Княземъ; онъ два раза приводилъ туда полки Поляковъ, Венгровъ и Чеховъ, и во второй разъ, въ 1123 году, долго держалъ въ осадѣ Владиміръ Волынскій, защищаемый Мономаховымъ сыномъ Андреемъ, и уже готовился къ приступу; но наканунѣ приступа былъ измѣнничеки убитъ двумя Поляками.

Постоянные успѣхи Мономаха и, сравнительно съ прежнимъ временемъ, большее спокойствіе въ Русской землѣ, дали средства разнымъ удѣльнымъ Князьямъ предпринимать удачные походы на сосѣдей. Въ 1120 году удалый Ярополкъ Владиміровичь Переславскій опять ходилъ на Донъ въ Половецкія степи и воротился назадъ не встрѣтивъ непріятелей; и въ томъ же году другой Мономаховъ сынъ Юрій Суздальскій удачно воевалъ съ Камскими Болгарами, разбилъ ихъ полки и воротился домой съ богатою добычею и многочисленнымъ полономъ; а Андрей Князь Волынскій по приказу отца въ тоже время водилъ Половцевъ въ Польшу и произвелъ тамъ большое опустошеніе. Ростиславичи же, Володарь Перемышльскій и слѣпецъ Василько Теребовльскій, дѣлали постоян-

ные на бѣги на Польшу, и особенно страшенъ былъ для Поляковъ Володарь, который часто водилъ туда Половцевъ и всегда возвращался домой съ большими добычами.

Съ 1123 года быстро стали вымирать Князья сверстники Мономаховы; такъ въ 1123 году скончался постоянный его вѣрный союзникъ Давыдъ Святославичь Черниговскій, потомъ въ 1124 скончалися Володарь и Василько Ростиславичи, наконецъ въ 1126 году скончался и самъ Владиміръ Мономахъ. Лѣтописецъ, говоря о кончинѣ Мономаха, называетъ его добрымъ страдальцемъ за Русскую землю. И дѣйствительно Мономахъ былъ лучшимъ и дѣятельнѣйшимъ изъ всѣхъ современныхъ ему Князей, грозою всѣхъ враговъ Русской земли и особенно Половцевъ. Онъ самъ въ своемъ поученіи къ дѣтямъ говоритъ, что въ продолженіи своей жизни сдѣлалъ 83 большихъ похода, а сколько малыхъ неупомнитъ, заключилъ съ Половцами 19 мировъ, нещадя своего имѣнія, взялъ въ плѣнъ сто Половецкихъ знаменитыхъ Князей, да избилъ въ разное время до двухъсотъ Князей и богатырей.

По смерти Владиміра Мономаха Кіевскимъ Княземъ сдѣлался старшій сынъ его Мстиславъ, уже на столько знаменитый своими прежними подвигами и своимъ уживчивымъ характеромъ съ земцами, что его съ охотою бы взяла себѣ въ Князья любая Русская земщина. Другія владѣнія Мономаха, по смерти его, остались каждое за тѣмъ его сыномъ, котораго гдѣ посадилъ отецъ: Переяславль за воинственнымъ Ярополкомъ, Смоленскъ за Вячеславомъ, Ростовъ и Суздаль за Юріемъ Долгорукимъ, и Волынь за Андреемъ.

Мстиславъ княжилъ въ Кіевѣ семь лѣтъ, и княженіе

его было продолженіемъ Мономахова. Половцы, прослышавши о смерти грознаго для нихъ Мономаха, немедленно явились въ предѣлахъ Переяславскаго княженія, надѣясь угнать къ себѣ жившихъ тамъ Торковъ; но надежда ихъ страшно обманула, въ Переяславлѣ сидѣлъ храбрый Ярополкъ, привычный уже боецъ съ кочевниками: онъ, при первомъ слухѣ о движеніи Половцевъ, загналъ всѣхъ пограничныхъ жителей и Торковъ въ Баручь и другіе города; а самъ съ дружиною засѣлъ въ Переяславлѣ высматривать, что будутъ дѣлать Половцы, и когда замѣтилъ что они стали грабить Посулье, бросился на нихъ, смялъ ихъ однимъ натискомъ и обратилъ въ бѣгство и часть избилъ на погони, а часть потонула въ рѣкѣ Сулѣ; и тѣмъ кончился этотъ набѣгъ, такъ что Ярополку непонадобилось помощи ни отъ Мстислава, ни отъ другихъ Князей.

Мстиславъ два года спокойно сидѣлъ въ Кіевѣ, но вскорѣ потребовалась и его дѣятельность. Въ 1128 году началось междоусобіе въ Черниговскихъ владѣніяхъ; тамъ Олеговъ сынъ храбрый и умный Всеволодъ, Князь Новгорода Сѣверскаго, нечаяннымъ наѣздомъ занялъ Черниговъ, захватилъ тамошняго Князя дядю своего Ярослава Святославича и изсѣкъ его дружину. Мстиславъ, ручавшійся Ярославу за безопасность его владѣній и цѣловавшій ему крестъ, долженъ былъ вступиться въ это дѣло и онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Ярополкомъ Переяславскимъ съ двухъ сторонъ двинулся къ Чернигову, и цѣлое лѣто держалъ его въ осадѣ. Тщетно Половцы союзники Всеволодовы шли къ нему на помощь, Ярополкъ быстро занялъ всѣ Черниговскіе города по Семи и Локнѣ, и заперъ Половцамъ всѣ дороги къ Чернигову, такъ что

опи, дошедши только до Выря должны были бѣжать въ свои степи. Всеволодъ, неполучая ни откуда помощи, сталъ умолять Мстислава и дарить его бояръ, чтобы заступились за него у Князя. Наконецъ Мстиславъ, послѣ многихъ просьбъ бояръ и духовенства и особенно по настоянію уважаемаго Княземъ игумена Андреевскаго монастыря Григорія, заключилъ миръ съ Всеволодомъ, по которому Ярославъ долженъ былъ идти въ свою старую волость Муромъ, гдѣ черезъ два года и умеръ, а Всеволодъ обѣщался быть въ послушаніи у Мстислава и уступилъ ему Курскъ и нѣкоторые другіе города по Семи.

Покончивши дѣло въ Черниговѣ Мстиславъ двинулъ всѣхъ своихъ союзниковъ на Полотскаго Князя Давыда Всеславича и вообще на всѣхъ Полотскихъ Князей, причиною этого похода по всему вѣроятію было непослушаніе Полотскихъ Князей или набѣги на Смоленскія или Новгородскія сосѣднія владѣнія; но какъ бы то нибыло Мстиславъ, подобно отцу своему Мономаху, вступилъ въ землю Полотскую съ разныхъ сторонъ, и такъ стѣснилъ Полочанъ, что тѣ выгнали своего Князя Давыда съ дѣтьми, а на мѣсто его избрали брата его Рогволода, и съ нимъ вмѣстѣ отправились къ Мстиславу просить, чтобы онъ утвердилъ Рогволода ихъ Княземъ. Мстиславъ довольный покорностію Полочанъ, согласился на ихъ просьбу и утвердилъ Рогволода, конечно съ условіемъ, чтобы онъ во всемъ слушался его. Но очевидно условіе это было очень тяжело, и Рогволодъ съ другими Полотскими Князьями плохо исполнялъ его; а по сему на слѣдующій же годъ Мстиславъ велѣлъ схватить всѣхъ Полотскихъ Князей и отослать и съ женами и дѣтьми въ ссылку въ

Грецію, Полотскія же владѣнія присоединилъ къ своимъ и посадилъ тамъ сына своего Изяслава.

Сдѣлавшись обладателемъ Полотской земли, Мстиславъ съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлался ближайшимъ сосѣдомъ Литвы, которая, по всему вѣроятію подстрекаемая или самими Полочанами или скорѣе которымъ либо изъ прежнихъ Князей успѣвшимъ укрыться отъ плѣна, стала безпокоить своими набѣгами новаго Полотскаго Князя Изяслава. А по сему Мстиславъ въ 1132 году, т. е. на третій годъ по присоединеніи Полотской земли, самъ съ своими сыновьями, съ Ольговичами и Всеволодомъ Городенскимъ отправился на Литву, чтобы смирить новыхъ безпокойныхъ сосѣдей. Но походъ этотъ не имѣлъ надлежащаго успѣха; Литовцы скрылись въ своихъ непроходимыхъ лѣсахъ, и Русскіе только успѣли пожечь брошенныя ими жилища, и не находя противниковъ воротились назадъ. Мстиславъ и другіе Князья съ своими дружинниками, шедшіе съ большею осторожностію, прошли благополучно Литовскія пущи и болота; но отставшіе отъ Князей земскіе полки Кіевлянъ, шедшіе особо, были сильно побиты выступившими изъ своихъ лѣсовъ Литовцами. Литовскій походъ былъ послѣднимъ для Мстислава; ибо онъ возвратясь въ Кіевъ вскорѣ скончался на 56 году отъ рожденія.

Передъ смертію Мстислава всѣ владѣнія Русской земли были раздѣлены между тремя поколѣніями племени Ярославова, и большая часть была за поколѣніемъ Всеволодовымъ или Мономаховичами; имъ принадлежали княжества Кіевское, Переяславское, Волынское, Полотское, Смоленское и весь Ростовско-Суздальскій край. За Мо-

номаховичами слѣдовали внуки Святослава, которымъ принадлежали Княжества Черниговское, Новгородъ-Сѣверское, земля Вятичей, Рязань и Муромъ. Третьими большими владѣльцами на Руси были правнуки Владиміра Ярославича, дѣти Володаря и Василька Ростиславичей, княжившіе въ Червонной Руси. Наконецъ было еще одно огромное владѣніе — Новгородъ Великій, стоявшій особнякомъ, впрочемъ придерживавшійся Мономаховичей. Потомство старшаго Ярославича Изяслава въ это время страшно измелчало и находилось въ полной зависимости отъ Кіевскаго Князя, оно владѣло самыми незначительными землями въ предѣлахъ Волынскаго и Туровскаго княжествъ.

По смерти Мстислава Кіевъ со всѣми своими владѣніями достался Мстиславову брату Ярополку, Князю Переяславскому; его выбрали сами Кіевляне, и отправили къ нему посольство въ Переяславль, точно также, какъ прежде, они выбрали Мономаха. Причиною таковаго выбора была конечно какъ любовь Кіевлянъ вообще къ Мономаховичамъ, такъ еще болѣе личность самаго Ярополка, который хорошо жилъ съ Переяславцами и послѣ Мономаха считался первымъ ратоборцемъ противъ Половцевъ, что очень важно было для Кіевлянъ производившихъ тогда дѣятельную торговлю съ Греками чрезъ Половецкія степи. Но Кіевляне на этотъ разъ горько ошиблись въ своемъ выборѣ; Ярополкъ, грозный для Половцовъ будучи Княземъ Переяславскимъ, не умѣлъ защитить Кіевской области, когда Половцы явились туда союзниками Ольговичей.

Шестилѣтнее княжествованіе Ярополка въ Кіевѣ представляетъ непрерывный рядъ междоусобій. Ярополкъ,

кажется желая всѣмъ угодить, на первомъ же году перессорился съ Мстиславичами своими племянниками и особенно обидѣлъ лучшаго изъ нихъ Князя Полотскаго Изяслава Мстиславича. Онъ сперва упросилъ его перейти изъ Полотска въ Переяславль; потомъ когда Полочане взбунтовались, будучи ободрены удаленіемъ Изяслава, и выбрали одного изъ прежнихъ своихъ Князей Всеславова внука Василька Святославича, вѣроятно скрывавшагося гдѣ нибудь въ Литвѣ; тогда Ярополкъ, чтобы совершенно непотерять земли Полотской, уговорился съ своими братьями и перевелъ Вячеслава Туровскаго въ Переяславль, а Изяслава посадилъ въ Минскѣ, который одинъ изъ Полотской земли еще оставался за Мономаховичами, и придалъ ему Туровъ и Пинскъ. Но Вячеславу не пожилось въ Переяславлѣ, онъ непрожилъ тамъ и году воротился въ Туровъ, а Переяславль Ярополкъ уступилъ брату своему Юрью Суздальскому, въ обмѣнъ на Суздальскія владѣнія, и такимъ образомъ Изяславъ остался только при одномъ Минскѣ. Будучи крайне недоволенъ такими распоряженіями дядей, Изяславъ ушелъ изъ Минска къ брату своему Всеволоду въ Новгородъ Великій, и оттуда вмѣстѣ съ братьями противъ дядей заключилъ союзъ съ Князьями Черниговскими, т. е. съ Ольговичами и Давыдовичами; и по договору новые союзники Мстиславичи, Ольговичи и Давыдовичи объявили войну Мономаховичамъ. И Изяславъ съ братомъ своимъ Всеволодомъ повели Новгородцевъ на Суздальскія владѣнія принадлежащія Юрію; но Новгородцы шли неохотно и только перешедши Волгу ворогились назадъ. Между тѣмъ Ярополкъ съ своими братьями Андреемъ и Юріемъ открылъ походъ къ Чернигову; Изяславъ, получивши объ

этомъ вѣсть, поспѣшилъ туда къ своимъ союзникамъ Ольговичамъ и Давыдовичамъ. Впрочемъ подъ Черниговомъ на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ, Ярополкъ съ братьями, постоявъ немного и пожегши Черниговскія села, ушелъ назадъ въ Кіевъ боясь прихода Черниговскихъ союзниковъ Половцевъ; и это отступленіе страшно повредило Мономаховичамъ, Всеволодъ Ольговичь Черниговскій имъ воспользовался какъ ненадо лучше. Какъ скоро пришли Половцы, то онъ съ братьями своими и Мстиславичами повелъ ихъ на Юрія и страшно опустошилъ Переяславскія владѣнія; и, воротившись въ Черниговъ съ огромною добычею и множествомъ плѣнниковъ, началъ съ Ярополкомъ переговоры о мирѣ, которые продолжались 50 дней и кончились такимъ миромъ, какого хотѣлось Всеволоду и Мстиславичамъ; Ярополкъ по этому миру отдалъ Изяславу Мстиславичу Волынь, а тамошняго Князя брата своего Андрея перевелъ въ Переяславль на мѣсто Юрія, которому велѣлъ возвратиться въ его прежнюю волость Ростовскую и Суздальскую.

Добывши Волынь своему союзнику Изяславу, Черниговскіе Князья стали требовать, чтобы Ярополкъ возвратилъ и имъ ихъ волость, Курскъ и все Посемье, которая была отнята у нихъ Мстиславомъ; Ярополкъ на это не согласился, и опять началась война. Всеволодъ Ольговичь съ братьями снова пригласилъ Половцевъ, опустошилъ всѣ города и села по Сулѣ, подступилъ къ Переяславлю, стоялъ уже три дня подъ симъ городомъ; но узнавши что идетъ Переславцамъ на помощь самъ Ярополкъ съ братьями и полками Кіевскими, пошелъ къ нему на встрѣчу, разбилъ его въ страшной битвѣ при верховьяхъ Супоя, и принудилъ удалиться въ Кіевъ. По-

слѣ этого обѣ враждующія стороны вступили переговоры, которые продолжались четыре мѣсяца съ половиною. Наконецъ Всеволодъ Ольговичъ съ братьями снова пригласилъ къ себѣ Половцевъ, и 29 Декабря 1136 года переправился чрезъ Днѣпръ, цѣлыхъ двѣ недѣли опустошалъ Кіевскую область, подступилъ къ самому Кіеву и заставилъ Ярополка заключить миръ, по которому Всеволодъ съ братьями получили все то, чего требовали т. е. Курскъ и всѣ города по Семи.

Послѣднимъ миромъ подъ Кіевомъ казалось были улажены всѣ дѣла и отстранены поводы къ междоусобіямъ; но едва прошло два года, какъ война снова возгорѣлась и опять съ Князьями Черниговскими. Поводомъ къ этой войнѣ было то, что Новгородцы выгнали отъ себѣ Всеволодова брата Святослава Ольговича и пригласили себѣ въ Князья Ростислава сына Юріева, а Смольняне схватили Святослава на пути и засадили подъ стражу. Всеволодъ Ольговичъ съ братьями, видя здѣсь пропски Мономаховичей, снова пригласилъ Половцевъ и повелъ ихъ на сосѣднія владѣнія Переславскія, опустошилъ тамошніе города и села и уже готовился перейти чрезъ Днѣпръ; но вѣсть, что Ярополкъ собралъ огромное войско, заставила его воротиться въ Черниговъ. Дѣйствительно Ярополкъ успѣлъ хорошо приготовиться къ войнѣ: къ нему, кромѣ Кіевлянъ, Переяславцевъ и Туровцевъ, сошлись еще полки Волынянъ, Угровъ, Галичанъ, Полочанъ, Смольнянъ и Ростовцевъ, и однихъ Берендѣевъ 30 тысячъ. Съ такою ратью Ярополкъ уже не думалъ ждать Всеволода, но самъ пошелъ въ его владѣнія и осадилъ Черниговъ. Всеволодъ, видя невозможность бороться съ такою силою, хотѣлъ бѣжать къ Половцамъ; но Черниговцы его оста-

новили, и онъ съ покорностію послалъ къ Ярополку просить мира. Ярополкъ согласился на просьбу и заключили миръ. Миръ этотъ былъ заключенъ лѣтомъ 1138 года, а зимою того же года скончался Ярополкъ, не оставивши послѣ себя дѣтей.

На шестый день, по смерти бездѣтнаго Ярополка, вступилъ въ Кіевъ братъ его Вячеславъ Туровскій; граждане и духовенство приняли его, какъ сына Мономахова. Но не Вячеславу можно было княжить тогда въ Кіевѣ; Кіевъ въ то время имѣлъ еще большое значеніе, и чтобы удержаться въ немъ, нужно было имѣть и силы, и ума, и ловкости побольше, чѣмъ имѣлъ ихъ Вячеславъ. Черезъ десять дней, по вступленіи его въ Кіевъ, прибылъ въ Вышгородъ Всеволодъ Ольговичъ съ роднымъ братомъ Святославомъ и съ двоюроднымъ Владиміромъ Давыдовичемъ и съ небольшею дружиною; потомъ подошелъ къ Кіеву и ставъ въ Копыревѣ концѣ, началъ зажигать дворы, а между тѣмъ послалъ сказать Вячеславу: «иди добромъ.» Вячеславъ попросилъ срока на день, чтобы спокойно выбраться, и дѣйствительно въ данный срокъ выбрался въ Туровъ, въ свое прежнее владѣніе, а въ Кіевъ вступилъ Всеволодъ Ольговичъ.

Когда Всеволодъ сдѣлался Княземъ Кіевскимъ, тогда Черниговскія и Новгородъ-Сѣверскія владѣнія были за его родными и двоюродными братьями; княжество Переяславское, Туровское и Ростовско-Суздальское за Мономаховичами, Волынское и Смоленское за Мстиславичами, а Галицкое княжество или Червонная Русь за внуками Ростислава, и Полотское княжество за Васильком Святославичемъ, внукомъ знаменитаго Всеслава.

Всеволодъ Ольговичъ началъ свое княженіе въ Кіевѣ

роскошнымъ пиромъ митрополиту, боярамъ и всѣмъ Кіевлянамъ, и богатыми милостынями церквамъ и монастырямъ. Привлекая ласкою Кіевскую земщину, Всеволодъ хотѣлъ жить въ мирѣ и съ Князьями, и для сего началъ ссылаться съ Мономаховичами и Мстиславичами, и особенно приглашалъ къ себѣ въ Кіевъ своего шурина и старинаго союзника Изяслава Мстиславича Волынскаго; но ни Изяславъ, ни братья его, ни Мономаховичи не думали вступать съ нимъ въ союзъ, а напротивъ стали сноситься другъ съ другомъ, чтобы общими силами идти на Кіевъ. Тогда Всеволодъ видя къ себѣ явную вражду всѣхъ потомковъ Мономаха, и не дожидаясь, чтобы они, соединясь другъ съ другомъ, пошли на него, двинулся на нихъ двумя путями: именно самъ съ братомъ своимъ Святославомъ пустился къ Переяславлю на Андрея Владиміровича, а двоюроднаго брата своего Владиміра Давыдовича съ Князьями Галицкими и Половцами послалъ на Вячеслава Туровскаго и Изяслава Волынскаго. Начиная этотъ двойный походъ, Всеволодъ требовалъ, чтобы Изяславъ, Вячеславъ и Андрей оставили свои владѣнія, которыя онъ обѣщалъ своимъ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ; но исходъ похода не оправдалъ надеждъ Всеволода,—Андрей, Изяславъ и Вячеславъ на столько оказали сопротивленія, что онъ нашелся въ необходимости оставить каждаго въ его владѣніи. Тѣмъ не менѣе Всеволодъ достигъ своей главной цѣли, онъ каждаго изъ противниковъ принудилъ заключить отдѣльный съ собою миръ, и такимъ образомъ разрушилъ готовившійся на него союзъ потомковъ Мономаховыхъ и тѣмъ обезпечилъ за собою владѣніе Кіевомъ. А на слѣдующій годъ скончался Андрей Переяславскій и Всеволодъ перевелъ въ Переяславль

Вячеслава Туровскаго, а въ Туровъ посадилъ своего сына Святослава; притомъ же успѣлъ захватить Городецъ Остерскій и всѣ другіе города по лѣвому берегу Днѣпра, принадлежавшіе Юрію Суздальскому, и забралъ все его имущество тамъ бывшее, конскіе табуны и стада рогатаго скота и овецъ.

Но по мѣрѣ того, какъ Всеволодъ устраивался и улаживался съ Мономаховичами и Мстиславичами, его родные и двоюродные братья Ольговичи и Давыдовичи раздражались противъ него. Ихъ неудовольствія начались съ самаго вступленія Всеволода въ Кіевъ, ибо онъ неисполнилъ обѣщаннаго, не надѣлилъ ихъ чужими волостями; но особенно оскорбились Игорь и Святославъ Ольговичи, когда по смерти Андрея Переяславскаго Всеволодъ перевелъ въ Переяславль Вячеслава, а Туровъ отдалъ сыну своему Святославу; они стали ему говорить: «ты даешь волости сыну, а братьевъ ничѣмъ не надѣляешь.» Чтобы какъ нибудь уладиться съ братьями, Всеволодъ назначилъ въ городѣ Ольжичахъ съѣздъ для всѣхъ своихъ братьевъ родныхъ и двоюродныхъ; но съѣздъ этотъ вмѣсто мира и согласія кончился полнымъ раздоромъ,—Ольговичи и Давыдовичи заключили союзъ противъ Всеволода, цѣловали крестъ, чтобы невыдавать другъ друга, и всѣ пошли ратью къ Переяславлю, чтобы выгнать оттуда Вячеслава. Всеволодъ, получивши объ этомъ вѣсть, немедленно послалъ помощь къ Вячеславу, и по той же вѣсти Изяславъ Волынскій явился подъ Переяславлемъ на выручку къ своему дядѣ. Битва подъ Переяславлемъ кончилась не въ пользу Ольговичей и Давыдовичей, они разбитые должны были бѣжать въ свои города. А въ слѣдъ за тѣмъ Ростиславъ Смоленскій, слы-

шавъ о ихъ пораженіи, захватилъ у нихъ всю волость около Гомыи, а потомъ Изяславъ отъ Переяславля вступилъ въ землю Черниговскую и опустошилъ села по Десне и около Чернигова. Но Ольговичи и Давыдовичи отъ этого не смирились, и лишь Изяславъ успѣлъ выйдти изъ ихъ владѣній, бросились къ Переяславлю, желая отомстить свое пораженіе; но и на этотъ разъ имъ не было удачи: бившись подъ Переяславлемъ три дни безъ успѣха, они принуждены были воротиться домой. Тогда Всеволодъ, чтобы какъ нибудь уговорить братьевъ къ миру, вызвалъ изъ Печерскаго монастыря, всѣми уважаемаго своего двоюроднаго брата, инока Николая Святошу (т. е. Святослава Давыдовича), и послалъ его къ братьямъ для переговоровъ, требуя отъ нихъ, чтобы они прекратили войну съ Мстиславичами, и предлагая имъ разные города. Ольговичи и Давыдовичи смиренные двукратною неудачею въ войнѣ, и внимая совѣтамъ уважаемаго инока-брата приняли предложеніе Всеволода, и по его зову пріѣхали въ Кіевъ. Достигнувъ такимъ образомъ послушанія отъ братьевъ, Всеволодъ пошелъ далѣе, онъ повелъ дѣло такъ, чтобы разрушить опасный для него союзъ между родными и двоюродными братьями. Для этого онъ черезъ своихъ людей обратился сперва къ Давыдовичамъ, чтобы они отступились отъ его родныхъ братьевъ, обѣщая имъ за то лучшія волости; тѣ, обольщенные такою приманкою, отстали отъ союза съ Ольговичами и вступили въ отдѣльный договоръ съ Всеволодомъ; тогда Всеволодъ вступилъ въ отдѣльный договоръ съ родными братьями и, какъ они были уже оставлены своими союзниками, удовольствовалъ ихъ городами по своей волѣ. Но лишь только примирились братья Всеволода, какъ опять явился

поводъ къ враждѣ. Вячеславъ Переяславскій, по согласію съ Всеволодомъ, перешелъ въ свой прежній Туровъ, а Переяславль отдалъ своему племяннику Изяславу; Всеволодъ же на Изяславово мѣсто въ Волынь перевелъ своего сына Святослава. Это перемѣщеніе явно клонилось къ выгодѣ Всеволодова дома, ибо Волынь считалась лучше Турова. И Ольговичи съ ропотомъ стали говорить Всеволоду: «ты водишь любовь съ Мстиславичами своими шурьями, а нашими врагами, осажался ими около, а намъ на безголовье и безмѣстье и себѣ,» и надоѣдали ему просьбою начать войну съ Мстиславичами; но будучи отдѣлены отъ Давыдовичей ничего не могли сдѣлать.

Устроившись съ Мономаховичами и съ своими родными и двоюродными братьями, Всеволодъ въ 1143 году роскошно справлялъ сватьбу своего сына Святослава, котораго женилъ на дочери Василька Святославича Полоцкаго; на этой сватьбѣ у Всеволода пировали почти всѣ Русскіе Князья и даже Ляхи, ибо годъ тому назадъ Всеволодъ выдалъ дочь свою Звениславу за Польскаго Князя Болеслава Владиславича. Потомъ Изяславъ Переяславскій выдалъ свою дочь въ Полотскъ за Рогволода Борисовича, и на эту сватьбу Всеволодъ, съ своею женою, боярами и Кіевлянами пріѣзжалъ въ Переяславль. Въ томъ же году Изяславъ Мстиславичь, вѣроятно по согласію съ Всеволодомъ, ходилъ къ Юрію въ Суздаль мирить его съ Всеволодомъ; но возвратился безъ успѣха.

Но пируя сватьбы, Всеволодъ въ тоже время замышлялъ войну съ Владиміромъ Володаревичемъ Галицкимъ. Этотъ Князь, пользуясь междоусобіями въ Приднѣпровьи по смерти Мстислава Великаго, успѣлъ соединить подъ свою власть всѣ владѣнія своихъ братьевъ родныхъ и двою-

родныхъ и сдѣлался сильнымъ Княземъ въ той сторонѣ. Онъ сначала долго былъ въ мирѣ и союзѣ съ Всеволодомъ; но когда Всеволодъ перемѣстилъ въ Волынь сына своего Святослава, то Владиміръ не поладилъ съ своимъ сосѣдомъ и отослалъ къ Всеволоду крестную грамоту. Всеволодъ, получивъ эту грамоту, поднялъ на Владиміра всѣхъ Князей своихъ союзниковъ и даже Владислава Польскаго, и вступилъ въ Галицкія владѣнія. Владиміръ пригласилъ къ себѣ на помощь Венгровъ и сначала защищался мужественно; но будучи отрѣзанъ отъ своихъ важнѣйшихъ городовъ Перемышля и Галича, видя свою крайность, началъ ссылаться съ Игоремъ Ольговичемъ, чтобы онъ помирилъ его съ своимъ братомъ, обѣщая помочь ему, когда понадобится, при занятіи Кіева. Игорь, обольщенный обѣщаніемъ, уговорилъ Всеволода помириться; и тѣмъ кончился походъ начатый съ большими приготовленіями. Владиміръ цѣловалъ Всеволоду крестъ быть у него въ послушаніи и заплатилъ 1400 гривенъ серебра (т. е. слишкомъ 25 пудъ); Всеволодъ, раздѣливъ это серебро между Князьями участвовавшими въ походѣ, возвратился въ Кіевъ.

На слѣдующій годъ послѣ Галицкаго похода Всеволодъ пригласилъ въ Кіевъ, какъ братьевъ своихъ родныхъ и двоюродныхъ, такъ и Изяслава Мстиславича, и объявивъ имъ, что назначаетъ наслѣдникомъ своимъ на Кіевскомъ престолѣ брата своего Игоря, потребовалъ, чтобы они цѣловали на томъ крестъ; Изяславъ Мстиславичъ долго спорилъ противъ этого, но потомъ волей неволей долженъ былъ цѣловать крестъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и Игорь, по приказу Всеволода, клялся что будетъ жить въ любви съ братьями. Послѣ этого Всеволодъ объявилъ походъ въ

Польшу на помощь къ Владиславу; и по этому объявленію Игорь съ братомъ своимъ Святославомъ, съ Владиміромъ Давыдовичемъ и племянникомъ Святославомъ Всеволодичемъ отправились въ походъ, а Изяславъ Мстиславичь по случаю болѣзни остался дома. Польскій походъ Игоря былъ довольно удаченъ, Игорь помогъ Владиславу, воротился домой съ большимъ полономъ, и сверхъ того получилъ отъ Поляковъ городъ Визну.

На другой годъ Всеволодъ поднялъ всѣхъ своихъ союзниковъ, даже Болеслава Польскаго, своего зятя, Новгородцевъ и дикихъ Половцевъ на Владиміра Галицкаго, и оставивъ въ Кіевѣ своихъ братьевъ Игоря и Святослава, отправился въ походъ, уже больный. Причиною этого похода было то, что Владиміръ самъ началъ войну и захватилъ Кіевскій пограничный городъ Прилукъ. Вступивъ въ Галицкую землю, Всеволодъ осадилъ Звенигородъ, и на первый же день осады пожегъ острогъ, а на другой день началъ приступъ, который продолжался съ утра до вечера; но граждане отбились. Между тѣмъ болѣзнь Всеволода все усиливалась, и онъ бросивъ осаду Звенигорода, разпустилъ союзниковъ, а самъ поѣхалъ въ Кіевъ и тамъ въ скорости скончался, прокняживъ слишкомъ шесть лѣтъ. Но еще передъ смертію онъ успѣлъ созвать Кіевлянъ, объявилъ имъ своимъ наслѣдникомъ Игоря и взялъ съ нихъ присягу, а также послалъ къ Изяславу Мстиславичу и Давыдовичамъ спросить, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи къ Игорю, и тѣ отвѣчали,—стоимъ. Такимъ образомъ Всеволодъ, всю жизнь свою хлопотавшій о заключеніи договоровъ, и умеръ требуя подтвержденія договоровъ и отъ Князей и отъ Кіевлянъ.

Княженіе Всеволода въ Кіевѣ весьма замѣчательно въ

Русской исторіи; съ этого княженія начался новый порядокъ въ занятіи княжескихъ престоловъ. Въ первое время, по смерти Ярослава великаго, Князья болѣе или менѣе утверждались на Ярославовомъ завѣщаніи; потомъ Мономахъ придумалъ для утвержденія владѣній княжескіе зъѣзды; а Всеволодъ Ольговичъ всю жизнь свою держался и въ Черниговѣ и въ Кіевѣ частными договорами съ тѣми или другими Князьями, и преимущественно старался заключать отдѣльные договоры, которыми постоянно разрушалъ всѣ составлявшіеся противъ него союзы другихъ Князей. Заключеніе отдѣльныхъ договоровъ, съ легкой руки Всеволода, по смерти его сдѣлалось общимъ между всѣми Князьями; такъ что во все послѣдующее время ни Кіевскій, ни другой какой престолъ нельзя уже было удержать безъ отдѣльныхъ договоровъ съ тѣми или другими Князьями.

Много было княжескихъ междоусобій по смерти Мстислава Великаго, но по смерти Всеволода Ольговича междоусобій сдѣлалось несравненно больше, такъ что это время является самымъ запутаннымъ въ княжескихъ отношеніяхъ и самымъ бурнымъ во всей древней Русской исторіи, и въ продолженіи 12 лѣтъ послѣ Всеволода ни одинъ Князь не могъ прочно утвердиться въ Кіевѣ.

Похоронивъ Всеволода въ Вышгородѣ, Игорь Ольговичь съ братомъ своимъ Святославомъ пріѣхалъ въ Кіевъ и созвалъ Кіевлянъ на гору на Ярославль дворъ, требуя отъ нихъ вторичной присяги. Кіевляне присягнули, но въ слѣдъ за тѣмъ составили вѣче у Туровой божницы и начались по городу волненія и грабежи; а между тѣмъ было уже тайно отправлено приглашеніе къ Изяславу Мстиславичу въ Переяславль, по которому онъ

перешелъ Днѣпръ у Заруба. И лишь только Изяславъ съ своею дружиною показался на правомъ берегу Днѣпра, какъ Черные Клобуки и все Поросье стали сходиться къ нему и кричать: «ты нашъ Князь! Ольговичей не хотимъ; гдѣ увидимъ стягъ твой, то и мы съ тобою готовы.» Видя измѣну вокругъ себя, Игорь послалъ за помощію къ Давыдовичамъ Черниговскимъ; но прежде нежели тѣ успѣли подойдти къ Днѣпру, Изяславъ осадилъ уже Кіевъ и Кіевскіе земскіе полки повергнувъ знамена перешли къ нему, и взяли отъ него знамя и тысяцкаго. Страшно было храброму Игорю, но онъ еще не терялъ присутствія духа, и сказавъ брату и племяннику: «пойдемте братья, какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ,» пошелъ прямо на Изяслава, который сталъ у Надова озера; но прямо подойдти къ Надову озеру было невозможно, и потому Игорь съ своими пошелъ на верхъ озера болотами и прорвами. Этимъ воспользовались Берендеи Изяславовы, зашли имъ въ тылъ и начали сѣчь саблями; Изяславъ же съ своимъ сыномъ Мстиславомъ и дружиною въѣхалъ въ ихъ полкъ съ боку, и отрѣзалъ Игоря отъ брата и племянника. Святославъ Ольговичь разбитый бѣжалъ къ Днѣпру и при устьѣ Десны переправился на другой берегъ въ Черниговскую сторону, а Святославъ Всеволодовичь спрятался въ Орининскомъ монастырѣ, Игорь же съ конемъ завязъ въ Дорогожичьскомъ болотѣ.

Изяславъ съ торжествомъ вошелъ въ Кіевъ и былъ встрѣченъ множествомъ народа и духовенствомъ всего города, которое вышло въ ризахъ; вскорѣ былъ отысканъ и приведенъ Святославъ Всеволодовичь, котораго Изяславъ принялъ ласково, какъ сына любимой сестры

и оставилъ при себѣ; потомъ схвачены были укрывавшіеся въ городѣ вѣрные бояре Игоря и Святослава, и отпущены на окупъ, какъ плѣнники; на пятый день былъ найденъ и Игорь Ольговичь, его Изяславъ заковалъ въ цѣпи и отославъ въ Переяславль, для заключенія въ порубъ при монастырѣ Св. Іоанна. За тѣмъ Изяславъ и Кіевляне принялись грабить домы и села дружины Игоревой и Всеволодовой, и взяли множество скота и имѣнья и въ домахъ и въ монастыряхъ.

Но занятіемъ Кіева дѣло не кончилось для Изяслава. Святославъ Ольговичь, послѣ битвы подъ Кіевомъ только съ малою дружиною перешедшій черезъ Днѣпръ, прибѣжалъ въ Черниговъ и спросилъ тамошнихъ Князей Давыдовичей: стоите ли въ крестномъ цѣлованіи къ Игорю, которое вы дали пятый день тому назадъ? тѣ отвѣчали,—стоимъ. Тогда Святославъ, оставивъ у Давыдовичей своего мужа Кстяжка, самъ пустился въ свои владѣнія Курскъ и Новгородъ Сѣверскій уставливать людей и готовиться къ войнѣ. Но война при началѣ для него крайне была несчастлива,—Давыдовичи ему измѣнили и соединясь въ Изяславомъ Мстиславичемъ условились выгнать его изъ Новгорода Сѣверскаго. Святославъ, лишившись ближайшихъ союзниковъ, послалъ просить помощи у Юрія Суздальскаго, тотъ обѣщалъ; но прежде нежели пришла эта помощь Изяславъ съ Давыдовичами уже вступилъ въ Новгородъ-Сѣверскія владѣнія и взялъ Путивль; получивши объ этомъ вѣсть, Святославъ, не находя возможнымъ держаться въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, удалился въ Карачевъ, а когда по взятіи Ногорода Сѣверскаго, Изяславъ съ Давыдовичами двинулся и къ Карачеву, то Святославъ убѣжалъ въ лѣса къ Вятичамъ

Изяславъ, получивши объ этомъ вѣсть, предоставилъ дальнѣйшее преслѣдованіе Давыдовичамъ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Давыдовичи, по отъѣздѣ Изяслава, продолжали гнаться за Святославомъ изъ города въ городъ до Колтеска, куда къ нему Юрій прислалъ на помощь Бѣлозерскую дружину и Бродниковъ. Услышавши о помощи присланной Юріемъ, Давыдовичи прекратили погоню и ушли домой. Святославъ же остановился въ городѣ Лобыскѣ на устьѣ Протвы, почти на границѣ Суздальскихъ владѣній, куда Юрій прислалъ множество даровъ мѣхами и поволоками и ему, и женѣ его, и друживѣ, и обѣщалъ прислать сына въ новою помощью. Такъ кончился несчастный для Святослава 1146 годъ.

Но за то слѣдующій 1147 годъ былъ необыкновенно благопріятенъ для Святослава, онъ прозимовавъ въ Лобыскѣ, условился съ Юріемъ Суздальскимъ начать двойный походъ, именно Юрій пошелъ на Новгородскую волость и взялъ Торжекъ, а Святославъ на Смоленскія владѣнія и покорилъ тамъ племя Голядь при верховьяхъ Протвы; потомъ Юрій и Святославъ видѣлись въ Москвѣ гдѣ они весело пировали. Послѣ Московскаго свиданія, уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Святославъ перешелъ Оку у Нерінска и направился къ югу для соединенія съ Половцами, которые уже присылали къ немуословъ; потомъ соединясь съ Половцами, онъ прямо поворотилъ на Вятичи, откуда пришла уже вѣсть, что посадники Давыдовичей, заслышавъ о его походѣ, убѣжали изъ тамошнихъ городовъ; послѣ такой вѣсти Святославу осталось только идти впередъ и брать городъ за городомъ безъ боя, и онъ такимъ образомъ дошелъ до Десны, гдѣ къ нему присоединился посланный отцемъ сынъ Юріевъ Глѣбъ съ дружиною

и множество Половцевъ. Изяславъ Давыдовичь, сидѣвшій въ Стародубѣ, услыхавъ о приходѣ Святослава къ Десиѣ, бѣжалъ въ Черниговъ; а въ слѣдъ за тѣмъ оба Давыдовича, испугавшись успѣховъ Святославовыхъ, поспѣшили заключить съ нимъ миръ и вступили съ нимъ и съ Юріемъ въ союзъ противъ Изяслава Мстиславича. И такимъ образомъ Святославъ, прежде несчастный бѣглецъ преслѣдуемый отъ города до города, менѣе нежели въ полгода нетолько возвратилъ безъ боя всѣ свои прежнія владѣнія, но пріобрелъ новыхъ союзниковъ и сдѣлался опаснымъ противникомъ Изяславу; впрочемъ онъ еще нигдѣ не встрѣчался съ главнымъ своимъ врагомъ Изяславомъ, и несчастный братъ его Игорь былъ еще въ неволѣ.

Новые союзники Святослава, Давыдовичи Черниговскіе, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ Изяслава, вздумали заманить его къ себѣ, и съ этою цѣлію послали сказать ему: «брате! Святославъ занялъ нашу волость Вятичи, пойдемъ прогонимъ его.» Изяславъ не подозрѣвая обмана, скоро собрался въ походъ, перешелъ Днѣпръ недалеко отъ Альты и дошелъ до Русотина, какъ тутъ получилъ вѣрныя вѣсти, что Давыдовичи измѣнили и, соединясь съ Святославомъ и Юріемъ, хотятъ схватить его или убить. Послѣ такихъ вѣстей, онъ отослалъ къ Давыдовичамъ крестныя грамоты, а къ брату своему Ростиславу Смоленскому послалъ сказать, что бы шелъ къ нему на сходъ, Новгородцамъ, же, Смольнянамъ и другимъ союзникамъ сказалъ, чтобы они удерживали тамъ Юрія, и въ тоже время отправилъословъ въ Кіевъ объявить Кіевлянамъ лесть Черниговскихъ Князей и просить, что бы они шли къ нему на помощь. Кіевляне, на вѣчѣ услыхавши отъ Изяславовыхъословъ,

что Давыдовичи хотѣли убить Изяслава, бросились на несчастнаго Игоря, перевезеннаго уже прежде въ Кіевъ и постриженнаго въ монахи въ монастырѣ св. Ѳеодора, вытащили его изъ церкви отъ обѣдни и убили на торговой площади, и потомъ стали сбираться въ походъ. Между тѣмъ Давыдовичи, соединясь съ Глѣбомъ Юрьевичемъ, Святославомъ и Половцами, взяли Курскъ и всѣ города по Семи и подвигались по Вырю впередъ, подступая то къ тому, то къ другому городу, иногда съ успѣхомъ, иногда безъ успѣха. Изяславъ Мстиславичь, стоявшій при верховьяхъ Суноя, получивши вѣсти объ ихъ походѣ, сперва отодвинулся назадъ къ Переяславлю, а потомъ по вѣстямъ опять пошелъ впередъ на соединеніе съ своимъ братомъ Ростиславомъ, который вступилъ въ Черниговскія владѣнія отъ Смоленскихъ границъ, сжегъ уже Любечь и надѣлалъ много зла Ольговичамъ. Соединясь съ Ростиславомъ на урочищѣ Черная Могила, Изяславъ вмѣстѣ съ братомъ и Черными Клобуками пошелъ къ Сулѣ на встрѣчу къ непріятелямъ, которые, услыхавши объ этомъ, быстро начали отступать къ Чернигову. Изяславъ съ братомъ шелъ за ними по пятамъ, гналъ передъ собою жителей, оставлявшихъ города лежавшіе по дорогѣ, и жегъ опустѣлые города, и такимъ образомъ дошелъ до Глѣбля; но не успѣвши взять этого города, послѣ боя продолжавшагося отъ утра до вечера, остановился и поворотилъ къ Кіеву, объявивъ дружинѣ, Кіевлянамъ и Смольнянамъ, чтобы готовились къ походу на Чернигов, какъ рѣки станутъ.

Но походъ къ Чернигову, назначенный Изяславомъ, какъ рѣки станутъ, замедлился до весны слѣдующаго 1148 года, а зима прошла въ неудачныхъ нападеніяхъ Черни-

говскихъ Князей на Брягинъ, а Глѣба Юрьевича на Переяславль. Съ наступленіемъ весны Изяславъ, собравъ всю свою силу, пригласивши Венгровъ и взявши полкъ изъ Волыни и у Вячеслава и всѣхъ Берендѣевъ, подступилъ къ Чернигову, пожегъ всѣ окрестныя села, составлявшія частную собственность Давыдовичей и Ольговичей, простоялъ подъ городомъ три дни, поджидая, что Князья затворившіеся въ Черниговѣ выйдутъ изъ города и вступятъ съ нимъ въ битву; но не дождавшись пустился къ Любечу, гдѣ находились важнѣйшія имѣнія Князей Черниговскихъ. Это движеніе вызвало Давыдовичей и ихъ союзниковъ изъ Чернигова, и они всѣми своими силами и съ Половцами пошли за Изяславомъ и стали противъ него подъ Любечемъ, заложившись рѣкою. Между тѣмъ отъ сильнаго дождя шедшаго ночью ледъ на Днѣпрѣ стало коробить; и Изяславъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Кіева рѣкою, поспѣшно перешелъ черезъ Днѣпръ и воротился благополучно въ Кіевъ. Давыдовичи же, видя невозможность долѣе сопротивляться Изяславу и не получая помощи отъ Юрія, посовѣтовавшись съ Святославомъ, сообща отправили пословъ въ Кіевъ къ Изяславу Мстиславичу съ просьбою о мирѣ. Изяславъ, посовѣтовавшись съ своимъ братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ, отправилъ къ Черниговскимъ Князьямъ свое посольство и заключилъ съ ними миръ на томъ условіи, чтобы отложить имъ вражду за Игоря, быть всѣмъ за одинъ и блюсти Русскую землю. На чѣмъ Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичь и Святославъ Всеволодовичь и цѣловали крестъ къ Изяславу въ Церкви Спаса въ Черниговѣ. Вскорѣ по заключеніи мира Изяславъ отправился въ Городецъ на съѣздъ съ Чер-

ниговскими Князьями; и на этомъ съѣздѣ порѣшили,—какъ станутъ льды идти на Юрія къ Ростову, именно Давыдовичамъ и Святославу Ольговичу идти черезъ землю Вятичей, а Изяславу съ братомъ своимъ Ростиславомъ черезъ Смоленскія и Новгородскія владѣнія, и всѣмъ сойтись на Волгѣ. Уговорившись о походѣ, Изяславъ позвалъ Давыдовичей къ себѣ на обѣдъ; и пообѣдавши въ весельи и любви, разъѣхались, Изяславъ въ Кіевъ, а Давыдовичи въ Черниговъ. Съ Изяславомъ на Городецкомъ съѣздѣ былъ и Ростиславъ, сынъ Юрія, который разссорившись съ отцомъ, пришелъ въ Кіевъ и получилъ отъ Изяслава города Бужскій, Межибожье, Котельничь и еще два города.

Изяславъ Мстиславичь, возвратившись въ Кіевъ, послалъ Ростислава Юрьевича въ Бужскъ стеречь Русскую землю, брата своего Владиміра оставилъ въ Кіевѣ, а сына Мстислава въ Переяславлѣ, самъ же съ своими полками отправился въ Смоленскъ, чтобы оттуда идти на Юрья. Гдѣ уговорившись съ Ростиславомъ Смоленскимъ какъ идти, и оставивъ у него свои полки, Изяславъ съ небольшею дружиною пустился въ Новгородъ, и оттуда съ Новгородцами въ Январѣ мѣсяцѣ открылъ походъ на Юрія; и дождавшись Ростислава съ Смоленскими и Русскими полками на устьѣ Медвѣдицы, оба вмѣстѣ пустились жечь и грабить города и села по обѣимъ берегамъ Волги и такимъ образомъ дошли до Углеча и устья Мологи, нигдѣ не встрѣчая ни Юрія, ни его полковъ, и поджидая Князей Черниговскихъ; но тѣ остановились въ землѣ Вятичей и не думали идти въ сходъ, а ждали чѣмъ кончится война Изяслава съ Юріемъ. Получивши объ этомъ вѣсть, Изяславъ послалъ Новгородцевъ и Русь воевать

къ Ярославлю; а между тѣмъ наступало тепло и вода по Волгѣ и Мологѣ покрыла ледъ по брюхо коню. Посему Изяславъ съ Ростиславомъ разсудили воротиться назадъ, пока не совсѣмъ вскрылись рѣки; и Ростиславъ пошелъ къ Смоленску, а Изяславъ къ Новгороду.

Воротившись изъ Новгорода въ Кіевъ, Изяславъ получилъ недобрыя вѣсти: ему сказали, что во время его отсутствія Ростиславъ Юрьевичь, умышляя противъ него, подмолвилъ Берендѣевъ и Кіевлянъ, и хотѣлъ занять Кіевъ, ежели бы Юрій одержалъ верхъ въ Суздальскимъ краю. Изяславъ вызвалъ къ себѣ Ростислава, и не принимая отъ него оправданій, отослалъ къ отцу въ Суздаль только съ четырьмя отроками. Ростиславъ, возвратившись къ отцу, сказалъ ему: «слышалъ я, что тебя желаетъ вся Русская земля и Черные Клобуки; они недовольны Изяславомъ, и хотятъ, чтобы ты шелъ на-него». Юрій, по словамъ сына, собравъ всю свою силу и Половцевъ отправился въ походъ и вступилъ въ землю Вятичей. Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, узнавши объ этомъ, немедленно послали сказать Изяславу: «дядя твой идетъ на тебя и вошелъ уже въ нашу волость, въ землю Вятичей, а мы стоимъ въ крестномъ цѣлованіи и будемъ биться заодно съ тобою, готовься.» Святославъ же Ольговичь съ своимъ племянникомъ Святославомъ Всеволодичемъ вступилъ въ союзъ съ Юріемъ. Юрій соединясь съ ними двинулся къ Бѣлой Вежѣ, и стоялъ тамъ цѣлый мѣсяцъ, поджидая Половцевъ; Изяславъ же по вѣсти Давыдовичей послалъ за Ростиславомъ Смоленскимъ и отправилъ полки въ Переяславль къ сидѣвшему тамъ въ засадѣ брату своему Владиміру. Наконецъ Юрій, дождавшись Половцовъ, пошелъ къ Пере-

яславлю, куда поспѣшилъ и Изяславъ съ Ростиславомъ и Изяславомъ Давыдовичемъ; и здѣсь произошла страшная битва, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Изяслава, такъ что онъ только самъ-третей воротился въ Кіевъ. Юрій пробывъ въ Переяславлѣ три дни, также отправился къ Кіеву, и сталъ съ полками противъ Михайло-Выдубицкаго монастыря. Изяславъ съ Ростиславомъ созвали вѣче и спросили Кіевлянъ: будутъ ли биться за нихъ съ Юріемъ? Кіевляне отвѣчали: «господа наши Князи! не губите насъ до конца, наши отцы и братья и сыновья, иные пали подъ Переяславлемъ, другіе взяты въ плѣнъ, а теперь и насъ возмутъ на полонъ; поѣзжайте лучше въ свои волости, вы знаете, что намъ съ Юрьемъ не ужиться, а послѣ какъ увидимъ ваши стяги, то мы готовы за васъ.» Получивъ такой отвѣтъ, Изяславъ и Ростиславъ выѣхали изъ Кіева, одинъ во Владиміръ-Волынскій, а другой въ Смоленскъ.

Юрій, занявши Кіевъ, вызвалъ къ себѣ Владиміра Давыдовича Черниговскаго и принудилъ его и брата его Изяслава уступить нѣсколько областей своему союзнику Святославу Ольговичу; потомъ сыновей своихъ разсадилъ: Ростислава въ Переяславль, Андрея въ Вышгородъ, Бориса въ Бѣлгородъ и Глѣба въ Каневъ, а младшаго Василька отправилъ въ прежнюю свою волость Суздаль. Изяславъ же Мстиславичь, пріѣхавши во Владиміръ, послалъ просить помощи къ зятю своему Королю Венгерскому Гейзѣ и къ своимъ сватамъ Болеславу Польскому и Владиславу Чешскому, и назначилъ имъ срокъ сѣсть на коней къ Рождеству. Но союзники сіи плохо помогли Изяславу, они не вступая въ битву оставили его и только упросили Юрія, чтобы онъ помирился съ племянни-

комъ; а тотъ послѣ ихъ ухода не только не примирился, но еще началъ осаждать Луцкъ, замышляя выгнать Изяслава и изъ Волыни. Изяславъ въ крайности обратился къ союзнику Юріеву Владиміру Галицкому и просилъ его помирить съ дядею. Юрій долго не соглашался не смотря на просьбу Владиміра, наконецъ, убѣжденный своимъ сыномъ Андреемъ и братомъ Вячеславомъ, заключилъ миръ на томъ, чтобы Изяславу довольствоваться Волынью, но отступиться отъ Кіева, а Юрію возвратить всѣ Новгородскія дани, плѣниковъ и добычу взятую на Переславскомъ бою; и на томъ цѣловавши крестъ, разъѣхались— Юрій въ Кіевъ, а Изяславъ во Владиміръ; но Юрій не исполнилъ договора, не возвратилъ ни даней, ни добычи. Изяславъ Мстиславичь долго добивался исполненія мирнаго договора со стороны Юрія, но не видя успѣха отъ своихъ посольствъ къ нему, тайно началъ готовиться къ войнѣ; и лѣтомъ 1150 г. нечаянно взялъ пограничный Кіевскій городъ Пересопницу, потомъ соединился съ Черными Клобуками и пошелъ на Кіевъ. Юрій, ничего незнавшій объ Изяславовомъ походѣ и неготовый къ бою, бѣжалъ изъ Кіева и со всѣми своими сыновьями перебрался черезъ Днѣпръ и засѣлъ въ Городцѣ Остерскомъ; а Изяславъ вступилъ въ Кіевъ.

Но на этотъ разъ Изяславу недолго пришлось оставаться въ Кіевѣ. Юрій сидя въ Остерскомъ Городцѣ, поднялъ на него всѣхъ своихъ союзниковъ и Князей Черниговскихъ и дикихъ Половцевъ и Владиміра Галицкаго; и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ опять завладѣлъ Кіевомъ и всѣмъ Придѣпровьемъ, а Изяславъ по прежнему остался при своей Волыни, да и въ этой волости немогъ сидѣть безопасно; ибо Юрій не смотря на ходатайство сына своего Андрея

недавалъ ему мира. Впрочемъ безпечность Юрія и неумѣнье его жить съ земцами приднѣпровской стороны, не только выручили Изяслава изъ крайности, но и пособили ему опять занять Кіевъ. Зимою 1050 года Берендеи и Кіевляне тайно стали сноситься съ Изяславомъ и звать его въ Кіевъ; это дало ему надежду на успѣхъ, и онъ выпросивъ у Венгерскаго Короля 10,000 войска, осадилъ Пересопницу, гдѣ сидѣлъ храбрый сынъ Юрія Андрей; осада эта затянулась, а между тѣмъ пришли вѣсти, что Владиміръ Галицкій съ большимъ войскомъ идетъ на выручку къ Андрею. Тогда Изяславъ бросилъ осаду Пересопницы и пошелъ прямо на Кіевъ; по дорогѣ во всѣхъ городахъ его встрѣчали со крестами, какъ освободителя, и рать его росла съ каждымъ шагомъ впередъ, къ нему присоединялись и земцы и дружинники жившіе по дорогѣ; но и Владиміръ Галицкій съ Андреемъ не оставались безъ дѣла, они гнались за нимъ по пятамъ, и подъ Святославлей Криницей такъ близко нагнали, что вечеромъ Галицкіе сторожа уже видѣли Изяславовы огни, а Изяславовы сторожа Галицкіе огни. Впрочемъ Изяславъ съумѣлъ здѣсь обмануть Владиміра, онъ приказалъ своему войску разложить большіе огни, а самъ со всѣми полками въ ночь свернулъ съ дороги на право къ Мичьску, и спокойно, уже не преслѣдуемый никѣмъ, пошелъ къ Кіеву и пришелъ туда такъ скоро и неожиданно, что Юрій, ничего незнавшій о его походѣ, бѣжалъ въ Городецъ Остерскій и даже не успѣлъ взять съ собою и всей своей дружины; и Изяславъ вступивъ въ Кіевъ захватилъ множество дружины Юріевой. Между тѣмъ Владиміръ Галицкій и Андрей, потерявши слѣдъ Изяславовъ у Святославли Криницы, послали напередъ сторожей раз-

вѣдывать гдѣ Изяславъ, которые и принесли имъ вѣсть, что Юрій уже въ Городцѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ. Тогда раздосадованный Владиміръ сказалъ Андрею: «что это какъ княжитъ твой отецъ, идетъ рать изъ Владиміра, а онъ о томъ и не вѣдаетъ; и ежели вы такъ княжите съ отцемъ своимъ, то управляйтесь сами, а я одинъ не могу биться съ Изяславомъ;» и сказавъ это пошелъ назадъ въ свой Галичь, а Андрей удалился къ отцу въ Городецъ.

Изяславъ былъ принятъ Кіевлянами съ радостію и на другой же день по приходѣ далъ Кіевлянамъ и союзнымъ Венграмъ большій обѣдъ на Ярославовомъ дворѣ, потомъ пошелъ въ Вышгородъ за Вячеславомъ, своимъ дядею, предлагая ему занять Кіевскій престолъ. Вячеславъ принялъ предложеніе, и цѣловалъ крестъ не разлучаться ни въ добрѣ ни въ злѣ и жить заодно, и отдалъ свою дружину Изяславу въ полное распоряженіе. Когда Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ, то Кіевлянамъ и Венграмъ былъ данъ новый роскошный обѣдъ, и за тѣмъ Венгры съ хорошими дарами отпущены домой, и съ ними послали Мстислава Изяславича благодарить Венгерскаго Короля и просить новой помощи на Юрія, и по отпускѣ Венгровъ вызвали въ Кіевъ Ростислава съ Смоленскими полками. Юрій съ своей стороны также сзывалъ всѣхъ своихъ союзниковъ противъ Изяслава Кіевскаго, изъ коихъ впрочемъ одинъ, Изяславъ Давыдовичь Черниговскій, вмѣсто того, чтобы идти на сходъ въ Городецъ, ушелъ къ Изяславу въ Кіевъ. Когда союзники Юрія сошлись въ Городецъ; то онъ всѣми своими силами перебрался черезъ Днѣпръ и подступилъ къ Кіеву, и бился съ утра до вечера. Его наемные Половцы, предводительствуемые храбрымъ его сыномъ Андреемъ, уже

перебрались черезъ Лыбедь и пробившись сквозь стоявшіе тамъ Изяславовы полки подступили къ Лятскимъ воротамъ и бились тамъ до вечера; но Черные Клобуки смяли ихъ и вогнали въ Лыбедь, многихъ избили, а другихъ побрали въ плѣнъ. Между тѣмъ Юрій, получивъ вѣсть, что идетъ къ нему на помощь Владиміръ Галицкій, отступилъ отъ Кіева и пошелъ къ нему на встрѣчу; Изяславъ же со всѣми своими союзниками погнался за нимъ, и нагналъ его на Рутѣ у Перепетовыхъ, и здѣсь произошла битва, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ полковъ Юрія, часть ихъ была избита, часть потоплена въ Рутѣ и часть взята въ плѣнъ. Владиміръ же Галицкій, услыхавъ о пораженіи Юрія, воротился въ Галичь, а разбитый Юрій бѣжалъ въ Переяславль.

Вячеславъ и Изяславъ, послѣ побѣды на Рутѣ, съ торжествомъ вошли въ Кіевъ и были радостно встрѣчены народомъ и духовенствомъ; потомъ пристроивъ полки пошли выпроваживать Юрія изъ Переяславля. Юрій мужественно защищалъ Переяславль три дни, но неимѣя силъ защищаться долѣе, примирился съ Изяславомъ и Вячеславомъ на томъ, чтобы ему въ Переяславлѣ посадить сына своего Глѣба, а самому удалиться въ Суздаль, не искать Кіева ни подъ Вячеславомъ, ни подъ Изяславомъ и отказаться отъ союза съ Святославомъ Ольговичемъ, и на томъ Юрій цѣловалъ крестъ.

Управившись съ Юріемъ Изяславъ Мстиславичь, уже на другой годъ, пригласивши къ себѣ Изяслава Давыдовича и Святослава Всеволодича, по общему совѣту съ ними, вывелъ жителей изъ Остерскаго Городца принадлежавшаго Юрію и самый городъ сжегъ. Потомъ согласившись съ зятемъ своимъ, Королемъ Венгерскимъ, Изя-

славъ отправился на Владиміра Галицкаго, завладѣвшаго во время послѣдней борьбы съ Юріемъ многими городами, принадлежавшими къ Кіевскому княжеству, и соединившись съ Венгерскимъ Королемъ въ Ярославлѣ на берегу Сана, пошелъ къ Перемышлю, гдѣ уже дожидался его Владиміръ съ своими полками. Венгры, Черные Клобуки и Русскіе за одинъ разъ бросились со всѣхъ сторонъ на полки Владиміровы, и произвели такую рѣзню, что самъ Владиміръ только самъ-другъ едва успѣлъ убѣжать въ Перемышль, и на другой день сталъ просить мира, говоря, что онъ едва живъ отъ ранъ. Изяславъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ долго несоглашались мириться съ Владиміромъ; но Король Венгерскій и особенно его архіепископы и воеводы, задаренные Княземъ Галицкимъ, настояли на мирѣ, который и былъ заключенъ на такомъ условіи, чтобы Владиміръ возвратилъ всѣ города, захваченные имъ въ Кіевской области, и былъ въ полномъ послушаніи у Изяслава и въ постоянномъ союзѣ съ нимъ. Владиміръ на все согласился, цѣловалъ крестъ лежа въ постелѣ, какъ раненый, и далъ крестную грамоту.

Возвратившись въ Кіевъ изъ Галицкаго похода, Изяславъ получилъ вѣсти, что Юрій собралъ уже войско, и соединясь съ Рязанскими Князьями, идетъ въ Приднѣпровье мстить за раззореніе Городца. По такимъ вѣстямъ Изяславъ послалъ сказать брату своему Ростиславу, чтобы онъ готовился съ Смольнянами и Новгородцами встрѣтить Юрія въ своей области, или идти къ Кіеву, ежели Юрій минуетъ Смоленскія владѣнія. Юрій пошелъ дорогою ведущею на Вятичей, гдѣ соединившись съ Половцами и Святославомъ Ольговичемъ поворотилъ на югъ и

взялъ Глуховъ, и изъ Глухова повернулъ прямо на Черниговъ. Между тѣмъ на помощь къ Изяславу Давыдовичу Черниговскому пришли Ростиславъ Смоленскій и Святославъ Всеволодичь, и въ продолженіи 12 дней мужественно отбивали всѣ приступы Юрія, а наконецъ двинулись на выручку къ Чернигову и Вячеславъ съ Изяславомъ изъ Кіева. Услыхавъ объ ихъ движеніи Юрій бросилъ осаду Чернигова; Половцы его побѣжали на Путивль въ свои степи, а самъ онъ пошелъ на Новгородъ Сѣверскій, и оставивъ тамъ у Святослава Ольговича 50 человѣкъ дружины съ своимъ сыномъ Василькомъ, удалился въ Суздаль. Изяславъ же съ союзниками, не преслѣдуя Юрія, осадилъ Новгородъ Сѣверскій, и послѣ трехъ-дневной осады принудилъ Святослава Ольговича просить мира, по которому онъ обязался выслать отъ себя и отправить въ Суздаль Юріева сына Василька.

Между тѣмъ Владиміръ Галицкій и не думалъ отдавать Изяславу городовъ, которые обязался возвратить по миру заключенному въ Перемышлѣ. Изяславъ чтобы убѣдить его послалъ къ нему своего боярина Петра Борисовича, того самого, который водилъ Владиміра ко кресту въ Перемышлѣ; но Владиміръ только насмѣялся надъ посломъ, и отпустивъ отъ себя, даже не далъ ему ни корма, ни подводы. Впрочемъ посолъ Изяславовъ едва доѣхалъ до перваго ночлега, какъ нему пришелъ гонецъ сказать, что Владиміръ умеръ, а новый Князь, сынъ покойнаго Ярославъ, зоветъ его назадъ въ Галичь. Ярославъ принялъ посла ласково, называлъ Изяслава своимъ отцомъ и обѣщался во всемъ слушаться его, какъ отца, но городовъ Кіевскихъ не возвратилъ. А посему Изяславъ въ началѣ слѣдующаго года, собравъ полки своихъ союзни-

ковъ, пошелъ на новаго Галицкаго Князя и сошедшись съ нимъ у Теребовля вступилъ въ битву. Битва эта кончилась тѣмъ, что большая часть Изяславовой рати была обращена въ бѣгство; самъ же Изяславъ съ небольшею дружиною, хотя и удержалъ за собою поле битвы и захватилъ множество плѣнниковъ, но видя малочисленность оставшейся при немъ дружины, приказалъ перерѣзать плѣнниковъ и поспѣшно пошелъ назадъ въ Кіевъ, опасаясь погони за собою.

На слѣдующій годъ Юрій Суздальскій, со всѣми своими сыновьями, опять поднялся на Приднѣпровьѣ; но въ его войскѣ начался сильный моръ на коней, такъ что онъ, дошедши только до Козельска, принужденъ былъ возвратиться назадъ въ Суздаль. Между тѣмъ разболѣлся Кіевскій Князь Изяславъ Мстиславичь и въ ночь на 14 Ноября 1154 года скончался, оплаканный дядею Вячеславомъ, своими дѣтьми, всею Приднѣпровскою Русью и Черными Клобуками. Сынъ же его Мстиславъ, похоронивъ отца, уѣхалъ въ свой Переяславль.

По смерти Изяслава старикъ Вячеславъ вызвалъ въ Кіевъ его брата Ростислава Смоленскаго и передалъ ему свой полкъ и дружину, чтобы онъ держалъ и рядилъ въ Кіевѣ также, какъ и покойный братъ его Изяславъ. Между тѣмъ Изяславъ Давыдовичь Черниговскій съ двоюроднымъ братомъ своимъ Святославомъ Ольговичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ дали вѣсть Юрію Суздальскому, который и послалъ сына своего Глѣба съ Половцами на Переяславль. Ростиславъ, узнавши объ этомъ, самъ двинулся на Глѣба и Половцевъ и вмѣстѣ съ Мстиславомъ Переяславскимъ прогналъ ихъ за Сулу. Управившись съ однимъ непріятелемъ, Ростиславъ пошелъ на другаго, на

Изяслава Давыдовича Черниговскаго; но лишь онъ переправился черезъ Днѣпръ, какъ пришелъ гонецъ изъ Кіева съ вѣстію о смерти Вячеслава, посему Ростиславъ, оставя полки, поѣхалъ хоронить дядю, и похоронивши, воротился въ полки и двинулся къ Чернигову. Опытнѣйшіе дружинники совѣтовали ему прежде похода воротиться въ Кіевъ и уговориться съ тамошней землщиной, но онъ ихъ не послушалъ; между тѣмъ къ Изяславу Черниговскому пришелъ Глѣбъ съ Половцами, которые окружили войско Ростиславово и бились съ нимъ по два дни такъ сильно, что полки Ростиславовы обратились въ бѣгство; самъ же Ростиславъ не утвердясь съ Кіевлянами, не смѣлъ и идти въ Кіевъ, а побѣжалъ въ Смоленскъ. Изяславъ же Давыдовичъ по просьбѣ самихъ Кіевлянъ занялъ Кіевъ, а Глѣба Юрьевича посадилъ въ Переяславлѣ.

Юрій Суздальскій, получивъ вѣсть о смерти Изяслава и о занятіи Кіева Ростиславомъ, двинулся къ Смоленску, но не доходя до него, получилъ другую вѣсть, что уже умеръ Вячеславъ, и Ростиславъ разбитый подъ Черниговомъ бѣжалъ въ Смоленскъ, и въ Кіевѣ сидитъ Изяславъ Давыдовичъ, а Глѣбъ сынъ его въ Переяславлѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ прислалъ къ нему съ поклономъ и Ростиславъ, прося мира, называя его отцемъ и обѣщаясь быть въ его волѣ; Юрій, вообще любившій Ростислава, охотно далъ ему миръ, и поворотилъ на югъ къ Кіеву чрезъ Новгородъ-Сѣверскія и Черниговскія владѣнія, гдѣ его съ поклономъ встрѣтили Святославъ Ольговичъ его старшій союзникъ и Святославъ Всеволодовичъ. Миновавъ Черниговъ, Юрій остановился у Моравійска и послалъ сказать Изяславу Давыдовичу: «мнѣ от-

чина Кіевъ, а не тебѣ». Изяславъ, не видя ни откуда помощи, прислалъ къ Юрію съ поклономъ и велѣлъ сказать: «не я самъ въѣхалъ въ Кіевъ, а посадили меня Кіевляне, не дѣлай мнѣ зла, а я Кіевъ оставлю, поѣзжай туда;» и въ слѣдъ за тѣмъ, получивъ отъ Юрія увѣреніе въ своей безопасности, выѣхалъ, а Юрій вступилъ въ Кіевъ.

Занявши Кіевъ, Юрій раздѣлилъ волости своимъ дѣтямъ: Андрея посадилъ въ Вышгородѣ, Бориса въ Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, а Василька далъ Поросье; потомъ послалъ войска на Волынь выгнать оттуда дѣтей покойнаго Изяслава; но когда это ему неудалось, то вызвалъ въ Кіевъ Ростислава Смоленскаго, который примирилъ его съ Изяславичами. Управившись на Волыни, Юрій послалъ сказать Изяславу Давыдовичу: «хочешь ли прндти къ намъ на миръ, или мы придемъ къ тебѣ». Изяславъ, видя силу и множество союзниковъ Юрія, цѣловалъ къ нимъ крестъ и обѣщалъ быть въ союзѣ. Юрій довольный согласіемъ самъ поѣхалъ въ Лутаву на съѣздъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ, и на съѣздѣ придалъ къ ихъ волостямъ: Изяславу Корческъ, а Святославу Мозырь. Между тѣмъ старшій Юріевъ сынъ, вотчественный Андрей, самовольно оставилъ Вышгородъ и удалился въ Суздаль.

Но сколько ни заботился Юрій о примиреніи Князей и общемъ союзѣ, заботы его не имѣли успѣха, неудовольствія и ссоры не прекращались. На слѣдующій же годъ, по общемъ замиреніи, т. е. въ 1156 году, произошли новыя ссоры, сперва между Черниговскими Князьями, гдѣ Святославъ Владиміровичь бѣжалъ отъ дяди своего Изяслава Давыдовича, отнялъ у него города Поде-

сенскіе и вступилъ въ союзъ съ Ростиславомъ Смоленскимъ. Потомъ тоже было на Волыни, гдѣ Мстиславъ Изяславичь Луцкій выгналъ изъ Владиміра Волынскаго дядю своего Владиміра Мстиславича. Въ эту ссору вступился самъ Юрій, и на слѣдующій годъ съ многочисленною ратью двинулся къ Владиміру Волынскому, чтобы выгнать оттуда Мстислава Изяславича, и отдать его своему племяннику Владиміру Андреевичу; но рать его, бившись подъ городомъ десять дней, и потерявши множество убитыми и ранеными, принуждена была отступить. И Юрій, давши Владиміру Андреевичу Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ Кіевскіе города по Горыни, возвратился въ Кіевъ.

Между тѣмъ Изяславъ Давыдовичь Черниговскій сталъ замышлять войну на самого Юрія, и вступилъ для этого въ союзъ съ Ростиславомъ Смоленскимъ и Мстиславомъ Волынскимъ. Они назначили срокъ общему нападенію на Кіевъ, Мстиславъ по условію уже двинулся изъ Владиміра Волынскаго, и Ростиславъ также отправилъ своего сына Романа съ своимъ полкомъ, а Изяславъ Давыдовичь только что готовился выступить изъ своего Чернигова, какъ къ нему пріѣхали послы изъ Кіева съ такими рѣчьми: «Юрій пилъ у Петрилы, и въ тотъ же день на ночь захворалъ и черезъ пять дней умеръ, а народъ не терпѣвшій его разграбилъ принадлежавшіе ему дворы и грабитъ и избиваетъ дружинниковъ, приведенныхъ Юріемъ изъ Суздаля, а поѣзжай Князь въ Кіевъ». И по таковому приглашенію Изяславъ отправился въ Кіевъ.

Изяславъ Давыдовичь вступилъ въ Кіевъ 19 Мая 1157 года, и желая удержать за своимъ домомъ Черниговъ, посадилъ тамъ роднаго своего племянника Святослава

Владиміровича съ своимъ полкомъ; но двоюродный его братъ Святославъ Ольговичь и племянникъ Святославъ Всеволодовичь воспротивились сему и подступили къ Чернигову. Услышавъ объ этомъ Изяславъ съ своими полками и съ Мстиславомъ Волынскимъ явился туда же; но вмѣсто битвы вступили въ мирные договоры, по которымъ Изяславъ уступилъ Святославу Ольговичу Черниговъ съ шестью незначительными и бѣдными городами, а Святославу Всеволодовичу отдали Новгородъ Сѣверскій, и потомъ цѣловавши крестъ разъѣхались по домамъ.

Воротившись въ Кіевъ, Изяславъ въ томъ же году собрался съ своими союзниками на Туровъ, чтобы выгнать оттуда Юрія Ярославича, внука Святополкова, который по смерти Юрія Суздальскаго отнялъ Туровъ у его сына Бориса; Изяславъ, по совѣту съ союзниками, хотѣлъ отдать этотъ городъ Владиміру Мстиславичу. Но Юрій, не смотря на многочисленность союзниковъ Изяслава, не думалъ уступать города добытаго силою и десять недѣль защищался мужественно, и въ тоже время просилъ Изяслава, чтобы онъ принялъ его въ любовь; но просьбы не помогали, Изяславъ оставался неумолимъ, и только конскій падежъ въ войскѣ заставилъ его и его союзниковъ разойтись по домамъ, неуспѣвши взять города, впрочемъ они разошлись не давши мира Юрію.

Въ обоихъ походахъ и въ Черниговскомъ, въ Туровскомъ у Изяслава были союзниками потомки Мономаха, и казалось онъ хорошо утвердился на Кіевскомъ престолѣ и могъ вполнѣ положиться и на Кіевскую земщину, которая сама пригласила его въ Кіевъ, и на Князей, которые были съ нимъ въ союзѣ и слушались его; но на повѣрку вышло, что все это было до перваго небла-

гопріятнаго случая, и что ни у земщины ни у Князей не было къ нему искренняго расположенія, и этотъ первый неблагопріятный случай для Изяслава оказался въ слѣдующемъ же 1158 году. Ярославъ Владиміровичь Галицкій, давно уже искавшій своего родственника Ивана Ростиславича Берладника, чтобы погубить его, уговорилъ всѣхъ главныхъ Князей Приднѣпровья, даже Короля Венгерскаго и Князей Польскихъ, чтобы они упросили Изяслава Давыдовича выдать ему Бернадника; тѣ обѣщали и отправили каждый свое посольство къ Изяславу въ Кіевъ съ просьбою о выдачѣ Берладника; но Изяславъ рѣшительно отказалъ въ выдачѣ, и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Въ слѣдствіе таковаго отказа Ярославъ Галицкій, Мстиславъ Изяславичь и Владиміръ Андреевичь заключили союзъ противъ Князя Кіевскаго. Получивъ объ этомъ вѣсть, Изяславъ также заключилъ союзъ съ своими ближайшими родственниками Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ и Святославомъ Всеволодовичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ. Этотъ новый союзъ заставилъ Ярослава Галицкаго съ Волынскими Князьями оставить замыселъ о походѣ на Изяслава; но за то самъ Изяславъ началъ войну съ Галицкимъ Княземъ, чтобы добыть волость Берладнику, понадѣясь на то, что Галичане начали ссылаться съ Берладникомъ и просить его къ себѣ въ Князья. Святославъ Ольговичь совѣтовалъ ему не начинать этой войны, но Изяславъ не принялъ этого совѣта и выступилъ изъ Кіева. Между тѣмъ Ярославъ Галицкій съ своими союзниками не медлилъ и двинулся на Кіевъ. Изяславъ только что дошелъ до Василева, какъ къ нему пришла вѣсть объ этомъ походѣ на Кіевъ; тогда онъ, желая загородить дорогу къ Кіеву, поворо-

тилъ на Бѣлгородъ, но этотъ городъ былъ уже занятъ противниками; чтобы не пускать ихъ далѣе, Изяславъ началъ осаду Бѣлгорода, которая и продолжалась 12 дней. Изяславъ уже былъ убѣжденъ въ успѣхѣ войны, къ нему пришли на помощь 20 тысячь Половцевъ, и время отъ времени онъ уже посылалъ отряды къ городу, что бы вызвать непріятеля на битву. Но Берендеи и Торки, принадлежавшіе къ Кіевскому земскому войску, тайно сносились съ осажденными и въ одну ночь зажегши свой станъ, съ крикомъ бросились къ Бѣлгороду; Изяславъ пустился было за ними въ погоню, но не догнавши ихъ самъ обратился въ бѣгство, только уже не въ Кіевъ, а на Вышгородъ въ Гомью, гдѣ дождавшись своей супруги, удалился въ землю Вятичей, и болѣе уже не видалъ Кіева. Мстиславъ же Изяславичь, Ярославъ Галицкій и Владиміръ Андреевичь вступили въ Кіевъ 22 Декабря 1158 года и передали его Ростиславу Смоленскому, которому еще передъ походомъ цѣловали крестъ, что идутъ добывать Кіевъ для него, какъ старшаго въ Мономаховомъ родѣ. При занятіи Кіева Мстиславъ Изяславичь захватилъ множество имѣнія принадлежавшаго дружинѣ Изяславовой, золота, серебра, рабовъ, скота и коней, и все это препроводилъ къ себѣ во Владиміръ Волынскій. Кіевское княжествованіе Изяслава Давыдовича ясно показало, что не Мономаховичу въ то время мудрено уже было удержаться въ Кіевѣ, хотя бы на его сторонѣ временно были и земщина и Князья, что въ народѣ уже сложилось убѣжденіе, что Мономахъ, этотъ добрый страдалецъ за Русскую землю, какъ бы выслужилъ у народа Кіевъ въ вотчину своему потомству.

—

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ ВНУКАХЪ И ПРАВНУКАХЪ ЯРОСЛАВА.

Хотя внуки и правнуки Ярослава, подобно своимъ отцамъ, продолжали переходить изъ одного владѣнія въ другое и искать лучшихъ волостей, и по прежнему продолжали разсчитывать преимущественно на свою дружину и наемныхъ Половцевъ; тѣмъ не менѣе при внукахъ Ярослава, и особенно при его правнукахъ, Князья стали обращать вниманіе и на земщину въ своихъ владѣніяхъ, и благоразумнѣйшіе изъ Князей болѣе уже не считали своихъ волостей только мѣстомъ временной осѣдлости, а напротивъ стали признавать ихъ опорою и источникомъ своей силы и могущества. А посему при всѣхъ перемѣнахъ владѣній они старались сколько возможно удерживать, ежели не за собою, то по крайней мѣрѣ за своимъ семействомъ, свои старыя родовыя владѣнія. Такъ ни Владиміръ Галицкій, ни Юрій Суздальскій никогда не отступались отъ своихъ Галича и Суздаля. Всеволодъ Ольговичь, утвердившись въ Кіевѣ, не думалъ также разстаться съ своими отчинными старыми владѣніями въ Черниговскомъ краю, и своихъ родственниковъ-союзниковъ старался вознаграждать городами на правомъ берегу Днѣпра, и тѣ жаловались на него: «своей отчины Вятичь недаетъ». Изяславъ Мстиславичь утвердившись на Волыни, постоянно старался удерживать ее за собою и въ то время, когда владѣлъ Кіевомъ. Да по обстоятельствамъ того времени иначе не могло и быть; ибо живый опытъ явно свидѣтельствовалъ, что тотъ Князь

всегда оказывался сильнѣе въ борьбѣ съ другими Князьями, которому усердно помогала земщина; а на эту помощь могли разсчитывать только тѣ Князья, которые постоянно удерживали за собою отчинныя владѣнія, и тѣмъ сживались съ земщиною.

Это новое направленіе Князей заставило ихъ обратиться къ старому порядку, въ важныхъ случаяхъ совѣтоваться съ земщиною, какъ это дѣлали Владиміръ и Ярославъ и чѣмъ пренебрегали ихъ сыновья. Первый изъ Ярославовыхъ внуковъ обратился къ этому старому порядку, любимецъ народа, Владиміръ Мономахъ; онъ въ 1096 году, вмѣстѣ съ Святополкомъ, приглашая въ Кіевъ Олега Святославича, писалъ къ нему: «поиди Кіеву, да порядъ положимъ а Рустѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ боронили Русскую землю отъ поганыхъ.» Потомъ этотъ старый порядокъ сдѣлался рѣшительно необходимымъ для Князей, когда они стали искать себѣ поддержки въ земщинѣ; ибо ежели нужень былъ совѣтъ земщины для обороны Русской земли отъ поганыхъ, то тѣмъ болѣе Князьямъ нужно было искать согласія земщины, когда они хотѣли пользоваться ея пособіемъ въ своихъ между-княжескихъ дѣлахъ. А посему каждый Князь, искавшій для себя пособія земщины, обыкновенно созывалъ вѣче и объявлялъ свое желаніе земцамъ; и ежели земцы изъявляли свое согласіе, то тутъ же дозволяли Князю собирать земское войско, а ежели не изъявляли, то Князь могъ разсчитывать только на тѣхъ земцевъ, которые своею охотою присоединялись къ его дружинѣ. Образчикъ таковаго порядка представляютъ намъ походы Изяслава Мстиславича въ 1147 и 1151 годахъ на Юрія

Суздальскаго. Когда Изяславъ объявилъ земцамъ о первомъ походѣ, то земцы не соизволяя на этотъ походъ отвѣчали прямо: «Княже! ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ на Володимірѣ племя руки взняти, ежели же на Ольговичей, то идемъ даже и съ дѣтьми». И получивъ такой отвѣтъ земщины Изяславъ уже не могъ собирать земскаго войска, а только обратясь къ охотникамъ сказалъ: «ну пусть идетъ за мной тотъ, кто до меня добръ.» И дѣйствительно охотниковъ нашлось довольно, и пошли за Княземъ. Напротивъ того при объявленіи втораго похода Кіевскіе земцы въ одинъ голосъ отвѣчали: «всѣ пойдемъ, а кто не пойдетъ, того выдай намъ, мы сами его побьемъ». И такъ было не въ одномъ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ, даже незначительныхъ. Такъ въ 1147 году Мстиславъ Изяславичь Курскій, когда получилъ вѣсть, что Глѣбъ Юрьевичь съ Святославомъ Ольговичемъ идутъ на Курскъ, то собралъ вѣче и объявилъ объ этомъ Курской земщинѣ; и земщина отвѣчала: «ежели съ Ольговичами, то готовы биться за тебя даже съ дѣтьми, а на Володимірово племя на Юрьевича не можемъ поднять рукъ.» И послѣ такаго отвѣта Мстиславъ съ дружиною оставилъ Курскъ.

Тоже новое направленіе—искать поддержки въ земщинѣ, поставило князей въ необходимость заботиться о большемъ привлеченіи къ себѣ земщины, и первый примѣръ таковой заботливости былъ показанъ также Владиміромъ Мономахомъ; онъ, получивши Кіевъ, первымъ долгомъ считалъ для себя угодить Кіевской земщинѣ огражденіемъ ея отъ своекорыстія Жидовъ, которымъ покровительствовалъ предшественникъ его Святополкъ; онъ же въ своемъ наставленіи къ сыновьямъ писалъ, чтобы они были по-

стоянно ласковы съ земцами, *человѣка не минѣте не привѣчавше, слово добро ему дадите*, куда-же пойдете по своимъ землямъ, недайти никости дѣяти отрокомъ (дружинникамъ) ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ и въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ, и всегоже паче убогихъ незабывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицу оправдите сами, а не вдаваіте сильнымъ погубити человѣка». Всеволодъ Ольговичь, Вячеславъ Владиміровичь и Изяславъ Мстиславичь также постоянно заботились о привлеченіи къ себѣ земщины; каждый изъ нихъ, дѣлаясь Кіевскимъ Княземъ, прежде всего старался угостить Кіевлянъ роскошнымъ пиромъ. Тоже самое въ 1148 году Изяславъ Мстиславичь сдѣлалъ въ Новгородѣ; въ лѣтописи сказано: «Изяславъ же посла подвойскіе по улицамъ кликати, зовущи къ Князю на обѣдъ отъ мала до велика.» А въ 1144 году Всеволодъ Ольговичь, отправляясь въ Переяславль пировать на свадьбѣ Изяславовой дочери, взялъ съ собою и лучшихъ Кіевскихъ земцевъ Такую же привѣтливость къ земцамъ старались выказывать и другіе Князья, ихъ современники.

Старанія Князей удерживать за собою свои отчинныя владѣнія, и забота о снисканіи расположенія земщины въ своихъ владѣніяхъ, мало по мало произвели то, что земцы, при сыновьяхъ Ярослава безразличные и равнодушные къ Князьямъ, при внукахъ и правнукахъ Ярослава воспитали въ себѣ убѣжденіе, что въ такой-то земщинѣ долженъ княжить такой-то княжескій домъ, а въ такой-то такой. Именно Полоцкіе земцы стали признавать своими постоянными законными Князьями потомковъ Рогнедина сына Изяслава Владиміровича; земцы Галицкіе, по-

томковъ Владиміра Ярославича Новгородскаго; земщина Черниговская, Новгородъ-Сѣверская, и Муромская потомковъ Святослава Ярославича; Кіевляне, Волынцы, Переяславцы, Смольняне и Суздальцы потомковъ Владиміра Мономаха. И это убѣжденіе земщины немогло быть измѣнено ни междоусобіями Князей ни ихъ захватами той или другой чужой области. Князь, захвативший область не принадлежавшую его дому, ежели и удерживался въ ней на время своей жизни, то никакъ не могъ закрѣпить ее за своимъ родомъ; земщина, вѣрная своимъ потомственнымъ Князьямъ, постоянно противилась этому и съ успѣхомъ. Такъ Полочане, завоеванные Мстиславомъ Владиміровичемъ, при преемникѣ же его отложились отъ Мстиславичей и отыскали своихъ прежнихъ Князей Полотскихъ. А Кіевляне, на другой же день по смерти Всеволода Ольговича, отступились отъ назначеннаго имъ преемника Игоря Ольговича, обратились къ Изяславу Мстиславичу, внуку Мономахову, и постоянно говорили при каждомъ удобномъ случаѣ, что они не могутъ поднять рукъ на Мономахово племя. Изяславъ Давыдовичь Черниговскій, два раза княжившій въ Кіевѣ, ни разу не могъ удержаться въ немъ; ибо Кіевская земщина, принимая его въ крайности, постоянно тянула къ Мономаховичамъ, и при первомъ же нападеніи Мономаховичей оставляла Изяслава безъ поддержки. Да и въ своихъ потомственныхъ Князьяхъ земцы нерѣдко дѣлали предпочтеніе одному Князю передъ другимъ, одного поддерживали, а на другаго вооружались. Такъ Галичане въ 1144 году недовольные своимъ Княземъ Владиміромъ Володаревичемъ, тайно вызвали изъ Звенигорода его племянника Ивана Ростиславича, и когда Иванъ, разбитый Владиміромъ, бѣ-

жалъ отъ нихъ, то цѣлую недѣлю бились съ Владиміромъ, и только доведенные до крайности отворили ему городъ. А Полочане въ 1152 году схватили своего Князя Рогволода Борисовича, отвезли его въ Минскъ и держали въ великой нуждѣ; на его же мѣсто взяли его двоюроднаго племянника Ростислава Глѣбовича, заключили союзъ съ Святославомъ Ольговичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ, и цѣловали ему крестъ имѣть его отцемъ себѣ и ходить въ послушаньи его. Кіевляне въ 1150 г. пригласили Изяслава Мстиславича противъ княжившаго у нихъ дяди его Юрія Суздальскаго; да и прежде въ 1149 году прямо говорили Изяславу: «намъ съ Юріемъ не ужиться, пріѣзжай къ намъ послѣ, мы будемъ готовы за тебя, какъ скоро увидимъ твои знамена». Въ 1157 году Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы выбрали и посадили себѣ Княземъ старшаго Юріева сына Андрея, тогда какъ Юрій назначилъ Суздальскую волость младшему своему сыну Васильку, который тамъ и княжилъ при Юріѣ.

Привязанность той или другой земщины къ тому или другому княжескому дому въ это время уже дошла до того, что земцы охотно стали принимать участіе въ княжескихъ междоусобіяхъ. Въ прежнее время земцы давали Князьямъ свои полки только для защиты своей земли и для походовъ на Печенѣговъ или Половцовъ, княжескія же междоусобія и завоевательные походы на сосѣдей Князья производили дружиною и охотниками; при внукахъ же и особенно при правнукахъ Ярослава земскіе полки начали оказываться у Князей и въ войнахъ междукняжескихъ. Такъ Юрій Суздальскій водилъ въ Приднѣпровье вмѣстѣ съ своею дружиною и земскіе полки Суздальцевъ, Ростиславъ Смоленскій во всѣхъ войнахъ сво-

го брата Изяслава Кіевскаго участвовалъ при помощи Смоленскихъ земскихъ полковъ, или въ 1139 году Ярополкъ велъ на Всеволода Ольговича и Суздальцевъ и Ростовцевъ и Полочанъ и Смольнянъ приведенныхъ къ нему тамошними Князьями его союзниками. Впрочемъ земскіе полки, и помогая Князьямъ, составляли отдѣльную рать, имѣли своихъ предводителей и въ походѣ не смѣшивались съ Княжею дружиною. Такъ лѣтопись, говоря о походѣ Мстислава на Литву въ 1132 году, пишетъ: «Кіевляне же не втягли съ Княземъ, но послѣди идяху по немъ особѣ». Или въ 1146 году при нападеніи Изяслава на Кіевъ, Кіевскіе земскіе полки стояли отдѣльно отъ дружины Игоря и Святослава Ольговичей, подъ начальствомъ особыхъ воеводъ, тысяцкаго Улеба и Ивана Войтишинича. Или въ 1147 году при нападеніи Глѣба Юрьевича на Переяславль, Переяславскій Князь выступилъ противъ него, совокупившись съ дружиною и съ Переяславцами. Или въ 1149 году, при описаніи битвы Изяслава съ Юріемъ подъ Переяславлемъ, лѣтопись говоритъ: «и бысть сѣча зла и первое побѣгоша Поршане (земцы Поросья) потомъ Изяславъ Давыдовичь и по сихъ Кіяне, Изяславъ же полкомъ своимъ съѣхался съ Святославомъ Ольговичемъ и съ половиною полка Юрьева.»

Таковое положеніе земщины заставляло Князей во всѣхъ своихъ междоусобныхъ войнахъ по возможности удерживаться отъ опустошеній и раззоренія земцовъ. Во всѣхъ междоусобіяхъ Князья преимущественно грабили и опустошали частную собственность Князей же своихъ противниковъ, или ихъ дружины, собственность же земщины оставалась неприкосновенною, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда земцы очень упорно защищали побѣ-

жденнаго Князя, или когда какой либо Князь приводилъ съ собою Половцовъ, которые обыкновенно и шли на томъ условіи, чтобы имъ было позволено грабить. Такъ напримѣръ Олегъ Святославичь въ 1094 году выгнавши Мономаха изъ Чернигова при помощи Половцевъ, заплатилъ за эту помощь тѣмъ, что дозволилъ Половцамъ грабить Черниговскія села; тоже дѣлали и другіе Князья преимущественно его потомки. И конечно это было главною причиною, что Ольговичи были нелюбимы земцами Придѣпровья, какъ раззорители земли; равнымъ образомъ нелюбимъ былъ въ Придѣпровьѣ Юрій Суздальскій за тоже, что водилъ съ собою Половцовъ. Междоусобія же другихъ Князей принимались легче и невозбуждали ненависти въ народѣ, да и на самомъ дѣлѣ онѣ были далеко не такъ отяготительны для земцовъ, какъ бы можно было предполагать, ибо почти исключительно ограничивались грабежемъ частной собственности Князей и дружинниковъ. Для этой же собственности уже не было никакой пощады; побѣдители вездѣ отыскивали собственность побѣжденнаго противника и его дружины все жгли и грабили, даже не щадили самихъ церквей. Такъ на примѣръ въ 1146 г. при походѣ Изяслава Мстиславича съ его союзниками Давыдовичами Черниговскими на Святослава Ольговича Новгородъ-Сѣверскаго, союзники послали грабить Игоревы и Святославовы стада; мало этого—пошли на Игорево сельце, гдѣ былъ устроенъ хорошій княжескій дворъ и собрано много всякаго добра въ брестьяницахъ и погребахъ, вина и меда и всякаго тяжелаго товара до желѣза и до мѣди; и Давыдовичи приказали класть все это на воза себѣ и дружинѣ, а чего немогли захватить то велѣли зажечь, равно какъ самый дворъ и церковь св.

Георгія и княжее гумно. Въ тотъ же походъ Изяславъ Мстиславичь, взявши Путивль на договоръ, ничего нетронулъ принадлежащаго Путивльцамъ, бывшій же тамъ Святославовъ дворъ раздѣлилъ между своими союзниками на четыре части, также раздѣлилъ княжія скотницы брестьяницы и всякій товаръ, даже до чиста обобралъ княжескую цѣрковь Святаго Вознесенія, взялъ всѣ церковные сосуды серебряные, иконы, шитыя золотомъ ризы, кадильницы, книги и колокола, и не оставилъ ничего княжаго, но все раздѣлилъ и семьсотъ рабовъ.

Обычай грабить только княжее добро и добро дружинниковъ очевидно основаніемъ своимъ имѣлъ то, чтобы скорѣе смирить противника или вызвать скорѣе на бой, ежели онъ уклонялся отъ невыгодной для себя битвы, какъ это прямо подтверждаетъ образъ дѣйствій Изяслава Мстиславича во время похода на Черниговъ въ 1148 году. Онъ, стоя подъ Черниговомъ, и желая выманить тамошнихъ Князей на битву, цѣлыхъ три дня жегъ и опустошалъ княжія села подъ Черниговомъ, и потомъ сказалъ: «вотъ мы пожгли всѣ села ихъ и жизнь (имѣніе) всю, а они къ намъ пейдутъ; а пойдемъ къ Любечу, гдѣ ихъ вся жизнь.» И дѣйствительно Черниговскіе Князья пошли за нимъ къ Любечу. Впрочемъ бывали случаи, что иногда доставалось и земцамъ и Князья раззоряли города своихъ противниковъ или брали окупъ съ гражданъ; но это бывало только тогда, когда Князь неразчитывалъ завладѣть городомъ или присоединить его къ своей волости. Такъ Владиміръ Галицкій въ 1150 году возвращаясь домой изъ Кіевской волости, подошедъ къ Мичьску, сказалъ Мичанамъ: «дайте ми серебро, что вы азъ хочу, паки ли я возму васъ на щитъ», и взявши требуемое серебро, по-

шелъ домой, а также побралъ серебро и съ другихъ городовъ, лежавшихъ по дорогѣ, вплоть до своей земли.

Сближеніе Князей съ земщиною и стараніе постоянно удерживать за собою свои отчинныя владѣнія повело Князей къ тому, чтобы пріобрѣтать себѣ земли въ частную собственность, населять ихъ своими людьми, или свободными земледѣльцами, и вводить въ нихъ хозяйственное устройство частныхъ собственниковъ; таковыхъ земель въ то время было уже довольно у всѣхъ Князей, на нихъ Князья строили себѣ, смотря по удобству, дворы, села, церкви, монастыри и даже города; земли сіи Князья пріобрѣтали или покупкою у частныхъ собственниковъ, или разчисткою на свой счетъ дикихъ лѣсовъ и полей никому не принадлежащихъ, или получали по наслѣдству, или въ подарокъ, или иными способами пріобрѣтенія между частными людьми. Таковое направленіе Князей пріобретать земли въ частную собственость, повидимому должно было повести къ тому, чтобы Князья вовсе неоставляли своихъ княженій и не переходили въ другія владѣнія, чтобы не лишиться поземельной собственности; но на дѣлѣ это неоправдалось, а напротивъ между Князьями сложился новый законъ, по которому Князь, перешедшій или переведенный изъ одного княжества въ другое, не лишался права на свою частную поземельную собственность въ оставленномъ княжествѣ. Такъ въ 1147 году Святославъ Всеволодовичь, изъ Черниговскихъ Князей, переведенный Изяславомъ Кіевскимъ въ Бужскъ и Межибожье, продолжалъ владѣть своею частною поземельною собственностію въ Черниговскомъ краю; тоже было и у другихъ Князей.

Княжая дружина по прежнему состояла изъ вольныхъ

людей, состоявшихъ на службѣ Князя по взаимному согласію, и имѣвшихъ полное право оставить службу одного Князя и перейдти къ другому. Самый составъ дружины по прежнему былъ сбродный изъ разныхъ странъ; на службу Князя могъ поступить всякій, откуда бы кто ни пришелъ, лишь бы Князь согласился его принять; но при внукахъ и правнукахъ Ярослава, Князья преимущественно старались пополнять свои дружины охотниками изъ земцевъ, такъ что у Суздальскаго Князя дружинники преимущественно были изъ Суздальцовъ, у Галицкаго изъ Галичанъ, у Черниговскаго изъ Черниговцовъ, у Смоленскаго изъ Смольнянъ, и проч. Да и тѣхъ изъ дружинниковъ, которые приходили со стороны, Князья старались привязать къ своимъ владѣніямъ, и съ этою цѣлію раздавали имъ земли преимущественно на помѣстномъ правѣ, и такимъ образомъ дѣлали удержаніе владѣній интереснымъ и для дружинниковъ; ибо съ потерею владѣнія Княземъ и дружинники теряли свои доходы съ помѣстныхъ имѣній. Какъ прямо говорилъ Изяславъ Мстиславичъ своимъ дружинникамъ въ 1150 году, побуждая ихъ къ походу на Кіевскую область, только что отнятую у него Юріемъ Суздальскимъ. «вы есте по мнѣ изъ Русскія земли вышли (изъ Кіевской области) своихъ селъ и своихъ имѣній лишився; а язъ паки своея дѣдины и отчины не могу презрѣти; но любо голову свою сложу, паки ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь.» Таковое новое направленіе породило то, что съ одной стороны Князьямъ легче стало удерживать за собою свои старыя отчинныя владѣнія, а съ другой стороны труднѣе держаться во владѣніяхъ вновь пріобрѣтенныхъ. Земцы на своего отчиннаго Князя и на его

дружинниковъ смотрѣли съ бо́льшею пріязнію, нежели на новаго Князя и на его дружинниковъ, пришельцевъ съ другой стороны. А посему дружинники пришельцы по смерти или по изгнаніи своего Князя-пришельца обыкновенно или изгонялись или избивались земцами, а имѣніе ихъ предавалось на разграбленіе. Такъ по занятіи Кіева Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1146 году, самъ Изяславъ съ Кіевлянами сталъ грабить домы и села дружины Игоревой и Всеволодовой; точно также по смерти Юрія Кіевляне стали избивать и грабить Суздальцевъ, т. е. Юріевыхъ дружинниковъ приведенныхъ изъ Суздаля.

Дружина въ это время, также какъ и прежде, раздѣлялась на старшую и младшую; старшую дружину составляли бояре, мужи, занимавшіе важныя должности, къ младшей же принадлежали отроки, дѣтскіе, слуги, гридни, мечники и другіе мелкіе служители при Князѣ. Старшіе дружинники были преимущественно богатые и сильные, имѣвшіе свои дружины вольныхъ людей, которые съ ними вмѣстѣ и подъ ихъ начальствомъ участвовали въ княжескихъ походахъ и въ управленіи городами данными Княземъ. Старшіе дружинники имѣли большее значеніе у Князей, они были княжими думцами, такъ что Князь о каждомъ своемъ предпріятіи долженъ былъ объявлять имъ и совѣтоваться съ ними, въ противномъ случаѣ дружинники отказывались помогать Князю, и прямо говорили: «о себѣ еси, Княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тебѣ, мы того невѣдали.» Какъ это было съ Владиміромъ Мстиславичемъ, который, не посовѣтовавшись съ старшею дружиною, хотѣлъ ѣхать къ Берендичамъ. Старшіе дружинники даже спорили съ Княземъ на совѣщаніяхъ, такъ въ 1150 году, когда Изяславъ говорилъ своей дружинѣ, чтобы идти

на Владиміра Галицкаго; то дружина возразила ему: «Княже! нельзя тебѣ пойти на него, се передъ тобою рѣка, но еще зла, какъ на него хочеши поѣхати? а еще стоитъ заложився лѣсомъ; нынѣ же того, Княже, исправи, но поѣди Кіеву, своей дружинѣ.» И Князь послушалъ совѣта, отложилъ нападеніе. Старшіе дружинники не только были необходимыми совѣтниками Князей, но и посредниками въ ихъ переговорахъ другъ съ другомъ; и даже по прежнему требовалось, чтобы договоры между Князьями скрѣплялись клятвою какъ самихъ Князей, такъ и ихъ дружинниковъ. Такъ въ 1150 году, при заключеніи союза между Изяславомъ и Вячеславомъ сказано: «и тако цѣловаста крестъ у Святою мученику на гробѣ, на томъ: Изяславу имѣти отцомъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава, на томъ же и мужи ихъ цѣловаша крестъ, яко между ими добра хотети и чести ихъ стеречи, а не сваживати ихъ.»

Младшая дружина, т. е. отроки, дѣтскіе, гриди и подобн., составляли отдѣльный классъ отъ старшей дружины, они также были люди вольные, и могли смотря по службѣ и по расположенію Князя поступать и въ старшую дружину; но будучи младшими дружинниками они не были думцами Князя, и исправляли только незначительныя должности; они при княжемъ дворѣ бывали поварами, ловчими, конюхами, сѣдельниками, псарями, сокольниками и подобн. а въ военныхъ походахъ обыкновенно помѣщались впереди въ застрѣльщикахъ. По свидѣтельству лѣтописей, младшими дружинниками иногда населялись цѣлые города; такъ подъ 1149 годомъ Святославъ говоритъ Изяславу Давыдовичу: «вижь мое смиреніе, коли на себя поступалъ, взялъ Черниговъ съ семью

пустыми городами, а въ нихъ сѣдятъ цари и Половцы.» Или въ другомъ мѣстѣ лѣтописи упоминается о волостяхъ, занятыхъ княжими сѣдельниками. Вѣроятно младшими же дружинниками были заняты города пограничные къ степямъ, и они же содержали разъѣзды въ степяхъ для наблюденія за Половцами.

Земщина много сблизилась съ Князьями, въ слѣдствіе старанія Князей удерживать за собою свои отчинныя владѣнія; но это сближеніе не вездѣ было въ одинаковой степени. Въ тѣхъ краяхъ Руси, гдѣ постоянно владѣлъ одинъ княжескій домъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, какъ напримѣръ въ Полотскѣ, Галичѣ и Суздалѣ, сближеніе земщины съ Княземъ было полнѣе, нежели въ тѣхъ краяхъ, гдѣ Князья мѣнялись часто, какъ напримѣръ въ Новгородѣ, Кіевѣ и Переяславлѣ. Но большее или меньшее сближеніе Князя съ земщиною нисколько не развивало княжеской власти; въ этомъ отношеніи внуки и правнуки Ярослава не опередили своихъ отцовъ, княжеская власть и при нихъ продолжала лежать какъ бы на поверхности Русскаго общества и не проникала въ глубь. Конечно Князья теперь болѣе узнали общество, болѣе пріобрѣли средствъ къ полученію доходовъ отъ своей власти, и доходы сіи сдѣлались опредѣленнѣе и постояннѣе; но тѣмъ только и ограничивался ихъ успѣхъ на этомъ поприщѣ; измѣнить же своихъ прежнихъ отношеній къ обществу тогдашніе Князья еще не имѣли достаточныхъ силъ, да и занятые своими междоусобіями едва ли путемъ и думали объ этомъ. Они заботились только о томъ, какъ бы увеличить свои владѣнія, или замѣнить владѣніе бѣдное и незначительное владѣніемъ богатымъ и значительнымъ. Даніилъ Заточникъ вотъ что

говоритъ о современныхъ ему Князьяхъ: «Съ добрымъ бо думцею Князь высокаго стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ». Слѣдовательно главная дума Князей того времени была въ томъ, чтобы додуматься высокаго стола. Другая важная дума Князей состояла въ привлеченіи къ себѣ людей; средствомъ къ сему внуки Ярослава считали ласковость со всѣми и учрежденіе пировъ по примѣру прадѣда своего Владиміра; а по сему хлопотали о пирахъ даже тѣ Князья, которые сами до нихъ были неохотники. Такъ митрополитъ Никифоръ пишетъ къ Мономаху: «извѣстно намъ, что ты инымъ готовишь свѣтлые обѣды, и бываешь всѣмъ всяческая, да всѣхъ пріобрящешь, и законныя и беззаконныя, величества ради княжескаго; самъ служишь и страждешь руками своими, и доходитъ подаваніе твое даже до комаровъ, и все это дѣлаешь ради княженія и власти. И когда другіе упиваются и объядаются, ты сидишь и посматриваешь, какъ другіе пьютъ и ѣдятъ, а самъ остаешься доволенъ малымъ вкушеніемъ и водою, и показываешь, что съ ними пьешь и ѣшь; и тѣмъ угождаешь сущимъ подъ тобою, и терпишь сидя и смотря какъ упиваются твои рабы, и такимъ образомъ угождая покоряешь ихъ». А конечно ни увеличеніе владѣній, ни достиженіе высокихъ столовъ, ни ласковость, ни пиры, не увеличивали власти Княжеской.

Земщина по прежнему оставалась при своемъ общинномъ устройствѣ, по прежнему самостоятельно развивала его, по прежнему Русская земля дѣлилась на большіе и малые міры, и малые міры зависѣли отъ большихъ, пригороды отъ старыхъ городовъ; и княжескія междоусобія нисколько не нарушали этого порядка, а напротивъ какъ

мы уже видѣли, рѣшеніе земщины нерѣдко перерѣшало рѣшенія Князей. Такъ, какой нибудь неугодный земщинѣ Князь, посаженный силою по рѣшенію другихъ Князей, своихъ союзниковъ, обыкновенно недолго засиживался на захваченномъ такимъ образомъ княженіѣ; земщина отыскивала любимаго Князя, приглашала его къ себѣ, и при его помощи выпроваживала нелюбимаго Князя, а иногда справлялась и одна безъ помощи Князей, какъ это мы видѣли въ Полотскѣ въ 1152 году, и какъ не разъ бывало въ Новгородѣ. Вообще при внукахъ и правнукахъ Ярослава княжеская власть была еще въ полномъ согласіи съ земскимъ устройствомъ Русскаго общества, здѣсь еще не было и слѣдовъ борьбы; въ это время у земщины была борьба не съ Князьями, а съ враждебнымъ характеру свободныхъ людей Византійскимъ вліяніемъ на бытъ и устройство Русскаго общества.

Владиміръ Святый водворивши на Руси христіанство и неразлучное съ нимъ просвѣщеніе духовное, хотѣлъ, какъ мы уже видѣли, навязать Русскому обществу и Византійскіе гражданскіе порядки, считая всю Русскую старину поганою и всѣ старые обычаи недостойными христіанъ; и съ этою цѣлію по своему уставу о судахъ церковныхъ онъ призналъ необходимымъ участіе духовенства въ княжескихъ судахъ, и ввелъ принесенный изъ Византіи законодательный сборникъ, извѣстный подъ названіемъ закона суднаго людемъ. Ярославъ, не признавая всѣхъ старыхъ Русскихъ обычаевъ поганскими, въ своемъ уставѣ строго отдѣлилъ церковный судъ отъ свѣтскаго, и издалъ Русскую Правду основанную на старыхъ обычаяхъ, дѣти Ярослава нѣсколько пополнили Правду отца; но и законъ судный людемъ продолжалъ еще имѣть свою силу, и не

былъ отмѣненъ ни Ярославомъ, ни его сыновьями. А между тѣмъ законъ сей небылъ согласенъ ни съ устройствомъ Русскаго общества, ни съ убѣжденіями Русскихъ людей о правѣ, и во многомъ требовалъ того, что въ Русскомъ обществѣ считалось противнымъ и унизительнымъ для свободныхъ людей; напримѣръ по всѣмъ преступленіямъ и даже проступкамъ онъ требовалъ тѣлесныхъ наказаній, которыя до того прежде вовсе не были извѣстны въ Русскомъ обществѣ и считались нетерпимыми для свободныхъ людей; или предлагалъ законы о наслѣдствѣ, совершенно несогласные съ убѣжденіями Русскихъ объ этомъ предметѣ; или вводилъ формы суда неудобоприложимыя и отяготительныя для народа. Все это вызывало глухую борьбу Русскаго общества противъ Византійскаго закона неприложимаго и противнаго Русскимъ людямъ; Русскіе были недовольны судомъ по чужимъ Византійскимъ законамъ и старались уклоняться отъ этого суда; Русскаго же закона, который бы замѣнилъ законъ судный людемъ, еще не было, а были только одни обычаи; ибо Русская Правда Ярослава и его сыновей почти не касалась гражданскаго права, которое болѣе всего необходимо въ обществѣ. А по сему Владиміръ Мономахъ, вскорѣ по смерти Святополка, приступилъ къ пополненію Русской Правды, такъ чтобы она болѣе или менѣе могла замѣнить законъ судный людямъ, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ законъ или неудовлетворялъ требованіямъ жизни Русскаго общества, или былъ противенъ ей и несогласенъ съ ея исконными обычаями.

Владиміръ Мономахъ для пополненія Русской Правды собралъ свою дружину на Берестовѣ, куда пригласилъ также тысяцкихъ: Кіевскаго Ратибора, Бѣлгородскаго

Прокопія, Переяславскаго Станислава, и мужей Нажира, Мирослава, и Ивана Чудиновича Ольгова мужа, и общимъ совѣтомъ пополнилъ Русскую Правду: во 1-хъ, законами о ростахъ (процентахъ), о долгахъ и закупахъ, именно о такихъ вопросахъ общественной жизни, на которые законъ судный людемъ не давалъ удовлетворительнаго отвѣта; во 2-хъ, законами о послушествѣ и о другихъ судебныхъ доказательствахъ и о разныхъ судебныхъ пошлинахъ; въ 3-хъ, законами о наказаніяхъ за преступленія по оскорбленію личности и нарушенію права собственности, гдѣ тѣлесныя наказанія закона Суднаго людемъ замѣнены денежными пенями, согласно съ изконными Русскими обычаями; и въ 4-хъ, законами о наслѣдствѣ, онекѣ и о рабахъ, гдѣ также правила Суднаго закона, какъ несогласныя съ убѣжденіями Русскаго общества, или вовсе замѣнены или исправлены по старымъ Русскимъ обычаямъ.

Но еще прежде Владиміра Мономаха, можетъ быть при Святополкѣ, сложились весьма важныя дополненія къ Русской Правдѣ, особенно относительно уголовнаго права, изъ которыхъ мы видимъ, что изконный Русскій обычай верви, по всему вѣроятію подвергавшійся ослабленію подъ Византійскимъ вліяніемъ, въ то время внесенъ былъ въ законъ, и тѣмъ конечно пріобрѣлъ большую силу и огражденіе отъ неблагопріятныхъ для себя законовъ Византійскихъ. Изконный Русскій обычай верви внесенный въ законъ при внукахъ Ярослава, для насъ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что Русское общество сильно боролось за свое старое устройство, и успѣло тогда отстоять свою старину. Изъ закона о верви, внесеннаго въ тогдашнюю Русскую Правду, ясно видно, что въ то

время, какъ и прежде, Русская земля, кромѣ дѣленія на города и пригороды, погосты и села, еще дѣлилась на общества носившія названіе вервей. Общества сіи были добровольныя, независѣвшія ни отъ мѣстожительства, ни отъ подчиненія той или другой власти, въ вервь каждый могъ вступать или не вступать по своему усмотрѣнію безъ всякихъ принужденій; такъ что въ одномъ и томъ же городѣ или селеніи жили рядомъ и тѣ, которые были членами верви, и тѣ, которые не были членами верви; членомъ верви считался тотъ, кто вложился въ вервь, кто обязался каждогодно платить въ общій капиталъ верви извѣстную сумму денегъ по общинной раскладкѣ, и до тѣхъ поръ былъ членомъ верви, пока платилъ сумму слѣдующую съ него, и какъ скоро переставалъ платить, то въ слѣдъ за тѣмъ исключался изъ верви. Вервью называлось собственно общество, въ которомъ всѣ члены были другъ по другѣ въ круговой порукѣ въ дѣлахъ по убійствамъ и кражамъ; такъ что ежели которому члену верви за учиненное имъ убійство приходилось платить закономъ положенную пеню или виру, то за него по раскладкѣ платили всѣ члены, состоящіе въ одной съ нимъ верви. Впрочемъ вервь не была покровительницею явныхъ разбойниковъ, злоумышленныхъ убійцъ, она за таковыхъ не платила, хотя бы они и были ея членами, а выдавала ихъ на потокъ и разграбленіе по закону, лишала ихъ своего покровительства и права быть членами верви. Защищала же и платила вервь только за такихъ своихъ членовъ, которыхъ считала честными и добрыми людьми, учинившими убійство безъ злаго умысла, по причинамъ уважительнымъ въ глазахъ верви; или платила еще тогда, когда на землѣ принадлежащей верви подымали трупъ

убитаго или замѣчали слѣды кражи, убійцы же или вора не было на лицо и вервь ни на кого изъ своихъ не имѣла подозрѣнія, этотъ послѣдній платежъ тогда назывался дикою вирою.

Внесеніе стараго обычая верви въ законъ служитъ прямымъ указаніемъ, что княжеская власть въ то время даже въ дѣлахъ суда уголовнаго ограничивалась только сборомъ виръ и продажъ или ссылкою виновнаго и отнятіемъ у него имущества, разоренiемъ его дома; изслѣдованіе же дѣла, признаніе того или другаго виноватымъ и достойнымъ наказанія, принадлежало не Князю и его служителямъ, а самому обществу верви. Вервь находила, поіманнаго на дѣлѣ убійцу, виноватымъ, недостойнымъ своего покровительства, и выдавала его Князю или княжимъ служителямъ; а напротивъ ежели она находила убійцу достойнымъ своего покровительства, т. е. такимъ человѣкомъ, съ которымъ еще можно жить, то платила за него положенную законамъ виру, и княжіе служители уже не могли взять таковаго убійцы. А ежели убійцы или вора не было на лицо, а былъ только трупъ убитаго, или слѣды воровства; то отыскивать убійцу или вора принадлежало самой верви, отъ нее зависѣло отыскивать ли ихъ, или сказать что всѣ мои члены люди честные, между ними пѣтъ ни убійцъ, ни воровъ, и я плачу положенную виру или продажу, потому что на моей землѣ трупъ убитаго или слѣды воровъ; и княжіе служители, послѣ таковаго платежа, не имѣли права дѣлать розысковъ и безпокоить ими членовъ верви. Явно что Князю здѣсь принадлежалъ только доходъ отъ виръ и продажъ, и доходъ конечно довольно значительный, для сбора котораго онъ посылалъ своихъ служителей, из-

вѣстныхъ подъ именемъ вирниковъ; самый же судъ и охраненіе внутренней безопасности общества принадлежали не Князю, а самому обществу верви. Князь принималъ на себя обязанность суда только тогда, когда судомъ общества были недовольны, или когда средства общества для сохраненія порядка оказывались недостаточными; но и здѣсь Русское общество при внукахъ и правнукахъ Ярослава успѣло отмѣнить многіе Византійскіе порядки, внесенные Суднымъ закономъ, какъ это видно изъ многихъ статей Русской Правды того времени.

Сближеніе Князей съ земщиною, и стараніе ихъ постоянно удерживать за собою отчинныя владѣнія, естественно повело къ лучшему опредѣленію княжескихъ доходовъ отъ земщины. Князь постоянно удерживая за собою свое владѣніе, и весь доходъ свой преимущественно получая только отъ него, естественно долженъ былъ обратить большее вниманіе на этотъ предметъ и войдти въ подробныя условія съ мѣстною земщиною, сколько съ какой мѣстности какихъ получать доходовъ. И мы дѣйствительно уже въ половинѣ XII столѣтія и нѣсколько раньше встрѣчаемъ росписи княжескихъ доходовъ въ разныхъ владѣніяхъ; такъ подобная роспись помѣщена въ уставной грамотѣ Ростислава Смоленскаго, писанной въ 1150 году, въ которой находимъ, что Смоленскія владѣнія раздѣлялись по платежу разныхъ княжескихъ доходовъ на 40 областей или по нынѣшнему уѣздовъ, съ которыхъ шло до двѣнадцатя видовъ княжескихъ доходовъ, и въ княжую казну въ годъ сбиралось однихъ только обозначенныхъ въ росписи доходовъ 750 гривенъ серебра, т. е. около 555 фунтовъ на нынѣшній вѣсъ, кромѣ доходовъ, которые записаны въ росписи безъ означенія ко-

личества. Или въ уставной грамотѣ Новгородскаго Князя Святослава Ольговича, данной Новгородскому Софійскому Собору, въ 1137 году, значится, что Обонежскій и Бѣжицкій ряды раздѣлялись на 47 погостовъ, и въ княжую казну только съ Обонежья съ однихъ вировъ и продажъ шло тысячу гривенъ кунъ новыхъ. Вѣроятно такое же раздѣленіе на области и опредѣленіе княжихъ доходовъ было и въ другихъ княжествахъ; такъ что Князьямъ было уже извѣстно, какая область приноситъ сколько доходовъ. А посему Князья при раздачѣ волостей своимъ союзникамъ въ своихъ договорныхъ грамотахъ могли писать такому-то союзнику, такая-то область, или вмѣсто ея столько-то деньгами, смотря по доходу съ этой области. Но что всего замѣчательнѣе по дошедшимъ до насъ росписямъ видно, что Князья иногда переводили свои доходы на оброкъ; т. е. вмѣсто того, чтобы посылать своихъ служителей для сбора доходовъ, условливались съ мѣстною земщиною, чтобы она сама высылала Князьямъ условленную годичную сумму, и сама уже завѣдывала сборомъ доходовъ даже такихъ, которыхъ напередъ нельзя опредѣлить съ точностію. Такъ напримѣръ въ уставной грамотѣ Святослава съ Обонежья назначено 1,000 гривенъ отъ виръ и продажъ, т. е. отъ суда по уголовнымъ дѣламъ, которыхъ сколько будетъ въ которомъ году конечно опредѣлить нельзя; слѣдовательно Князь здѣсь и не думалъ о судѣ, и предостовлялъ его въ полное завѣдываніе самому обществу, земщинѣ, а заботился только объ однихъ доходахъ отъ этого суда, да и для сбора этихъ доходовъ не посылалъ своихъ вирниковъ, ежели общество по взаимному съ нимъ договору само высылало условленную цѣну за цѣлый годъ. Ясно, что и при сближеніи

Князей съ земщиною княжеская власть въ то время еще не развивалась, и по прежнему лежала какъ бы на поверхности общества. Общество, земщина, по прежнему разпоряжалось самостоятельно и только платило условленные доходы своему Князю. Впрочемъ и доходы сіи Князь не имѣлъ права увеличивать безъ согласія земщины; въ противномъ случаѣ распоряженія Князя считались злоупотребленіемъ власти, и земцы говорили: «Князь грабитъ нашу волость, какъ чужую, не проча ее за собою»; и такихъ Князей въ то время было очень мало, по той простой причинѣ, что имъ нельзя было оставаться въ своихъ владѣніяхъ, на ихъ мѣсто всегда были готовы новые Князья по первому зову земщины. Конечно и въ то время были иногда обиды и притѣсненія отъ иныхъ корыстолюбивыхъ Князей и ихъ дружинниковъ; но притѣсненія сіи основывались не на княжеской власти, а собственно на одной силѣ; иный Князь и его дружинники обижали и притѣсняли иногда частныхъ людей точно также, какъ притѣсняютъ иные сильные слабыхъ. Такъ Святополкъ-Михаилъ во время войны съ Галичемъ, когда по случаю войны пріостановился подвозъ соли въ Кіевъ и соль вздорожала, послалъ своихъ слугъ ограбить Кіевопечерскаго инока Прохора, у котораго прослышалъ будто бы много напасено соли, имѣя намѣреніе, захвативъ иноковy мнимую соль, продавать ее въ тридорого черезъ своихъ слугъ. Этотъ замыселъ Святополка торговать награбленною солью принадлежитъ рѣшительно къ одному разряду съ продѣлками любаго торговца, который какимъ нибудь образомъ захвативши въ свои руки побольше товара, на который есть запросъ, тѣснитъ торговлю другихъ купцовъ, у которыхъ этого товара немного; ибо Свято-

полкъ не запретилъ прочимъ купцамъ торговать солью, не сдѣлалъ эту торговлю княжескою привиллегіею, а только хотѣлъ воспользоваться случаемъ, нажить побольше денегъ и потѣснить торговцевъ, у которыхъ уже мало было соли; а торговать своими товарами онъ имѣлъ такое же право, какое имѣли Олегъ, Игорь, Святославъ и всѣ его предки, и которое въ послѣдствіи постоянно оставалось за Князьями наравнѣ съ дружинниками и земцами.

Такимъ образомъ Русское общество въ отношеніи къ своимъ Князьямъ, и въ отношеніи къ своему внутреннему устройству, при внукахъ и правнукахъ Ярослава находилось почти въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было въ прежнее время; но развитіе общества въ другихъ отношеніяхъ замѣтно шло впередъ. Такъ относительно распространенія и утвержденія христіанства, по памятникамъ мы знаемъ, что въ это время проповѣдники христіанства, по слѣдамъ Леонтія и Исаіи, продолжали углубляться на сѣверъ, въ страну закоренѣлыхъ язычниковъ Финновъ. Напримѣръ въ 1147 году инокъ Глушевской обители, преподобный Герасимъ, пришелъ на Вологду, и тамъ на дикомъ лѣсу построилъ Троицкій монастырь и въ продолженіи тридцати лѣтъ проповѣдовалъ тамошнимъ язычникамъ Евангеліе; потомъ мы имѣемъ двѣ грамоты Новгородскаго владыки Іоанна, писанныя около этого же времени къ посадникамъ и игуменамъ на Двину, которыя свидѣтельствуютъ, что Новгородскіе колонисты уже разпространяли христіанскую вѣру въ предѣлахъ Заволоцкой Чуди. За это же время мы имѣемъ много любопытныхъ извѣстій о быстромъ распространеніи церквей и монастырей въ Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ; такъ монастырей

тогда въ Кіевѣ было 17, а въ Новгородѣ 20; въ цѣлой Руси тогда уже считалось десять епископскихъ каѳедръ или епархій. Правда и въ то время языческія суевѣрія были еще распространены между темнымъ народомъ; такъ по свидѣтельству Кириковыхъ вопросовъ епископу Новгородскому Нифонту, женщины больныхъ дѣтей носили не къ священникамъ на молитву, а къ волхвамъ и ворожеямъ; также были еще охотники приносить жертвы роду и рожаницѣ и другимъ языческимъ богамъ; но за то теперь уже не было и помину о возстаніяхъ язычниковъ, о попыткахъ воротить отвергнутыхъ языческихъ боговъ и уничтожить христіанство, какія мы видѣли при сыновьяхъ Ярослава. Напротивъ того теперь мѣсто старыхъ язычниковъ заступили пришельцы еретики лжетолкователи христіанской вѣры; такъ при Святополкѣ явился въ Кіевѣ какой-то еретикъ Адріанъ, а при Мономахѣ другій еретикъ Дмитръ, вѣроятно пришедшіе изъ Болгаріи, гдѣ въ это время усилилась ересь Богомиловъ; но попытки еретиковъ не имѣли успѣха на Руси и сами проповѣдники ереси были отлучены отъ церкви, и заключены въ темницы, гдѣ первый и отказался отъ ереси.

Рядомъ съ христіанствомъ распространялось и просвѣщеніе нетолько между духовными но и свѣтскими людьми. Такъ изъ духовныхъ того времени извѣстны своею ученостію митрополитъ Кіевскій Никифоръ Грекъ, отъ котораго дошли до насъ нѣсколько сочиненій писанныхъ по русски, и свидѣтельствующихъ о его научномъ образованіи. Современникъ Никифора, игуменъ одного монастыря въ Черниговѣ, Даніилъ путешествовалъ въ Іерусалимъ, и оставилъ хорошо написанное и любопытное описаніе своего путешествія. При Изяславѣ Мстиславичѣ

былъ извѣстенъ своею ученостію Кіевскій митрополитъ Климентъ, родомъ и воспитаніемъ изъ Смоленска, гдѣ онъ сперва прославился строгою отшельническою жизнію въ затворѣ; онъ у современниковъ слылъ книжникомъ и философомъ, и какъ сказываютъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, которыя впрочемъ до насъ не дошли или еще не отысканы. Изъ современниковъ Климента были извѣстны своимъ просвѣщеніемъ: епископъ Новгородскій Нифонтъ, изъ подвижниковъ Кіевопечерскаго монастыря; его преемникъ на епископской каѳедрѣ Аркадій, изъ Игуменовъ Богородицкаго монастыря въ Новгородѣ; діаконъ и доместикъ Антоніева Новгородскаго монастыря Кирикъ, оставившій послѣ себя сочиненіе о хронологіи и вопросы къ епископу Нифонту о разныхъ предметахъ церковнаго служенія и священническихъ обязанностей; также священникъ одной Новгородской церкви писавшій первую Новгородскую лѣтопись.

Изъ свѣтскихъ людей въ числѣ первыхъ по просвѣщенію должно упомянуть о Владимірѣ Мономахѣ, послѣ котораго до насъ дошло поученіе къ дѣтямъ и посланіе къ Олегу Святославичу, оба сочиненія замѣчательныя какъ по изложенію своему ясному и живому, такъ и по содержанію превосходно характеризующему тогдашнее время и свидѣтельствующему о начитанности и свѣтломъ умѣ Мономаха. Изъ Мономаховыхъ современниковъ извѣстенъ, какъ писатель, какой то Василій на Волыни, участвовавшій въ переговорахъ Давыда Игоревича съ Васильком Ростиславичемъ, и оставившій намъ живое и картинное описаніе всѣхъ тогдашнихъ событій, бывшихъ на Волыни и въ Червонной Руси въ слѣдствіе ослѣпленія Василька Ростиславича. Изъ современниковъ Юрія Суздальскаго извѣстенъ,

по своей начитанности и замѣчательнымъ литературнымъ способностямъ, одинъ изъ его дружинниковъ по имени Даніилъ, сосланный имъ въ заточеніе на Лаче озеро, отъ котораго дошло до насъ посланіе или моленіе писанное имъ къ Юрію Суздальскому, замѣчательное по своему краснорѣчію и живому изложенію тогдашняго быта дружинниковъ. Изъ этого посланія мы между прочимъ видимъ, что въ то время отъ дружинниковъ требовалась не одна физическая сила и храбрость, но и просвѣщенный разумъ, книжное ученіе и умѣнье говорить и писать краснорѣчиво. Даніилъ, умоляя Князя возвратить его изъ заточенія, пишетъ: «Господине мой незри внѣшняя моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣяніемъ скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ, быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничи подъ потокъ капля языка моего, да каплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ. Азъ бо, Княже господине, ни за море ходихъ, ни отъ философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтамъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морскія». Слова Даніила Заточника, о требованіи отъ дружинниковъ въ то время книжнаго ученія, подтверждаетъ и знаменитый Русскій церковный ораторъ, епископъ Туровскій Кириллъ, жившій нѣсколько позже Юрія и Даніила; онъ въ одной притчѣ говоритъ: «Аще бо міра сего властели, и въ житейскихъ вещахъ труждаются человѣци, прилежно требуютъ книжнаго почитанія; кольми паче намъ подобаетъ учитися въ нихъ, и всѣмъ сердцемъ взыскивати свѣдѣнія словесъ божіихъ, о спасеніи душъ нашихъ писанныхъ.» Это двойное

свидѣтельство свѣтскаго и духовнаго писателей служитъ прямымъ указаніемъ, что книжное ученіе при внукахъ и правнукахъ Ярослава было существенною потребностію Русскаго общества, какъ между пастырями и служителями церкви, такъ и между свѣтскими людьми.

Вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ развивалась и городская жизнь, такъ что въ то время сельскій житель въ сравненіи съ городскимъ уже считался невѣжею. И города тогда дѣйствительно были въ цвѣтущемъ состояніи; междоусобія Князей преимущественно веденныя княжими дружинами и наемными Половцами, почти не мѣшали городскимъ жителямъ развивать свои промыслы. Притомъ же Князья какъ бы берегли богатые и промышленные города, и раззоренія и военныя опустошенія преимущественно ограничивали частными имѣніями Князей своихъ противниковъ и ихъ дружины. Такъ что во все это смутное время ни одинъ значительный городъ не подвергался разграбленію, хотя иные и часто переходили изъ рукъ въ руки и при помощи военной силы; напримѣръ Кіевъ отъ смерти Мстислава въ продолженіи 25 лѣтъ до десяти разъ переходилъ отъ одного Князя къ другому, и ни одинъ разъ не былъ отданъ на разграбленіе, хотя войска непріятельскія нѣсколько разъ бились подъ его стѣнами; тоже должно сказать о Переяславлѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Курскѣ и другихъ городахъ сколько нибудь значительныхъ; они при всѣхъ междоусобіяхъ Князей почти всегда оставались цѣлы; ибо или заставляли своихъ Князей мириться, говоря прямо: остави свое высокоуміе, мирись, или принуждали ихъ выйдти изъ города, и говорили приходи послѣ, когда будешь силенъ, и сами сдавались на

договоръ; бились же съ противниками усердно, только тогда, когда надѣялись отбиться, когда сила была на сторонѣ города. Подвергались раззоренію, и то невсегда, только города незначительные, не промышленные, населенные или младшими дружинниками Князей, или покорившимися Половцами, Торками, Берендѣями и вообще недобровольными Русскими поселенцами. Жители таковыхъ городовъ при приближеніи сильнаго непріятеля обыкновенно со всѣми своими пожитками оставляли свои города и бѣжали въ мѣста болѣе надежныя и укрѣпленныя, а иногда нѣсколько таковыхъ городовъ соединялись въ одномъ городѣ и защищались общими силами. Такъ въ 1147 году когда Изяславъ съ Ростиславомъ, преслѣдуя Давыдовичей, шли къ Чернигову, и подошедши къ Всеволожу взяли этотъ городъ на щитъ, то нашли укрывшихся въ немъ жителей двухъ другихъ городовъ, которые очевидно думали отбиться общими силами; потомъ услышавши о взятіи Всеволожа, мелкіе города Унеѣжь, Бѣлавѣжа, Бохмачь и другіе бѣжали къ Чернигову. Половцы конечно не слѣдовали разсчетамъ Русскихъ Князей и грабили и раззоряли безъ разбора всѣхъ, лишь бы рука подошла; но симъ грабителямъ весьма рѣдко удавалось поживиться взятіемъ какаго либо города, отъ нихъ города почти всегда отсиживались. Слѣдовательно, говоря вообще, Русскіе города того времени были почти свободны отъ внѣшнихъ препятствій къ своему развитію и процвѣтанію. Относительно же внутреннихъ препятствій должно сказать, что тогдашніе города ихъ имѣли еще менѣе, ибо пользовались полнымъ самоуправленіемъ, Князья въ ихъ распорядки почти вовсе не вступались, ради были ихъ процвѣтанію и сколько могли

старались способствовать тому, ибо съ городовъ имъ шли значительные доходы отъ торговыхъ и другихъ городскихъ пошлинъ. И дѣйствительно земскіе города, благопріятствуемые обстоятельствами, быстро росли и размножались. Такъ напримѣръ въ Кіевѣ было уже въ это время болѣе 600 церквей, ибо въ двухъ-дневный пожаръ этого города, бывшій въ 1124 году, сгорѣло около 600 церквей. Новгородъ Великій также былъ въ цвѣтущемъ положеніи; тоже должно сказать о Смоленскѣ при Ростиславѣ Мстиславичѣ, о Галичѣ при Владимірѣ Володаревичѣ и его сынѣ Ярославѣ, о Ростовѣ, Владимірѣ Залѣскомъ и Суздалѣ при Юріѣ Суздальскомъ и при его сынѣ Андреѣ, и о многихъ другихъ городахъ.

Процвѣтаніе городовъ было неразлучно съ процвѣтаніемъ торговли, и дѣйствительно за время внуковъ и правнуковъ Ярослава мы имѣемъ довольно указаній о тогдашней дѣятельности Русской торговли. Новгородцы съ своими товарами ѣздили по всѣмъ Русскимъ городамъ, у нихъ въ Кіевѣ даже была своя церковь Св. Михаила, кромѣ того они вели дѣятельную торговлю съ Камскою или Волжскою Болгаріею, и съ Сѣверными странами по Двинѣ, Печерѣ и далѣе до Уральскихъ горъ и даже въ Западной Сибири, а за моремъ они торговали съ Варягами, т. е. съ Шведами и Норвежцами, съ Датчанами и Готландцами, у нихъ на островѣ Готландѣ въ тамошнемъ торговомъ городѣ Визби даже была своя церковь, купеческіе корабли Новгородцевъ заходили во всѣ пристани по Балтійскому морю и доходили до Шлезвига и Любека. Въ Варяжской и Нѣмецкой торговлѣ вмѣстѣ съ Новгородцами принимали дѣятельное участіе Смольняне и Полочане, которыхъ лодьи ходили по Западной Двинѣ и Не-

ману и также проникали въ Балтійское и Нѣмецкое море до Готланда и Любека. Кіевъ велъ торговлю преимущественно съ Греками, Половцами, Поляками, Венграми, Чехами и Моравіею, въ Кіевѣ была особая слобода торговцевъ Польскихъ, Венгерскихъ и Жидовъ; городъ Олешье въ устьяхъ Днѣпра для Кіева былъ главною пристанью, куда пріѣзжали Греческіе купцы, и откуда отправлялись въ Грецію Русскіе торговцы; по берегамъ Чернаго моря на востокъ Кіевская торговля направлялась въ нынѣшній Крымъ и къ прибрежнымъ землямъ Кавказа до Абхазіи и Мингреліи. Съ тѣми же землями, съ которыми торговали Кіевляне, вели торговлю Черниговцы, Волынцы, Галичане, и другіе жители южныхъ городовъ Руси. Торговля Суздальцевъ, Ростовцевъ, Муромцевъ и Рязанцевъ преимущественно была ведена по Окѣ, Волгѣ и ихъ притокамъ и производилась съ Волжскими Болгарами, Мордвой и Половцами. Муромцы и Рязанцы своими владѣніями глубоко проникали въ Половецкія степи по рѣкамъ Великой Воронѣ и Воронежу; и потому были въ самыхъ близкихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Половцами, и можетъ быть черезъ ихъ степи проникали по Волгѣ до Каспійскаго моря.

Торговля въ то время производилась общинами, которыя имѣли своихъ старостъ и тысяцкихъ, избираемыхъ самою общиною. Торговцы тогда составляли общины не только въ мѣстахъ своего постояннаго жительства, но и на время торговыхъ странствованій. По свидѣтельству народныхъ преданій, сохранившихся въ былинахъ и пѣсняхъ стараго времени, торговцы отправляясь въ путь, сушею ли, моремъ ли, вступали между собою въ договоръ, чтобы во всякомъ нужномъ случаѣ не выдавать другъ дру-

га и крѣпко стоять за цѣлое общество или караванъ, и договоръ сей обыкновенно утверждался клятвою или ротою, по чему и члены каравана назывались ротниками; они изъ среды себя выбирали старостъ и судей, которые завѣдывали торговыми дѣлами каравана и судомъ торговымъ. Разумѣется въ начальники или старосты выбирались люди бывалые и хорошо знающіе свое дѣло, и всѣ члены каравана должны были имъ повиноваться на все время выбора, или пока цѣлый караванъ не признаетъ выбраннаго старосту неспособнымъ къ дѣлу. Караваны торговцевъ большею частію бывали довольно многочисленны, и хорошо вооружены, чтобы можно было отбиться отъ нападенія непріятелей Въ Новгородской лѣтописи подъ 1142 годомъ мы читаемъ, что Шведскій Князь съ епископомъ въ 60 шнекахъ напалъ на караванъ Новгородскихъ гостей шедшихъ изъ-за моря, но былъ отбитъ ими и потерялъ въ битвѣ полтораста человѣкъ своей дружины.

Устройство торговыхъ общинъ на постоянныхъ мѣстахъ жительства торговцевъ, по свидѣтельству грамоты Всеволода Мстиславича, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ, производилось слѣдующимъ порядкомъ: во первыхъ, общину составляли какъ значительнѣйшія фамиліи въ городѣ или житые люди, и купцы, такъ и черные люди, т. е. работники-служители; ибо въ торговлѣ всѣ участвовали, кто капиталомъ, товарами, кто своею работою; во вторыхъ въ начальники выбирались отъ житыхъ людей три старосты, отъ купцевъ два старосты и отъ черныхъ людей тысяцкій; симъ выборнымъ начальникамъ поручались всѣ дѣла общины и торговыя и гостиныя и судъ торговый, и во всѣ таковыя дѣла город-

скія начальства уже не вступались; въ третьихъ, для вступленія въ торговую общину отъ купцовъ требовалась опредѣленная сумма денегъ, которая взносилась одинъ разъ навсегда, и дѣлала постояннымъ членомъ общины, пошлымъ купцомъ, какъ выражаетъ грамота, не только того, кто взнесъ, но и прямыхъ его потомковъ. Невзнесшій же опредѣленной суммы не считался пошлымъ купцомъ и не могъ быть выбранъ ни въ старосты, ни въ другую какую либо должность по общинѣ. Во Всеволодовой грамотѣ мы находимъ указаніе на двѣ таковыхъ общины въ Новгородѣ на Иванскую и Побережанскую, жившую въ сосѣдствѣ съ Иванскою; но на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо болѣе. Мы имѣемъ свидѣтельство лѣтописей, что и въ Кіевѣ были подобныя купеческія общины Гречниковъ, (торговцевъ съ Греками) залозниковъ (можетъ быть торговцевъ ѣздившихъ въ Половецкія степи и въ Крымъ) и солениковъ, (возившихъ соль изъ Галицкихъ владѣній и вообще торговавшихъ съ Галичанами). По всему вѣроятію были подобныя же общины и въ другихъ городахъ; но мы пока не имѣемъ объ нихъ извѣстій. Конечно порядокъ торговли общинами въ то время не исключалъ и торговли одиночной, каждый капиталистъ могъ торговать и самъ отъ себя не причисляясь ни къ какой общинѣ, и устроивать цѣлые караваны на свой счетъ при помощи своихъ нанятыхъ людей и даже черезъ своихъ рабовъ; какъ дѣйствительно мы и знаемъ по лѣтописямъ, что Новгородецъ Юрята Роговичь посылалъ свой караванъ въ Югру съ своими людьми; но таковый торговецъ уже не пользовался помощью никакой торговой общины, онъ долженъ былъ разсчитывать только на самого себя и на свои одиночныя средства; и конечно такъ

могли поступать только люди очень богатые и сильные, которые не нуждались въ посторонней помощи и не желали стѣснять себя обязательствами съ общиною.

Въ самомъ законодательствѣ тогдашней Руси торговля имѣла особыя права, и при томъ права очень значительныя, показывающія, что Русское общество въ то время было особенно расположено къ торговлѣ, и давало ей средства къ болѣе успѣшному развитію. Такъ, по законамъ Русской Правды, относящимся ко времени внуковъ и правнуковъ Ярослава, во первыхъ займы между купцами были освобождены отъ представленія свидѣтелей, купецъ занимая у купца деньги или товаръ для торговли, не имѣлъ надобности дѣлать это при свидѣтеляхъ, и въ случаѣ спора на судѣ требовалась только одна присяга должника. Во вторыхъ несостоятельные должники между купцами по закону были уже раздѣлены на виновныхъ и невинныхъ, т. е. сдѣлавшихся несостоятельными не по своей винѣ, но или отъ рати, или отъ огня, или потопленія; и таковый должникъ по закону защищался отъ насилія кредиторовъ и получалъ отсрочку въ платежѣ долговъ, пока исправится; а напротивъ виновный несостоятельный, который пропился или пробился въ закладъ, или своимъ безумьемъ испортилъ чужой товаръ, по закону отдавался въ полную волю кредиторамъ, которые могли продать и его самого и его имѣніе. Въ третьихъ при удовлетвореніи кредиторовъ изъ проданнаго имѣнія несостоятельнаго должника, по закону Русской Правды прежде всѣхъ удовлетворялись пріѣзжіе гости, которые могли запустить свой товаръ, не зная о состояніи должника, за пріѣзжими гостями удовлетворялась княжая казна, ежели за должникомъ были

ее деньги, и наконецъ остальное за тѣмъ имѣніе должника отдавалось въ раздѣлъ кредиторамъ одного города съ должникомъ, при чемъ недопускались къ участію въ дѣлежѣ кредиторы бравшіе большіе проценты.

Главными врагами Русской земли съ степной стороны и во время внуковъ и правнуковъ Ярослава по прежнему были Половцы; но походы Русскихъ въ Половецкія степи, бывшіе при Святополкѣ, Мономахѣ и Мстиславѣ, сильно смирили сихъ дикихъ кочевниковъ; они хотя не уничтожили мелкихъ набѣговъ и грабежей половецкихъ въ пограничныхъ къ степямъ Русскихъ владѣніяхъ, даже Половцы продолжали еще при каждой смѣнѣ Князей являться для заключенія мира, т. е. за полученіемъ хорошихъ подарковъ отъ новаго Князя; но о большихъ Половецкихъ набѣгахъ со времени Мстислава уже не было и слуха, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сами Князья, большею частію породнившіеся съ Половцами, приглашали ихъ какъ союзниковъ въ междоусобныхъ войнахъ. Но ежели Половецкіе набѣги въ это время значительно слабѣли, за то чаще стали дѣлать набѣги Литовцы, старые сосѣди Русскихъ на западѣ. Впрочемъ сіи лѣсные полудикіе грабители въ это время были враждебны собственно не къ Русской землѣ, а только къ Мономаховичамъ; а напротивъ Князей Полотскихъ, потомковъ Изяслава Владиміровича, они постоянно защищали и изъ за нихъ собственно дѣлали набѣги на сосѣднія владѣнія Туровскія, и иногда на Полотскія, когда тамъ усиливались Мономаховичи и тѣснили старыхъ Полотскихъ Князей, которые постоянно находили себѣ убѣжище и защиту въ Литовскихъ лѣсахъ и оттуда опять добывали себѣ Полотскія владѣнія отнятыя Моно-

маховичами. Вообще Литва пронизанная колоніями Кривичей и Полочанъ, тогда была еще тѣсно связана съ Полосткимъ княжескимъ домомъ и всѣ свои набѣги и грабежи въ Русскихъ владѣніяхъ дѣлала собственно въ пользу этого княжескаго дома. У Новгородцевъ по прежму постоянными, хотя не сильными, врагами были сосѣдніе Финны, съ которыми Новгородъ всегда управлялся довольно удачно, отражалъ ихъ нападенія, опустошалъ ихъ землю и бралъ тамъ города. За время внуковъ и правнуковъ Ярослава у Новгородцевъ было нѣсколько незначительныхъ воінъ особенно съ однимъ изъ Финскихъ племенъ Емью, которое жило въ южной Финляндіи, слѣдовательно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Новгородскими владѣніями, и дѣлало нѣсколько набѣговъ на предѣлы Новгородскіе, за что Новгородцы платили своими набѣгами и опустошеніемъ земель принадлежащихъ этому племени. Но главнымъ и постояннымъ врагомъ Новгорода былъ Юрій Князь Суздальскій, онъ перехватывалъ Новгородскія дани въ Заволочье, останавливалъ торговлю, ходилъ воіною въ Новгородскія владѣнія, бралъ тамъ города и мутилъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ успѣлъ составить себѣ значительную партію богачей; впрочемъ Новгородъ еще удачно защищался отъ Юрія.

Вообще Русская земля въ это время не имѣла какихъ либо страшныхъ неодолимыхъ враговъ, и въ большей части своихъ владѣній была свободна отъ внѣшнихъ нападѣній, да и самыя междоусобія Князей сосредоточивались преимущественно около Кіева, Переяславля, Чернигова и Волыни; а напротивъ другіе края Русской земли почти не страдали отъ междоусобій, а которые и страдали, то немного. Но за то иные края Русской земли нерѣдко

терпѣли другія страшныя бѣдствія. Такъ Новгородъ нѣсколько разъ подвергался значительнымъ пожарамъ, а въ 1127 и 1128 годахъ страшно страдалъ отъ голода, такъ что люди ѣли липовый листъ, березовую кору, солому, мохъ, конину и многіе умирали отъ голода и худой пищи; по словамъ лѣтописи въ это время улицы и площади были завалены трупами, нельзя было выходить изъ домовъ отъ смрада непохороненныхъ гніющихъ тѣлъ, такъ что нужно было нанимать людей, для очистки города отъ труповъ; и такая бѣда была на всѣхъ, что отцы и матери отдавали дѣтей въ рабство пріѣзжимъ торговцамъ, чтобы не видѣть ихъ страданій отъ голодной смерти. Къ несчастію отъ голода и мора присоединилось большое наводненіе Волхова въ 1128 году, которымъ было снесено и разрушено множество домовъ и потоплено людей. Въ 1145 году по Новгородской землѣ была страшная засуха, выжегшая почти весь хлѣбъ и траву въ поляхъ, а съ Іюля до осени стоялъ постоянный дождь, который окончательно истребилъ и остатки хлѣба и травы, и страшно поднялъ воду въ Волховѣ и другихъ рѣкахъ; на зиму же не было ни порядочнаго снѣга, ни яснаго дня, до Марта мѣсяца. А въ 1158 году былъ страшный моръ и на людей и на домашнихъ животныхъ, такъ что нельзя было ходить отъ смрада гніющихъ тѣлъ, остававшихся непогребенными. Кіевъ и вся тамошняя страна два года къ ряду страдала отъ саранчи. Саранча въ первый разъ явилась въ тамошнемъ краѣ въ Августѣ мѣсяцѣ 1094 года и на корню поѣла весь хлѣбъ и траву; потомъ въ слѣдующемъ году также въ Августѣ мѣсяцѣ тучи саранчи покрыли всю землю и пожрали весь хлѣбъ и траву, направляясь къ полуночнымъ странамъ. Въ 1124

году сгорѣлъ почти весь Кіевъ, пожаръ продолжался два дня и однихъ церквей истребилъ около шести сотъ. Въ 1143 году была страшная буря около Котельнича, которая разнесла строенія, имущество и хлѣбъ съ гуменъ; такъ что, по выраженію лѣтописи, яко рать взяла и не-сталось въ клѣтяхъ ничего. Въ разные годы въ приднѣпровьѣ было нѣсколько землятрясеній, впрочемъ незначительныхъ. 1111 годъ былъ особенно замѣчателенъ по нещастіямъ: въ этомъ году горѣли Черниговъ, Смоленскъ, Новгородъ и Кіевъ.

—

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

СУЗДАЛЬЩИНА.

Ростовцы и Суздальцы, сіи старинные колонисты Великаго Новгорода въ обширной странѣ Финскаго племени Мери, были люди по своему характеру далеко не похожіе ни на Смольнянъ ни на Кіевлянъ, ни на Черниговцовъ, люди своего закала и особой выдержки, съ одной стороны вольнолюбивые и упрямые какъ Новгородцы, а съ другой стороны до того преданные своимъ Князьямъ, что не знали границъ своей преданности и безъ оглядокъ жертвовали для нихъ всѣмъ. Долго, почти въ продолженіи 250 лѣтъ, отъ удаленія Олега изъ Новгорода на югъ, Ростовская и Суздальская земля почти не принимали никакаго участія въ дѣлахъ приднѣпровской Руси, долго этотъ край, отданный Новгородцами Рюрику и его потомкамъ, оставался въ какомъ-то забвеніи, и даже не имѣлъ своихъ Князей и управлялся вѣчемъ и временно

присылаемыми изъ Кіева или Переяславля посадниками и даже данщиками; только Мономахъ обратилъ нѣкоторое вниманіе на эту забытую Князьями сторону и построилъ тамъ въ свое имя городъ Владиміръ на рѣкѣ Клязмѣ, называвшійся у современниковъ Владиміромъ Залѣсскимъ, въ отличіе отъ Владиміра Волынскаго. Но съ младшаго Мономахова сына Юрія, по прозванію Долгорукаго, положеніе Ростовской и Суздальской земли значительно измѣнилось къ лучшему. Умный Юрій, княжившій тамъ съ молодыхъ лѣтъ, и такъ сказать выросшій на глазахъ Суздальцевъ и Ростовцевъ, умѣлъ застроить тамошнюю лѣсную глушь городами, и такъ привлекъ къ себѣ тамошнюю земщину, что при ея помощи сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ Князей между современниками. Суздальцы и Ростовцы, довольные тѣмъ, что имѣютъ своего отдѣльнаго Князя и болѣе уже не зависятъ отъ посадниковъ и данщиковъ присылаемыхъ изъ Кіева или Переяславля, готовы были для Юрія на все; и онъ при первомъ удобномъ случаѣ повелъ ихъ въ Приднѣпровье, желая добыть себѣ тамъ волости. И Суздальцы дѣйствительно добывали ему нѣсколько разъ то Переяславль, то Кіевъ, и показали себя и храбрыми воинами и вѣрными слугами своего Князя; но неумѣли достигнуть одного, чтобы ужиться съ Приднѣпровскою Русью, ихъ характеръ и привычки такъ были несогласны съ обычаями Приднѣпровцевъ, что они сколько разъ ни занимали Кіева и Переяславля, всегда оканчивали тѣмъ, что возбуждали въ тамошнихъ жителяхъ ненависть и къ себѣ и къ своему Князю. Юрій во снѣ и на яву мѣчтавшій только о Приднѣпровьѣ, никакъ не могъ замѣтить этаго; впрочемъ не смотря на множество неудачь и на нѣсколько изгна-

ній изъ Кіева и Переяславля, стараніемъ вѣрныхъ и храбрыхъ Суздальцевъ и Ростовцевъ добился наконецъ до того, что умеръ Кіевскимъ Княземъ. Но не такъ думалъ и не такъ поступалъ старшій сынъ Юрія Андрей, по прозванію Боголюбскій; этотъ Князь несчитавшій непріятелей и незнавшій препятствій своей отвагѣ въ битвахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ крайне осторожный и предусмотрительный внѣ битвы, въ молодости исходившій вдоль и поперекъ весь Приднѣпровскій край, и перевладѣвшій многими тамъ городами, вѣрно понялъ, что ни отцу его, ни ему самому съ Суздальцами неужиться въ Приднѣпровьѣ, и что гораздо удобнѣе владѣть Кіевомъ и другими тамошними городами изъ Владиміра Залѣсскаго. А посему онъ еще при жизни отца оставилъ приднѣпровскій Вышгородъ, и тайно ушелъ въ свою родную сторону къ Суздальцамъ и Ростовцамъ. Суздальцы и Ростовцы приняли его съ радостію и объявили Княземъ всей той стороны; и онъ остался жить тамъ, выжидая удобнаго случая вмѣшаться въ дѣла Приднѣпровскія и распоряжаться тамошнимъ краемъ изъ своего любимаго Владиміра Залѣсскаго, и случаій этотъ не замедлилъ представиться.

По изгнаніи Изяслава Давыдовича изъ Кіева, Мстиславъ Изяславичь Волынскій и Ярославъ Владиміровичь Галицкій съ своими союзниками, какъ мы уже видѣли, Кіевскій престолъ предложили Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, старшему въ Мстиславовомъ семействѣ. Ростиславъ Мстиславичь хорошо и спокойно жившій съ Смоленскою земщиною и съ Новгородцами, какъ-то недовѣрчиво смотрѣлъ на приглашеніе въ Кіевъ, и напередъ послалъ туда двухъ земцовъ, — Ивана Ручечника отъ Смольнянъ мужа и Якуна отъ Новгородцевъ, ска-

зать, что онъ готовъ идти въ Кіевъ, ежели союзники приглашаютъ его въ правду съ любовію, и ежели будутъ ему повиноваться какъ отцу и не стѣснять его воли, и первымъ условіемъ предложилъ, чтобы поставленнаго при Изяславѣ Климента не признавать митрополитомъ, какъ не получившаго благословенія отъ патріарха Цареградскаго; это предложеніе подняло споръ, котораго посланники не могли рѣшить; и Ростиславъ отправилъ въ Кіевъ старшаго своего сына Романа, который и рѣшилъ дѣло тѣмъ, чтобы отставить обоихъ митрополитовъ и Климента и Константина, и просить у патріарха новаго митрополита. Когда это было улажено, то и самъ Ростиславъ отправился въ Кіевъ и прибылъ туда 12 Апрѣля 1159 года, въ самый день Пасхи.

Ростиславъ, посаженный на престолѣ Кіевскомъ союзомъ почти всѣхъ Князей праваго берега Днѣпра, спѣшилъ заключить союзъ и съ старшимъ Княземъ лѣваго берега Днѣпра, Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ; и оба Князя 1-го Мая съѣхались у Моравійска, два дни пировали и дарили другъ друга дарами и разъѣхались по домамъ друзьями. Между тѣмъ изгнанный изъ Кіева Изяславъ Давыдовичъ, проживая на Вырѣ, сошелся съ Половцами, и получивъ отъ нихъ помощь, открылъ походъ къ Чернигову; но этотъ походъ былъ для него неудаченъ,—Святославъ Ольговичь, получивъ помощь отъ своихъ союзниковъ Князей Кіевскаго и Галицкаго, принудилъ его бѣжать сперва къ Вырю, а потомъ въ степи. Впрочемъ эта неудача только раздражила Изяслава, и получивъ новую помощь отъ Половцевъ, онъ пошелъ къ Вщижу, гдѣ княжилъ его родной племянникъ Святославъ Владиміровичь, и оттуда зимою ворвался въ Смоленскія

владѣнія, гдѣ его Половцы надѣлали много зла и вывели болѣе десяти тысячь плѣнниковъ. Воротившись съ Смоленскаго набѣга, Изяславъ послалъ къ Андрею Юрьевичу Суздальскому съ сватовствомъ къ его дочери за Святослава Владиміровича и съ просьбою о помощи. Андрей Суздальскій, довольный случаемъ вмѣшаться въ Приднѣпровскія дѣла, не отказалъ ни въ томъ, ни въ другомъ, и послалъ въ Приднѣпровье своего сына Изяслава, со всѣмъ своимъ полкомъ и съ Муромскою помощію. А въ это время Святославъ Черниговскій съ своими союзниками уже осаждалъ Вщижъ; услыхавъ о приближеніи Суздальской рати союзники поспѣшили заключить миръ съ Святославомъ Владиміровичемъ и возвратились домой. Изяславъ же Давыдовичь, небывшій тогда въ Вщижѣ, пошелъ въ землю Вятичей и оттуда ходилъ въ Волокъ-Ламскій на свиданіе съ Андреемъ Суздальскимъ. Въ это свиданіе оба Князя условились такъ, чтобы Андрею отнять у Ростислава Новгородъ, а Изяславу Кіевъ. И на слѣдующій годъ дѣйствительно Новгородцы по требованію Андрея выгнали отъ себя Ростиславовыхъ сыновей и приняли отъ Андрея племянника его Мстислава Ростиславича; Изяславъ же Давыдовичь при помощи подкупленныхъ дружинниковъ съумѣлъ поссорить Черниговскихъ Князей съ Ростиславомъ Кіевскимъ, и заключивъ съ ними противъ него союзъ и соединясь съ Половцами отправился къ Переяславлю, чтобы принудить тамошняго Князя Глѣба Юрьевича идти на Кіевъ; но Глѣбъ остался вѣренъ союзу съ Ростиславомъ. Тогда Изяславъ сталъ осаждать Переяславль и стоялъ подъ нимъ двѣ недѣли, но не могъ взять; а между тѣмъ Ростиславъ самъ двинулся на выручку къ Глѣбу, и тѣмъ принудилъ Изясла-

ва оставить осаду и бѣжать въ Половецкія степи. Но и эта неудача не остановила Изяслава, онъ собравъ множество Половцовъ и соединясь съ Черниговскими Князьями, переправился черезъ Днѣпръ у Вышгорода, осадилъ Кіевъ и 8 февраля 1160 года повелъ свои полки на приступъ и принудилъ Ростислава удалиться въ Бѣлгородъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Кіевѣ и уладившись съ Кіевлянами, Изяславъ пустился осаждать Бѣлгородъ и держалъ его въ осадѣ четыре недѣли; но когда къ Ростиславу стали подходить его союзники со всѣхъ сторонъ, то Изяславъ бѣжалъ отъ Бѣлгорода и преслѣдуемый Торками былъ убитъ, а союзники его разошлись по домамъ. Ростиславъ же съ своими союзниками вступилъ въ Кіевъ.

По возвращеніи отъ Бѣлгорода въ Кіевъ съ Ростиславомъ разсорился самый дѣятельный союзникъ—племянникъ его Мстиславъ Изяславичь Волынскій; но какъ скоро Ростиславъ съумѣлъ опять привлечь къ себѣ отступившихъ отъ союза Князей Черниговскихъ, то и Мстиславъ поспѣшилъ примириться съ нимъ. Примирившись съ Мстиславомъ Ростиславъ спокойно жилъ въ Кіевѣ, наслаждался миромъ и былъ въ уваженіи у всѣхъ Русскихъ Князей. Даже Андрей Суздальскій, послѣ неудачи и смерти Изяслава Давыдовича, притихъ и нерѣшился затѣять ссоры съ Ростиславомъ и тогда, когда Новгородцы выгнали отъ себя его племянника Мстислава Ростиславича и приняли Ростиславова сына Святослава. Въ 1167 году Ростиславъ скончался на дорогѣ въ Кіевъ изъ Смоленска, куда онъ ѣздилъ для примиренія Новгородцевъ съ его сыномъ Святославомъ.

Но княженіе Ростислава преимущественно мирное въ Кіевскихъ, Смоленскихъ, Волынскихъ и Галицкихъ вла-

дѣшіяхъ, далеко не было мирно въ другихъ краяхъ Руси, и особенно сильные междоусобія мутили землю Полотскую, гдѣ внуки Всеславовы Рогволодъ Борисовичь и его двоюродные братья Ростиславъ, Володарь и Всеволодъ Глѣбовичи вели между собою жестокую воіину не безъ участія Черниговскаго, Смоленскаго и Кіевскаго Князеи. Еще въ 1150 году Рогволодъ Борисовичь, выгнанный изъ Полотска земцами, при помощи Святослава Ольговича Черниговскаго, пошелъ искать себѣ волости, и по приглашенію Дручанъ отнялъ Друцкъ у Глѣба Ростиславича. Потомъ въ его пользу начался мятежъ въ самомъ Полотскѣ, впрочемъ тамошній Князь Ростиславъ Глѣбовичь по дарками и обѣщаніями успѣлъ усмирить Полочанъ, и соединясь съ своими родными братьями Володаремъ и Всеволодомъ пошелъ выгонять Рогволода изъ Друцка; но Дручане крѣпко стали за своего приглашеннаго Князя, и принудили Ростислава заключить миръ, по которому онъ придалъ Рогволоду нѣсколько волостеи. Эта неудача Ростислава подъ Друцкомъ породила мятежъ въ Полотскѣ, вслѣдствіе котораго онъ бѣжалъ къ своему брату Володарю въ Минскъ, а Полочане пригласили себѣ въ Князья Рогволода. Рогволодъ усилившись такимъ образомъ, и получивъ помощь отъ Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, пошелъ на Ростислава Глѣбовича и осадилъ Минскъ; впрочемъ простоявъ десять дней и невзявши города заключилъ съ Ростиславомъ миръ. Но тѣмъ дѣло неокончилось, онъ еще два раза ходилъ къ Минску также безъуспѣшно, и потомъ подступилъ къ Городцу за Минскомъ, думая выгнать оттуда Володаря Глѣбовича, засѣвшаго тамъ съ Литовцами; но въ ночноіі битвѣ разбитыіі Володаремъ на голову бѣжалъ сперва въ Слуцкъ и потомъ въ

Друцкъ, несмѣя уже болѣе воротиться въ Полоцкъ. Полочане же пригласили себѣ въ Князья Рогволодова племянника Всеслава Васильковича. На этого новаго Полотскаго Князя въ 1166 году ополчъ Володарь и принудилъ его бѣжать къ Давыду Смоленскому, а самъ утвердился въ Полотскѣ.

Въ Черниговскихъ владѣніяхъ, по убіеніи Изяслава Давыдовича подъ Бѣлгородомъ и по заключеніи мира съ Ростиславомъ Кіевскимъ было спокойно до смерти старшаго тамошняго Князя Святослава Ольговича, послѣдовавшей въ 1163 году. По смерть Святослава было поводомъ къ непродолжительному междоусобію у Святославова сына Олега и его двоюроднаго брата Святослава Всеволодовича, которое кончилось тѣмъ, что Олегъ уступилъ Чернигов Святославу, а себѣ взялъ отцовскую отчину Новгородъ Сѣверскій, причемъ Святославъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы надѣлить Олеговыхъ братьевъ Игоря и Всеволода, и не надѣлилъ. Олегъ ждалъ управы два года, но на третій годъ, когда умеръ Святославъ Владиміровичь, Князь Вщижа, сталъ просить надѣла изъ его владѣній, не получивъ же и на этотъ ризъ надѣла началъ войну съ Святославомъ; въ это дѣло вступился и Ростиславъ Кіевскій, и нѣсколько разъ посылалъ къ Святославу съ требованіемъ, что бы надѣлилъ Олега, но безуспѣшно. Видя неудачу въ своихъ просьбахъ и въ ходатайствѣ Князя Кіевскаго, Олегъ началъ войну и снесшись съ Стародубскою земщиною пошелъ къ Стародубу, но походъ этотъ неимѣлъ успѣха. Святославъ узнавши о сношеніяхъ его съ Стародубцами послалъ туда брата своего Ярослава, который удержалъ Стародубцевъ въ повиновеніи; и Олегъ принужденъ былъ воротиться въ свой

Новгородъ Сѣверскій, успѣвши только ограбить по дорогѣ и захватить множество плѣнниковъ. Въ отплату за Стародубскій походъ, Святославъ послалъ брата своего Ярослава съ Половцами на Новгородъ Сѣверскій; тогда Ростиславъ Кіевскій явился посредникомъ между воюющими и успѣлъ примирить ихъ, причемъ Святославъ уступилъ Олегу четыре города, и обѣ стороны цѣловали другъ другу крестъ на томъ, чтобы жить въ любви и согласіи

Въ землѣ Суздальской и Ростовской Андрей Юрьевичь Боголюбскій, вяло участвовавшій въ междоусобіи Изяслава Давыдовича съ Ростиславомъ Кіевскимъ, все это время преимущественно былъ занятъ укрѣпленіемъ за собою и устройствомъ всей Суздальской и Ростовской стороны, и желая быть единовластителемъ въ 1162 году выгналъ оттуда своихъ младшихъ братьевъ Мстислава, Василька и Всеволода, которые и ушли въ Царьградъ вмѣстѣ съ своею матерію. Потомъ, въ 1164 году Андрей съ сыномъ своимъ Изяславомъ и братомъ Ярославомъ и съ Муромскимъ Княземъ Юріемъ ходилъ на Волжскихъ Болгаръ, въ большомъ сраженіи разбилъ на голову тамошняго Князя, сжегъ три города и взялъ главный Болгарскій городъ Бряхимовъ, потомъ воротился домой съ богатою обычею, и заключилъ съ Болгарами миръ. Объ устройствѣ Суздальской земли Андреемъ Боголюбскимъ лѣтопись говоритъ, что сей Князь выстроилъ не подалеку отъ Владиміра каменный городъ Боголюбовъ и создалъ тамъ церковь Богородицы, которую украсилъ многоцѣнными иконами, золотомъ, дорогими каменьями и жемчугомъ, финифтью и другими украшеніями на удивленіе всѣмъ приходящимъ. Онъ точно также построилъ богатую церковь Богородицы во Владимірѣ, оковалъ ее зо-

лотомъ и серебромъ, и украсилъ дорогими камнями и жемчугомъ, и построилъ много другихъ церквей и монастырей, самый городъ Владиміръ украсилъ золотыми и серебряными воротами; а къ народу показывалъ такое вниманіе и милость, что ежедневно по его приказу развозили пищу и питье для раздачи больнымъ и неимущимъ, и самъ всякаго приходящаго къ нему принималъ ласково, выслушивалъ внимательно просьбы и дѣлалъ по просьбамъ удовлетвореніе. При Андреѣ городъ Владиміръ былъ также многолюденъ, какъ и Кіевъ, туда стекались торговцы и изъ Греціи, и изъ Латинскихъ земель, и Волжскіе Болгары, и Жиды, и гости изъ всѣхъ княжествъ Русской земли, и всѣ были довольны пріемомъ княжескимъ.

По смерти Ростислава сыновья его, Давыдъ и Рюрикъ, и ихъ дядя Владиміръ Мстиславичь вмѣстѣ съ Кіевлянами и Черными Клобуками отправили свои посольства во Владиміръ Волынскій просить Мстислава Изяславича, чтобы онъ шелъ княжить въ Кіевѣ. А между тѣмъ тѣже Князья, и Владиміръ Андреевичь Пересопницкій и родный братъ Мстиславовъ Ярославъ Изяславичь Луцкій, тайно цѣловали между собою крестъ, чтобы имъ требовать у Мстислава волости по своей воли. Мстиславъ узнавши о такомъ союзѣ противъ себя, объявилъ объ этомъ своимъ старымъ союзникамъ, Ярославу Галицкому, Полякамъ и Всеволодовичамъ Князьямъ Черниговскимъ, и получивши въ помощь отъ Ярослава Галицкаго пять полковъ отправился къ Кіеву, на дорогѣ присоединились къ нему и цѣловали крестъ Берендичи, Торки, Печенѣги и всѣ Черные Клобуки, которыхъ онъ и послалъ съ своимъ братомъ Ярополкомъ напередъ. Владиміръ Мстиславичь, главный заводчикъ смуты, услыхавши о походѣ

Мстислава, бѣжалъ и съ семействомъ изъ Треполя въ Вышгородъ, гдѣ уже укрѣпились его союзники Давыдъ и Рюрикъ. Между тѣмъ Мстиславъ съ торжествомъ вошелъ въ Кіевъ, и взявши рядъ, т. е. договорившись съ братьями, дружиною и Кіевскою земщиною, въ тотъ же день двинулся осаждать Вышгородъ; здѣсь битвы происходили три дни, наконецъ противники стали просить міра, и послѣ долгихъ переговоровъ о волостяхъ, Мстиславъ далъ имъ міръ и возвратился въ Кіевъ. Но Владиміръ Мстиславичь помирился не искренно, и началъ снова искать себѣ союзниковъ и между Князьями и у Берендичевъ; но не нашедъ ихъ ни у тѣхъ ни у другихъ, бѣжалъ къ Андрею Суздальскому, который выслалъ къ нему на встрѣчу и велѣлъ идти въ Рязань, обѣщая надѣлить его волостью.

По удаленіи Владиміра Мстиславича, Мстиславъ Кіевскій созвалъ въ Кіевъ своихъ союзниковъ подумать, какъ бы усмирить Половцовъ, которые во время послѣднихъ Придѣпровскихъ междоусобій такъ успѣли усилиться, что отняли у Русскихъ торговые пути Греческій, Соляный и Залозный. На этой думѣ Князей и дружинниковъ, союзники сказали Мстиславу: «братъ помоги тебѣ Богъ въ томъ, что ты такъ хорошо задумалъ, а намъ дай Богъ за христіанъ и за Русскую землю головы свои сложить и быть причтенными къ мученикамъ.» Послѣ таковаго рѣшенія Мстиславъ послалъ въ Черниговъ сказать тамошнимъ Князьямъ, его союзникамъ, чтобы и они шли въ походъ. И сошлись всѣ Князья обѣихъ сторонъ Днѣпра въ Кіевѣ, и на другой день новаго года (2 Марта 1169 года) двинулись въ Половецкія степи, по Каневской дорогѣ, шли девять дней не встрѣчая непріятеля, и только

уже на берегахъ Угла и Снепорода увидали кочевья Половецкія, брошенныя безъ защитниковъ, а въ слѣдъ за тѣмъ нагнали и самихъ Половцевъ у Чернаго лѣса, и разбивши наголову, гнались за ними даже за Осколъ, и возвратились домой съ огромнѣйшею добычею, какой уже давно невидали Придиѣпровцы. Но и знаменитая побѣда надъ Половцами, напоминавшая собою побѣды Мономаха, не удовлетворила Князей союзниковъ Мстиславовыхъ; они жаловались и сѣтовали, что онъ почью, тайно отъ нихъ, посылалъ своихъ слугъ грабить обозъ Половецкій. Впрочемъ, на сей разъ неудовольствіе кончилось одними сѣтованіями и жалобами; и Мстиславъ чрезъ нѣсколько времени опять созвалъ въ Кіевъ пятерыхъ союзныхъ Князей, и ходилъ съ ними къ Каневу для встрѣчи торговыхъ каравановъ шедшихъ изъ Греческой земли, и для защиты ихъ отъ Половцевъ.

Но ни усердіе, ни успѣхи Мстислава въ защитѣ Русской земли не могли искренно привязать къ нему Князей-союзниковъ, они не могли простить ему того, что онъ не далъ имъ волостей, какихъ они просили и разрушилъ ихъ тайный союзъ; они слушали его только по необходимости и ждали перваго случая къ возстанію, который и не замедлилъ представиться. Два дружинника, которыхъ съ безчестіемъ прогналъ отъ себя Мстиславъ, ушли къ Давыду Ростиславичу и насказали ему и его брату Рюрику, что Мстиславъ измѣннически хочетъ ихъ захватить; и тѣ, повѣривъ клеветѣ, начали тайно сноситься со всѣми недовольными и вступили въ союзъ съ Андреемъ Суздальскимъ. Андрей, долго ждавшій такого удобнаго случая, немедленно отправилъ въ Придиѣпровье своего старшаго сына Мстислава, съ многочисленными

полками Ростовцевъ, Суздальцевъ и Владимірцевъ; къ нему присоединили свои полки и всѣ недовольные, и всѣ, числомъ одиннадцать Князей, осадили Кіевъ. Мстиславъ Изяславичь съ своею дружиною и Кіевлянами три дня бился отчаянно; но наконецъ сила одолѣла, Ростовцы, Суздальцы, Владимірцы и ихъ союзники ворвались въ городъ, принудили Мстислава бѣжать во Владиміръ Волынскій, и начали грабить Кіевъ безъ всякой пощады; они цѣлыхъ два дня безъ жалости жгли и грабили церкви, избивали людей, иныхъ ковали къ цѣши и вели въ плѣнъ, и во всемъ Кіевѣ только и слышны были вопли и стенанія; лѣтописецъ прямо говоритъ, что такой бѣды еще никогда не бывало надъ Кіевомъ. Явно, что ни Андрей, ни Князья Смоленскіе, ни Черниговскіе, не прочили Кіева для себя, потому и дали такую волю грабителямъ. Андрей, по своему опыту и по опыту отца зная, что ни ему, ни его Суздальцамъ не ужиться съ Кіевлянами, очевидно наказалъ сыну не щадить города; и по разграбленіи отдалъ его своему брату Глѣбу Переяславскому, разсчитывая, что Глѣбъ, давно уже княжившій въ Приднѣпровьѣ, и имѣвшій дружинниковъ изъ Приднѣпровцевъ, а не изъ Суздальцевъ, легко уживется съ Кіевлянами, въ чемъ и не ошибся.

Между тѣмъ, какъ и должно было ожидать, Мстиславъ Изяславичь, удалившійся на Волынь, не остался въ покоѣ; онъ осенью того же года, соединясь съ братомъ своимъ Ярославомъ Луцкимъ и съ Галичанами, напалъ на Владиміра Андреевича Дорогобужскаго, одного изъ своихъ противниковъ, и повоевалъ его города; потомъ въ началѣ слѣдующаго года, соединясь съ Берендеями и Торками, въ отсутствіе Глѣба занялъ Кіевъ, (гдѣ народъ

встрѣтилъ его съ радостію,) и договорившись съ Князьями своими союзниками и Кіевскою земщиною, пошелъ къ Вышгороду, гдѣ сидѣлъ съ большимъ войскомъ главный его врагъ Давыдъ Ростиславичь. Давыдъ бился крѣпко и отбивалъ приступы Мстислава цѣлые шесть дней, такъ что Мстиславовы союзники стали расходиться, а наконецъ и онъ самъ принужденъ былъ отступить къ Кіеву; но и тамъ, тревожимый Давыдомъ и слухами о прибытіи къ Давыду союзныхъ полковъ, не могъ удержаться и ушелъ опять въ свой Владиміръ Волынскій, обѣщаясь, собравшись съ силами, опять идти на Кіевъ, но вскорѣ умеръ, оставивъ Владиміръ Волынскій своимъ дѣтямъ подъ защитою Ярослава Луцкаго. А на слѣдующій годъ скончался и Глѣбъ Юрьевичь Кіевскій, прокняживъ въ Кіевѣ только два года.

Между тѣмъ Андрей Юрьевичь Боголюбскій, посадивъ Глѣба въ Кіевѣ, обратился на Новгородъ, гдѣ сидѣлъ Мстиславовъ сынъ Романъ; онъ вооружилъ на Романа и Новгородцевъ, и Князей Смоленскихъ, Муромскихъ и Рязанскихъ, и собравъ свою многочисленную рать и поручивъ ее своему сыну Мстиславу, прославившемуся завоеваніемъ Кіева, послалъ его завоевать Новгородъ; но этотъ грозный походъ рѣшительно неудался Мстиславу и его союзникамъ. Новгородцы и Романъ бились отчаянно и не только отбили всѣ приступы Мстислава, но и самаго его и его союзниковъ разбили наголову, такъ что только слабые остатки огромной непріятельской рати возвратились по домамъ. Впрочемъ, Романъ вскорѣ послѣ знаменитой побѣды, услыхавши о смерти отца, оставилъ Новгородъ и уѣхалъ на Волынь, а Новгородцы примп-

рились съ Андреемъ и приняли отъ него въ Князья Рюрика Ростиславича, изъ Смоленскихъ Князей.

По смерти Глѣба Юрьевича, младшіе Ростиславичи Смоленскіе послали въ Дорогобужъ къ дядѣ своему Владиміру Мстиславичу звать его въ Кіевъ, куда онъ и явился по этому приглашенію. Андрей Боголюбскій, услыхавши, что въ Кіевѣ сѣлъ не его посаженникъ, крайне оскорбился, и послалъ сказать Ростиславичамъ: »вы нарекли меня отцомъ себѣ, а я хочу вамъ добра, и даю Кіевъ старшему изъ васъ Роману.» А между тѣмъ Владиміръ скончался въ Кіевѣ, прокняживъ только четыре мѣсяца; и Романъ посему спокойно вошелъ въ Кіевъ; народъ и духовенство встрѣтили его со крестами. Утвердившись такимъ образомъ по волѣ Андрея въ Кіевѣ, Романъ заодно съ Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ занялся войною съ Половцами, которые пришли опустошать Русскія владѣнія по Роси и у Переяславля; война эта была непродолжительна и кончилась битвою у Лтавы, гдѣ молодой Новгородъ-Сѣверскій Князь, двоюродный братъ Святославовъ, Игорь Святославичь, разбилъ Половцевъ на голову, отбилъ у нихъ Русскихъ плѣнниковъ и съ большою добычею возвратился въ Кіевъ. Но Андрею Боголюбскому вовсе не по сердцу были побѣды и успѣхи Кіевскаго Князя и его союзниковъ, ему нужны были смуты въ Приднѣпровьѣ; а по сему онъ въ тоже время, какъ Романъ весело торжествовалъ побѣду Игоря надъ Половцами, прислалъ сказать ему и его братьямъ, чтобы выдали трохъ бояръ, которыхъ онъ подозрѣвастъ въ отравленіи своего брата Глѣба Юрьевича. И когда Ростиславичи не находя бояръ виновными, неисполнили требованія; тогда

Андрей вторично прислалъ сказать Роману: «ты съ братьями не исполняешь моей воли, иди вонъ изъ Кіева, а братья твои, Давыдъ изъ Вышгорода и Мстиславъ изъ Бѣлгорода, и ступайте въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ, какъ хотите, въ Кіевѣ же будетъ княжить братъ мой Михаилъ, Князь Торческій.» Всегда послушный и миролюбивый Романъ безпрекословно оставилъ Кіевъ и удалился въ Смоленскъ; а Михаилъ, не выходя изъ Торческа, послалъ въ Кіевъ младшаго своего брата Всеволода, который и сидѣлъ тамъ пять недѣль.

Но Романовы братья Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ не думали исполнять Андреева приказанія, и послали сказать ему: «Братъ! мы въ правду нарекли тебя отцомъ себѣ, и крестъ цѣловали тебѣ и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотячи добра тебѣ; а ты нынѣ брата нашего Романа вывелъ изъ Кіева, и насъ гонишь изъ Русской земли безъ нашей вины; но за всѣмъ Богъ и крестная сила». Андрей на это не отвѣчалъ ничего; и Ростиславичи, надѣясь на Бога и на силу честнаго креста, ночью въѣхали въ Кіевъ, схватили Всеволода и его дружинниковъ, и посадили Княземъ въ Кіевѣ брата своего Рюрика; потомъ двинулись къ Торческу на Михаила и принудили его отступиться отъ союза съ Андреемъ, и заключить союзъ съ ними, и за это дали ему Переяславль и отпустили изъ плѣна младшаго его брата Всеволода. Между тѣмъ Святославъ Всеволодовичь Черниговскій съ братьями своими стали приглашать Андрея на Ростиславичей и сказали ему: «кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ врагъ, а мы готовы стоять съ тобой заодно». По этому зову Андрей послалъ сказать Ростиславичамъ: «вы не ходите въ моей воли, пди же ты Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату своему въ свою

отчину, а ты Давыдъ иди въ Берладъ, въ Русской землѣ я тебѣ не велю оставаться; ты же Мстиславъ, ты всему заводчикъ, не велю тебѣ жить въ Русской землѣ». Мстиславъ, который, по словамъ лѣтописца, съ молоду не привыкъ бояться никого, кромѣ Бога, приказалъ остричь голову и бороду послу Андрееву, и сказалъ ему: «иди къ Князю своему и скажи: мы до сихъ поръ имѣли тебя какъ отца по любви; но ежели ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчьми, не какъ къ Князю, а какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣмъ». Получивъ такой отвѣтъ отъ Ростиславичей, Андрей поблѣднѣлъ отъ ярости, и немедленно послалъ собирать войска, и собравъ пятдесятъ тысячь, отправилъ къ Кіеву подъ начальствомъ своего сына Юрія и опытнаго воеводы Бориса Жидиславича, и на отпускѣ сказалъ имъ: «Рюрика и Давыда выгоните изъ ихъ владѣній, а Мстислава поймайте и приведите ко мнѣ». Юрій по отцовскому наказу пошелъ дорогою на Смоленскія и Черниговскія владѣнія, и соединясь съ тамошними Князьями и ихъ дружинами, переправился черезъ Днѣпръ, гдѣ къ нему присоединились Переяславцы и Михаилъ съ Всеволодомъ, и всѣ вмѣстѣ пошли на Кіевъ. Но Ростиславичи не находя удобнымъ защищать Кіева, оставили его и пошли каждый въ свой городъ, именно: Рюрикъ въ Бѣлгородъ, Мстиславъ вмѣстѣ съ своимъ и Давыдовымъ полкомъ въ Вышгородъ, а Давыдъ пошелъ въ Галичь просить помощи у тамошняго Князя Ярослава. Святославъ Всеволодовичь Черниговскій, какъ старшій между Князьями союзниками Андрея, принялъ главное начальство надъ союзнымъ войскомъ и осадилъ Мстислава въ Вышгородѣ; осада продолжалась цѣлыя девять недѣль. Святославъ дѣ-

лалъ нѣсколько приступовъ къ городу, но постоянно терпѣлъ неудачу; воинственный Мстиславъ оборонялъ городъ мужественно и искусно. Наконецъ пришелъ на помощь къ осаждающимъ Ярославъ Изяславичь Луцкій съ Вольпскими полками; онъ просилъ, чтобы Ольговичи признали его старѣйшимъ и уступили ему Кіевъ; и когда Ольговичи на это не согласились, то перешелъ на сторону Ростиславичей и отъ Вышгорода со всѣми своими полками пошелъ къ Бѣлгороду на соединеніе съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. Увидѣвши это, осаждающіе такъ перепугались, что ночью же, не дождавшись свѣта, бросились бѣжать черезъ Днѣпръ и многіе потонули; а Мстиславъ пустился за ними въ погоню, отбилъ весь обозъ и захватилъ множество плѣнниковъ. Такъ постыднымъ бѣгствомъ кончился походъ многочисленныхъ полковъ Андрея и его союзниковъ; и Ярославъ Изяславичь Луцкій, по договору съ Ростиславичами, сдѣлался Княземъ Кіевскимъ.

Впрочемъ Ярославу Изяславичу не долго пришлось княжить въ Кіевѣ: въ тотъ же годъ напалъ на него изъѣздомъ Святославъ Всеволодовичь Черниговскій и принудилъ удалиться по прежнему въ Луцкъ; потомъ когда, по удаленіи Святослава въ Черниговъ, Ярославъ снова занялъ Кіевъ, то на него возстали Ростиславичи Смоленскіе, только въ крайности уступившіе ему Кіевъ, и послали къ Андрею Суздальскому просить, чтобы онъ посадилъ въ Кіевѣ старшаго изъ нихъ Романа. Андрей на это отвѣчалъ подождите немного, я послалъ къ своимъ братьямъ, и какая отъ нихъ будетъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ.

Но Андрею не суждено было дать обѣщанный отвѣтъ Ростиславичамъ: онъ, въ ночь на 29 Іюня 1175 года, былъ

убитъ въ Боголюбовѣ своими приближенными въ собственной спальнѣ. Лѣтопись разсказываетъ объ убіеніи Андрея слѣдующимъ образомъ. Любимый Андреемъ слуга Якимъ Кучковичь, родственникъ его по женѣ, управлявшій всѣмъ княжескимъ домомъ, разъ услышавши отъ кого-то, что отъ Князя вышло приказаніе казнить его брата, обратился къ своему зятю Петру и княжему ключнику Ясину Анбалу, и сталъ говорить имъ: «нынѣ Князь казнилъ одного, а насъ завтра, а промыслимъ о самомъ Князѣ». Тѣ приняли сторону Якима и составили въ домѣ Петра Кучкова зятя заговоръ, къ которому пристали всего 20 человѣкъ, и положили въ слѣдующую же ночь убить Князя въ его спальнѣ. И какъ условились, такъ и сдѣлали: ночью, наканунѣ Петрова дня, они выломили двери у княжей спальни; Князь, пробужденный шумомъ, вскочилъ и сталъ искать своего меча, но меча уже не было, его спряталъ ключникъ Анбалъ, а въ это время двое заговорщиковъ бросились на Князя. Князь одного изъ нихъ подмялъ подъ себя, и долго боролся съ остальными, но пораженный мечами, саблями и копьями наконецъ палъ. Заговорщики, считая его уже убитымъ, пошли вонъ изъ комнаты; Андрей же въ безпамятствѣ бросился за ними и началъ стонать; тогда они зажгли свѣчу, воротились назадъ и по кровавымъ слѣдамъ нашли Князя за всходнымъ столбомъ, и тутъ убили его окончательно и Петръ, Кучковъ зять, отсѣкъ ему правую руку. Потомъ заговорщики пошли къ княжему любимцу Прокопію, убили его, и разграбивши драгоцѣнности княжей казны, положили на воза и еще до свѣту отправили по домамъ; а сами надѣвши княжеское оружіе начали совокуплять себѣ дружину, на случай ежели придетъ на нихъ дружина Вла-

димірская; тѣло же Князя выкинули въ огородъ, и хотѣли бросить на съѣденіе собакамъ. Но княжій слуга Кіевлянинъ Кузмище отыскалъ его въ огородѣ и понесъ въ церковь, а когда церкви ему не отперли, то положилъ его въ притворѣ, покрывъ корзномъ, гдѣ оно и лежало два дня и двѣ ночи. Наконецъ на третій день пришелъ Козьмодемьянскій игуменъ Арсеній и приказалъ отпереть церковь, а вслѣдъ за тѣмъ собрались Боголюбовскіе крылошане, внесли тѣло въ церковь, положили въ каменный гробъ и вмѣстѣ съ игуменомъ Арсеніемъ отпѣли по церковному чину.

Между тѣмъ во все это время въ Боголюбовѣ продолжался мятежъ, горожане разграбили княжескій домъ и мастеровъ приглашенныхъ Андреемъ для разныхъ строеній и другихъ дѣлъ; тотъ же мятежъ и грабительство были и по волости, грабили и избивали посадниковъ, тіуновъ, мечниковъ и другихъ слугъ княжескихъ, тоже происходило и во Владимірѣ; и только уже на пятый день по убіеніи, когда протопопъ Микулица, съ духовенствомъ съ образами и въ ризахъ пошли по улицамъ унимать бунтовщиковъ, нѣсколько улегся мятежъ. Наконецъ въ 6 день Владимірцы сказали игумену Ѳеодулу и Лукѣ демественнику Св. Богородицы: «нарядите носилицы, поѣдемъ и возмемъ Князя», а Микулицѣ сказали: «сбери всѣхъ поповъ и надѣвши ризы выходите предъ серебряныя ворота съ Св. Богородицею и тамъ ждите Князя;» и сдѣлали такъ Ѳеодулъ и Микулица. И когда княжій стягъ (знамя) сталъ выступать изъ Боголюбова, то, увидя его, народъ не могъ удержаться отъ слезъ и всѣ завопили и стали говорить: «ужели въ Кіевъ поѣхалъ, господине, въ ту церковь, въ тѣ золотые ворота, которые послалъ дѣлать въ тої церк-

ви на великомъ Ярославовомъ дворѣ, говоря да будетъ память всему моему отечеству». И такъ плакалъ по Андреѣ весь городъ, и положили тѣло его во Владимірской златоверхой церкви Св. Богородицы, имъ самимъ созданной.

Послѣ похоронъ Андрея, когда вѣсть о его несчастной кончинѣ разнеслась по всѣмъ Суздальскимъ и Ростовскимъ владѣніямъ; то Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы съѣхались во Владиміръ на думу, кого пригласить себѣ въ Князья, и по совѣту Рязанскихъ пословъ Дѣдильца и Бориса, рѣшили послать къ Рязанскому Князю Глѣбу и просить у него себѣ въ Князья Мстислава и Ярополка Ростиславичей, братьевъ его жены и родныхъ племянниковъ покойнаго Андрея; и порѣшивши такъ, утвердились между собою Св. Богородицею и послали сказать Глѣбу: «твои шурья—наши Князья, мы утвердились между собою и послали къ тебѣ своихъ пословъ, а ты приставь къ нимъ своихъ, и пусть идутъ за нашими Князьями въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу.» Глѣбъ довольный тѣмъ, что на него возлагаютъ честь и хотятъ братьевъ его жены, самъ цѣловалъ крестъ и Св. Богородицу, и вмѣстѣ съ Суздальскими послами отправилъ и своихъ пословъ. Посольство, пришедши въ Черниговъ, сказало Ярополку и Мстиславу: «отецъ вашъ былъ до насъ добръ, когда былъ у насъ, а поѣзжайте къ намъ княжить, а иныхъ нехотимъ». Ярополкъ и Мстиславъ сказали посламъ: «помози Богъ дружинѣ, что не забываютъ любовь отца нашего». И подумавши между собою объявили своимъ дядямъ Михаилу и Всеволоду, бывшимъ тогда въ Черниговѣ: «лихо ли, добро ли всѣмъ намъ, пойдемъ всѣ четыре, Юрьевичи два и Ростиславичи два», и положили

старѣйшинство на Михаила Юрьевича, и на томъ цѣловали крестъ изъ рукъ Черниговскаго епископа; и пошли напередъ двое, Михаилъ Юрьевичь и Ярополкъ Ростиславичь, и пришли въ Москву. Но договоръ и клятва Князей другъ съ другомъ здѣсь еще нерѣшали дѣла: Ростовцы, старшая земщина въ Суздальской землѣ, были недовольны такимъ условіемъ Князей и позвали Ярополка къ себѣ, а Михаилу велѣли подождать въ Москвѣ. По этому зову Ярополкъ ушелъ въ Переяславль, гдѣ къ нему сошлась вся дружина служившая Андрею и земскіе полки; Михаилъ же узнавши объ отъѣздѣ Ярополка пошелъ во Владиміръ. Ростовцы и вся старшая земщина по извѣстію о занятіи Владиміра Михаиломъ двинулись туда со всѣми силами и осадили городъ; осада продолжалась 7 недѣль и кончилась тѣмъ, что Михаилъ принужденъ былъ уѣхать въ Приднѣпровье. А Владимірцы, утвердившись крестнымъ цѣлованіемъ съ Ростиславичами, приняли къ себѣ Ярополка съ радостію, и посадили на столѣ въ церкви Св. Богородицы; ибо бились они и защищали Михаила не противъ Ростиславичей, а только не хотѣли покориться Ростовцамъ, которые называли Владимірцевъ своими холопами и каменщиками, и хвалились пожечь Владиміръ и посадить тамъ посадника. Вслѣдъ за утвержденіемъ Ярополка во Владимірѣ, Ростовцы посадили у себя Княземъ Мстислава Ростиславича.

Но Владимірцы, съ растостію принявшіе Ростиславичей, скоро увидѣли, что они не могутъ ужиться съ ними; ибо Ростиславичи, слушая своихъ бояръ, захватили золото и серебро принадлежавшія церкви Пресвятой Богородицы, отобрали себѣ ключи отъ церковныхъ полатей а также села, города и дани, и все что покоїный

Андрей далъ церкви; а дружина Ростиславичей набранная преимущественно въ Приднѣпровьѣ была также тяжела и ненавистна для Владимірцевъ, какъ въ свое время Суздальцы составлявшіе дружину Юрія были ненавидимы Кіевлянами. Выведенные изъ теріѣнія Владимірцы стали говорить между собою; «мы своею волею приняли Князей и крестъ къ нимъ цѣловали, а они поступаютъ такъ, какъ будто бы это не ихъ волость, или какъ бы не хотятъ сидѣть у насъ, грабятъ не только волость, но и церкви, а промышляйте братья». И стали промышлять Владимірцы: они сперва послали къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, какъ къ старшимъ, являя имъ свою обиду, но Ростовцы и Суздальцы за нихъ невступились; тогда они, утвердившись между собою крестнымъ цѣлованіемъ, отправили посольство въ Черниговъ просить къ себѣ въ Князья проживавшихъ тамъ Михаила и Всеволода Юрьевичей. Святославъ Всеволодовичь Черниговскій отпустилъ Юрьевичей и послалъ съ ними въ пособіе сына своего Владиміра съ полкомъ. Не доѣзжая 5 верстъ до Владиміра, Михаилъ и Всеволодъ встрѣтились съ Суздальскими полками подъ предводительствомъ Мстислава Ростиславича, и дали имъ битву, которая кончилась совершеннымъ пораженіемъ Мстислава и Суздальцевъ. Въ слѣдствіе этой битвы Михаилъ съ Всеволодомъ торжественно вступили во Владиміръ; Ярополкъ же бѣжалъ въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ. Владимірцы, какъ и слѣдовало, съ радостію приняли Михаила и Всеволода, а въ слѣдъ за тѣмъ и Ростовцы и Суздальцы прислали просить Михаила, чтобы онъ ѣхалъ къ нимъ. Михаилъ довольный покорностію, поѣхалъ сперва въ Суздаль, а потомъ въ Ростовъ, и

тамъ урядился съ людьми какъ должно, утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ, и посадивъ Всеволода въ Переяславлѣ, самъ возвратился во Владиміръ. Потомъ Михаилъ и Всеволодъ отправились на Глѣба Рязанскаго, требовать отъ него, чтобы онъ возвратилъ Владимирскій образъ Божіей Матери и всѣ богатства Владимирскія вывезенныя при Ростиславичахъ въ Рязань. Глѣбъ узнавши объ ихъ походѣ, выслалъ къ нимъ на встрѣчу своихъ пословъ, которые сказали, что Глѣбъ возвратитъ до золотника все захваченное его шурьями во Владиміръ; и дѣйствительно возвратилъ все, посему и заключенъ былъ миръ. А Михаилъ, возвратившись во Владиміръ вскорѣ умеръ, не прокняживъ въ Суздальской землѣ и двухъ лѣтъ.

Только что кончились междоусобія въ землѣ Суздальской торжествомъ Михаила, какъ замутилось Приднѣпровье. Тамъ въ Кіевѣ княжилъ Романъ Ростиславичъ изъ Смоленскихъ и былъ въ мирѣ и согласіи со всѣми своими сосѣдями въ продолженіи двухъ лѣтъ. Но въ Маѣ мѣсяцѣ 1177 года Половцы напали на Поросье и взяли шесть городовъ Берендичей и подошли къ Растовцу. Романъ выслалъ противъ нихъ своихъ братьевъ Рюрика и Давыда и сыновей своихъ Ярополка и Бориса; но Давыдъ поссорившись съ Рюрикомъ, не притянулъ своихъ полковъ, и потому Половцы разбили на голову Рюрика и сыновей Романовыхъ. Пользуясь такимъ случаемъ Святославъ Всеволодовичь Черниговскій послалъ сказать Роману: «братъ! я не ищу подъ тобою ничего, но между нами есть договоръ: «ежели окажется виноватымъ Князь, то за это лишается волости, а ежели мужъ, то головы, а Давыдъ виноватъ.» И когда Романъ не наказалъ Давы-

да за его вину, то Святославъ вмѣстѣ съ своими братьями двинулся къ Кіеву, при переходѣ черезъ Днѣпръ къ нему присоединились и Черные Клобуки; и Романъ, не надѣясь отсидѣться въ Кіевѣ, бѣжалъ въ Бѣлгородъ, Святославъ же приглашенный самими Кіевлянами вступилъ въ Кіевъ. Но пришествіе Мстислава Ростиславича съ Смоленскими полками на помощь къ Роману принудило Святослава удалиться назадъ въ Черниговъ на соединеніе съ Половцами, за которыми онъ уже послалъ; впрочемъ Ростиславичи, не желая губить Русской земли, посовѣтовавшись между собою, уступили Кіевъ Святославу, а Романъ ушелъ въ Смоленскъ.

По смерти Михаила въ Суздальской землѣ опять начались междоусобія. Владимірцы, похоронивши Михаила, выбрали себѣ въ Князья брата его Всеволода, и цѣловали крестъ ему и дѣтямъ его; а Ростовцы и бояре привели къ себѣ изъ Новгорода прежняго своего Князя Мстислава Ростиславича и съ нимъ отправились противъ Всеволода на Владиміръ. Но Всеволодъ не дожидаясь ихъ прихода самъ съ своею дружиною и Владимірцами, и что осталось при немъ бояръ, быстро двинулся къ Суздалю и оттуда послалъ сказать Мстиславу: «ступай въ свой Ростовъ, а я ворочусь во Владиміръ, Суздаль же будетъ намъ общій, кого захотятъ Суздальцы, тотъ и будетъ ихъ Князь.» Но Ростовцы и бояре наотрѣзъ сказали Мстиславу: «не мирись, а ежели ты дашь миръ Всеволоду, то мы не дадимъ.» Послѣ этого противники пошли другъ на друга и дали битву на Юрьевскомъ полѣ, которая кончилась совершеннымъ пораженіемъ полковъ Мстислава, причемъ большая часть Ростовцевъ и бояръ попались въ плѣнъ, а Мстиславъ сперва бѣжалъ

въ Новгородъ, но непринятый тамъ ушелъ къ зятю въ Рязань. И такимъ образомъ Всеволодъ одинъ сдѣлался Княземъ всей Суздальской земли.

Но разбитый Мстиславъ недумалъ еще отступиться отъ Ростова, и поднялъ на Всеволода и Владимірцевъ Глѣба Рязанскаго, который той же осенью сожегъ Москву. Всеволодъ, узнавши объ этомъ, самъ повелъ свои полки на Рязань, и соединясь съ присланными къ нему отъ Святослава Всеволодовича Кіевскаго Олегомъ и Владиміромъ Святославичами дошелъ до Коломны. Между тѣмъ Глѣбъ Рязанскій съ Половцами другою дорогою прошелъ на Владиміръ и повоевалъ тамошнія волости. Всеволодъ съ своими союзниками получивши объ этомъ вѣсти, поворотилъ отъ Коломны назадъ и встрѣтилъ Глѣба и Половцевъ съ большимъ полономъ на рѣкѣ Колакшѣ. Здѣсь обѣ рати остановились другъ противъ друга и стояли цѣлый мѣсяцъ, несмѣя перейдти рѣку. Наконецъ на масляной недѣлѣ Всеволодъ успѣлъ вызвать противника на битву, которая была непродолжительна и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Князя Рязанскаго, самъ Глѣбъ, сынъ его Романъ, шуринъ Мстиславъ Ростиславичь и вся дружина попались въ плѣнъ, а Половцы были избиты; и Всеволодъ съ великою побѣдою и плѣнниками вошелъ во Владиміръ, потомъ послалъ сказать Рязанцамъ. чтобы они выдали ему Ярополка Ростиславича, грозя въ противномъ случаѣ войною. Рязанцы, не желая губить своей земли за чужаго Князя, отправили Ярополка во Владиміръ, гдѣ Всеволодъ велѣлъ засадить его въ порубъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Въ этомъ порубѣ скончался Глѣбъ, не смотря на ходатайство Святослава Кіевскаго; Романа же, сына Глѣбова, по ходатай-

ству того же Святослава. Всеволодъ отпустилъ въ Рязань, обязавши его напередъ клятвою быть во всемъ послушнымъ; а Ростиславичи Мстиславъ и Ярополкъ по требованію Владимірцевъ были ослѣплены, и потомъ отпущены въ Смоленскъ.

Ослѣпленные Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи прозрѣли въ Смоленскѣ; и Новгородцы, пораженные такимъ чудеснымъ изцѣленіемъ, приняли ихъ себѣ въ Князья. Всеволодъ, недовольный такимъ пріятіемъ, началъ войну съ Новгородцами, которая съ начала была для него довольно счастлива; но когда Новгородцы призвали къ себѣ грознаго воителя Мстислава Ростиславича, того самаго, который защищалъ Бѣлгородъ противъ войскъ покойнаго Андрея Боголюбскаго, то Всеволодъ примирѣлъ и на время отступился отъ Новгорода.

Но оставивъ въ покоѣ Новгородцевъ Всеволодъ вмѣшался въ дѣла Рязанскія, куда его пригласили младшіе сыновья покойнаго Глѣба, Владиміръ и Всеволодъ, не довольные старшимъ братомъ Романомъ. Походъ Всеволода на Рязань былъ не продолжителенъ: Романъ при первой же встрѣчѣ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ стѣны; и Князья Рязанскіе отдались въ полную волю Всеволода, онъ раздѣлилъ между ими волости и приказалъ быть у него въ послушаніи. Но этотъ походъ разсорилъ Всеволода съ Кіевскимъ Княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ, постояннымъ его союзникомъ, нѣсколько разъ помогавшимъ ему въ войнахъ съ Ростиславичами и Ростовцами. Святославъ, какъ тесть Романа Рязанскаго, послалъ къ нему на помощь сына своего Глѣба, а Всеволодъ взялъ его въ плѣнъ, и не хотѣлъ отпустить къ отцу. Оскорбленный такимъ поступкомъ

Святославъ, соединясь съ Новгородцами и нанявши Половцевъ, въ 1181 году двинулся изъ Новгорода въ землю Суздальскую и опустошилъ всѣ города по Волгѣ. Всеволодъ съ своею ратью и полками Рязанскими встрѣтилъ его въ 40 верстахъ отъ Переяславля Залѣсскаго на рѣкѣ Вленѣ, и укрѣпился тутъ въ неприступной мѣстности; обѣ рати двѣ недѣли стояли другъ противъ друга, наконецъ Святославъ опасаясь оттепели, ибо дѣло было весною, воротился назадъ въ Новгородъ, и тѣмъ кончился походъ; въ слѣдъ за тѣмъ Всеволодъ примирился съ Святославомъ и отпустилъ изъ плѣна его сына Глѣба.

По заключеніи мира съ Святославомъ, Всеволодъ, спокойно владѣя всею Суздальскою страною, въ 1183 году предпринялъ большой походъ въ землю Камскихъ Болгаръ, въ которомъ по его приглашенію приняли участіе Князья Рязанскіе и Муромскіе и даже Святославъ Кіевскій прислалъ своего сына Владиміра; многочисленная рать перешла уже Черемисанъ и осадила Великій Болгарскій городъ; но смертельная рана, полученная при осадѣ любимымъ племянникомъ Всеволода Изяславомъ Глѣбовичемъ, прекратила войну; и Всеволодъ, заключивши миръ съ Болгарами, возвратился во Владиміръ.

Въ то время, какъ Всеволодъ такъ удачно велъ свои дѣла на сѣверо-востокѣ Руси, на юго-западѣ въ Приднѣпровьѣ Святославъ Всеволодовичь княжилъ въ Кіевѣ и былъ въ мирѣ какъ съ Всеволодомъ Суздальскимъ, такъ и съ своими ближайшими сосѣдями Ростиславичами Смоленскими; но въ 1180 году, разсорившись съ Всеволодомъ изъ за сына своего Глѣба, онъ поссорился и съ Ростиславичами. Неуспѣвши измѣнически схватить на охотѣ Давыда Вышгородскаго и выгнать Рюрика изъ Бѣл-

города, какъ было задумалъ съ своими приближенными, Святославъ бѣжалъ за Днѣпръ въ землю Черниговскую, тамъ созвавши своихъ братьевъ и племянниковъ, на общей думѣ составилъ планъ войны съ Всеволодомъ и Ростиславичами; и по этому плану всѣ порѣшили Ярославу Всеволодовичу Святославову родному брату и Игорю Святославичу Новгородъ-Сѣверскому оставаться въ Черниговѣ и стеречь всѣ владѣнія свои и своихъ братій, а Святославу съ остальными Князьями и съ Половцами, соединясь съ Новгородцами, идти на Всеволода Суздальскаго. И Святославъ, какъ мы уже видѣли, пошелъ на Всеволода, а въ его отсутствіе Игорь Святославичь, пригласивши Половцевъ, ворвался въ Смоленскія владѣнія и соединившись тамъ съ нѣкоторыми Полотскими Князьями осадилъ Друцкъ, гдѣ засѣлъ Давыдъ Ростиславичь; осада эта продолжалась уже цѣлую недѣлю и Давыдъ хотелъ было дать битву Игорю, какъ Святославъ, возращаясь изъ Суздалскаго похода, тоже подступилъ къ Друцку. Давыдъ, узнавши объ этомъ, ночью бѣжалъ въ Смоленскъ; и Святославъ сожегши Друцкъ двинулся выживать Рюрика, занявшаго Кіевъ во время его отсутствія; Рюрикъ узнавши о походѣ Святославовомъ бѣжалъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ; Святославъ же снова занялъ Кіевъ и заключилъ миръ съ Рюрикомъ, по которому миру городъ Кіевъ и старѣйшинство достались Святославу, а прочіе города Кіевскаго княженія Рюрику.

Послѣ этого мира Святославъ уже постоянно жилъ въ союзѣ и любви съ Рюрикомъ и все дѣлалъ съ нимъ сообща, и оба Князя, заодно управляя Приднѣпровьемъ, начали сильную борьбу съ Половцами, сими постоянными врагами приднѣпровской Руси. Лѣтомъ 1184 года Рю-

рикъ и Святославъ, собравши всѣхъ приднѣпровскихъ Князей и даже получивши помощь отъ Ярослава Галицкаго, открыли походъ въ Половецкія степи. Они перебрались черезъ Днѣпръ на Нижирь-бродѣ, и оттуда пять дней шли степями отыскивая Половцевъ, и наконецъ встрѣтились съ ними на берегахъ Орели, гдѣ и учинили бой. Половцы предводительствуемые своимъ знаменитымъ Княземъ Кобякомъ были разбиты на голову, и Русскіе преслѣдуя ихъ взяли 7,000 плѣнниковъ и въ томъ числѣ 417 Князей и между ними и самого знаменитаго Кобяка. Въ это же время Игорь Святославичь съ братомъ и племянникомъ, не участвовавшіе въ Святославомъ походѣ, напали на Половцевъ съ другой стороны и разбили ихъ вежи на рѣкѣ Мерлѣ. Но побѣды сіи не смирили Половцевъ: другой ихъ знаменитый Князь Кончакъ на слѣдующій же годъ пустился мстить за пораженіе Кобяка; онъ собралъ большіе полки и пригласивъ съ собою какого-то Бесерменина, хитреца стрѣлявшаго живымъ огнемъ, явился на рѣкѣ Хоролѣ; но Святославъ и Рюрикъ не дали ему идти далѣе, сами съ своими союзниками пришли на Хороль и при первой же встрѣчѣ обратили Половцевъ въ бѣгство, и на погони многихъ убили и многихъ взяли въ плѣнъ и между прочими и того хитреца Бесерменина, который стрѣлялъ живымъ огнемъ. Въ этомъ походѣ по прежнему не участвовалъ Игорь Святославичь Новгородъ-Сѣверскій: онъ узналъ объ немъ очень поздно, и нигдѣ уже немогъ нагнать полковъ Святослава; посему онъ въ томъ же году предпринялъ отдѣльный походъ въ Половецкія степи, онъ поднялся изъ Новгорода Сѣверскаго съ своими сосѣдями, съ роднымъ братомъ Всеволодомъ Трубчевскимъ, съ племянникомъ Святосла-

вомъ Ольговичемъ Рыльскимъ и съ сыномъ Владиміромъ Путивльскимъ, къ нимъ прислалъ помочь и Ярославъ Черниговскій. Они пошли дорогою на Донецъ къ Осколу и Салынцѣ и дошли до рѣки Сюурлія, гдѣ уже стояли Половцы готовые къ битвѣ, отославши свои вѣжи назадъ. Игорь раздѣлилъ свою рать на шесть полковъ и бросился въ битву; Половцы не выдержали натиска и побѣжали, Русскіе погнались за ними, и на погонѣ многихъ побивши и захвативши въ плѣнъ, заняли Половецкія вѣжи и три дня стояли тамъ, дѣля богатую добычу. Между тѣмъ Половцы собрались со всѣхъ степей, и когда Русскіе снялись съ становищъ и пошли впередъ; то они охватили ихъ, какъ необозримымъ лѣсомъ, своими полками, и началась страшная сѣча. Русскіе рубились день и ночь, и къ утру другаго дня всѣ легли костьми, только пятнадцати воинамъ удалось какъ-то пробиться и придти домой; Игорь же и другіе три Князя израненные достались въ плѣнъ Половцамъ.

Вѣсть о плѣнѣ Игоря и истребленіи его полковъ страшно смутила Приднѣпровье. Святославъ Всеволодовичь, шедшій въ это время изъ Карачева, поспѣшилъ прикрыть какъ нибудь города по Семи и послалъ туда сыновей своихъ Олега и Владиміра, а къ Давыду Смоленскому отправилъ гонцевъ, чтобы шелъ стеречь Русскую землю, и Давыдъ съ своими союзниками явился у Треполя, а Ярославъ Черниговскій сталъ своими полками у Чернигова. Половцы же, думая воспользоваться побѣдою надъ Игоремъ, съ двухъ сторонъ пустились къ Приднѣпровью; однихъ повелъ Князь Кза къ берегамъ Семи, а другіе съ Кончакомъ осадили Переяславль. Переяславскій Князь Владиміръ Глѣбовичь вышелъ изъ города и

далъ битву Кончаку; но израненный принужденъ былъ воротиться въ городъ и послалъ сказать Святославу, чтобы шелъ на выручку. Святославъ и Рюрикъ отправились Днѣпромъ къ Переяславлю; Половцы же услыхавши объ ихъ походѣ поспѣшили отступить отъ Переяславля, но за то взяли Римовъ и страшно опустошивши окрестную страну воротились въ свои степи. Но съ другой стороны распоряженія сдѣланныя Святославомъ по Семи не пропустили Половцевъ далѣе Путивля, и ихъ предводитель Князь Каза, простоявши нѣсколько времени подъ Путивлемъ, и пожегши окрестныя села, принужденъ былъ воротиться въ свои степи не взявши на одного города. Впрочемъ симъ набѣгомъ Кончака и Кзы не кончились войны съ Половцами. Русскіе Князья въ Приднѣпровьѣ, пользуясь согласіемъ между собою, въ продолженіи восьми лѣтъ, до самой кончины Святослава Всеволодовича, предпринимали еще семь походовъ въ Половецкія степи. Походы сіи конечно не прекращали частныхъ набѣговъ Половецкихъ разбойниковъ въ пограничныя Русскія владѣнія; но набѣги сіи давно уже вошли въ обычай, и немного безпокоили пограничное Русское населеніе; Русскіе и сами не оставались въ долгу передъ Половцами и постоянно грабили ихъ ближайшіе кочевья.

Между тѣмъ на крайнемъ юго-западѣ Руси, въ Галичѣ, смерть тамошняго Князя Ярослава Владиміровича подала поводъ къ важнымъ переворотамъ въ томъ краю и втянула въ нихъ не только Приднѣпровскихъ Князей, но даже и Всеволода Суздальскаго. Ярославъ Владиміровичь, этотъ могущественный и умный Князь, получившій отъ современниковъ прозваніе Осмомысла, передъ смертію раздѣлилъ Галицкія владѣнія между своими сы-

новьями,—Владиміромъ отъ законной жены, сестры Всеволода Суздальскаго, и Олегомъ отъ наложницы; и послѣднему, особенно любимому, отдалъ почти всѣ свои владѣнія, а первому, какъ непокорному его волѣ, далъ только одинъ Перемышль, и для большаго укрѣпленія таковаго распоряженія привелъ къ присягѣ, какъ сыновей своихъ, такъ и Галичанъ. Но присяга здѣсь нисколько не помогла: въ слѣдъ за смертію Ярослава Галичане, приняли сторону Владиміра и провозгласили его своимъ Княземъ, а Олега принудили бѣжать. Впрочемъ избранникъ Галичанъ, Владиміръ, скоро оказался плохимъ Княземъ, охотникомъ до пьянства и невнимательнымъ къ управленію. Этимъ воспользовался сосѣдній Галичу владѣтель Романъ Мстиславичь Волынскій, тотъ самый, который удачно защищалъ Новгородъ отъ войскъ Андрея Боголюбскаго; онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ недовольными Галичанами, и по его наученію партія недовольныхъ собрала войско, возстала на Владиміра и принудила его бѣжать въ Венгрію, а Романа привозгласила Галицкимъ Княземъ.

Бѣгство Владиміра Ярославича въ Венгрію подало поводъ Венгерскому Королю Андрею вмѣшаться въ Галицкія дѣла; онъ, подъ предлогомъ защиты несчастнаго Владиміра, быстро двинулся въ Галицкія владѣнія и принудивъ Романа къ бѣгству, занялъ Галичь и оставилъ тамъ своего сына Андрея, а Владиміра увезъ опять въ Венгрію и засадилъ въ башню. Галичане недовольные такимъ обманомъ Короля, стали сноситься съ Романомъ; но они дѣйствовали не дружно, многіе изъ нихъ крѣпко держались Венгровъ, и потому попытка Романа опять завладѣть Галичемъ была не успѣшна. Тѣмъ не менѣе партія Галичамъ, недовольная Венграми, продолжала тайно

сноситься съ Русскими Князьями, и вздумала пригласить къ себѣ потомка старыхъ Галицкихъ Князей, проживавшаго въ Смоленскѣ безземельнаго Князя Ростислава, сына Ивана Берладника; но эта затѣя еще меньше имѣла успѣха чѣмъ попытка Романа,—Король Венгерскій, во время предувѣдомленный о ней своими приверженцами, прислалъ къ сыну новые полки, и Ростиславъ, разбитый и израненный, умеръ въ плѣну. Впрочемъ этотъ успѣхъ противъ слабаго противника сильно повредилъ Венграмъ; они вздумали мстить Галичанамъ за приглашеніе Ростислава, и стали дѣлать страшныя насилія, отнимать женъ и дочерей, ставить лошадей по церквамъ и подоб. и тѣмъ сильно раздражили Галичанъ, и партія недовольныхъ Венгерскими порядками быстро стала увеличиваться. А между тѣмъ Владиміръ Ярославичь успѣлъ убѣжать изъ Венгріи и съ помощію Поляковъ двинулся къ Галичу. Галичане получивши вѣсть о походѣ Владиміра, поднялись на Венгровъ и принудили Королевича бѣжать, а сами выходя изъ городовъ, вездѣ съ радостію встрѣчали Владиміра, какъ своего природнаго Князя. Владиміръ вступивши съ торжествомъ въ Галичь немедленно отправилъ посольство къ своему дядѣ по матери Всеволоду Суздальскому съ просьбою, чтобы онъ принялъ его подъ свое покровительство. Всеволодъ, по этой просьбѣ, отправилъ своихъ пословъ къ Русскимъ Князьямъ и Польскому Королю съ требованіемъ, чтобы они не искали Галича подъ его племянникомъ, и взялъ съ нихъ въ этомъ клятву. И такимъ образомъ Владиміръ утвердился въ Галичѣ и вразумленный нещастіями княжилъ тамъ спокойно до своей кончины, послѣдовавшей въ 1198 году.

Между тѣмъ Всеволодъ Суздальскій послѣ Болгарска-

го похода, бывшаго въ 1183 году, три года жилъ спокойно, потомъ вмѣшался въ дѣла Рязанскій. Въ Рязани старшіе братья Романъ, Игорь и Владиміръ Глѣбовичи вздумали отнять волости у своихъ меньшихъ братьевъ Всеволода и Святослава Глѣбовичей, Князей Пронскихъ, и чтобы легче обдѣлать такое дѣло сговорились измѣнически схватить ихъ. Но Всеволодъ и Святославъ провѣдавъ объ ихъ замыслѣ стали укрѣплять Пронскъ, и послали за помощію къ Всеволоду Суздальскому, который отправилъ къ нимъ 300 человѣкъ Владимірской дружины, и велѣлъ своимъ полкамъ и Князьямъ Муромскимъ съ ихъ дружинами собраться на Коломнѣ. Противники Всеволода и Святослава Глѣбовичей, осадившіе Пронскъ, услыхавши о сборѣ войскъ на Коломнѣ бросили осаду и обратились въ бѣгство, а въ слѣдъ за тѣмъ и войска собравшіяся на Коломнѣ разошлись по домамъ и самъ Всеволодъ Глѣбовичь, оставивъ брата въ Пронскѣ, отправился во Владиміръ для совѣщанія въ Всеволодомъ Юрьевичемъ. Тогда Романъ Игорь и Владиміръ Глѣбовичи опять осадили Пронскъ, и принудили Святослава примириться съ ними на томъ, чтобы онъ отступился отъ своего брата Всеволода и выдалъ имъ Владимірскую дружину. Узнавши объ этомъ Всеволодъ Глѣбовичь засѣлъ въ Коломнѣ и началъ воевать съ своими братьями-врагами; а Всеволодъ Суздальскій послалъ требовать возвращенія Владимірской дружины, грозя въ противномъ случаѣ войною. Эта гроза такъ сильно подѣйствовала на Глѣбовичей, что они отправили посольство къ Всеволоду Суздальскому съ такими рѣчьми: «ты нашъ отецъ, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будетъ, мы прежде тебя головы свои сложимъ за тебя; а нынѣ не-

гнѣвайся на насъ, что мы воевали на своего брата, за то что онъ насъ неслушаетъ, а мужей твоихъ возвращаемъ». Всеволодъ вступилъ съ ними въ переговоры, но не думалъ давать мира, потомъ вдругъ двинулся на Рязанскія владѣнія, и пожегши и опустошивши тамошнюю землю возвратился во Владиміръ со множествомъ плѣнниковъ, и за тѣмъ уже примирился съ Рязанскими Князьями на томъ, чтобы они ходили въ его волѣ и не ссорились другъ съ другомъ.

Смерть Святослава Всеволодовича Кіевскаго, послѣдовавшая въ 1194 году, страшно перемутила всю Придніпровскую Русь и дала Всеволоду Суздальскому поводъ распоряжаться тамошними Князьями. Хотя Святославъ еще при жизни своей пригласилъ къ себѣ Рюрика, чтобы передать ему Кіевъ, и хотя Кіевляне и все Придніпровье приняли Рюрика съ радостію; но Рюрикъ не имѣлъ той опытной мудрости, которою обладалъ Святославъ, онъ незналъ, гдѣ и кому нужно уступить и гдѣ быть твердымъ и непреклоннымъ, онъ даже недогадался увѣдомить Всеволода Суздальскаго, что сдѣлался Кіевскимъ Княземъ. Всеволодъ, оскорбленный такимъ невниманіемъ, послалъ сказать Рюрику и его брату Давыду Смоленскому: «вы нарекли меня въ своемъ племени во Владиміровомъ старѣйшимъ; а нынѣ сѣлъ ты въ Кіевѣ, а мнѣ не далъ и части въ Русской землѣ, но роздалъ волости инымъ братьямъ младшимъ; а ежели мнѣ нѣтъ части въ Русской землѣ, то ты, а то Кіевъ и Русская область, а кому въ ней далъ часть, съ тѣмъ и блюди и стереги ее; а я посмотрю какъ ты ее удержишь съ нимъ, а мнѣ до нее дѣла нѣтъ». Рюрикъ, испуганный такою рѣчью своего свата Всеволода, и услышавши еще отъ его пословъ, что

Всеволоду ненравится, за чѣмъ онъ далъ лучшую волость зятю своему Роману, началъ думать съ своими мужами, какъ бы удовлетворить Всеволода, который проситъ именно тѣхъ волостей, которыя уже отданы Роману за крестнымъ цѣлованіемъ; ему никакъ не хотѣлось идти противъ клятвы данноїй Роману, наконецъ, убѣжденный митрополитомъ Никифоромъ, онъ послалъ сказать Роману о требованіяхъ Всеволода, и Романъ безпрекословно согласился уступить требуемыя волости, только бы Рюрику изъ за него не ссориться съ Княземъ Суздальскимъ. Но Всеволоду нужны были смуты въ Приднѣпровьѣ, а не Романова волость; онъ лучшую часть ея, въ слѣдъ за полученіемъ, отдалъ зятю своему, Рюрикову сыну, Ростиславу, и тѣмъ достигъ того, чего хотѣлъ. Романъ, думая, что волость у него отнята обманомъ, чтобы передать ее Рюрикову сыну, разсорился съ своимъ тестемъ Рюрикомъ, сталъ ссылаться съ Ярославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ, подымая его на своего тестя, и заключилъ съ нимъ союзъ. Рюрикъ узнавши объ этомъ, послалъ вѣсть къ Всеволоду Суздальскому съ просьбою, чтобы онъ заступился за него и позаботился о Русской землѣ и своей чести, а къ Роману отправилъ назадъ крестныя грамоты. Романъ получивши крестныя грамоты, ушелъ въ Польшу, думая получить помощь отъ тамошнихъ Князей; но у Польскихъ Князей были свои междоусобія, въ которыя долженъ былъ вмѣшаться и Романъ, чтобы получить помощь, и разбитый тамъ въ одной битвѣ и израненый, принужденъ былъ воротиться въ свой Владиміръ Волынскій и молить Рюрика о мирѣ. Рюрикъ по убѣжденію митрополита Никифора незамедлилъ примириться съ Романомъ и даже на-

дѣлилъ его волостями, имѣя въ виду войну съ Ярославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ и со всѣмъ Ольговымъ племенемъ, за союзъ съ Романомъ.

Готовясь къ этой войнѣ, Рюрикъ снова обратился къ Всеволоду Суздальскому и своему брату Давыду Смоленскому и, конечно расчитывая на сильную и дѣятельную помощь Всеволода, послалъ сказать Ярославу Черниговскому и всѣмъ Ольговичамъ: «цѣлуй къ намъ крестъ со всею своею братіею, чтобы вамъ не искать отчины нашей Кіева и Смоленска, ни подъ нами, ни подъ нашими дѣтьми, ни подо всѣмъ племенемъ Владимировымъ, какъ насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ». Ольговичи съ отвѣтомъ на такую гордую рѣчь обратились не къ Рюрику, а къ Всеволоду Суздальскому, и послали сказать ему: «ты обязалъ насъ блюсти Кіевъ подъ тобою и подъ твоимъ сватомъ Рюрикомъ, и мы соблюдаемъ это обязательство; но ежели ты требуешь, чтобы мы навсегда отказались отъ Кіева, то мы не Венгры и не Поляки, а одного дѣда внуки, при вашей жизни неищемъ, а послѣ васъ кому Богъ дастъ». Въ отвѣтъ на рѣчь Ольговичей Всеволодъ приказалъ собирать полки, думая на зиму идти въ Приднѣпровье; но Ольговичи заявленіемъ своей покорности и повиновенія успѣли остановить его, впрочемъ не условились еще о мирѣ; потомъ обратились къ Рюрику и уговорили его не воевать до тѣхъ поръ пока они уговорятся или не уговорятся о мирѣ съ Всеволодомъ. Рюрикъ согласился на это, цѣловалъ къ нимъ крестъ, и распустивъ свою дружину, союзниковъ и наемныхъ Половцовъ, уѣхалъ въ Овручь. Пользуясь такою оплошностію своихъ противниковъ, Ольговичи соединясь съ Князьями Полотскими, пошли на Смоленскаго Князя Давыда Ростиславича,

и при первой же встрѣчѣ разбили и взяли въ плѣнъ его племянника Мстислава Романовича; послѣ этой побѣды Ярославъ Черниговскій самъ уже двинулся къ Смоленску, но услыхавши, что Рюрикъ грозитъ идти на Черниговъ, воротился назадъ. Но Рюрикъ прежде похода на Черниговъ послалъ къ Всеволоду Суздальскому съ просьбою, чтобы немедленно садился на коня и ѣхалъ на Ольговичей; Всеволодъ на это отвѣчалъ ему: «ты начинай, а я буду готовъ». По этому отвѣту Рюрикъ собралъ своихъ братьевъ и нанявши дикихъ Половцевъ, началъ воевать Черниговскія волости, что и продолжалась цѣлое лѣто до осени, а отъ Всеволода не было и вѣсти о походѣ. Между тѣмъ Ярославъ Черниговскій сталъ засылать своихъ пословъ къ Рюрику, обѣщая отдать безъ выкупа плѣннаго Мстислава Романовича, только бы онъ отступился отъ союза съ Всеволодомъ. И когда Рюрикъ не согласился на это условіе; то Ярославъ заключилъ союзъ съ Романомъ Волынскимъ, и тотъ по этому союзу началъ воевать въ Кіевскихъ и Смоленскихъ владѣніяхъ. Наконецъ двинулся и Всеволодъ Суздальскій и соединясь съ Давыдомъ Смоленскимъ началъ жечь и опустошать волости Черниговскихъ Князей въ землѣ Вятичей. Тогда Ярославъ собравши на общую думу всѣхъ своихъ родственниковъ, распорядился такъ: двухъ Святославичей Олега и Глѣба посадилъ въ Черниговѣ отбиваться отъ Рюрика, а самъ, совокупясь съ остальными Князьями своего племени и пригласивъ дикихъ Половцевъ, двинулся на Всеволода и Давыда, и осѣкшись лѣсомъ и разметавъ мосты по всѣмъ рѣкамъ впереди себя, послалъ сказать Всеволоду: «вотъ ты братъ и сватъ побралъ нашъ хлѣбъ и нашу отчину; но ежели хо́чешь имѣть съ нами рядъ правый и любовь,

то мы отъ любви не бѣгаемъ и готовы быть въ твоей волѣ; а ежели ты что умыслилъ противъ насъ, то мы и отъ того не бѣгаемъ, а какъ тебя съ нами Богъ разсудитъ и Св. Спасъ». Всеволодъ объявилъ объ этомъ Давыду и Рязанскимъ Князьямъ своимъ союзникамъ, говоря что онъ хочетъ мириться съ Ольговичами; Давыдъ и Рязанскіе Князья на это отвѣчали, что нужно идти къ Чернигову и тамъ уже, соединясь съ Рюрикомъ, дать сообща миръ Ольговичамъ на всей своей волѣ. Но Всеволодъ, видя, что Ярославъ хорошо укрѣпился и что до Чернигова дойти нелегко, сталъ ссылаться съ Ольговичами и договариваться съ ними, предлагая имъ условія, чтобы они освободили Мстислава Ростиславича изъ плѣна, выгнали изъ своей земли его племянника Ярополка Ростиславича и отступились отъ Романа Волынскаго. Ольговичи согласились на все, кромѣ послѣдняго условія; тогда Всеволодъ отказался отъ послѣдняго условія и заключилъ съ ними миръ на томъ, чтобы имъ не искать ни Кіева подъ Рюрикомъ, ни Смоленска подъ Давыдомъ, и на томъ цѣловали другъ другу крестъ. Рюрикъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ крайне недоволенъ такимъ миромъ; но не имѣя союзниковъ, не могъ ничего предпринять, и высказалъ свое неудовольствіе только тѣмъ что отнялъ у Всеволода города данные ему въ Придѣпровьѣ; а Всеволодъ не думалъ и гнаться за ними, довольный тѣмъ, что унизилъ Кіевскаго Князя и отнялъ у него союзниковъ, Князей Черниговскихъ.

На другой годъ послѣ замиренія Всеволода Суздальскаго съ Ольговичами (1197 годъ) скончался вѣрный союзникъ Рюриковъ родной его братъ Давыдъ Смоленскій, а ещe черезъ годъ Рюрикъ лишился другаго вѣрнаго со-

юзника Владиміра Галицкаго, въ томъ же году скончался Ярославъ Черниговскій, и его мѣсто между тамошними Князьями занялъ Игорь Святославичь Новгородъ-Сѣверскій. Смерть Владиміра Галицкаго послужила поводомъ къ страшнымъ междоусобіямъ на Руси. Послѣ Владиміра не осталось дѣтей; и Романъ Мстиславичь Волынскій, ближайшій сосѣдъ къ Галичу вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ. Онъ при помощи Лешка, Князя Польскаго, взялъ Галичь силою, и утвердился тамъ, истребивъ безпощадно знаменитѣйшихъ тамошнихъ бояръ, которыхъ зналъ за своихъ противниковъ и недоброжелателей. Утвердившись такимъ образомъ въ Галичѣ, Романъ сталъ тѣснить своего тестя Рюрика Кіевскаго и опустошать его пограничные города. Рюрикъ, чтобы за одинъ разъ отдѣлаться отъ неукротимаго врага, соединился съ Ольговичами Черниговскими, чтобы идти на Галичь; но прежде нежели Рюрикъ успѣлъ собраться, Романъ провѣдалъ о его замыслахъ, и заключилъ союзъ съ Всеволодомъ Суздальскимъ и, тайно сговорившись съ Черными Клобуками и другими жителями Кіевскихъ городовъ, самъ съ Галичанами, Волынцами и Черными Клобуками вступилъ въ Кіевскія владѣнія, и встрѣчаемый жителями тамошнихъ городовъ съ радостію и любовію, быстро подошелъ къ Кіеву, Кіевляне, бывшіе съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ, немедленно отворили ему ворота въ Копыревѣ концѣ и впустили въ подольній городъ; откуда Романъ послалъ сказать Рюрику и его союзникамъ Ольговичамъ, укрѣпившимся на горѣ, чтобы они немедленно очистили городъ. Рюрикъ и Ольговичи, пораженною общею измѣною и видя сильные полки Романовы, спѣшили заключить съ нимъ миръ на всей его волѣ и

обѣщались быть у него въ послушаніи. По этому миру Романъ свободно отпустилъ Ольговичей въ Черниговскую землю, Рюрика послалъ въ Овручь, а въ Кіевѣ посадилъ своего двоюроднаго брата Ингваря Ярославича, самъ же возвратился въ Галичь. Это было въ 1202 году, и въ томъ же году Романъ, по союзу съ Греческимъ Императоромъ Алексѣемъ Комниномъ, на зиму ходилъ на Придунайскихъ Половцевъ, страшно разгромилъ ихъ вѣжи и съ множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею воротился домой.

Но Рюрикъ не думалъ еще отступиться отъ Кіева и на другій годъ, заключивъ новый союзъ съ Ольговичами и нанявши Половцевъ, нечаянно напалъ на Кіевъ взялъ его приступомъ и отдалъ на разграбленіе Половцамъ, которые не только сожгли Подолъ, но и верхній городъ, и митрополичью церковь св. Софіи и десятинную церковь, разграбили всѣ монастыри, множество изсѣкли мирныхъ гражданъ и множество отвели въ плѣнъ; такъ что Кіевъ, по словамъ лѣтописи, прежде никогда не подвергался такому разоренію и посрамленію. Отомстивши Кіевлянамъ за ихъ нелюбовь къ нему, Рюрикъ удалился въ свой Овручь. Романъ же, какъ скоро услыхалъ объ этомъ, явился съ войскомъ подъ Овручемъ и сталъ требовать, чтобы Рюрикъ отказался отъ союза съ Ольговичами. Запуганный Рюрикъ немедленно исполнилъ это требованіе и цѣловалъ крестъ Роману и Всеволоду Суздальскому; потомъ Романъ сказалъ ему, «пошли ты своего мужа къ свату своему, а я пошлю своего мужа къ отцу и господину Великому Князю Всеволоду; ты моли его и я молю, чтобы онъ отдалъ тебѣ Кіевъ.» И Всеволодъ по прошенію Романа отдалъ Кіевъ Рюрику. А черезъ годъ и Ольговичи цѣло-

вали крестъ Роману и Всеволоду, и отступились отъ Рюрика.

Умиривши такимъ образомъ всю Приднѣпровскую Русь, Романъ поднялъ всѣхъ тамошнихъ Князей на Половцевъ. Походъ этотъ былъ довольно счатливъ для Русскихъ Князей, они жестоко отомстили Половцамъ за недавнее разореніе Кіева, воротились домой съ большимъ полономъ и богатою добычею. Но походъ сей тѣмъ не кончился,—возвращаясь домой Князья зашли въ Переяславль къ Всеволодову сыну Ярославу, и оттуда сошлись въ Треполь, и тамъ на общей думѣ сдѣлали расчетъ въ волостяхъ, смотря потому, сколько кто терпѣлъ за Русскую землю; и по этому разсчету Романъ схватилъ Рюрика, какъ водившаго Половцевъ на Русскую землю, и велѣлъ постричь въ монахи какъ его самаго, такъ жену его и дочь, свою прежнюю жену, а сыновей его Владиміра и Ростислава увезъ съ собою въ Галичь. Впрочемъ по ходатайству Всеволода Суздальскаго сыновья Рюрика скоро были отпущены и старшему изъ нихъ Всеволодову зятю Ростиславу отданъ Кіевъ. Управившись съ Рюрикомъ, какъ ему хотѣлось, и сдѣлавшись сильнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ Княземъ въ Приднѣпровьѣ, Романъ Мстиславичь пустился въ Польшу искать себѣ волостей въ тамошнемъ краю, и тамъ былъ убитъ въ сраженіи подъ Завихвостомъ (1205 года). О Романѣ въ нашихъ лѣтописяхъ осталась память какъ о Князѣ великаго ума, самой неугомонной дѣятельности и воинской храбрости; по словамъ лѣтописей, Романъ стремился на поганыхъ какъ левъ, сердитъ былъ какъ рысь, и губилъ ихъ какъ крокодилъ, леталъ по ихъ землѣ какъ орелъ, и храбръ былъ какъ туръ; онъ ревновалъ дѣду

своему Мономаху губившему Половцевъ, а также страшенъ былъ для Ятвяговъ и Литвы.

Смерть Романа развязала руки его врагамъ и вся юго-западная Русь снова замутилась, и въ это время смутъ особенно возвысился Черниговскій Князь Всеволодъ Чермный, сынъ покойнаго Святослава Всеволодовича. Рюрикъ, услыхавши о смерти Романа оставилъ монастырь, объявилъ себя Княземъ Кіевскимъ, нанялъ Половцевъ и пошелъ къ Галичу, гдѣ подъ опекою матери сидѣли малолѣтные дѣти Романа, Даніилъ 4 лѣтъ и Василько 2 лѣтъ. Галицкіе и Волынскіе бояре вышли съ войскомъ къ Микулину и дали Рюрику битву на рѣкѣ Серетѣ, которая продолжалась цѣлый день и кончилась тѣмъ, что Галицкіе и Волынскіе полки принуждены были отступить. Это отступленіе открыло Рюрику дорогу къ Галичу; но тамъ его встрѣтили многочисленные полки Венгровъ присланные Королемъ на помощь къ Романовичамъ, и онъ принужденъ былъ воротиться въ Кіевъ. Видя невозможность одному добыть Галичъ, Рюрикъ сталъ ссылаться съ Ольговичами Черниговскими; Ольговичи по засылкамъ Рюрика назначили общій съѣздъ Приднѣпровскихъ Князей въ Черниговѣ, и на этомъ съѣздѣ порѣшили, пригласивъ Половцевъ, всѣмъ идти на Галичъ. Этотъ новый походъ для Рюрика былъ неудачнѣе прежняго, Галичане выпроводивши Романовичей въ Волынь, пригласили къ себѣ изъ Ольговичей Владиміра и Романа Игоревичей, Князей Новгородъ-Сѣверскихъ; и Ольговичи, довольные такимъ предпочтеніемъ Галичанъ къ своему племени, естественно и не подумали о Рюрикѣ; мало этого старшій изъ Ольговичей Всеволодъ Чермный, Князь Черниговскій, на возвратномъ пути, пришедши въ Кіевъ съ своими

союзниками, объявилъ себя Кіевскимъ Княземъ, и посажалъ своихъ союзниковъ по Кіевскимъ городамъ. Рюрикъ же, видя свою слабость, удалился въ Овручь, и хотя по удаленіи союзниковъ Всеволодовыхъ, при помощи своихъ сыновей и племянниковъ, усѣлъ выгнать Всеволода, но не надолго; на весну Всеволодъ опять явился подъ Кіевомъ, и соединясь съ Владиміромъ Игоревичемъ Галицкимъ, не только выгналъ Рюрика изъ Кіева, но и все Приднѣпровье очистилъ отъ Ростиславичей Смоленскихъ, и такимъ образомъ утвердился въ Кіевѣ.

Всеволодъ Юрьевичь Суздальскій, послѣ похода на Ярослава Всеволодовича Черниговскаго, въ 1196 году, слишкомъ десять лѣтъ сидѣвшій спокойно въ своемъ Суздальскомъ краю, и только издали смотрѣвшій на междоусобія въ Приднѣпровьѣ, частію имъ же возбужденныя, и пользовавшійся выгодами отъ сихъ междоусобій, какъ скоро узналъ, что Ольговичи утвердились въ Галичѣ и Кіевѣ, и сдѣлались господствующимъ Кня ескимъ домомъ въ томъ краю, то сказалъ: «ужели Русская земля отчина имъ однимъ, а намъ не отчина?» и началъ готовиться къ походу на Черниговъ. Онъ пользуясь своимъ вліяніемъ на Новгородъ, Рязань и Муромъ, поднялъ на Черниговъ всю землю Суздальскую, Новгородскую, Рязанскую и Муромскую, и двинулся въ походъ; но едва дошелъ до Москвы, какъ получилъ вѣсть, что Князья Рязанскіе согласились съ Ольговичами, и идутъ къ нему за тѣмъ, чтобы при удобномъ случаѣ измѣнить. Получивши такую вѣсть, Всеволодъ вышелъ изъ Москвы и сталъ шатрами на Окѣ, куда къ нему явились, какъ союзники, и Рязанскіе Князья съ своими полками; Всеволодъ принялъ ихъ ласково и велѣлъ сѣсть въ осо-

бомъ шатрѣ, а самъ сѣлъ въ особомъ, и началъ обличать ихъ. Рязанскіе Князья долго не сознавались, наконецъ были обличены своими же братьями Глѣбомъ и Олегомъ Владиміровичами. Всеволодъ Юрьевичь, убѣдившись такимъ образомъ въ истинѣ обвиненія, велѣлъ схватить ихъ съ ихъ думцами и отвести во Владиміръ, а самъ перешедъ Оку вступилъ въ ихъ землю и подошелъ къ Пронску, жители Пронска три недѣли отбивались отъ полковъ Всеволода, наконецъ томимые жаждою сдались. Взятіе Пронска сильно смутило Рязанцевъ, и они прислали къ Всеволоду съ мольбою, чтобы онъ неходилъ къ ихъ городу, и отдались на всю его волю. Всеволодъ, довольный ихъ покорностію, отступилъ къ Коломнѣ и оттуда возвратился во Владиміръ, а въ слѣдъ за тѣмъ Рязанцы, по рѣшенію своего вѣча, отослали въ Владиміръ и остальныхъ своихъ Князей и съ Княгинями. Такимъ образомъ походъ на Черниговъ кончился походомъ на Рязань; но тѣмъ не менѣе завоеваніе Рязани Всеволодомъ Суздальскимъ помогло Рюрику отнять Кіевъ у Всеволода Чермнаго; но разумѣется симъ дѣло не кончилось, Ольговичи продолжали искать Кіева. Между тѣмъ Всеволодъ, по привезеніи Рязанскихъ Князей во Владиміръ, отправилъ въ Рязань своего сына Ярослава на княженіе. Рязанцы приняли Ярослава покорно и цѣловали крестъ Всеволоду; но, какъ и должно было ожидать, Князь пріѣхавшій изъ Суздальской земли не могъ угодить Рязанцамъ, и они стали ловить его дружинниковъ, ковать въ цѣпи и сажать въ погреба. Всеволодъ, услыхавши объ этомъ, немедленно двинулся съ войскомъ въ Рязанскую землю, сожегъ Рязань и Бѣл-

городъ, а Рязанцевъ съ ихъ епископомъ Арсеніемъ отвелъ плѣнниками во Владиміръ.

Но среди успѣховъ Всеволодъ вдругъ получилъ вѣсть, что Мстиславъ Удалый, Князь Торопецкій, сынъ того знаменитаго Мстислава, который остригъ Андреева посла въ Бѣлгородѣ, по тайному приглашенію Новгородцевъ занялъ Торжекъ и оттуда вступилъ въ Новгородъ, гдѣ между тѣмъ народъ засадилъ своего Князя Святослава Всеволодовича подъ стражу и приготовился къ войнѣ. Получивъ такую вѣсть Всеволодъ отправилъ на Новгородъ своихъ сыновей съ войсками; но тѣ ничего не могли сдѣлать противъ Мстислава и Новгородцевъ, и воротились назадъ. По сему Всеволодъ поспѣшилъ заключить миръ съ Мстиславомъ и Новгородцами, по которому миру Новгородцы отпустили къ нему сына его Святослава, содержавшагося у нихъ подъ стражею, а онъ освободилъ Новгородскихъ купцовъ задержанныхъ въ Суздалѣ. Въ слѣдъ за миромъ съ Новгородцами Всеволодъ нашелъ нужнымъ заключить миръ и съ Ольговичами, которые для этаго прислали къ нему митрополита Матвѣя; по условіямъ сего мира Рюрикъ принужденъ былъ уступить Кіевъ Всеволоду Чермному, а Ольговичи за это дали ему Черниговъ. Для большаго утвержденія мира съ Ольговичами Всеволодъ Суздальскій женилъ своего сына Юрія на дочери Всеволода Чермнаго. Наконецъ въ 1212 году Всеволодъ Суздальскій, послѣ 37 лѣтняго управленія Суздальскимъ краемъ, скончался. Лѣтопись, извѣщая о кончинѣ его, говоритъ: «его имени трепетали всѣ страны, и по всей земли шла слава о немъ, и все зломыслы Богъ далъ подъ руку его; ибо онъ имѣлъ присно страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, подавалъ требующимъ милостыню, творилъ

судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меньшихъ, и работящихъ сироты и насилье творящихъ.»

Между тѣмъ Владиміръ и Романъ Игоревичи Новгородъ-Сѣверскіе, приглашенные Галичанами въ 1206 году, три года княжили спокойно, Владиміръ въ Галичѣ, а Романъ въ Звенигородѣ; но въ 1209 году Владиміръ поднялся на Романа и заставилъ его бѣжать изъ Звенигорода. Романъ ушелъ въ Венгрію, и началось междоусобіе, въ которомъ Венгры приняли сильное участіе и, при помощи Венгерской партіи между Галицкими боярами, завладѣли Галичемъ; но управленіе Венгерскаго воеводы Бенедикта своею жестокостію и безнравственностію произвело то, что Галичане, выведенные изъ терпѣнія, снеслись съ изгнанными своими Князьями Владиміромъ и Романомъ Игоревичами, и при ихъ помощи выгнали Бенедикта съ Венграми; и Игоревичи опять сдѣлались Князьями Галицкими,—Владиміръ въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ братъ ихъ въ Перемышлѣ и Владиміровъ сынъ въ Теребовлѣ. Но Игоревичи на этотъ разъ не прокняжили и года въ Галицкихъ владѣніяхъ: они, чтобы княжить спокойнѣе, начали подобно покойному Роману Волынскому избивать ненадежныхъ Галицкихъ бояръ, и, какъ сказываютъ, избили до 500 человѣкъ. Бояре, встревоженные такимъ избіеніемъ, обратились къ Венгерскому Королю и просили его дать имъ въ Князья проживавшаго въ Венгріи, сына покойнаго Романа, десятилѣтняго Даніила. Король далъ имъ Даніила и съ нимъ отпустилъ своего воеводу со множествомъ войска; Игоревичи крѣпко защищали свои Галицкія владѣнія, и каждый городъ, гдѣ они сидѣли, нужно было брать самымъ

упорнымъ боемъ; но къ Венграмъ и Даніилу пришли на помощь войска изъ Польши и Волыни, и по сему городъ за городомъ были отняты у Игоревичей, и притомъ трое изъ Игоревичей и въ числѣ ихъ самъ Владиміръ попались въ плѣнъ. Галичане провозгласили своимъ Княземъ десятилѣтняго Даніила подъ опекою Галицкихъ бояръ, а троихъ Игоревичей, бывшихъ въ плѣну, повѣсили. Вслѣдъ за сыномъ явилась и мать Даніилова въ Галичѣ, чтобы принять участіе въ правленіи; но бояре ее выгнали и опять началось междоусобіе, въ которомъ принялъ участіе и Венгерскій Король по просьбѣ Даніиловой матери. Междоусобіе это кончилось тѣмъ, что Даніилъ былъ выгнанъ, и въ Галичѣ вокняжился бояринъ Владиславъ. Тогда Андрей Король Венгерскій и Лешко Польскій въ 1213 году общими силами пошли на Владислава, и побѣдивши его, раздѣлили между собою Галицкія владѣнія; Венгерскій Король посадилъ въ Галичѣ сына своего Коломана, женивши его на Лешковой сестрѣ, а Лешко получилъ Перемышль и Любачевъ, и заботясь о дѣтяхъ покойнаго Романа, успѣлъ утвердить Владиміро-Волынское княженіе за старшимъ изъ нихъ Даніиломъ.

Въ Суздальской землѣ по смерти Всеволода, также какъ и прежде по смерти Андрея, начались междоусобія. Всеволодъ за четыре года до своей смерти вызвалъ старшаго сына Константина изъ Новгорода и далъ ему Ростовъ, потомъ не задолго до смерти хотѣлъ объявить его своимъ наслѣдникомъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ Ростовъ меньшому брату Юрію; Константинъ на это не согласился, и тогда Всеволодъ объявилъ своимъ главнымъ наслѣдникомъ Юрія. Константинъ, жившій мирно при жизни отца, по смерти его сталъ замышлять, какъ бы отнять

Владиміръ у брата, и для того заключилъ союзъ съ своими братьями Святославомъ и Владиміромъ; а Юрій заключилъ союзъ противъ Константина съ братомъ своимъ Ярославомъ Переяславскимъ и пошелъ съ нимъ на Ростовъ; Константинъ встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Ишнѣ, и такъ хорошо укрѣпилъ эту рѣку, что противники его немогли переiйти ее, и простоявъ четыре недѣли заключили миръ и разошлись по домамъ. Юрій, воротившись во Владиміръ, поспѣшилъ заключить союзъ съ плѣнниками отца своего Князьями Рязанскими, и одаривъ ихъ золотомъ, серебромъ и конями, отпустилъ въ Рязань. На слѣдующій годъ Константинъ отнялъ у Юрія Соль-Галичь и сжегъ Костому, а у Ярослава Нерехту. Въ отвѣтъ на это Юрій и Ярославъ собрали свои полки, пригласили своего союзника Давыда Муромскаго и снова пошли къ Ростову; они по прежнему остановились за рѣкою Ишнею, — стали жечь Ростовскія села и не вступая въ битву принудили Константина къ миру, по которому онъ не только отступился отъ союза съ Владиміромъ, уже успѣвшимъ отнять у Юрія Москву, но и далъ часть своего полка, чтобы выгнать Владиміра изъ Москвы. Съ этою помощію и съ своими и Ярославовыми полками Юрій выгналъ Владиміра изъ Москвы и принудилъ его идти на княженіе въ Приднѣпровскій Переяславль.

Въ это время въ Приднѣпровьѣ также происходили междоусобія. Въ одинъ годъ съ Всеволодомъ Суздальскимъ умеръ Рюрикъ Ростиславичь, княжившій въ Черниговѣ; и Всеволодъ Святославичь Чермный погналъ изъ Приднѣпровья всѣхъ внуковъ Ростислава Смоленскаго. Онъ сказалъ имъ: «какъ мнѣ съ вами жить въ мирѣ и любви: по вашимъ происканъ въ Галичѣ повѣсили братьевъ мо-

ихъ Игоревичей, нѣтъ вамъ части въ Русской землѣ.» Внуки Ростислава въ отвѣтъ на такую рѣчь послали сказать своему двоюродному брату Мстиславу Мстиславичу Торопецкому, княжившему тогда въ Новгородѣ: «Всеволодъ не даетъ намъ части въ Русской землѣ, приходи, поищемъ своей отчины». Мстиславъ по такому зову двинулся съ своими войсками изъ Новгорода, и соединясь въ Смоленскѣ съ своими двоюродными братьями, началъ опустошать Черниговскія владѣнія по Днѣпру. Всеволодъ вышелъ къ нему на встрѣчу и разбитый подъ Вышгородомъ бѣжалъ въ Черниговъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Мстиславъ, посадивши въ Кіевѣ Княземъ старшаго въ Ростиславовомъ роду Мстислава Романовича Смоленскаго, самъ съ Новгородцами осадилъ Черниговъ, стоялъ подъ городомъ 12 дней, и заключивъ съ Всеволодомъ миръ, возвратился въ Новгородъ, но на другой годъ, распрощавшись съ Новгородцами, опять ушелъ въ Приднѣпровьѣ, чтобы поддерживать своихъ родныхъ.

Новгородцы, проводивши Мстислава, послѣ долгихъ споровъ выбрали себѣ въ Князья Ярослава Переяславскаго. Но Ярославъ очевидно былъ приглашенъ только Суздальщинскою партіею Новгородцевъ, и пріѣхавши въ Новгородъ сталъ гнать противную партію; потомъ перебрался въ Торжекъ, а въ Новгородъ послалъ своихъ намѣстниковъ, сталъ тѣснить Новгородскую торговлю, остановилъ подвозъ хлѣба и довелъ Новгородцевъ до крайности. Новгородцы опять обратились къ Мстиславу, и тотъ пріѣхавъ въ Новгородъ, схватилъ Ярославовыхъ намѣстниковъ и послалъ сказать Ярославу, чтобы онъ шелъ вонъ изъ Торжка. Но Ярославъ не думалъ повиноваться и, отославъ Мстиславова посла безъ отвѣта, засѣкъ всѣ пути

отъ Новгорода. Тогда Мстиславъ снесся съ Константиномъ Ростовскимъ, и пошелъ изъ Новгорода сперва на Торопецъ, и оттуда на Ржевъ и Зубцовъ, гдѣ съ нимъ соединился двоюродный братъ его Владиміръ Рюриковичь, приведшій Смоленскіе полки, и Псковичи; потомъ всѣ вступили въ Тверскую область и стали опустошать села по Волгѣ, пробираясь къ Переяславлю, и дошедши до Городища на Сарѣ соединились съ Константиномъ, который привелъ Ростовскіе полки. Ярославъ, узнавши объ этомъ, поспѣшилъ оставить Торжекъ, пустился къ Переяславлю, и соединившись съ своими братьями Юріемъ, Владиміромъ и Святославомъ, всѣ четверо повели свои многочисленные полки на Мстислава и Константина, и расположились станомъ на рѣкѣ Хзѣ, а Мстиславъ съ своими союзниками остановился на рѣкѣ Липицѣ. Здѣсь, послѣ не продолжительныхъ переговоровъ, произошла страшная битва: Новгородцы разувшись и скинувши верхнее платье, бросились на Ярославовъ полкъ такъ стремительно, что полкъ послѣ упорнаго боя дрогнулъ и вмѣстѣ съ своимъ гордымъ Княземъ обратился въ бѣгство, а въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ и Юрій съ Владимірскимъ полкомъ, стоявшій противъ Константина. Битва эта стоила весьма дорого Юрію и Ярославу, изъ одного Ярославова полка легло на мѣстѣ болѣе 9,000 человѣкъ; Ярославъ прибѣжалъ въ Переяславль самъ-одинъ на пятомъ конѣ, задушивъ четырехъ въ дорогѣ, а Юрій примчался во Владиміръ въ одной сорочкѣ на четвертомъ конѣ. Когда Мстиславъ и Константинъ съ союзниками подошли къ Владиміру; то Юрій выслалъ къ нимъ съ униженною просьбою, моля о томъ, что бы они не ходили къ городу приступомъ, и на другой день рано

утромъ съ двумя своими братьями пришелъ въ станъ Мстислава и Владиміра и просилъ у нихъ, чтобы они не лишили его живота и дали средства, чѣмъ кормиться. Мстиславъ и Владиміръ дали ему на прокормленье Радиловъ Городокъ, куда онъ и уѣхалъ съ своимъ семействомъ, а во Владимірѣ союзники посадили Константина Ростовскаго; потомъ вмѣстѣ съ Константиномъ они пошли съ Переяславлю, гдѣ засѣлъ Ярославъ, и сперва думалъ отсидѣться; но услыхавши о близкомъ приходѣ Мстислава съ Новгородцами, такъ перепугался, что самъ пріѣхалъ въ станъ къ Константину и униженно кланяясь ему говорилъ: «господине! я въ твоей волѣ, дѣлай что хочешь, только не выдай меня тестю моему Мстиславу и его брату Владиміру, а самъ брате накорми меня хлѣбомъ.» Мстиславъ, по соглашенію съ Константиномъ, не пошелъ далѣе къ Переяславлю, и заключивъ съ Ярославомъ миръ на всей своей волѣ отправился въ Новгородъ, а союзники его разошлись по домамъ.

Такимъ образомъ Константинъ Ростовскій два раза безъуспѣшно добивавшійся сдѣлаться Княземъ Владимірскимъ при помощи своихъ братьевъ, наконецъ послѣ четырехлѣтнихъ междоусобій достигъ своей цѣли при помощи Мстислава и Новгородцевъ; и Суздальскіе владѣнія успокоились. Константинъ, утвердившись во Владимірѣ, на другой же годъ окончательно примирясь въ Юріемъ, далъ ему Суздаль и объявилъ своимъ наслѣдникомъ на Владимірскомъ престолѣ, и оба цѣловали на томъ крестъ.

Но въ то время какъ мирно разрѣшились дѣла въ Суздалѣ, совсѣмъ иное происходило въ сосѣднихъ владѣ-

ніяхъ Рязанскихъ. Тамъ Глѣбъ Владиміровичь *) сговорясь съ своимъ роднымъ братомъ Константиномъ, задумалъ измѣнически убить всѣхъ своихъ родственниковъ и завладѣть ихъ волостями. Для этого онъ, какъ старшій Князь, пригласилъ всѣхъ къ себѣ на съѣздъ; и когда всѣ съѣхались, то учредилъ пиръ и позвалъ ихъ въ свой шатеръ, а между тѣмъ въ сосѣднемъ шатрѣ скрылъ вооруженныхъ слугъ и Половцевъ. И когда гости начали пить и веселиться, Глѣбъ съ Константиномъ и своими думцами, вынувъ мечи, стали сѣчь гостей, а за ними явились слуги и Половцы изъ сосѣдняго шатра, и избили одпихъ Князей шесть человѣкъ и всю ихъ свиту бояръ и слугъ бывшихъ на съѣздѣ. Это звѣрское братоубійство, послѣ окаяннаго Святополка не повторявшееся на Руси, впрочемъ не принесло злодѣямъ той пользы, которой они ожидали; на пиръ нечаянно не успѣлъ пріѣхать одинъ изъ Князей Ингварь Игоревичь, онъ, услышавши объ избіеніи братьевъ, успѣлъ вооружиться, захватилъ Рязань и принудилъ Глѣба бѣжать къ Половцамъ. Черезъ годъ Глѣбъ и братъ его Константинъ со множествомъ Половцевъ ворвались было въ Рязанскія владѣнія; но Ингварь разбилъ ихъ на голову и принудилъ бѣжать въ Половецкія степи, гдѣ они и погибли.

Константинъ Всеволодовичь, прокняживъ во Владимірѣ два года, скончался въ 1218 году, 33 лѣтъ отъ рожденія; и Владиміръ по прежнему договору спокойно перешелъ къ Юрію Всеволодовичу Суздальскому, а Ростовъ съ своими пригородами остался за сыновьями Констан-

---

*) Тотъ самый, который въ 1196 году обвинялъ своихъ родственниковъ въ измѣнѣ передъ Всеволодомъ.

тина. Но на другой же годъ безпокойные сосѣди Волжскіе Болгары, лестію захватили Устюгъ и подступали къ Унжѣ; по этому Юрій въ 1220 году послалъ своего брата Святослава съ воеводами и полками воевать Волжскую Болгарію. Полки Юрія соединились при впаденіи Оки въ Волгу и шли Волгою внизъ до Болгарскаго города Ошела; здѣсь они высадились на берегъ, сразились съ Болгарскимъ Княземъ и прогнавъ его подошли къ Ошелу. Городъ этотъ былъ укрѣпленъ дубовымъ тыномъ, двумя оплотами и между ними валомъ; Святославъ подошедши къ городу на передъ отрядилъ людей съ топорами и огнемъ, а за ними послалъ стрѣльцовъ и копейщиковъ; Болгары упорно дрались въ своихъ укрѣпленіяхъ, но когда тынъ и оплоты были подсѣчены и зажжены, бѣжали въ городъ, за ними пустились и Русскіе, рубя ихъ въ догонку, и подступили къ самому городу и зажгли его; но сильный вѣтеръ, потянувшій отъ города, покрылъ Русскіе полки дымомъ и зноемъ и принудилъ отступить. Тогда Святославъ, давши немного отдохнуть полкамъ, повелъ приступъ съ другой стороны города подъ вѣтромъ и самъ пошелъ впереди полковъ, и по прежнему подсѣкъ и зажегъ тынъ и оплоты внѣшнихъ укрѣпленій; Болгары, защищавшіе сіи укрѣпленія, послѣ упорной битвы опять побѣгли въ городъ, а Русскіе гоня ихъ опять подступили къ городу и зажгли его съ другой стороны; и такимъ образомъ городъ былъ объятъ пламенемъ со всѣхъ сторонъ, и только Болгарскій Князь съ небольшою конною дружиною успѣлъ какъ то уйдти, а прочіе защитники города были или посѣчены Русскими, спасаясь изъ пылавшаго города, или сгорѣли вмѣстѣ съ своими женами, дѣтьми и имѣніемъ. Святославъ стоялъ подъ Ошеломъ до тѣхъ

поръ, пока отъ города остались одни обгорѣлые головешки. Сожегши Ошелъ Святославъ воротился въ свои лодьи и пошелъ назадъ домой; но Болгары другихъ городовъ, услыхавъ о сожженіи Ошела, собрались большою ратью съ своими Князьями, конные и пѣшіе, и пустились догонять Русскихъ. Святославъ, узнавши объ этомъ, приказалъ своимъ полкамъ вооружиться, надѣть брони и поднять знамена, и такимъ образомъ шелъ Волгою мимо Болгарской рати стоявшей на берегу, и остановился на устьѣ Камы, гдѣ къ нему присоединился Ростовскій воевода Вославъ Добрынічь, который съ Ростовцами и Устюжанами, повоевавъ и пожегши Болгарскіе города и села по Камѣ, шелъ уже домой со множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею. Соединившись съ Вославомъ, Святославъ пошелъ домой, пославши напередъ себя вѣсть къ Юрію; Юрій, получивши эту вѣсть, вышелъ къ Боголюбову встрѣчать Святослава, одарилъ его и его полки богатыми дарами, и далъ имъ трехдневный пиръ; потомъ на зиму самъ сталъ готовиться къ походу на Болгарскую землю. Болгары прислали пословъ во Владиміръ съ просьбою о мирѣ; но Юрій ихъ отослалъ недавши мира, и самъ отправился въ походъ; на дорогѣ явилось къ нему другое посольство отъ Болгаръ, но онъ не принялъ его и на глаза. Потомъ когда Юрій пришелъ въ Городецъ на Волгѣ и соединился тамъ съ Ростовскими полками, пришло третье Болгарское посольство, и послѣ многихъ моленій наконецъ убѣдило Юрія дать миръ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ былъ миръ съ Болгарами при Юріѣ Долгорукомъ и при Всеволодѣ; и Юрій послалъ въ Болгарскую землю своихъ мужей приводить тамошнихъ Князей къ присягѣ по ихъ закону, а на слѣду-

ющій годъ выстроилъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу.

Послѣ Болгарскаго похода Суздальская страна нѣсколько лѣтъ наслаждалась миромъ, и только были споры съ Новгородцами, которые въ это время часто мѣняли Князей, безъуспѣшно стараясь высвободиться отъ Суздальскаго вліянія. Но далеко не мирно въ это время было въ Приднѣпровьѣ и во всей Юго-Западной Руси. По отъѣздѣ Мстислава Торопецкаго въ Новгородъ въ 1215 году, тамъ были старшими Князьями: въ Кіевѣ Мстиславъ Романовичь, въ Черниговѣ по смерти Всеволода Чермнаго его родной братъ Мстиславъ Святославичь, въ Смоленскѣ Владиміръ Рюриковичь, на Волыни Даніилъ Романовичь съ роднымъ братомъ Василькомъ и двоюроднымъ Александромъ Всеволодовичемъ, а въ Галичѣ Коломанъ, сынъ Венгерскаго Короля Андрея. Андрей, думая, что уже окончательно присоединилъ Галичь къ своимъ владѣніямъ, сталъ утѣснять Русскую вѣру и вводить Латинскую и выгналъ Русскаго епископа и священниковъ. Это страшно раздражило Галичанъ, и они стали тайно сноситься съ Даніиломъ Романовичемъ, княжившимъ во Владиміръ Волынскомъ, а между тѣмъ Андрей разсорился съ Лешкомъ Польскимъ и отнялъ у него Перемышль. Лешко, досадуя на обиду, послалъ въ Новгородъ къ Мстиславу Торопецкому звать его въ Галичь: пойди и садись въ Галичѣ, говорили послы Лешковы; по этому зову Мстиславъ оставилъ Новгородъ, и собравъ войска въ Смоленскѣ и Кіевѣ, такъ быстро двинулся къ Галичу, что Венгры, не успѣвши приготовиться и зная къ себѣ ненависть Галичанъ, бѣжали; и Мстиславъ спокойно занялъ Галичь. Онъ чтобы имѣть въ сосѣдствѣ хорошаго союзника, вы-

далъ свою дочь Анну за Даніила Романовича Волынскаго. Но этотъ вѣрный союзникъ разсорилъ его съ Лешкомъ Польскимъ: онъ нечаянно захватилъ Лешковы города по западному Бугу, тѣ самые, которые въ недавнее время Лешко отнялъ у Волыни; Лешко подозрѣвая, что Даніилъ это сдѣлалъ по согласію съ Мстиславомъ, послалъ сказать Андрею Венгерскому: «бери Галичъ для своего сына, моего зятя, я тебѣ помогу;» по этому приглашенію Андрей послалъ въ Галицкую землю сына своего Коломана съ большимъ войскомъ, къ которому на дорогѣ присоединились и Польскіе полки Лешка. Этотъ походъ Коломана и Лешка сначала былъ очень удаченъ; Мстиславъ не готовый къ битвѣ, оставилъ въ Галичѣ зятя своего Даніила, а самъ отступилъ на Волынь, чтобы соединиться съ Кіевскимъ и Черниговскими Князьями, своими союзниками; Даніилъ также не могъ долго держаться въ Галичѣ, и по приказанію Мстислава отступилъ для соединенія съ нимъ къ Волыни. Это отступленіе было цѣлымъ рядомъ кровопролитныхъ битвъ, продолжавшихся и днемъ и ночью; наконецъ Даніилу удалось переправиться черезъ Днѣстръ, пониже Кучельмина, и соединиться съ Мстиславомъ. Впрочемъ и послѣ этого соединенія Мстиславъ съ Даніиломъ не могли еще идти на Венгровъ и Поляковъ завладѣвшихъ Галичемъ; и Мстиславъ сказалъ Даніилу: «иди, княжь во Владимірѣ, а я пойду къ Половцамъ, и будемъ вмѣстѣ мстить за свое безчестье». Но не къ Половцамъ, а въ Новгородъ пришлось идти Мстиславу, и оттуда, какъ мы уже видѣли, воевать съ Ярославомъ Переяславскимъ и Юріемъ Владимірскимъ.

Между тѣмъ Коломанъ, занявши Галичъ, укрѣпился тамъ

и получилъ отъ отца своего Андрея новые полки Венгровъ и Чеховъ подъ начальствомъ гордаго воеводы Филп, который насмѣхаясь надъ Русскими говорилъ: «одинъ камень много горшковъ избиваетъ — острый мечь, борзый конь — много Руси». Положеніе Даніила и Василька во Владимірѣ Волынскомъ было самое стѣсненное: съ одной стороны ихъ владѣнія громилъ Лешко съ Поляками, а съ другой Коломанъ съ Венграми и Галичанами; отъ нихъ даже отступился ихъ двоюродный братъ Александръ Всеволодовичь Бѣльзскій, и много нужно было ума и ловкости у Даніила и Василька и ихъ совѣтниковъ, чтобы удержаться въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ въ продолженіи почти двухъ лѣтъ. Наконецъ въ 1218 г. МстиславъТоропецкій, онъ же и Удалый, управившись съ дѣлами въ Новгородѣ и землѣ Суздальской, соединившись съ Владиміромъ Рюриковичемъ Смоленскимъ и нанявши Половцевъ, двинулся къ Днѣстру. Воевода Венгерскій, гордый Филя, съ большимъ войскомъ Венгровъ и Поляковъ вышелъ на встрѣчу Мстиславу и далъ ему битву; битва эта была самая упорная и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Венгровъ и Поляковъ и самъ гордый Филя попался въ плѣнъ. Послѣ этой битвы Мстиславъ пошелъ къ Галичу, гдѣ былъ оставленъ Филею Королевичь Коломанъ; Венгры и Поляки съ Коломаномъ, не могши защищать всего города, укрѣпились въ построенной Филею башнѣ и мужественно бились противъ Мстислава; но томимые жаждою принуждены были сдаться вмѣстѣ съ Коломаномъ. Мстиславъ за крѣпкою стражею отослалъ Коломана въ Торческъ, а вельможъ Венгерскихъ съ женами и дѣтьми отдалъ какъ плѣнниковъ своей дружинѣ и Половцамъ; пораженіе Венгровъ и Поляковъ такъ было сильно, что по словамъ лѣтописи ни

одинъ изъ нихъ не вышелъ изъ Галицкой земли: иные были побиты войсками Мстислава, иные перетонули, иные взяты въ плѣнъ, а иныхъ перебили сельскіе жители по дорогамъ. Въ то время, какъ Мстиславъ бился съ Филею и Коломаномъ, Даніилъ и Василько бились съ Лешкомъ Польскимъ, который, чтобы недопустить до соединенія ихъ съ Мстиславомъ, напалъ на Волынскій городъ Щекаревъ; но вслѣдъ за побѣдою Мстислава надъ Венграми и Лешко примирился съ Романовичами на томъ условіи, чтобы ему отступиться отъ союза съ Александромъ Бельзскимъ. Оторвавши Лешка отъ союза съ Александромъ, Романовичи напали на сего послѣдняго, и въ одну ночь страшно опустошили волости около Червеня и Бельза; впрочемъ Мстиславъ вступился за Александра и уговорилъ Романовичей оставить его въ покоѣ. Въ это-же время, или нѣсколько прежде, Мстиславъ помирился съ Королемъ Венгерскимъ Андреемъ, и выпустилъ изъ плѣна сына его Коломана, а самъ занялся усмиреніемъ смутъ между Галицкими боярами, изъ которыхъ одни радѣли Венграмъ, а другіе Даніилу Романовичу. Вообще Галицкія междоусобія сильно ослабили всю Югозападную Русь.

Въ это время общаго ослабленія Приднѣпровской Руси, въ 1223 году вдругъ разнеслась вѣсть о новыхъ неслыханныхъ врагахъ Русской земли—Татарахъ; они къ этому времени нѣкоторыми своими отрядами проникли отъ Каспійскаго моря въ Половецкія степи. О сихъ новыхъ пришельцахъ никто незналъ путемъ, откуда они пришли, и называли ихъ иные Таурменами, другіе Печенѣгами; только носились темные слухи, что они уже покорили Ясовъ, Обезовъ и Касоговъ, вступили въ землю Половецкую и

ѣзбили множество Половцевъ, что Половцы вездѣ бѣгутъ передъ ними и многіе загнаны въ Лукоморье по Дону, а другіе подвигаются къ Днѣпру. Наконецъ на границы Руси, къ Половецкому валу, прибѣжалъ съ своею ордою тесть Мстислава Галицкаго, Половецкій Князь Котянъ, и объявилъ, что старшіе Половецкіе Князья Юрій Кончаковичь и Даніилъ Кобяковичь разбиты на голову и убиты. Онъ сталъ просить помощи у зятя своего Мстислава и другихъ Русскихъ Князей, дарить ихъ и говорить имъ такія рѣчи: «Нашу землю отняли нынѣ, а вашу завтра пришедши возмутъ, обороните насъ; а ежели вы не поможете намъ, то мы нынѣ будемъ посѣчены, а вы завтра». Мстиславъ Галицкій, желая помочь своему тестю и постоянному союзнику, началъ также упрашивать Русскихъ Князей, чтобы они помогли Половцамъ. Наконецъ былъ съѣздъ всѣмъ Придніѣпровскимъ Князьямъ въ Кіевѣ, гдѣ кромѣ трехъ старшихъ Князей, Мстислава Романовича Кіевскаго, Мстислава Святославича Черниговскаго и Мстислава Мстиславича Галицкаго, было много и младшихъ Князей; на этомъ съѣздѣ всѣ Князья рѣшили заступиться за Половцовъ и послали за помощію къ Юрію Суздальскому, который и обѣщался прислать племянника своего Василька Константиновича съ Ростовскими полками.

По рѣшенію Кіевскаго съѣзда, весною 1224 года Князья собрали свои полки и сошлись къ Зарубу у Днѣпра; Татары, услыхавши объ этомъ, прислали своихъ пословъ, убѣждая Русскихъ Князей не заступаться за Половцевъ; послы говорили: «мы вашей земли не занимали, зачѣмъ же вы хотите воевать съ нами изъ-за нашихъ холопей Половцевъ;» но Князья убили Татарскихъ пословъ и спустились ниже по Днѣпру къ Олешью; здѣсь явилось но-

вое посольство отъ Татаръ, но и оно не имѣло успѣха: Русскіе пословъ отпустили, но не отложили похода. У Олешья пришли къ Русскимъ и соединились съ ними вся Половецкая земля и всѣ ихъ Князья, отсюда Мстиславъ Галицкій съ отрядомъ въ 1,000 человѣкъ перебрался черезъ Днѣпръ и, разбивъ передовыхъ Татарскихъ сторожей, возвратился назадъ. Узнавши объ успѣшномъ набѣгѣ Мстислава, всѣ Русскіе Князья съ своими полками перебрались черезъ Днѣпръ; здѣсь съ Князьями были и Кіевляне, и Черниговцы, и Смольняне, и Галичане, и Волынцы, и Куряне, и Трубчане и Путивльцы; однихъ выгонцевъ Галицкихъ съ своими воеводами, Юрьемъ Домомеричемъ и Держикраемъ Володиславичемъ пришло по Днѣпру въ верхъ отъ моря 1,000 лодій, не поспѣли только Ростовцы съ своимъ Княземъ Василькомъ. Перебравшись черезъ Днѣпръ, Русскіе вступили въ Половецкія степи и при первой же встрѣчѣ разбили передовый отрядъ Татаръ, потомъ 8 дней шли степями до рѣки Калки; здѣсь также разбили передовый отрядъ Татаръ и, не переходя Калки, остановились станомъ. Мстиславъ Галицкій приказалъ Даніилу Волынскому съ частію Русскихъ полковъ и съ Половцами перебраться черезъ рѣку, а потомъ и самъ отправился за нимъ съ своими полками, не увѣдомивъ Кіевскаго и Черниговскаго Князей, съ которыми поссорился. Битву началъ Даніилъ Волынскій, уѣхавшій далеко впередъ, и начало битвы было довольно счастливо; Даніилъ, Мстиславъ нѣмый Пересопницкій и Олегъ Курскій куда ни являлись, вездѣ поражали Татаръ; но когда воевода Ярунъ съ Половецкими полками вступилъ въ бой, то Половцы не выдержали Татарскаго натиска, побѣжали и смяли станы Русскихъ

Князей еще не приготовившихся къ битвѣ, и началась страшная безобразная сѣча, кончившаяся такимъ сильнымъ пораженіемъ Русскихъ, какого съ ними никогда не случалось; въ битвѣ пали шесть Князей и 70 богатырей, и изъ всего войска, едва десятый успѣлъ спастись за Днѣпръ, до котораго гнались за ними Татары. Между тѣмъ Мстиславъ Романовичь Кіевскій, стоявшій съ своимъ полкомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, на высокой неприступной горѣ, не двинулся отъ Калки ни на помощь къ бѣгущимъ, ни за тѣмъ, чтобы самому спастись бѣгствомъ. Татары, преслѣдуя бѣгущихъ, отрядили двухъ воеводъ съ полками противъ Мстиславова лагеря; сіи воеводы три дни выбивали Мстислава изъ стана и не могли выбить; наконецъ они прибѣгли къ хитрости: предложили Мстиславу миръ чрезъ воеводу Бродниковъ Плоскиню, который цѣловалъ Мстиславу крестъ, что Татары его отпустятъ на выкупъ. Мстиславъ повѣрилъ крестному цѣлованію и сдался съ двумя бывшими при немъ Князьями и Кіевскимъ полкомъ; Татары сперва изсѣкли полкъ, а потомъ связаныхъ Князей задавили подъ досками и сѣли обѣдать на ихъ трупахъ. Такъ кончилась страшная Калкская битва. Татары преслѣдовали Русскихъ до Новогородка Святополча, избивая жителей селъ и городовъ лежащихъ по дорогѣ; все уже Приднѣпровье было въ ужасѣ и ждало своей гибели, какъ вдругъ Татары поворотили назадъ въ степи. Русскіе люди въ радости и недоумѣніи говорили тогда: «не вѣдаемъ, эти злые Татары откуда пришли на насъ и куда дѣлись, только Богъ вѣсть.»

По удаленіи Татаръ, на мѣсто убитаго на Калкѣ Мстислава Романовича занялъ Кіевъ его двоюродный братъ

Владимiръ Рюриковичь Смоленскiй, а въ Смоленскѣ сѣлъ другой ихъ двоюродный братъ Мстиславъ Давыдовичь; Черниговъ на мѣсто убитаго на Калкѣ Мстислава Святославича занялъ Олегъ Курскiй (внукъ извѣстнаго Игоря Святославича) тотъ самый, который вмѣстѣ съ Даніиломъ такъ храбро сражался въ Калкскомъ бою; въ Галичѣ по прежнему остался Мстиславъ Удалый, а во Владимірѣ Волынскомъ Данiилъ Романовичь. И вскорѣ во всѣхъ сихъ княжествахъ начались междоусобія.

Только что Мстиславъ Мстиславичь успѣлъ прибѣжать съ Калкскаго боя, какъ Александръ Всеволодичь Бѣльзскiй при помощи Галицкихъ бояръ началъ разными клеветами вооружать Мстислава на Данiила Волынскаго, и довелъ дѣло до того, что въ 1225 году между тестемъ и зятемъ началась война. Данiилъ пригласилъ себѣ на помощь Лешка Польскаго, опустошилъ Бѣльзскую область и вор-
вался въ Галицкiя владѣнiя; но когда къ Мстиславу пришли на помощь Владимiръ Кiевскiй и Котянъ Половецкiй, то Данiилъ поспѣшилъ вступить въ переговоры съ нимъ и его союзниками. Во время переговоровъ открылась клевета Александрова, и Мстиславъ примирился съ зятемъ, и на съѣздѣ въ Перемышлѣ всѣ союзные Князья утвердили миръ между собою. Но только что Мстиславъ успѣлъ примириться съ Даніиломъ, какъ большая часть Галицкихъ бояръ возмутилась противъ него и вмѣшали въ это дѣло Короля Венгерскаго, который по приглашенію бояръ вступилъ съ войскомъ въ землю Галицкую, взялъ Перемышль, Теребовль и другiе города, но разбитый Мстиславомъ подъ Звенигородомъ на голову бѣжалъ въ Венгрiю. Впрочемъ пораженiе Венгерскаго Короля не покончило смутъ въ Галичѣ: бояре стали наста-

ивать, чтобы Мстиславъ выдалъ свою дочь за Венгерскаго Королевича и отдалъ ему Галичь; Мстиславъ долго на это несоглашался, и желалъ передать Галичь Даніилу Романовичу, но бояре прямо сказали ему: «ты не можешь удержать Галича за собою, бояре этого нехотятъ, нехотятъ и Даніила;» послѣ чего Мстиславъ противъ воли принужденъ былъ отдать Галичь Королевичу своему зятю, а самъ ушелъ въ Понизьѣ и оттуда въ Торческъ, гдѣ и скончался въ 1228 году.

Но еще до смерти Мстислава Удалаго начались междоусобія въ Юго-западной Руси. Мстиславъ Ярославичь Нѣмой, Князь Пересопницкій и Луцкій, внукъ Изяслава Мстиславича, отдалъ свою отчину и малолѣтнаго сына Ивана Даніилу Романовичу; но Ярославъ Ингваревичь, родной племянникъ Мстислава Нѣмаго, завладѣлъ Луцкомъ, а Ростиславъ Пинскій Черторыйскомъ. Даніилъ Романовичь соединясь съ братомъ своимъ Василькомъ выгналъ Ярослава изъ Луцка и взялъ приступомъ Черторійскъ. Тогда Ростиславъ Пинскій поднялъ на Даніила Кіевскаго Князя Владиміра Рюриковича, который былъ радъ мстить Даніилу за его отца Романа, постригшаго въ монахи отца Владимірова Рюрика: онъ привелъ съ собою Черниговскаго Князя Михаила Всеволодовича и Котяна Половецкаго, и съ многочисленнымъ войскомъ осадилъ Каменецъ. Даніилъ, ненадѣясь силою управиться съ множествомъ непріятелей, сталъ переговариваться съ ними о мирѣ, а между тѣмъ самъ уѣхалъ за помощью въ Польшу, и послалъ одного своего мужа къ Котяну Половецкому, называя его отцомъ и прося принять его сторону. Котянъ послушалъ его и удалился въ степи, напередъ разграбивши Галицкую землю бывшую въ союзѣ съ Вла-

дміромъ. Это удаленіе Котяна заставило и Владиміра прекратить войну, воротиться въ Кіевъ и заключить миръ съ Даніиломъ. Между тѣмъ Королевичь Венгерскій, продолжавшій княжить въ Галичѣ, и поддерживавшій его Галицкій бояринъ, крамольный Судиславъ, крайне надоѣли Галичанамъ; и когда Судиславъ однажды отправился въ Понизье, то Даніилова партія Галичанъ прислала сказать ему: «Судиславъ пошелъ въ Понизье, а Королевичь остался въ Галичѣ одинъ, приходи поскорѣе.» По этому приглашенію Даніилъ отправилъ своего тысяцкаго Демьяна въ Понизье противъ Судислава, а самъ съ небольшою дружиною пустился къ Галичу; но прежде нежели онъ успѣлъ придти, Судиславъ уже возвратился въ городъ, успѣлъ укрѣпить его и зажегъ мостъ, чтобы непропустить Даніила чрезъ Днѣстръ. Между тѣмъ къ Даніилу подошли тысяцкій Демьянъ съ своимъ полкомъ и всѣ Галицкіе бояре нелюбившіе Венгровъ и Судислава, такъ что у Даніила собралось войско со всей Галицкой земли, отъ рѣки Боброка до Ушицы и Прута, и окружило Галичь со всѣхъ сторонъ; и Венгры съ Судиславомъ и Королевичемъ принуждены были сдаться. Даніилъ, принявши Галичь, отпустилъ Королевича къ отцу, помня прежнюю любовь Венгерскаго Короля къ себѣ; съ Королевичемъ ушелъ въ Венгрію и Судиславъ, котораго жители Галича провожали камнями, приговаривая: «Изыди изъ града мятежниче земли». Судиславъ, пришедши въ Венгрію, поднялъ Короля на Даніила, и тотъ собравъ большое войско двинулся къ Галичу, онъ думалъ, что Галичу непротивустоять его силѣ. Но Даніиловъ тысяцкій Демьянъ такъ хорошо умѣлъ укрѣпить городъ, что Королю долго пришлось стоять подъ нимъ; а между тѣмъ Даніилъ успѣлъ

привести полки Поляковъ и Котяна Половецкаго, и тѣмъ заставилъ Короля снять осаду Галича и въ самую дождливую пору начать отступленіе въ Венгрію. Это отступленіе было самое гибельное для Венгровъ: они преслѣдуемые полками Даніила и Половцевъ много потеряли и пѣшихъ и конныхъ по дорогѣ, а особенно при переправѣ чрезъ Днѣстръ; иные изъ нихъ потонули, иные померли отъ ранъ и непогоды, другіе убиты или взяты въ плѣнъ.

Но Даніилъ на этотъ разъ не могъ спокойно жить въ Галичѣ, побѣждая враговъ внѣшнихъ, онъ постоянно терпѣлъ отъ внутреннихъ измѣнниковъ. Вѣроломные Галицкіе бояре раздѣленные на партіи, видя успѣхи Даніила противъ Венгровъ и другихъ непріятелей, стали чинить противъ него заговоры и, снесшись съ Александромъ Всеволодичемъ Бѣльзскимъ, сперва хотели сжечь его, а когда это неудалось, то думали убить его на пиру; но вѣрный тысяцкій Демьянъ успѣлъ узнать объ этомъ и предувѣдомилъ Князя. Тогда Даніилъ послалъ брата своего Василька на Александра, который принудилъ его бѣжать изъ Бѣльза въ Перемышль, куда бѣжали и вѣроломные бояре, противники Даніила. И началась у Даніила война съ измѣнниками боярами и ихъ союзниками, продолжавшаяся шесть лѣтъ; въ эту войну вмѣшались и Венгры и Поляки и Князья Черниговскіе и Половцы; Галичь нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, было даже время, что Даніилъ былъ изгнанъ и изъ своихъ отчинныхъ владѣній Волынскихъ. Даніилъ сначала успѣлъ взять Перемышль и заставилъ Александра бѣжать въ Венгрію къ Судиславу, Судиславъ же опять однялъ Венгерскаго Короля и повелъ на Даніила. Ко-

роль, перешедши Санъ взялъ Ярославль, потомъ подступилъ къ Галичу, гдѣ бояре измѣнили Даніилу, и Даніилъ принужденъ былъ оставить Галичь; оттуда Король пошелъ къ Владиміру-Волынскому и принудилъ тамошняго воеводу знаменитаго Мирослава заключить миръ, по которому Мирославъ за своего Князя Даніила возвратилъ Бѣльзъ и Червенъ Александру. Венгерскій Король заключивши такимъ образомъ миръ и посадивши въ Галичѣ своего сына Андрея, возвратился въ Венгрію; а Даніилъ въ это время удачно воевалъ около Бужска и забралъ много плѣнниковъ, но по случаю мира заключеннаго Мирославомъ долженъ былъ прекратить войну, и довольствоваться Владиміромъ-Волынскимъ.

Вскорѣ по примиреніи съ Венгерскимъ Королемъ, Владиміръ Рюриковичь Кіевскій прислалъ сказать Даніилу: «идетъ на меня Михаилъ Черниговскій, приходи братъ помочь мнѣ.» Даніилъ, полагаясь на миръ съ Венграми, отправился къ Владиміру въ Кіевъ съ своимъ полкомъ и успѣлъ тамъ сдѣлать съѣздъ, на которомъ Владиміръ и Михаилъ примирились. Между тѣмъ Венгерскій Королевичь, думая воспользоваться отсутствіемъ Даніила, напалъ на его владѣнія и подступилъ къ Бѣлобережью, что на рѣкѣ Случѣ. Даніилъ, получивши объ этомъ вѣсть отъ своего сторожеваго воеводы Владислава, по согласію съ Владиміромъ Кіевскимъ пошелъ въ тылъ Венграмъ и Галичанамъ, чтобы такимъ образомъ отрѣзать ихъ отъ Галича; Королевичь, провѣдавши объ этомъ, поспѣшилъ отступить къ Галичу; Даніилъ же, соединясь съ братомъ своимъ Василькомъ, погнался за нимъ и нагналъ у Шумска. Подъ Шумскомъ оба войска вступили въ бой; здѣсь

Данiилъ, Василько и тысяцкiй Демьянъ оказали чудеса храбрости и долго отстаивали побѣду, но наконецъ принуждены были отступить къ Торческу; впрочемъ и въ полкахъ Королевича было страшное пораженiе, такъ что онъ не только не преслѣдовалъ отступающаго Данiила, но и самъ бѣжалъ въ Галичь безъ оглядки. Ближайшимъ слѣдствiемъ битвы подъ Шумскомъ было то, что Александръ Бѣльзскiй отступилъ отъ Венгровъ и Галичанъ и соединился съ Данiиломъ, а Данiилъ, пріобрѣтши союзника, продолжалъ воевать и вмѣстѣ съ Александромъ отнялъ у Галичанъ Плѣньскъ. На слѣдующiй годъ Королевичъ и Судиславъ выслали противъ Данiила воеводу Дьяниша; Данiилъ противъ Дьяниша привелъ Владiмiра Рюриковича Кiевскаго, Изяслава Новгородъ-Сѣверскаго и Котяна Половецкаго, далъ битву у Перемышля, принудилъ Дьяниша, Королевича и Судислава отступить къ Галичу, и пошелъ за ними; но союзники его отказались идти далѣе, и такимъ образомъ заставили и его воротиться назадъ. Тѣмъ не менѣе дѣла Венгровъ въ Галичѣ были крайне плохи, и на слѣдующiй годъ Глѣбъ Земѣевичь и большая часть Галицкихъ бояръ оставили Королевича и перешли къ Данiилу. Видя расположенiе Галицкихъ бояръ Данiилъ съ братомъ Василькомъ вступилъ въ Галицкiя владѣнiя, и городъ за городомъ сдались ему добровольно, наконецъ послѣ девяти-недѣльной осады Галича, (въ продолженiи которой умеръ Королевичь), Галичане сами пригласили Данiила, причемъ Судиславъ убѣжалъ въ Венгрiю. Такимъ образомъ Данiилъ снова сдѣлался Княземъ Галицкой и Волынскоi земли, впрочемъ не надолго. Но какъ въ новомъ изгнанiи Да-

нiила изъ Галича были замѣшаны почти всѣ княжества Приднѣпровской Руси; то нужно напередъ сказать объ ихъ положенiи въ это время.

Въ прочихъ княжествахъ Приднѣпровской Руси послѣ Калкской битвы также были междоусобiя, хотя первоначально гораздо меньшiя нежели въ Галичѣ и на Волыни. Прежде всего начались междоусобiя въ землѣ Черниговской; тамъ, какъ мы уже увидѣли, прямо по возвращенiи съ Калкской битвы занялъ Черниговъ храбрый Олегъ Святославичь Курскiй. Михаилъ Всеволодовичь, сынъ Всеволода Чермнаго, бывшiй въ то время въ Новгородѣ, услыхавши объ этомъ, немедленно отправился въ Черниговскую сторону, и съ начала думалъ посредствомъ переговоровъ вывести Олега изъ Чернигова; но, неуспѣвши въ этомъ, обратился за помощiю къ тестю своему Юрiю Суздальскому. Юрiй Суздальскiй и его Суздальскiе полки однимъ появленiемъ своимъ, невступая даже въ битву, примирили враждующихъ Князей, и принудили Олега уступить Черниговъ Михаилу. Такимъ образомъ Михаилъ сдѣлался Княземъ Черниговскимъ и удержалъ за собою это княженiе почти до своей смерти; онъ умѣлъ подчинить себѣ всѣхъ младшихъ Черниговскихъ Князей и недопускать междоусобiй въ своей землѣ; но въ тоже время самъ принималъ дѣятельное участiе въ междоусобiяхъ другихъ Русскихъ владѣнiй и въ первые годы своего княжествованiя въ Черниговѣ, велъ упорную борьбу съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, Княземъ Переяславля-Залѣсскаго, въ защиту Новгородцевъ, потомъ отъ Новгорода обратился къ Приднѣпровью.

Михаилъ сначала жилъ мирно съ Владимiромъ Кiевскимъ, даже въ 1226 году помогалъ ему противъ Данiила Ро-

мановича Волынскаго; но въ 1231 году былъ съѣздъ Приднѣпровскихъ Князей въ Кіевѣ, на которомъ Михаилъ разсорился съ Владиміромъ и началъ съ нимъ войну. Владиміръ, не надѣясь одинъ противустоять Князю Черниговскому, пригласилъ къ себѣ на помощь Даніила Романовича, который и успѣлъ примирить противниковъ, ибо на Черниговскія владѣнія напалъ Ярославъ Переяславскій, слѣдовательно Михаилу нуженъ былъ миръ, чтобы свободнѣе раздѣлаться съ своимъ старымъ врагомъ. Но миръ этотъ, заключенный по нуждѣ, не могъ быть продолжителенъ, имъ не были довольны ни та ни другая сторона; и Михаилъ, управившись съ Ярославомъ, опять началъ сбираться на Владиміра Рюриковича и въ 1233 году осадилъ Кіевъ; но на выручку къ Владиміру явился Даніилъ Романовичь съ полками Галичанъ и Волынцевъ, и принудилъ Михаила снять осаду Кіева и перебраться за Днѣпръ. Но недовольные симъ успѣхомъ Владиміръ и Даніилъ сами переправились за Днѣпръ и стали опустошать Черниговскія владѣнія; къ нимъ присталъ Мстиславъ Глѣбовичь, двоюродный братъ Михаила, и они побравши многіе города по Деснѣ подступили къ Чернигову, предлагая Черниговцамъ въ Князья Мстислава Глѣбовича. Черниговскіе посады были уже заняты полками союзниковъ, окрестности опустошены, къ самому городу уже были подвезены стѣнобитныя орудія осаждающихъ, которыя уничтожали въ осажденныхъ всякую надежду на спасеніе; но Михаилъ одною хорошо разчитанною хитростію уничтожилъ всѣ успѣхи противниковъ, онъ выступилъ изъ Чернигова, показывая видъ, что уже отчаялся продолжать оборону города, а граждане потянули длинные переговоры съ осаждающими; ме-

жду тѣмъ Михаилъ неожиданно поворотилъ назадъ въ тылъ полковъ Даніиловыхъ, и такое произвелъ въ нихъ опустошеніе, что Даніилъ едва успѣлъ уйдти, а въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ и Князь Кіевскій.

Лишь только Михаилъ такимъ образомъ освободилъ Черниговъ, какъ его союзникъ Изяславъ Новгородъ-Сѣверскій привелъ къ нему полки Половцевъ: получивши такое важное пособіе, Михаилъ и Изяславъ переправились черезъ Днѣпръ и пошли къ Кіеву. Этотъ неожиданный походъ сильно смутилъ Владиміра и Даніила; особенно послѣдній утомленный Черниговскимъ походомъ, продолжавшимся отъ Крещенія до Вознесенья, хотѣлъ уже оставить своего союзника и лѣсами пробраться въ Галицкую землю; но остановленный просьбами Кіевскаго Князя, рѣшился еще попытать счастья въ битвѣ и вмѣстѣ съ Владиміромъ подступилъ къ Торческу. Тамъ Михаилъ съ своими союзниками Половцами уже поджидалъ противниковъ и немедленно вступилъ въ бой, который не смотря на отчаянную храбрость Даніила, кончился въ пользу Черниговскаго Князя: полки Кіевскіе и Галицкіе были разбиты, Владиміръ и Галицкій воевода Мирославъ попались въ плѣнъ, Даніилъ же едва убѣжалъ въ Галичь. Торческое пораженіе навело страхъ на Галичанъ, а бояре донесли Даніилу, что Изяславъ и Половцы уже идутъ къ Владиміру Волынскому, чего вовсе не было; Даніилъ немедленно отправилъ туда своего брата Василька съ уцѣлевшими полками, а самъ остался почти безъ войска, и крамольные бояре пользуясь этимъ произвели мятежъ, который заставилъ Даніила удалиться въ Венгрію. Между тѣмъ Торческіе побѣдители вошли въ Кіевъ, отдали плѣннаго Владиміра

его жену и дѣтей Половцамъ, Кіевъ же Михаилъ уступилъ своему союзнику Изяславу, а самъ пошелъ въ Галичь и занялъ его по согласію съ тамошними боярами.

Но занятіе Галича далеко еще не оканчивало спора; Даніилъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы упасть духомъ послѣ одной неудачи, при томъ же у него были союзники Нѣмцы и Поляки; а посему Михаилу предстояло много еще хлопотъ и опасностей. При началѣ зимы того же года Василько, а за нимъ и Даніилъ съ полками Поляковъ, двинулись къ Галичу; но Михаилъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и принудилъ воротиться назадъ. А на слѣдующій годъ самъ Михаилъ послалъ Галичанъ и Болховскихъ Князей къ Даніилову городу Каменцу; но этотъ походъ не удался,—Владиміръ Рюриковичь, выкупившійся изъ Половецкаго плѣна, пришелъ съ Торками на выручку Каменца, разбилъ Галичанъ и многихъ взявши въ плѣнъ отослалъ къ Даніилу. Впрочемъ эта неудача не сокрушила Михаила, онъ съ началомъ лѣта того же года вмѣстѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ, пригласивши Половцевъ и Поляковъ, началъ войну съ Даніиломъ, требуя выдачи Болховскихъ Князей захваченныхъ подъ Каменцомъ; но и эта война неимѣла надлежащаго успѣха: измѣна Поляковъ и Половцевъ принудила Михаила возвратиться въ Галичь и заключить миръ, по которому онъ уступилъ Романовичамъ Перемышль. Впрочемъ главною причиною поспѣшнаго заключенія мира были не успѣхи Романовичей, а вѣсть о занятіи Кіева Ярославомъ Всеволодовичемъ, Княземъ Переяславля Залѣсскаго, этимъ давнишнимъ и упорнымъ врагомъ Михаила. Но когда Ярославъ, не могши удержаться въ Кіевѣ, удалился въ свой Переяславль, то дѣ-

ла Михаила быстро измѣнились къ лучшему: самъ онъ немедленно занялъ Кіевъ, а сынъ его Ростиславъ, оставленный въ Галичѣ, отнялъ у Даніила Романовича Перемышль, и такимъ образомъ Михаилъ сдѣлался первенствующимъ Княземъ Юго-западной Руси, владѣя въ одно и тоже время Черниговомъ, Галичемъ и Кіевомъ. Тѣмъ не менѣе владычество Михаила въ Галичѣ было не надежно, Романовичи не переставали объявлять своихъ притязаній на Галичь и тайно сносились съ Галицкими боярами; и когда однажды Михаиловъ сынъ Ростиславъ, сидѣвшій въ Галичѣ, пошелъ съ своими полками воевать Литовскую землю, то Галичане сами пригласили Даніила и сдали ему городъ.

Послѣ перваго нашествія Татаръ на Приднѣпровскую Русь, Суздальскія владѣнія и вся Сѣверо-восточная Русь, до которыхъ это нашествіе не касалось, были спокойны отъ внутреннихъ междоусобій. Тамъ старшимъ Княземъ былъ Юрій Всеволодовичь Владимірскій, который умѣлъ держать въ довольномъ повиновеніи и братьевъ своихъ и племянниковъ, онъ даже не оставлялъ притязаній своего дома и на Приднѣпровье и посылалъ въ Переяславль Русскій то братьевъ, то сыновей своихъ и племянниковъ; впрочемъ онъ старался избѣгать ссоръ съ Приднѣпровскими Князьями и только одинъ разъ предпринималъ походъ въ Черниговъ для поддержанія зятя своего Михаила Всеволодовича. Главное вниманіе Юрія было обращено на Новгородъ и на восточныхъ своихъ сосѣдей, на Волжскихъ Болгаръ и Мордву. Съ Новгородцами онъ то мирился, то воевалъ, и постоянно старался поддерживать Суздальскую партію въ Новгородѣ и чрезъ нее держать Новгородцевъ въ зависимости; въ этомъ дѣлѣ при-

нималъ самое дѣятельное участіе и братъ его Ярославъ, Князь Переяславля-Залѣсскаго. Относительно Мордвы Юрій нѣсколько разъ посылалъ туда свои воїска подъ начальствомъ то своихъ братьевъ, то племянниковъ, которые большею частію походы свои ограничивали разореніемъ Мордовскихъ селъ. Наконецъ зимою 1228 года отправился на Мордву самъ Юрій съ своимъ братомъ Ярославомъ, съ племянниками Василькомъ и Всеволодомъ Константиновичами Ростовскими и съ Муромскимъ Княземъ Юріемъ Давыдовичемъ. Въ этомъ походѣ Юрій страшно опустошилъ всю волость Мордовскаго Князя Пургаса; но тѣмъ конечно Мордва еще не смирилась: на другой же годъ Князь Пургасъ явился подъ Нижнимъ Новгородомъ мстить за разореніе своей области, и успѣлъ сжечь монастырь Пресвятыя Богородицы, стоявшій внѣ города. Впрочемъ у Русскихъ Князей были и въ Мордвѣ свои союзники, своя партія; только что Пургасъ воротился изъ подъ Нижняго, какъ на него напалъ другой Мордовскій Князь, Юріевъ союзникъ, сынъ Пурешевъ, и вмѣстѣ съ Половцами избилъ Мордву и Русь Пургасову, такъ что самъ Пургасъ едва спасся бѣгствомъ. Съ Болгарами у Юрія не было войны съ 1220 года, въ лѣтописи только упоминается подъ 1229 годомъ, что Болгары присылали къ Юрію посольство для возобновленія мира, заключеннаго въ 1220 году, и объ стороны размѣнялись плѣнниками. И въ томъ же 1229 году пришла вѣсть, что Половцы и Саксины, преслѣдуемые Татарами, съ низовьевъ Волги бѣжали къ Болгарамъ, и что Татары избили Болгарскую стражу на Яикѣ. Потомъ въ 1232 году пришла другая вѣсть, что Татары зимовали недошедши Великаго города Болгарскаго.

Но вѣсти сіи ни сколько не безпокоили ни Князей ни народъ; и Юрій въ томъ же году посылалъ на Мордву своего сына Всеволода, племянника Ѳедора Ярославича, и Князей Муромскихъ и Рязанскихъ, которые по обычаю пожгли тамошнія села и избили множество Мордвы. Наконецъ пришли вѣсти въ 1236 году, что Татары взяли Великій городъ Болгарскій, избили всѣхъ жителей отъ мала до велика, сожгли городъ и плѣнили всю землю Болгарскую.

Въ слѣдъ за вѣстями о покореніи Волжской Болгаріи Татарами, изъ за Мордовскихъ лѣсовъ сами Татары явились въ предѣлахъ Рязанскихъ и Муромскихъ; ихъ несмѣтныя полчища, предводительствуемыя Ханомъ Батыемъ и многими Князьями, остановились на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Суры, рѣкѣ Опузѣ. Батый съ этого становища прислалъ къ Рязанскимъ Князьямъ требовать десятины во всемъ, и въ Князьяхъ, и въ людяхъ, и въ коняхъ десятое. На это требованіе Рязанскіе Князья Юрій и Олегъ Ингваревичи, а также Князья Муромскій и Пронскій, отвѣчали: «когда, насъ не будетъ, то все ваше будетъ», и послѣ такого отвѣта всѣ вмѣстѣ пошли къ рѣкѣ Воронежу на встрѣчу Татарамъ, не желая ихъ допустить къ своимъ городамъ. Но рать Рязанскихъ Князей, не смотря на свою храбрость, была слишкомъ слаба противъ несмѣтныхъ полчищъ Батыевыхъ, закаленныхъ въ бояхъ; и Князья разбитые на голову бѣжали къ своимъ городамъ, Татары же преслѣдуя ихъ взяли городъ за городомъ, Князей и жителей избили, а города сожгли. Обративши такимъ образомъ Рязанскую землю въ пустыню, Батый пошелъ къ Коломнѣ. Юрій Всеволодовичь Владимірскій, который, несмотря на усильныя просьбы, не прислалъ помощи Рязанскимъ Князьямъ,

теперь выслалъ на Коломну своего сына Всеволода и воеводу Еремѣя Глѣбовича, приказавъ имъ соединиться съ уцѣлѣвшимъ отъ пзбіенія Рязанскимъ Княземъ Романомъ Ингваревичемъ. Татары не замедлили обступить ихъ своими многочисленными полками, и въ страшной сѣчѣ подъ Коломною убили Романа Ингваревича и воеводу Еремѣя Глѣбовича, а Всеволодъ съ малымъ остаткомъ дружины убѣжалъ во Владиміръ; въ слѣдъ за тѣмъ Татары взяли Москву, тамошняго воеводу убили, а Князя Владиміра, сына Юріева, захватили въ плѣнъ.

Юрій узнавши о несчастіи своихъ сыновей, поручилъ защиту Владиміра своимъ сыновьямъ Всеволоду и Мстиславу и воеводѣ Петру Ослядюковичу, а самъ ушелъ за Волгу собирать полки и ждать пока подойдутъ къ нему братья Ярославъ и Святославъ съ своими полками. Между тѣмъ Татары 3-го Февраля подступили къ Владиміру и въ продолженіи пяти дней огородили его со всѣхъ сторонъ тыномъ и приготовили стѣнобитныя орудія; а 8 Февраля пошли на приступъ и до обѣда вломились съ разныхъ сторонъ въ новый или окольный городъ и зажгли его, къ вечеру же взяли и старый или Печерный городъ, при чемъ погибли всѣ Князья, тѣмъ бывшіе съ своими семействами, и множество народа. По взятіи Владиміра Татары, раздѣлившись на отряды, пошли далѣе и въ продолженіи Февраля мѣсяца взяли четырнадцать городовъ въ землѣ Суздальской и Ростовской, и доходили съ одной стороны до Торжка, до границъ Новгородскихъ, а съ другой до Галича Мерьскаго. Юрій Всеволодовичь все это время собиралъ войска и стоялъ на рѣкѣ Сити за нынѣшнею Мологою. Наконецъ 3 Марта 1237 года Татары явились и туда и дали битву Юрію, въ которой пол-

ки Юріевы и Князей Ростовскихъ были совершенно разбиты; самъ Юрій убитъ со множествомъ бояръ и воинства, а племянникъ его Князь Ростовскій Василько попался въ плѣнъ, и былъ замученъ Татарами за то, что нехотѣлъ принять ихъ закона и измѣнить Христіанской вѣрѣ.

Отъ Сити Татары пошли къ Торжку, и послѣ двухъ-недѣльной осады взяли этотъ городъ приступомъ, а людей всѣхъ избили, даже младенцевъ; отъ Торжка они двинулись къ Новгороду Селигерскимъ путемъ, посѣкая людей, по выраженію лѣтописи, какъ траву, но по причинѣ страшной весенней распутицы и непроходимыхъ въ это время болотъ, не дошедши до Новгорода ста верстъ, вдругъ отъ Игнача креста поворотили на югъ и подошли къ Козельску, въ сѣверныхъ предѣлахъ Черниговскихъ владѣній, въ нынѣшней Калужской губерніи. Князь Козельска былъ еще малолѣтнымъ, но княжая дружина и Козельская земщина собрали общее вѣче, и на этомъ вѣчѣ рѣшили умереть за Князя и не сдавать города, и какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. семь недѣль Батый со всѣми своими полками стоялъ подъ Козельскомъ, и семь недѣль Козельцы отбивали приступы его полковъ; наконецъ когда стѣны города были совершенно разрушены, то отбивши послѣдній приступъ ножами, дружинники и земцы Козельскіе, не имѣя возможности долѣе защищать развалины города, собрали новое вѣче и по рѣшенію его бросились на станъ непріятельскій, избили четыре тысячи Татаръ и сами легли костьми, будучи подавлены множествомъ силы Батыевой. Отъ Козельска Батый пошелъ прямо въ степи Половецкія, и разбивши Котяна и совершенно выгнавши его изъ Половецкой земли, остался тамъ слишкомъ на годъ, чтобы дать отдыхъ своимъ полкамъ; потомъ

зимою 1239 года опять явился на границахъ сѣверо-восточной Руси, завоевалъ землю Мордовскую, и, вошедши въ Русскую землю, взялъ Муромъ и дошелъ до Клязмы. Жители Сѣверовосточной Руси отъ ужаса уже не знали куда дѣваться, бросали домы и уходили въ лѣса; какъ вдругъ Батый поворотилъ на югъ въ степи, и оттуда однимъ отрядомъ двинулся къ Переяславлю Русскому, а другимъ къ Чернигову; и разумѣется ни Переяславль, ни Черниговъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе не могли защититься и отсидѣться. Сперва былъ взятъ Переяславль, Татары его сожгли, а жителей на половину избили и наполовину отвели въ неволю, и равнымъ образомъ сожгли и опустошили и другіе города Переяславскаго Княжества. Въ слѣдъ за Переяславлемъ былъ взятъ и сожженъ Черниговъ, гдѣ упорно и долго защищался Князь Мстиславъ Глѣбовичь, оставленный тамъ Михаиломъ; таже участь постигла и другіе города Черниговскаго княжества: жители были изсѣчены или уведены въ плѣнъ, а города сожжены, такъ что весь лѣвый берегъ Днѣпра обратился въ пустыню, и остатки жителей укрывались въ лѣсахъ и пещерахъ.

Наконецъ дошла очередь и до Кіева, Батый вскорѣ по взятіи Чернигова послалъ туда своего племянника Мунке; тотъ не переходя Днѣпра остановился у Песочнаго и черезъ пословъ потребовалъ сдачи города. Михаилъ Всеволодовичь, княжившій тогда въ Кіевѣ, въ отвѣтъ на такое требованіе приказалъ убить Татарскихъ пословъ. Конечно и Князь и жители Кіева уже ждали приступа и готовились умереть въ жестокомъ бою съ Татарами; но Мунке было не до Кіева,—пришли вѣсти, что въ Мон-

голіи умеръ отецъ его ханъ Угедей, и ему нужно было ѣхать на родину, и такимъ образомъ Кіевъ на время уцѣлѣлъ. Впрочемъ Михаилъ Всеволодовичь, сначала погорячившійся и приказавшій убить Татарскихъ пословъ, скоро увидалъ, что ему не защитить Кіева, и въ слѣдъ за удаленіемъ Мунке убѣжалъ въ Венгрію, а Кіевомъ завладѣлъ Ростиславъ Мстиславичь Смоленскій; но Даніилъ Галицкій, схватилъ Ростислава и, взявъ Кіевъ себѣ, посадилъ тамъ своего знаменитаго воеводу тысяцкаго Димитрія, и поручилъ ему защищать городъ въ случаѣ нападенія Татаръ; Димитрію не долго пришлось ждать этого нападенія. Зимою 1240 года. т. е. почти черезъ годъ по отступленіи Мунке, явился подъ Кіевомъ и самъ Батый съ одинадцатью знаменитыми Татарскими Князьями и съ шестьюстами тысячь войска. Онъ обступилъ городъ со всѣхъ сторонъ, повелъ приступъ къ Лятскимъ воротамъ и дѣйствуя день и ночь стѣнобитными орудіями повалилъ городскую стѣну; но за рухнувшею стѣною явилась живая стѣна защитниковъ города, и началась страшная рѣзня, продолжавшаяся до вечера; наконецъ раненъ былъ воевода Димитріи и защитники города отступили къ церкви Св. Богородицы, а Татары на ночь расположились на разрушенной стѣнѣ. Къ утру у гражданъ явилась новая стѣна около Богородицкой церкви, и опять началась страшная рѣзня; наконецъ сила сломила, и Кіевъ былъ взятъ Татарами 6-го Декабря. Князья Волынскіе и Галицкіе, услыхавши о взятіи Кіева, бѣжали въ Венгрію; а въ слѣдъ за ними въ Волынской и Галицкой землѣ явился и Батый съ своими Татарами, и взялъ силою Каменецъ, Галичь, Владиміръ Волынскій и другіе города тамошняго

края. Такимъ образомъ вся Русская земля, за исключеніемъ, Полоцкихъ, Смоленскихъ и Новгородскихъ владѣній, была страшно опустошена Татарами, и своими разрозненными силами нигдѣ не могла защититься отъ ихъ несмѣтной силы.

—

РАЗСКАЗЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ВО ВРЕМЯ СУЗДАЛЬЩИНЫ.

Во время Суздальщины, какъ мы уже видѣли изъ разсказа о между-княжескихъ отношеніяхъ, утвердился новый порядокъ, по которому Князья стали заботиться о томъ, чтобы постоянно удерживать за собою свои отчинныя владѣнія, и стараться объ ихъ увеличеніи и улучшеніи, а не мѣнять ихъ на другія, какъ бывало прежде при внукахъ и правнукахъ Ярослава. Этотъ новый порядокъ выдвинулъ впередъ земщину и сильно измѣнилъ княжескія отношенія къ ней. Въ прежнее время Князья заботились преимущественно о добываніи высокихъ столовъ, какъ говоритъ Даніилъ Заточникъ, мало думали объ устройствѣ своихъ волостей и о сближеніи съ своею земщиною; и какъ мы уже видѣли, ихъ отношенія къ земщинѣ ограничивались судомъ и управою, сборомъ установленныхъ доходовъ, и защитою волости отъ непріятельскихъ нападеній; мимо сихъ отношеній Князья жили сами по себѣ, а земщина сама по себѣ. Теперь же этотъ порядокъ сильно измѣнился; Князья, живучи постоянно въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ, по необходимости должны были болѣе сближаться съ земщиною,

заботиться о лучшемъ устройствѣ своихъ волостей, принимать участіе въ чисто земскихъ распоряженіяхъ, хлопотать о заселеніи пустующихъ земель, о пріискапіи жителей, о построеніи городовъ, слободъ и селъ. Такъ тогдашнія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій построили множество городовъ въ Суздальской и Ростовской землѣ, а еще прежде ихъ Князья Рязанскіе и Муромскіе, потомки Ярослава Святославича, раньше ихъ отказавшіеся отъ искапія чужихъ волостей, застроили городами и селами свои отчинныя владѣнія, Рязанскія и Муромскія; то же дѣлали въ это время и Князья Черниговскіе и Смоленскіе и Волынскіе. Конечно построеніемъ городовъ Князья занимались и прежде, такъ и Владиміръ и Ярославъ строили города въ Приднѣпровьѣ, и тоже, хотя въ меньшемъ размѣрѣ дѣлали ихъ внуки и правнуки; но города, ими построенные, строились преимущественно съ военною цѣлію для защиты Приднѣпровскихъ границъ отъ набѣговъ кочевниковъ, и населялись обыкновенно младшими дружинниками, или Торками, Берендѣями, плѣнниками изъ Польши и Литвы и даже покорившимися или мирными Половцами. Напротивъ того во время Суздальщины Князья строили города не столько по границамъ, сколько внутри своихъ владѣній и не для военныхъ цѣлей, а для развитія промышленности и для лучшаго заселенія пустующихъ земель. Самое населеніе сихъ городовъ уже не походило на прежнее: теперь Князья стали заселять свои города преимущественно мирными жителями земледѣльцами, торговцами и разными промышленниками, какъ туземцами, такъ и пришельцами, старались ихъ привлекать разными льготами, преимуществами и выгодами. Такъ объ Ан-

дреѣ Боголюбскомъ лѣтопись говоритъ, что онъ пригласилъ къ себѣ въ Боголюбовъ разныхъ мастеровъ. Или разсказывая о построеніи Холма, лѣтопись пишетъ о Даніилѣ Романовичѣ Волынскомъ: «и началъ призывать прихожихъ Нѣмцевъ и Русь, иноязычниковъ и Ляховъ; и шли изо дня въ день юноши и мастеры всякіе, и сѣдельники, и тульники, и лучники, и кузнецы мѣди, желѣзу и серебру, и была жизнь, и наполнили дворы около города, поля и села.» То же конечно дѣлали и другіе Князья при построеніи городовъ и слободъ и вообще при заселеніи пустыхъ земель и дикихъ лѣсовъ въ ихъ владѣніяхъ; они вызывали для этого охотниковъ, какъ изъ своихъ владѣній, такъ изъ сосѣднихъ и даже дальнихъ земель, приманивая ихъ къ себѣ разными выгодами и льготами, освобождая ихъ на время поселенія и на урочные годы, лѣтъ на пять, на десять и больше, вовсе отъ податей, и отдавая имъ во владѣніе и даже въ собственность разныя земли и угодья, а иныя города и селенія навсегда освобождая отъ тѣхъ или другихъ податей и повинностей. Князья того времени почти также заботились о привлеченіи къ себѣ земцовъ изъ чужихъ волостей и болѣе густомъ населеніи своей волости, какъ ихъ отцы и дѣды заботились объ увеличеніи своихъ дружинъ; и по сему въ то время къ ласковому и распорядительному Князю, умѣвшему сохранять покой и тишину въ своихъ владѣніяхъ и не отягощать земцевъ поборами, охотники селиться шли со всѣхъ сторонъ, земщина въ его владѣніяхъ росла съ неимовѣрною быстротою, люди изъ ближнихъ и дальнихъ земель спѣшили селиться въ его волости. Напротивъ того у Князя нерадиваго, или тяжелаго, пустѣла земля, ежели онъ былъ силенъ, или

его самого выгоняли изъ земли, ежели онъ былъ слабъ; такъ мы видѣли, что Владимірцы выгнали отъ себя Ростиславичей, племянниковъ Боголюбскаго, за то, что они нерадиво управляли и дали волю посадникамъ и тіунамъ грабить и пустошить волость.

Вмѣстѣ съ сближеніемъ Князя съ земщиною и дружинники стали болѣе сближаться съ земцами, они также начали усерднѣе обзаводиться поземельными имѣніями, стали устроивать себѣ слободы и селы и населять ихъ свободными поселенцами, или изъ земцевъ той же волости или изъ сосѣднихъ владѣній, приманивая ихъ разными льготами и ссудами для поселенія, и слѣдовательно принимать на себя до нѣкоторой степени характеръ земцевъ, не оставляя впрочемъ дружинничьей службы, которая еще представляла для нихъ много выгодъ. И въ тоже время выгоды княжей службы привлекали въ дружину множество земцевъ. Отъ этого, по свидѣтельству лѣтописей, тогдашнія дружины Князей, преимущественно составлялись изъ туземцевъ, такъ что лѣтописи въ это время стали называть княжескія дружины не столько по имени Князей, сколько по названію княжествъ; такъ дружинниковъ Суздальскаго Князя Суздальцами, дружинниковъ Смоленскаго Князя Смольнянами, Черниговскаго Черниговцами и подобн. Но отъ этого еще не сливалась дружина съ земщиною, земскіе полки еще составляли отдѣльныя рати отъ княжескихъ дружинъ, имѣли свое устройство, и своихъ предводителей подъ названіемъ тысяцкихъ и земскихъ воеводъ. И по прежнему земскія рати преимущественно собирались только для защиты земли и отраженія непріятелей, нападавшихъ на волость; но какъ въ тогдашнее время Князья, усѣвшіеся въ сво-

ихъ отчинныхъ владѣніяхъ, и не думавшіе уже оставлять ихъ или мѣнять, сильнѣе слили свои интересы съ интересами земли, то необходимымъ слѣдствіемъ сего было то, что земскія рати стали принимать гораздо болѣе участія въ между княжескихъ войнахъ, такъ что тогда уже не было почти ни одной княжеской войны, въ которой бы не принимала участія мѣстная земщина своими полками; тогда уже защита Князя до нѣкоторой степени слилась съ защитою земли. Земцы даже стали участвовать въ княжескихъ походахъ на другихъ Князей; впрочемъ это и тогда еще было не всегда, и зависѣло отъ расположенія земщины къ своему Князю.

Дѣятельное участіе земщины въ между-княжескихъ войнахъ значительно измѣнило и самый характеръ сихъ войнъ. Въ прежнее время Князья, враги между собою, не были врагами земщины своего противника и среди самой войны постоянно старались оставлять неприкосновенными селенія и имущество земцевъ, а только грабили и опустошали имущества своихъ противниковъ Князей. Напротивъ того, во время Суздальщины, одинъ Князь воюя противъ другаго уже нещадилъ земщины своего противника, грабилъ, жегъ и опустошалъ города и села, не разбирая что Княжее и что земское, и ежели возможно присоединялъ его волость къ своей волости. Такъ при взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, этотъ городъ подвергся страшному опустошенію и разграбленію, жители земцы многіе были убиты, многіе взяты въ неволю, чего прежде никогда не бывало; ту же участь потерпѣлъ Кіевъ отъ Изяслава Ярославича въ 1175 году и отъ Рюрика Ростиславича въ 1203 году. Равнымъ образомъ Всеволодъ Юрьевичь Суздальскій въ своихъ вой-

нахъ съ Рязанскими Князьями страшно опустошалъ и жегъ Рязанскую землю, и наконецъ въ 1207 году довелъ Рязанцевъ до того, что они на общемъ своемъ вѣчѣ рѣшили схватить своихъ Князей, какіе у нихъ остались, и отослать ихъ съ Княгинями и дѣтьми къ Всеволоду во Владиміръ. Послѣ сего Всеволодъ послалъ княжить въ Рязань своего сына Ярослава; а когда Рязанцы не поладили съ Ярославомъ, то опять пошелъ на нихъ воиною и всѣхъ гражданъ города Рязани и съ епископомъ отвелъ плѣнниками во Владиміръ. Таковое раззореніе въ княжескихъ войнахъ начали терпѣть въ то время и Черниговская и Полотская и Галицкая и другія земщины; теперь Князья ихъ уже не щадили, какъ въ былое время.

Новый порядокъ, по которому Князья стали дорожить своими отчинными волостями и стараться удерживать ихъ за собою до послѣдней крайности, произвелъ то, что земщины, въ которыхъ неуспѣлъ утвердиться ни одинъ княжескій домъ, потеряли великое значеніе и совершенно пали; а напротивъ того сильно возвысились тѣ земщины, въ которыхъ удержались свои отчинные Князья. Такъ напримѣръ земщина Кіевская, недавно еще столь знаменитая, сильная и принимавшая дѣятельное участіе въ междукняжескихъ отношеніяхъ, во время Суздальщины окончательно пала. Земщина эта при Ростиславѣ Мстиславичѣ имѣла еще достаточное значеніе и даже при Мстиславѣ Изяславичѣ она еще отправляла своихъ пословъ вмѣстѣ съ послами отъ разныхъ Князей для приглашенія Мстислава на княжескій Кіевскій престолъ. По смерти Ростислава, Мстиславъ, пришедши по приглашенію въ Кіевъ, долженъ былъ урядиться, какъ съ Князьями-союзниками, такъ и съ Кіевскою земщиною. Но со взятіемъ Кіева войсками Андрея

Боголюбскаго, прежнее значеніе тамошней земщины пало. Сынъ Андреевъ, Мстиславъ, взявшій Кіевъ приступомъ, не только не думалъ договариваться съ Кіевскою земщиною; но, чего никогда не бывало, предалъ Кіевъ двухъдневному грабежу, и по отцовскому приказу посадилъ въ Кіевскіе Князья своего дядю Глѣба Юрьевича Переяславскаго. И съ этого времени, при посаженіи какого либо Князя на Кіевскій престолъ болѣе уже не спрашивали Кіевской земщины и новопосаженные Князья уже не дѣлали никакихъ рядовъ или договоровъ съ Кіевлянами, и Кіевскій престолъ сталъ вполнѣ завпспть отъ договоровъ между Князьями. Впрочемъ Кіевъ, не смотря на разграбленіе и на совершенное паденіе своей земщины, еще долго, до самыхъ Татаръ, считался у Князей интересною добычею, его богатства и обширная торговля имѣли еще такое значеніе, что каждый усплившійся въ Придпѣпровьѣ Князь спѣшилъ завладѣть Кіевомъ или посадить тамъ своего подручника, и даже иные Князья иногда ласкали Кіевлянъ, давали имъ пиры и сами пировали у нихъ; такъ напримѣръ въ 1195 году при вступленіи Рюрика Ростиславича на Кіевскій престолъ, Кіевляне давали пиръ Рюрикову брату Давыду Смоленскому, а на другой день Давидъ давалъ пиръ Кіевлянамъ; но ни богатства Кіева, ни временныя ласки Князей уже не возвращали Кіевской земщинѣ утраченнаго значенія. Кіевъ пересталъ быть самостоятельнымъ Русскимъ Княжествомъ въ истинномъ смыслѣ, а только казался таковымъ по волѣ сосѣднихъ Князей, онъ уже неимѣлъ собственныхъ Князей, въ немъ княжили или Смоленскіе, или Волынскіе или Черниговскіе Князья, или посажешики другихъ Князей; такъ по взятіи Кіева вой-

скими Андрея Боголюбскаго, какъ мы уже видѣли, въ Кіевъ былъ назначенъ Княземъ посажешникъ Андреевъ, братъ его Глѣбъ Переяславскій; потомъ въ 1173 году, послѣ пораженія войскъ Андреевыхъ подъ Вышгородомъ, въ Кіевѣ княжилъ Ярославъ Изяславичь Луцкій, посажешникъ Ростиславичей Смоленскихъ, или въ 1202 году Ингварь Ярославичь, посажешникъ Романа Волынскаго и Всеволода Суздальскаго. Князья сіи держались въ Кіевѣ уже не Кіевскими средствами, а силою своихъ отчинныхъ владѣній Черниговскихъ, Смоленскихъ, Волынскихъ, или волею другихъ Князей; они уже не собирали Кіевскаго вѣча для своей поддержки, и вѣче ихъ не поддерживало и не могло подерживать, ибо оно уже не пользовалось никакимъ уваженіемъ ни у своихъ ни у чужихъ Князей. Кіевъ, не смотря на свое богатство, сдѣлался слабымъ и одинокимъ, даже отдѣленнымъ отъ своихъ пригородовъ, и сталъ приманчивою добычею, лакомымъ кускомъ любаго сильнаго сосѣда. Такая же участь постигла и Придѣпровскій Переяславль: тамъ также земщина потеряла свое значеніе, и тамошніе Князья въ слѣдствіе того сдѣлались посажениками другихъ Князей, и преимущественно Суздальскихъ.

Таже участь, по смерти Ярослава Осмомысла, постигла сильную и знаменитую земщину Галицкую; только формы паденія этой земщины были иныя, нежели въ Кіевѣ. Кіевская земщина пала потому, что съ нею прочно не соединился ни одинъ княжескій домъ, тогда какъ въ другихъ сосѣднихъ земщинахъ утвердились отчинные Князья; Галицкая земщина напротивъ того отпала отъ своего отчиннаго княжескаго дома, который ее сильно возвысилъ, и стала искать покровительства то у Волынскихъ, то у Черниговъ-

скихъ, то у другихъ Русскихъ Князей и даже въ Венгріи и Польшѣ. Главною причиною паденія Галицкой земщины было то, что богатыя боярскія фамиліи отдѣлились отъ народа; при Владимірѣ Володаревичѣ и его сынѣ Ярославѣ Осмосмыслѣ, они усердно служили Князьямъ, и въ продолженіи этого времени успѣли до того усилиться и обогатиться поземельными владѣніями, что возмечтали, будто они достаточно сильны, чтобы разспоряжаться по своей волѣ и Галицкими Князьями и Галицкою землею. А по сему преслѣдуя свои частные интересы, Галицкіе бояре, въ ущербъ Князьямъ и земщинѣ, раздѣлились на партіи враждебныя другъ другу, и каждая партія стала поддерживать себя стороннею помощію или какого либо Русскаго Князя, или Венгерскаго Короля, или Польскаго; и когда одна партія, при такой поддержкѣ, торжествовала и сажала на Галицкій престолъ своего союзника, то другая спѣшила отыскивать непріятелей этому союзнику, и при помощи ихъ начинала войну, и, въ случаѣ успѣха, сажала на престолъ кого либо изъ своихъ союзниковъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такой неурядицы было то, что голосъ Галицкаго вѣча, прежде сильный даже противъ Ярослава Осмомысла, теперь потерялъ свое значеніе; народъ не имѣвши средствъ противиться могущественнымъ боярскимъ фамиліямъ, поддерживаемымъ чужеземцами, сдѣлался безгласнымъ. Каждый новый Князь, опираясь на свою партію, сталъ гнать противныя партіи, придерживаясь пословицы: «*не подавивши пчелъ меда не пьсть*». Конечно чрезмѣрное гоненіе почти всегда вызывало отпоръ, Князя прогоняли; но отъ этого ни сколько не выигрывала самостоятельность земщины, а напротивъ она разъ отъ раза падала ниже; ибо какъ гоненіе преимущественно дѣ-

лалось на одну партію, такъ и отпоръ производила только одна партія, голосъ же цѣлаго народа не высказывался. И отсюда необходимо вытекало то, что въ Галичѣ, точно также, какъ въ Кіевѣ, рядомъ съ паденіемъ земщины падала и сила Князей. И ежели Галичь до Татаръ не былъ обращенъ въ провинцію какого либо сосѣдняго Князя или Короля; то это, также какъ и въ Кіевѣ, происходило отъ того, что Галичь по своему богатству былъ завидною добычею для всѣхъ сосѣдей, которые препятствовали другъ другу завладѣть такою добычею, а препятствовать завладѣнію тѣмъ было удобнѣе, что Галицкіе бояре имѣя свои довольно сильные полки, при своемъ раздѣленіи на партіи, всегда были готовы поддерживать противниковъ того, кто бы завладѣлъ Галичемъ. Такъ на другой же годъ по смерти Ярослава Осмомысла, одна партія бояръ совокупила свои полки и цѣловала крестъ противъ своего Князя Владиміра Ярославича въ пользу Волынскаго Князя Романа Мстиславича; потомъ когда Венгерскій Король, при помощи своей партіи, въ томъ же году занялъ Галичь и посадилъ тамъ своего сына, то противная Венграмъ партія опять обратилась къ Роману Волынскому; а когда Романъ на этотъ разъ не имѣлъ успѣха, то вызвала потомка старыхъ Галицкихъ Князей, Берладникова сына Ростислава; а когда и сей не могъ успѣть, то присоединилась къ выгнанному своему Князю Владиміру Ярославичу и при помощи Поляковъ выгнала Венгерскаго Королевича и передала Галичь Владиміру. Такимъ же образомъ Галицкіе бояре постоянно поступали и въ послѣдующее время, не давая утвердиться въ Галичѣ ни одному Княжескому дому, и дошли до того, что напримѣръ прямо говорили Мстиславу Удалому: «ты не можешь держать Га-

лича за собою, бояре этого не хотятъ, не хотятъ и Данiила». II Мстиславъ волей или неволей долженъ былъ отдать Галичь своему зятю Королевичу Венгерскому, котораго хотѣли тогда бояре.

Напротивъ того тѣ земщины, въ которыхъ успѣлъ утвердиться какой-либо княжескiй домъ, въ качествѣ отчинныхъ Князей, во время Суздальщины получили сильное значенiе, какаго значенiя не имѣла Кiевская земщина въ самое цвѣтущее свое время. Таковыми сильными земщинами были земщины: Суздальская, Рязанская, Смоленская и Полотская.

Земщина Суздальская и Ростовская, прежде почти неизвѣстная, подчиненная княжимъ посадникамъ, присылаемымъ изъ Кiева или Переяславля, и не имѣвшая никакого голоса въ между-княжескихъ отношенiяхъ, съ утвержденiемъ Юрiя Долгорукаго въ тамошнемъ краю, такъ возвысилась, что при Андреѣ Боголюбскомъ сдѣлалась одною изъ первыхъ земщинъ на Руси и держала у себя Князей неиначе, какъ по вольному избранiю. Такъ по смерти же Юрiя Суздальская и Ростовская земщина избрала себѣ въ Князья старшаго Юрiева сына Андрея Боголюбскаго наперекоръ распоряженiю Юрiя, который хотѣлъ, чтобы тамъ княжили его младшiе сыновья. По смерти Боголюбскаго, Ростовцы, Суздальцы и Владимiрцы вольными голосами выбрали себѣ въ Князья племянниковъ Андреевыхъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Потомъ, когда Ростиславичи стали плохо управлять; то Владимiрцы собрали вѣче и прямо сказали: «мы по своей волѣ избрали Князей и цѣловали имъ крестъ, а они пустошатъ нашу землю, какъ бы не думая оставаться въ ней Князьями». И въ слѣдъ за тѣмъ послали звать себѣ въ Князья

Михаила Юрьевича, и не смотря на сопротивленіе Ростовцовъ, поддерживавшихъ Ростиславичей на перекоръ Владимірцамъ, посадили въ Князья Михаила, а по смерти его выбрали въ Князья его брата Всеволода Юрьевича и, цѣловавши крестъ на него и на его дѣтей, посадили его на Владимірскомъ престолѣ; тогда какъ Ростовцы и большая часть бояръ всего Суздальскаго края пригласили въ Князья недавно изгнаннаго Мстислава Ростиславича. И въ слѣдствіе этого началась небывалая на Руси война земщины съ земщиною изъ за того, чтобы посадить своего Князя, и война самая упорная, замѣчательная особенно потому, что съ обѣихъ сторонъ главными дѣйствователями были земцы, а не Князья и ихъ дружины. Въ этой войнѣ земцы даже нерѣдко противорѣчили своимъ Князьямъ, за которыхъ сражались; такъ когда Мстиславъ Ростиславичь соглашался на предложеніе Всеволода Юрьевича подѣлить Суздальскія владѣнія мирно, то Ростовцы и бояре прямо сказали ему: «ежели ты дашь миръ Всеволоду, то мы не дадимъ». Или Владимірская земщина побѣдивъ Ростовцевъ и Мстислава, на третій же день возстала на своего Князя Всеволода Юрьевича съ требованіемъ, чтобы онъ казнилъ взятыхъ въ плѣнъ Ростовцевъ; въ лѣтописи прямо сказано: «на третій день былъ великій мятежъ въ городѣ Владимірѣ, возстали бояре и купцы, говоря: «Княже! Мы тебѣ добра хотимъ и за тебя головы свои складываемъ, а ты держишь враговъ своихъ просто, а се враги твои и наши Суздальцы и Ростовцы, либо казни ихъ, любо слѣпи, или отдай намъ». По смерти Всеволода сынъ его Ярославъ, получивши по отцовскому распоряженію Переяславль Суздальскій, утвердился на этомъ княжествѣ не иначе, какъ по согласію съ тамошней земщи-

ной; въ лѣтописи сказано: «Ярославъ, пріѣхавши въ Переяславль, созвалъ Переяславцевъ къ церкви Святаго Спаса и сказалъ имъ: «братія Переяславцы, вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, а меня вамъ далъ на руки; скажите, братія, хотите ли меня имѣть у себя, какъ имѣли отца моего, и сложить за меня свои головы.» И отвѣчали Переяславцы: «очень, господине, да будетъ такъ, ты нашъ господинъ, ты нашъ Всеволодъ». А когда началась вслѣдъ за тѣмъ война между Константиномъ Ростовскимъ и Юріемъ Владимірскимъ, то Ростовцы поднялись биться за своего Князя, и вмѣстѣ съ Новгородцами и Смольнянами добыли ему Владиміръ. Вообще въ Суздальско-Ростовскомъ краѣ Князья и земщина дружно шли впередъ и, взаимнымъ довѣріемъ поддерживая другъ друга, достигли того что Суздальско-Ростовское владѣніе сдѣлалось первенствующимъ и сильнѣйшимъ между всѣми Русскими владѣніями того времени.

Сосѣдняя Суздальской земщина Рязанско-Муромская, уже болѣе ста лѣтъ имѣвшая своихъ отчинныхъ Князей изъ племени Ярослава Святославича, въ продолженіи этого времени пріобрѣла огромное значеніе въ дѣлахъ Рязанско-Муромскаго края. Она не только за одно съ княжескою дружиною участвовала во всѣхъ между-княжескихъ войнахъ; но дѣйствовала самостоятельно даже тогда, когда по какому либо случаю тамошніе Князья не могли дѣйствовать сами. Такъ еще при Юріѣ Долгорукомъ въ 1154 году, когда онъ выгналъ изъ Рязани тамошняго Князя Ростислава и посадилъ тамъ сына своего Андрея; то Рязанцы тайно подвели Ростислава съ Половцами ночью, такъ что Андрей едва успѣлъ убѣжать объ одномъ сапогѣ, а дружину его частію изсѣкли, частію потопили въ

рѣкѣ, а частію зарыли живыхъ въ землю. Или когда Глѣбъ и Романъ, Князья Рязанскіе, разбитые Всеволодомъ Суздальскимъ на Прусковой горѣ, были отведены въ плѣнъ во Владиміръ, и Всеволодъ прислалъ къ Рязанцамъ требованіе, чтобы они выдали ему Ярополка Ростиславича, бывшаго прежде Княземъ Владимірскимъ, грозя въ случаѣ отказа войною; то Рязанцы на общемъ своемъ вѣчѣ, сказавши такъ: Князь нашъ и братья наши погибли въ чужемъ Князѣ, поѣхали на Воронежъ, взяли тамъ Ярополка, отвезли во Владиміръ и отдали Всеволоду. Или во время нашествія Всеволода Владимірскаго на Рязанскія владѣнія въ 1207 году, когда Пронскій Князь Киръ Михаилъ бѣжалъ въ Черниговъ; то Прояне выбрали себѣ въ Князья Изяслава Владиміровича и три недѣли бились противъ огромной рати Всеволода, и только когда у нихъ была отнята вода, вступили въ переговоры съ Всеволодомъ и согласились принять отъ него Князя Олега Владиміровича. Въ слѣдъ за тѣмъ Всеволодъ Владимірскій, предводительствуя огромнымъ войскомъ, принудилъ Рязанцовъ, чтобы они выдали ему своихъ Князей и приняли себѣ въ Князья его сына Ярослава; но когда Ярославъ, сидя въ Рязани, сталъ поступать не по Рязанскимъ обычаямъ, то Рязанцы перехватали его бояръ и слугъ, иныхъ засадили по погребамъ, иныхъ повѣсили, и стали сноситься съ Пронскими Князьями, чтобы выдать имъ самаго Ярослава. Впрочемъ этотъ замыселъ имъ неудался: осторожный Ярославъ успѣлъ во время увѣдомить отца своего, и тотъ съ большою ратью явился подъ Рязанью, отвелъ Рязанцевъ плѣнниками во Владиміръ, а Рязанскую землю страшно опустошилъ. Тѣмъ не менѣе Рязанскіе земцы, спасшіеся отъ плѣна, въ тотъ же годъ съ Князь-

ями Изяславомъ Владиміровичемъ и Киръ Михаиломъ мстили Всеволоду опустошеніемъ окрестностей Москвы, и хотя были разбиты Всеволодовымъ сыномъ Юріемъ, однако Всеволодъ оставилъ ихъ въ покоѣ и не рѣшился предпринимать новаго похода въ Рязанскую землю. А по смерти Всеволода сынъ его Юрій отпустилъ всѣхъ Рязанскихъ плѣнниковъ бывшихъ въ Суздальской землѣ и заключилъ съ Рязанскими Князьями миръ и союзъ. Такимъ образомъ Рязанская земщина при всѣхъ неудачахъ своихъ и при всѣхъ происках Всеволода Владимірскаго успѣла отстоять свою независимость; даже тогда, когда тамошніе Князья, большею частію были побиты или отведены въ плѣнъ, она даже не задумалась возстать на Всеволодова посаженника Ярослава, когда онъ сталъ править не по Рязанскимъ обычаямъ.

Рязанская и Муромская земля въ это время была довольно обширна; она на сѣверѣ простиралась за Оку и сходилась съ Суздальскою землею, на западѣ граничила съ Черниговскими владѣніями въ землѣ Вятичей, на югѣ и востокѣ, по рѣкамъ Воронежу, Хопру и Великой Воронѣ далеко углублялась въ Половецкія степи. Главнымъ, старшимъ городомъ Рязанской земли былъ Муромъ, древнѣйшая Новгородская колонія въ тамошнемъ краю, и конечно родоначальникъ всѣхъ тамошнихъ Славянскихъ городовъ и поселеній; онъ находился въ самыхъ сѣверовосточныхъ предѣлахъ тамошняго края, на Окѣ, въ сосѣдствѣ съ Мещерою, Мордвою и Волжскими Болгарами; за Муромомъ слѣдовали по старшинству Рязань, въ срединѣ края, и Пронскъ, на юго-западъ отъ Рязани. Каждый изъ сихъ трехъ городовъ имѣлъ своихъ старшихъ Князей изъ племени Ярослава Святославича Черниго-

скаго, которые держали своихъ младшихъ Князей по пригородамъ. Князья сіи, по родству, должны бы были быть въ постоянномъ союзѣ съ Черниговскими Князьями; но находясь почти въ постоянной враждѣ между собою, они дѣлились на партіи, и одна партія держалась союза съ Черниговскими Князьями, другая съ Смоленскими, а третья съ Суздальскими. И какъ Суздальскіе Князья были ближайшими сосѣдями, то они, покровительствуя своей партіи Рязанскихъ Князей, умѣли устроить дѣла такъ, что почти постоянно имѣли огромнѣйшее вліяніе на Рязанскихъ и особенно на Муромскихъ Князей. Впрочемъ Суздальское вліяніе ограничивалось только Князьями; Рязанская же земщина была въ постоянной враждѣ съ Суздальскимъ преобладаніемъ, и у Суздальскихъ лѣтописцевъ Рязанцы назывались не иначе, какъ людьми гордыми, буйными, непокорливыми и своебычными. И дѣйствительно, будучи старыми колонистами Новгородскими, Рязанцы много удержали изъ Новгородскихъ обычаевъ и не терпѣли чужой власти. У нихъ и власть своихъ Князей была сильно ограничена земскими боярами, которые были очень сильны большими поземельными владѣніями, въ которыхъ имѣли не только села, но и города; такъ напримѣръ, городъ Дѣдиловъ по всему вѣроятію былъ собственностію того знаменитаго боярина Дѣдильца, который отъ Рязанскаго Князя Глѣба былъ посломъ во Владимірѣ и присовѣтовалъ Суздальцамъ, по смерти Боголюбскаго, избрать себѣ въ Князья Ростиславичей, шурьевъ Глѣбовыхъ. Да и вообще Рязанская земщина въ своихъ отношеніяхъ къ Князьямъ много походила на Новгородскую земщину: городскія общины въ Рязанскомъ краю, не всегда слушали княжихъ посади-

ковъ и другихъ начальниковъ разсылаемыхъ по городамъ. Такъ въ лѣтописяхъ подъ 1210 годомъ упоминается, что въ Кадомѣ былъ убитъ Рязанскій тысяцкій Матвѣй Андреевичь, или еще прежде въ 1135 году въ самой Рязани былъ убитъ тысяцкій Иванъ Андреевичь, по прозванію Долгій, или въ 1155 году въ Бѣлгородѣ Рязанскомъ былъ убитъ тысяцкій Андрей Глѣбовъ. Объ ограниченности княжеской власти въ Рязани свидѣтельствуетъ и жалованная грамота, данная Ольгову монастырю, въ которой сказано, что когда Князья, Ингварь, Олегъ и Юрій отдавали въ Ольговъ монастырь пять погостовъ съ 1010 семями; то при этомъ присутствовали 300 бояръ и 600 мужей, которые и записаны въ грамотѣ; слѣдовательно Князья одни безъ согласія бояръ и мужей не могли означенныхъ пяти погостовъ отдать въ монастырь. Впрочемъ вообще мы мало имѣемъ извѣстій объ устройствѣ общества въ Рязанской и Муромской землѣ, знаемъ только, что лѣтописи почти одинаково отзываются о Рязанцахъ, какъ и о Новгородцахъ; а Новгородцы въ это время были извѣстны своею неуступчивостію и развитіемъ самоуправленія.

Сосѣди Суздальской земли на Западѣ, Смольняне, тоже старые колонисты Новгорода, съ Ростислава Мстиславича получившіе отчинныхъ Князей въ его племени, съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣли и болѣе твердое положеніе своей земщины и большее участіе въ дѣлахъ между княжескихъ. Уже Ростиславъ, когда его приглашали въ Кіевъ по смерти Юрія Долгорукаго, посылалъ туда напередъ себя отъ Смольнянъ мужа Ивана Ручечника, и отъ Новгородцевъ Якуна, договариваться съ приглашавшими Князьями и Кіевлянами о томъ, на какихъ условіяхъ они

принимаютъ его въ Кіевскіе Князья и будутъ ли ему послушны во всемъ. Эта посылка земцевъ, а не дружинниковъ, прямо показываетъ на сильное участіе земщины въ дѣлахъ княжескихъ: здѣсь Ростиславъ принимаетъ Кіевскій столъ, явно съ согласія Смольнянъ и Новгородцевъ; онъ считаетъ для себя одинаково нужнымъ, какъ согласіе Князей и Кіевлянъ приглашавшихъ его въ Кіевъ, такъ и земцевъ Новгородскихъ и Смоленскихъ, отпускавшихъ его на Кіевскій престолъ. Слѣдовательно, и уѣзжая княжить въ Кіевѣ, Ростиславъ дорожилъ еще расположеніемъ Смольнянъ, и, такъ сказать, не хотѣлъ разрывать своей связи съ Смоленскомъ; и дѣйствительно эта связь не разорвалась съ отъѣздомъ Ростислава въ Кіевъ, Смольняне усердно помогали ему въ первой же войнѣ съ Изяславомъ Давыдовичемъ. А когда Ростиславъ, въ послѣдній годъ своей жизни, проѣзжалъ черезъ Смоленскія владѣнія на пути своемъ изъ Кіева въ Новгородъ; то его выѣхали встрѣчать лучшіе Смольняне за 300 верстъ, а потомъ вышелъ къ нему на встрѣчу едва не весь Смоленскъ, и всѣ принимали его съ большою радостію и великими дарами, какъ перваго своего отчиннаго Князя, народнаго любимца, умѣвшаго ненарушать правъ земщины. Но Смоленскіе земцы, крѣпко любившіе Князей, поступавшихъ по обычаямъ Смоленскимъ, т. е. уважавшихъ права земщины, являлись непреклонными, какъ скоро Князья оказывали неуваженіе къ народнымъ правамъ. Такъ Ростиславовъ сынъ Романъ, когда по волѣ Андрея Боголюбскаго занялъ Кіевъ, и не посовѣтовавшись съ Смоленскою земщиною, далъ Смоленскъ своему сыну Ярополку; то Смольняне выгнали отъ себя Ярополка и посадили въ Смоленскіе Князья Романова брата,

знаменитаго защитника народныхъ правъ, Мстислава Ростиславича. Впрочемъ изгнаніе Ярополка не разсорило Смольнянъ съ дѣтьми перваго ихъ отчиннаго Князя, любимаго народомъ Ростислава: они черезъ два года признали своимъ Княземъ Романа, когда тотъ по обстоятельствамъ принужденъ былъ оставить Кіевъ и возвратиться въ Смоленскъ; а по смерти Романа съ радостію приняли брата его Давыда, и всѣ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ и духовенствомъ вышли встрѣчать его. Но тѣ же самые Смольняне, которые такъ радушно встрѣчали Давыда, въ 1185 году, когда пришли съ нимъ на помощь къ Кіеву противъ Половцевъ, наотрѣзъ отказали Кіевскому Князю, требовавшему, чтобы Смоленскіе полки переправились черезъ Днѣпръ, на помощь къ Переяславлю, и составивши вѣче, дали такой отвѣтъ: «мы пошли изъ Смоленска только до Кіева, и ежели нужно бы было драться съ Половцами подъ Кіевомъ, то бились бы; а искáть другой рати не можемъ, мы устали.» И послѣ таковаго отвѣта пошли съ своимъ Княземъ назадъ въ Смоленскъ, и Давыдъ не могъ остановить ихъ; мало этого воротившись въ Смоленскъ, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, онъ нашелъ Смольнянъ въ возстаніи противъ себя; лѣтопись говоритъ: «встань бысть въ Смоленскѣ промежи Княземъ Давыдомъ и Смольняны, и много головъ паде лучшихъ мужъ.» Давыдъ очевидно утишилъ это возстаніе и остался княжить въ Смоленскѣ; но онъ послѣ этого кажется уже не пользовался прежнимъ расположеніемъ Смоленской земщины, какъ это прямо свидѣтельствуетъ Святославъ Ольговичь въ письмѣ къ дядѣ своему Ярославу Черниговскому; онъ въ 1195 году, побуждая Ярослава идти на Смоленскъ, пишетъ такъ: «я

уже разбилъ Смоленскій полкъ Давыда, и захваченные въ плѣнъ Смольняне сказываютъ, что ихъ братья недобрѣ живутъ съ Давыдомъ. А не опускай такого хорошаго для тебя случая.» Давыдъ Ростиславичь скончался въ 1197 году; по смерти его слѣдовали на Смоленскомъ престолѣ другъ за другомъ: Мстиславъ Романовичь и Владиміръ Рюриковичь племянники Давыдовы, а за ними сынъ его Мстиславъ. Объ отношеніяхъ къ нимъ Смоленской земщины, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; но постоянная связь Смольнянъ съ Новгородцами, сходство характера между ними, и предшествовавшія отношенія къ Ростиславу, Роману и Давыду даютъ право думать, что отношенія сіи не измѣнялись, что Смоленскіе земцы и по смерти Давыда продолжали принимать участіе въ дѣлахъ мира и войны у своихъ Князей, что Князья Смоленскіе и воевали и мирились по согласію съ своею земщиною. Какъ мы дѣйствительно и видимъ, когда Мстиславъ Мстиславичь Новгородскій въ войнѣ съ Ярославомъ и Юріемъ Суздальскими пригласилъ къ себѣ въ союзъ Владиміра Рюриковича Смоленскаго, то съ Владиміромъ пришли и Смоленскіе земцы своимъ полкомъ, и въ описаніи этой войны лѣтопись прямо приравниваетъ Смольнянъ къ Новгородцамъ: «а мужи Новгородцы и Смольняне дерзи суть къ боеви.» Да и на самомъ дѣлѣ въ Липецкомъ бою Новгородцы и Смольняне дѣйствовали одинаково: и тѣ и другіе первые бросились въ битву, пѣшіе, поснимавъ съ себя верхнее платье и сапоги. Объ участіи земцевъ въ дѣлахъ мира свидѣтельствуетъ договорная грамота Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ; въ этой грамотѣ прямо сказано, что для переговоровъ о мирѣ Князь посылалъ въ Ригу отъ

Смольнянъ попа Еремѣя и сотскаго Пантелѣя, а еще прежде сихъ пословъ велъ переговоры съ Нѣмцами Тумашъ Смольнянинъ.

Но съ смертію Мстислава Давыдовича, кажется, измѣнились отношенія Смольнянъ къ потомству Ростислава Мстиславича, и Смоленская земщина едва ли не хотѣла остаться безъ Князя, или подобно Новгороду, не думала ли имѣть у себя выборныхъ Князей, изъ другихъ княжескихъ домовъ. Ибо на другой годъ по смерти Мстислава Давыдовича, мы имѣемъ въ лѣтописи извѣстіе, что Святославъ Мстиславичь, внукъ Романа Ростиславича, при помощи Полочанъ взялъ Смоленскъ на щитъ, изсѣкъ Смольнянъ и сѣлъ на тамошнемъ княжескомъ столѣ. Потомъ черезъ шесть лѣтъ, по взятіи Смоленска Святославомъ, мы еще имѣемъ извѣстіе, что Ярославъ Всеволодовичь Суздальскій приходилъ въ Смоленскъ на Литву, побѣдилъ Литву, взялъ ихъ Князя, урядилъ Смольнянъ и посадилъ имъ въ Князья Всеволода Мстиславича, роднаго брата Святославу, а самъ со множествомъ полона и велпкою честію возвратился домоій. Это послѣднее извѣстіе, кажется намекаетъ на то, что Святославъ насильно занявшій Смоленскъ и страшно опустошившій его, былъ вытѣсненъ оттуда Смоленскою земщиною, и вѣроятно бѣжавшій оттуда въ Полотскъ, снова подступилъ къ Смоленску съ Литвою; и Смольняне, чтобы отбить его, пригласили къ себѣ на помощь Ярослава Суздальскаго, который и разбилъ Литву, взялъ Святослава въ плѣнъ, а Смольнянъ уговорилъ принять Всеволода.

Сосѣди Смольянъ на западѣ, Полочане еще со времени Владиміра Святаго имѣли уже отдѣльнаго отчиннаго Князя Изяслава Владиміровича, потомки котораго почти по-

стоянію оставались отчинными Полотскими Князьями. Временное изгнаніе Изяславовыхъ потомковъ при Мстиславѣ Великомъ и присоединеніе Полотскихъ владѣній къ Кіевскимъ при преѣмникѣ же Мстислава, его братѣ Ярополкѣ, кончилось тѣмъ, что потомки Изяслява опять воротились въ Полотскъ и по волѣ тамошней земщины снова сдѣлались отдѣльными Полотскими Князьями. При сихъ Князьяхъ, возвращенныхъ волею и стараніями народа, земщина въ Полотскѣ получила такую силу, какой она не имѣла ни въ одномъ Русскомъ княжествѣ, выключая Новгорода. Вирочемъ отношенія Полотской и Новгородской земщины къ своимъ Князьямъ были неодинаковы; конечно и въ Полотскѣ и въ Новгородѣ Князья были выборные: но Новгородцы выбирали себѣ Князей изъ цѣлаго потомства Варяга Рюрика, Полочане же только изъ племени Изяслава Владиміровича. При томъ же Князья избираемые Новгородомъ обыкновенно имѣли какія либо отчинныя владѣнія въ другихъ княжествахъ Руси, куда они и удалялись не поладивъ съ Новгородцами; Полотскіе же Князья неимѣли никакихъ другихъ владѣній кромѣ Полотскихъ, ихъ отчиною была только Полотская земля. По этому они, чтобы неостаться Князьями безъ владѣній, должны были волею неволею или соглашаться на всѣ требованія своей земщины, или искать себѣ покровительства у сосѣднихъ Князей, или держаться полудикой Литвы, въ землѣ которой хотя и были разсыпаны Полотскія и Кривскія колоніи, но народъ еще не вездѣ былъ ославяненъ и жилъ по своимъ обычаямъ, особенно въ глухихъ лѣсахъ и пущахъ. И Князья дѣйствительно прибѣгали къ тому, и другому, и третьему средству.

Мы уже видѣли, что въ 1151 году Полочане, недовольные своимъ Княземъ Рогволодомъ Борисовичемъ, схватили его и отослали въ Минскъ къ его двоюродному брату Ростиславу Глѣбовичу, и посадили у себя Княземъ этого Ростислава. Рогволодъ, содержавшійся въ Минскѣ узникомъ, успѣлъ убѣжать къ Святославу Ольговичу Новгородъ-Сѣверскому, и при его помощи въ 1159 году занялъ пограничный городъ Слуцкъ и оттуда сталъ сноситься съ Дручанами, которые кажется и подняли его искать волости, обѣщая содѣйствіе и свое и Полочанъ. Дручане, получивши отъ Рогволода вѣсть о занятія Слуцка, сказали ему: «Княже! не мѣшкай, мы рады тебѣ, поѣзжай, и будемъ за тебя биться и съ дѣтьми». И когда Рогволодъ по такому зову двинулся изъ Слуцка, то вышли къ нему навстрѣчу 300 лодій Дручанъ и Полочанъ, и ввели его въ Друцкъ, а тамошняго Князя, Ростиславова сына Глѣба, выгнали и сами разграбили его дворъ и дружину. Въ слѣдъ за тѣмъ и Полочане поднялись на своего Князя; но Ростиславъ на первый разъ подарками успѣлъ остановить возстаніе и привелъ Полочанъ ко кресту. Впрочемъ примиреніе было не искреннее: спустя нѣсколько времени Полочане стали ссылаться съ Рогволодомъ и прислали сказать ему: «Князь нашъ! мы согрѣшили къ тебѣ и къ Богу, что прежде возстали на тебя безъ вины, разграбили имѣніе твое и твоей дружины, а тебя самаго выдали Глѣбовичамъ на великую муку; и ежели ты не вспомянешь всего того, что мы сдѣлали съ тобою въ безумьи, и поцѣлуешь къ намъ крестъ, то мы твои люди, а ты нашъ Князь, а Ростислава выдадимъ тебѣ въ руки, дѣлай съ нимъ что хочешь». Рогволодъ разумѣется поцѣловалъ къ нимъ крестъ

и обѣщался не поминать стараго. Ростиславъ же провѣдавши, что Полочане ищутъ схватить его, бѣжалъ съ дружиною въ Минскъ; и Полочане послали за Рогволодомъ въ Друцкъ и посадили его у себя Княземъ, потомъ собравши войско, повели его къ Минску выгонять Ростислава. Въ пособіе къ Полочанамъ Рогволодъ выпросилъ помощь у Ростислава Смоленскаго; по дорогѣ къ Минску Рогволодъ успѣлъ отнять Изяславль у Ростиславова брата Всеволода; но подъ Минскомъ не имѣлъ полнаго успѣха, и простоявъ десять дней, принужденъ былъ заключить миръ, при чемъ всѣ цѣловали крестъ другъ къ другу, не цѣловалъ креста только Ростиславовъ братъ Володарь, убѣжавшій въ Литовскіе лѣса, искать себѣ помощниковъ.

При таковомъ порядкѣ Полоцкая земля во время Суздальщины сдѣлалась просторнымъ поприщемъ народныхъ волненій и дѣятельнаго вмѣшательства сосѣднихъ Русскихъ Князей и Литвы. Рогволодъ еще два раза ходилъ неудачно на Ростислава къ Минску, потомъ въ третій разъ разбитый подъ Городцемъ Ростиславовымъ братомъ Володаремъ, набравшимъ себѣ полки Литвы, уже неосмѣлился воротиться въ Полоцкъ, боясь тамошней земщины, и ушелъ въ Друцкъ. Полочане, очевидно недовольные имъ, посадили себѣ въ Князья Всеслава Васильковича, троюроднаго племянника Рогволоду. Этотъ новый Князь, посаженникъ народа, княжилъ спокойно пять лѣтъ и въ это время женился на дочери Романа Смоленскаго; потомъ Володарь Глѣбовичь, успѣвшій при помощи Литвы разбить Рогволода подъ Городцемъ, на шестомъ году повелъ Литву къ Полотску, выпроваживать Всеслава. Полочане, какъ и слѣдовало, стали за своего посажен-

ника; но разбитые Володаремъ принуждены были признать Володаря своимъ Княземъ и цѣловать къ нему крестъ, впрочемъ не надолго. За Всеслава вступились Князья Смоленскіе; и Володарь принужденный бѣжать отъ Витебска, уже не смѣлъ воротиться въ Полотскъ, куда опять прибылъ Всеславъ и былъ принятъ земщиною. Вмѣстѣ съ Всеславомъ Полотская земля поступила подъ покровительство Смоленскихъ Князей. И когда Мстиславъ Ростиславичь съ Новгородцами шелъ воевать въ Полотскихъ владѣніяхъ, то Романъ Ростиславичь Смоленскій заступился за своего зятя Всеслава и за Полочанъ, и уговорилъ Мстислава съ Новгородцами воротиться назадъ. Но по смерти Романа Полотскіе Князья Всеславъ и Брячиславъ Васильковичи и еще четверо ихъ союзниковъ отступили отъ союза съ Смоленскомъ и передались Черниговскимъ Князьямъ, и во время ихъ войны съ Смоленскими Князьями привели къ нимъ на помощь Литву и Лифь; съ Смоленскими же Князьями соединился Глѣбъ Рогволодовичь Друцкій, котораго отецъ, какъ мы уже видѣли былъ прежде подъ покровительствомъ Черниговскихъ и Новгородъ-Сѣверскихъ Князей. Этотъ переходъ Полоцкихъ Князей къ Черниговскимъ лѣтъ чрезъ пять (именно въ 1186 году) произвелъ войну Давыда Смоленскаго съ Полотскими Князьями. Давыдъ вооружилъ Смольнянъ и Новгородцевъ и соединившись съ двумя Полотскими Князьями своими союзниками, пошелъ на Полотскую землю: тогда Полотская земщина мимо своихъ Князей отправилась на границу, и недопустивъ Давыда вступить въ свою землю, приняла его съ честію и дарами, и заключила миръ, конечно обѣщая держаться Смоленскихъ Князей, а не Черниговскихъ. Впрочемъ въ войнѣ Рюрика

Кіевскаго и Давыда Смоленскаго съ Черниговскимъ Княземъ Ярославомъ, въ 1195 году, Полотскіе Князья опять были на сторонѣ Черниговскихъ. Но потомъ въ договорной грамотѣ Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, писанной въ 1229 году, Полотскъ и Витебскъ являются уже въ зависимости отъ Смоленскаго Князя, хотя еще имѣютъ и своихъ Князей; Мстиславъ въ заключеніи этой грамоты пишетъ, что по этой грамотѣ Нѣмецкіе купцы будутъ пользоваться покровительствомъ, какъ въ Смоленской, такъ равнымъ образомъ въ Полотской и Витебской областяхъ. А въ 1232 году Святославъ Мстиславичь, внукъ Романовъ, по смерти Мстислава Давыдовича занялъ Смоленскъ при помощи Полочанъ,—слѣдовательно Полочане имѣли уже его своимъ Княземъ.

Такимъ образомъ вольная Полотская земщина въ междоусобіяхъ потеряла своихъ отчинныхъ Князей и подчинилась чужимъ Князьямъ Смоленскимъ, и стала воевать за нихъ противъ Смольнянъ же. Но мало этого, она въ междоусобіяхъ и ссорахъ съ своими Князьями потеряла вліяніе на свои колоніи по Двинѣ и Нѣману. Колоніи сіи съ одной стороны по Двинѣ въ ея низовьяхъ подчинились Нѣмцамъ, утвердившимся въ Ригѣ въ 1200 году, и въ продолженіи какихъ либо десяти лѣтъ успѣвшимъ оттѣснить или подчинить себѣ удѣльныхъ Полотскихъ Князей владѣвшихъ городами по низовьямъ Двины; а съ другой стороны колоніи по Нѣману и его притокамъ были отхвачены полудикою Литвою, которая сперва сама укрывалась въ лѣсахъ, а потомъ стала укрывать у себя Полотскихъ Князей. Полотскіе Князья въ первый разъ укрывались въ

Литовскихъ лѣсахъ отъ Мстислава Великаго и поднимали и водили на него Литву; а потомъ стали собирать Литовскіе полки на свою же братью на Полотскихъ Князей и на Полочанъ, и тѣмъ сами же указали Литовцамъ, какъ воевать съ Полочанами и другими Русскими сосѣдями. И такимъ образомъ Литовцы во второй половинѣ XII столѣтія сдѣлались страшными грабителями всѣхъ сосѣднихъ Русскихъ владѣній, и не только уже не боялись прежде грозныхъ для нихъ Полочанъ, но и стали сажать на Полотскій престолъ Князей искавшихъ ихъ помощи, и мало по малу завладѣли всѣми Полотскими колоніями по Нѣману и его притокамъ и посажали въ тамошнихъ городахъ или своихъ Князей, или Полотскихъ же своихъ союзниковъ, такъ что къ концу XII вѣка Полочане для защиты отъ Литовцевъ, предводительствуемыхъ частію своими племенными Князьями и частію изгнанными Полотскими Князьями, должны были искать защиты у Смоленскихъ Князей; а наконецъ въ XIII столѣтіи и Смоленскихъ Князей вмѣстѣ съ Полочанами, въ 1225 и 1239 годахъ, долженъ былъ защищать отъ Литвы Ярославъ Всеволодовичь, Князь Владиміра Суздальскаго.

Мимо отношеній Княжескихъ общественное устройство Русской земли во время Суздальщины, въ основныхъ своихъ чертахъ оставалось болѣе или менѣе въ прежнемъ видѣ. Собственно въ земскихъ дѣлахъ Русское общество по прежнему управлялось своими выборными начальниками; по прежнему важнѣйшія дѣла рѣшались вѣчемъ или народнымъ собраніемъ, въ которомъ имѣли право участвовать всѣ члены общества; по прежнему города были центрами областей, и къ нимъ тянули всѣ другіе виды поселеній, такъ что распоряженія сдѣлан-

ныя городомъ были обязательны для всѣхъ погостовъ или волостей, лежащихъ въ предѣлахъ той земли, которая тянетъ къ городу; по прежнему не было еще забыто отношеніе городовъ къ пригородамъ. Но во время Суздальщины, въ большей части Русскихъ владѣній это отношеніе стало ослабѣвать, пригороды въ это время уже невсегда повиновались своимъ старшимъ городамъ; впрочемъ старшіе города еще не позабыли своихъ правъ и продолжали по мѣрѣ возможности поддерживать свои притязанія, и даже иногда вступали въ борьбу съ своими пригородами, опираясь на общій старый законъ на Руси, по которому всѣ власти какъ на думу навѣча сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ; и сами пригороды продолжали еще признавать права старшихъ городовъ, и въ случаѣ надобности относиться къ нимъ за совѣтами и за помощію. Такъ напримѣръ въ 1176 году Владимірцы, недовольные плохимъ управленіемъ своего Князя Ярополка Ростиславича, послали съ жалобою къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, какъ жителямъ старшихъ городовъ, объявляя имъ свою обиду.

Начинающемуся измѣненію отношеній между старшими городами и пригородами много способствовалъ новый порядокъ, утвердившійся во время Суздальщины, по которому Князья стали заботиться о томъ, чтобы постоянно удерживать за собою свои отчинныя владѣнія, и по возможности усиливать ихъ. При этомъ порядкѣ Князья естественно мало думали о томъ, въ старшемъ ли городѣ они живутъ, или въ пригородѣ; для нихъ даже пригородъ не имѣвшій ни какаго авторитета, казался удобнѣе, чѣмъ старшій городъ, пользовавшійся боль шимъ земскимъ зна-

ченіемъ. Это направленіе всего яснѣе выказали Князья Суздальскіе; они, начиная съ Андрея Боголюбскаго, постоянно старались держаться во Владимірѣ, Суздальскомъ пригородѣ, а не въ старшихъ городахъ Суздалѣ и Ростовѣ. И Андреій же Боголюбскій такъ успѣлъ возвысить и усилить Владиміръ, что онъ дѣйствительно сдѣлался первымъ городомъ во всей Суздальской и Ростовской сторонѣ. И хотя Владимірцы еще называли себя младшими мизинными предъ Ростовцами и Суздальцами; но когда по смерти Андрея Ростовцы и Суздальцы, какъ старшіе вздумали руководить при избраніи преемника Андрею, то Владимірцы отказались повиноваться имъ и, выбравши себѣ въ Князья Михаила Юрьевича, семь недѣль бились съ Ростовцами, защищая избраннаго Князя. И лѣтопись прямо говоритъ, что Владимірцы бились не противъ Князей предлагаемыхъ Ростовцами, но собственно не желая покориться Ростовцамъ, которые хвалились такъ: «позжемъ Владиміръ, или посадника въ немъ посадимъ, это наши холопи каменьщики.» Тоже было по смерти Михаила, Владимірцы выбрали себѣ Михаилова брата Всеволода, а Ростовцы призвали изъ Новгорода Мстислава Ростиславича, и пошли войною на Всеволода и Владимірцевъ: Липецкая битва кончила споръ въ пользу Всеволода и Владимірцевъ, и съ тѣхъ поръ пригородъ Владиміръ получилъ окончательно первенство передъ старшими городами Ростовомъ и Суздалемъ; такъ что послѣ 37 лѣтняго княжествованія Всеволода, когда между его сыновьями начались междоусобія, то Ростовскій Князь Константинъ Всеволодовичь, побѣдивши Владимірскаго Князя Юрія Все-

володовича и сдѣлавшись старшимъ Княземъ во всей Суздальско-Ростовской землѣ, не остался въ Ростовѣ, а утвердился во Владимірѣ.

Старанія Князей постоянно удерживать за собою свои отчинныя владѣнія, сообщивши земщинѣ большое значеніе въ между княжескихъ отношеніяхъ, естественно должны были вызвать заботы Князей о поддержаніи добраго расположенія земщины къ Князю, а это расположеніе конечно могло пріобрѣтаться и поддерживаться ни чѣмъ инымъ, какъ соблюденіемъ старыхъ земскихъ правъ и порядковъ. Такимъ образомъ хотя власть Князей значительно усилилась отъ болѣе тѣснаго сближенія съ земщиною; но она по прежнему еще не нарушала правъ земщины, и всѣ земскіе порядки велись постарому. Такъ Князья, по искони заведенному порядку, начиная съ осени въ продолженіи всей зимы сами объѣзжали свои области, для чиненія суда и управы, что по тогдашнему называлось полюдьемъ. Объ этомъ полюдьи мы еще встрѣчаемъ извѣстія въ лѣтописяхъ; напримѣръ подъ 1190 годомъ лѣтопись говоритъ, что Всеволодъ Юрьевичь 8 Февраля былъ въ полюдьи въ Переяславлѣ, гдѣ у него въ то время родился и сынъ Ѳеодоръ, а 25 Февраля того же года Всеволодъ былъ въ полюдьи уже въ Ростовѣ. Рожденіе Всеволодова сына во время полюдья въ Переяславлѣ показываетъ, что Князь по старому обычаю ѣздилъ въ полюдье съ своимъ семействомъ. Князьямъ по прежнему выдѣлялись особыя области на содержаніе дружинниковъ и вообще на поддержаніе княжеской власти; такъ подъ 1240 годомъ стольникъ Князя Даніила Романовича говоритъ боярину Доброславу, что великіе Князи держатъ за собою Коломыйскую область на раздаваніе ору-

жникамъ. Да и вообще Князья въ это время раздавали своимъ дружинникамъ земли въ помѣстное владѣніе изъ тѣхъ только областей, которыя уступались земщиною на Князя, точно также, какъ это было и въ прежнее время; но естественно удержаніе Князьями за собою однихъ и тѣхъ же владѣній, какъ бы по наслѣдству, незамѣтно вело къ бо́льшему развитію Княжеской власти надъ землями уступленными Князю земщиною. Но тѣмъ не менѣе земли сіи не составляли личной собственности Князей, а составляли только неотъемлемую принадлежность Княжеской власти. Для пріобрѣтенія же личной поземельной собственности Князья употребляли тѣже средства, какъ и частные люди, т. е. покупку, дареніе, полученіе по наслѣдству, разчистку пустующихъ земель, и дикихъ лѣсовъ никому непринадлежащихъ; но такія земли, составлявшія частную собственность Князя, нисколько неотличались отъ земель другихъ частныхъ собственниковъ: на нихъ лежали тѣже подати и повинности въ казну, какъ и на земляхъ другихъ частныхъ собственниковъ. Строилъ ли Князь на своихъ частныхъ земляхъ города или села, это нисколько не измѣняло характера частной собственности сихъ земель; и жители таковыхъ городовъ и селъ платили Князю оброкъ и работали на него какъ на собственника земли, на которой они живутъ, по взаимному согласію, точно также, какъ это было и у другихъ частныхъ собственниковъ, и въ тоже время платили дани и отправляли разныя общественныя повинности по общей земской раскладкѣ. Рѣшительно частная земельная собственность Князя въ это время ничѣмъ неотличалась отъ другой какой частной собственности и не имѣла никакихъ привиллегій. Владиміръ Ва-

сильковичь, Князь Волынскій, въ своемъ завѣщаніи пишетъ: «далъ есмь Княгинѣ своей по своемъ животѣ, городъ свой Кобрынь, и съ людьми и съ данью, какъ при мнѣ давали, такъ и по мнѣ даютъ моей Княгинѣ; далъ также ей село свое Городень и съ мытомъ, и люди какъ на меня работали, такъ и на Княгиню по моемъ животѣ. А ежели нужно будетъ Князю городскія укрѣпленія строить, то и они тянутъ въ эту постройку, а равно платятъ Князю поборы. А село Березовичи, которое я купилъ у Ѳедора Давыдовича Юрьевича, а далъ за него 50 гривенъ кунъ, 5 локотъ скорлата, да дощатыя брони, а далъ сіе село церкви Св. Апостолъ.»

Управляли Князья городами и областями по прежнему черезъ своихъ посадниковъ, которые обыкновенно назначались изъ дружины; такъ лѣтопись подъ 1176 годомъ говоритъ о Мстиславѣ и Ярополкѣ Ростиславичахъ, что они во время княженія своего въ землѣ Ростовской раздавали по городамъ посадничество Русскимъ дѣтскимъ, т. е. дружинникамъ приведеннымъ изъ Приднѣпровья. Кромѣ посадниковъ отъ Князей посылались по городамъ и волостямъ тіуны, какъ для чиненія суда и управы отъ имени Князя, такъ и по другимъ Княжескимъ порученіямъ. Но ни посадники, ни тіуны не могли судить и распоряжаться одни; они были только представителями Княжеской стороны, но въ тоже время на судѣ и въ распоряженіяхъ была и сторона земская въ лицѣ своихъ старостъ и выборныхъ добрыхъ людей. Такъ относительно суда прямо свидѣтельствуетъ договорная грамота Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1229 года, въ которой сказано: «ежели какое судное дѣло окончено будетъ въ Смоленскѣ между Русью

и Латинскимъ языкомъ, предъ судьями и предъ добрыми людьми; то этого дѣла невсчинать ни въ Ригѣ, ни на Готскомъ берегѣ.» Мало этого,—къ гражданину даже нельзя было приставить пристава для вызова въ судъ, необъявивши напередъ старостѣ, на что указываетъ таже Мстиславова грамота, о чемъ мы увидимъ подробныя свидѣтельства въ послѣдствіи. Вообще общинное земское устройство въ это время такъ было сильно, что община была въ круговой порукѣ за своихъ членовъ, и члена общины нельзя было взять безъ согласія общины или безъ позволенія выборныхъ старостъ. Княжій или посадничій дѣтскій или приставъ даже не могъ безъ позволенія общины править долговъ, при чемъ община могла недопускать пристава и принять платежъ долга на себя; такъ въ Мстиславовой грамотѣ сказано: «ежелп Русскій не захочетъ платить долга Латинину, то Латининъ долженъ просить дѣтскаго у тіуна, чтобы доправилъ долгъ. А ежели Смольняне не дадутъ воли дѣтскому, то должны сами платить взыскиваемый долгъ.» Таже грамота такъ говоритъ о круговой порукѣ общины по своемъ членѣ: «ежели Волочанинъ возметъ у Латинина везти товаръ черезъ Волокъ, и что погибнетъ изъ сего товара, то за это должны платить всѣ Волочане, т. е. вся община Волочанскихъ перевозчиковъ.

Но ежели бы при всемъ этомъ посадники и тіуны стали отягощать земцовъ, какъ это свидѣтельствуетъ лѣтопись о посадникахъ, посаженныхъ Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами въ землѣ Ростовско-Суздальской; то общество или земщина обращалась съ жалобами къ Князю, или къ земщинѣ стараго города, ежели таковые посадники и тіуны оказывались въ

пригородѣ. И Князь, получивши жалобу или узнавши о неудовольствіи и волненіи земщины противъ посадниковъ и разобравши дѣло, смѣнялъ посадниковъ и описывалъ то, что они пограбили; такъ въ лѣтописи подъ 1240 годомъ сказано о Даніилѣ Романовичѣ, «что онъ послалъ печатника своего Кирилла въ Бакоту исписать грабительства нечестивыхъ бояръ, и тѣмъ утишилъ землю». Ежели же Князь потворствовалъ своимъ посадникамъ и не смѣнялъ ихъ, то земщина возставала на самаго Князя; такъ напримѣръ Владимірцы, притѣсняемые посадниками Ростиславичей, въ 1176 году, вѣроятно послѣ безъуспѣшныхъ жалобъ Князьямъ обратились съ жалобами къ старшимъ своимъ земцамъ Ростовцамъ и Суздальцамъ; а когда не получили и отъ нихъ удовлетворенія, то возстали на своихъ Князей, и пригласивши Князя Михаила Юрьевича, принудили ихъ бѣжать изъ Владиміра, и потомъ вмѣстѣ съ Михаиломъ и Всеволодомъ, разбивши Ростиславичей съ Ростовцами и Суздальцами, объявили Михаила Княземъ всей Суздальской земли. Да иначе не могло и быть при твердомъ общинномъ устройствѣ тогдашней земщины, которая могла сносить обиды до времени, но ежели когда подавала свой голосъ, то голосъ этотъ тамъ, гдѣ земщина еще не потеряла своего значенія, всегда имѣлъ силу, и Князья неоставляли его безъ вниманія. Даже въ приведенномъ примѣрѣ 1176 года, очевидно, Ростиславичи потому только неуважили просьбы Владимірской земщины о смѣнѣ неугодныхъ посадниковъ, что надѣялись на помощь Ростовской и Суздальской земщины, которая была съ ними заодно противъ Владимірцевъ.

При двойной и дружной заботѣ со стороны Князя и

земщины объ устройствѣ общества и о сохраненія мира и порядка, тѣ владѣнія Руси, гдѣ Князья и земщина дѣйствовали согласно, росли и развивались съ замѣтнымъ успѣхомъ. Время Суздальщины особенно было благопріятно для развитія городовъ, для увеличенія ихъ торговли и умноженія народонаселенія; такъ въ это время города Ростовско-Суздальской земли Владиміръ, Ростовъ, Ярославль, Суздаль, Переяславль-Залѣсскій, значительно поднялись и болѣе или менѣе сравнялись съ лучшими городами Приднѣпровья. Такъ лѣтописи свидѣтельствуютъ, что при Андреѣ Боголюбскомъ Владиміръ уже посѣщали торговые гости Греческіе изъ Константинополя, Латинскіе изъ разныхъ земель западной Европы, гости разныхъ княженій Русскихъ, также гости сосѣдней Волжской Болгаріи и Жиды. О населенности Владиміра можно заключать по исчисленію церквей погорѣвшихъ въ тотъ или другой пожаръ во Владиміръ; такъ по свидѣтельству лѣтописей въ 1185 году сгорѣло во Владиміръ 32 церкви, при чемъ сказано: «погорѣлъ едва не весь городъ,» или въ 1227 году тамъ же сгорѣло 17 церквей и едва не весь городъ. Въ другихъ владѣніяхъ тогдашней Руси, мы имѣемъ свидѣтельство лѣтописи о значительной населенности Смоленска; подъ 1230 годомъ лѣтопись говоритъ, что во время сильнаго мора, бывшаго тогда въ Смоленскѣ, было построено четыре скудельницы, въ которыхъ похоронили 32 тысячи человѣкъ. Въ томъ же году, по свидѣтельству лѣтописей, въ Новгородѣ похоронили 3030 человѣкъ въ одной скудельницѣ, потомъ построили еще двѣ скудельницы и тѣ наполнили безъ числа. Это значительное число умершихъ ясно говоритъ о большой насе-

ленности помянутыхъ городовъ. Галичь, Владиміръ Волынскій, Полотскъ, Черниговъ, Кіевъ, Новгородъ Сѣверскій и многіе другіе города, судя по указаніямъ лѣтописей, также имѣли значительное населеніе.

Конечно населеніе каждаго изъ сихъ городовъ, начиная съ Владиміра Суздальскаго и Смоленска, не могло равняться съ населеніемъ Кіева при первыхъ преемникахъ Ярослава, когда тамъ было болѣе 600 церквей; но тогда Кіевъ былъ главнымъ центромъ, куда стекались жители со всѣхъ краевъ Русской земли; во время же Суздальщины главнаго центра уже не было, а явилось нѣсколько частныхъ центровъ въ разныхъ краяхъ, и народонаселеніе распредѣлилось равномѣрнѣе по всей Русской землѣ, а вмѣстѣ съ болѣе выгоднымъ распредѣленіемъ народонаселенія развивались и улучшались способы народной жизни; удобства жизни, которыя были прежде въ Кіевѣ, теперь стали распространяться и по другимъ городамъ, особенно тѣмъ, въ которыхъ утвердились Князья. Во время Суздальщины не только княжіе слуги ходили въ богатыхъ одеждахъ, но уже и бояре стали водить своихъ слугъ подобно княжескимъ; такъ одинъ дружинникъ, посылая моленіе свое къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, между, прочимъ пишетъ что боярскіе слуги уже ходятъ въ черленыхъ сапогахъ и въ багряницѣ, а лѣтопись Волынская свидѣтельствуетъ, что слуги епископа Перемышльскаго носили бобровые тулы и прилбища волчьи и барсуковыя. По свидѣтельству лѣтописи церковь Рождества Св. Богородицы въ Боголюбовѣ была украшена золотомъ, финифтью всякимъ церковнымъ строеніемъ, и отъ дна церковнаго по стѣнамъ до верху окована золотомъ и измечтана всякою хитростію; и также богато была устроена церковь

соборная во Владимірѣ Клязменскомъ; и во многихъ другихъ городахъ начали въ это время появляться великолѣпныя церкви и другія общественныя зданія, дворцы Княжескіе, городскія стѣны съ великолѣпными башнями и воротами: такъ о церкви Іоанна въ Холмѣ лѣтопись говоритъ: «строенья ея таково: четыре комары, съ каждаго угла переводъ, и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣческихъ изваяно; три окна украшенныя Римскими стеклами, при входѣ въ алтарь два столпа изъ цѣлаго камня и на нихъ комара; верхъ же украшенъ златыми звѣздами по лазури, внутренній же помостъ слитъ изъ мѣди и чистаго олова, и блестѣлъ какъ зеркало. Объ укрѣпленіяхъ Владиміра Волынскаго, по свидѣтельству лѣтописи, Андрей Король Венгерскій сказалъ: «таковаго города я не видалъ и въ Нѣмецкихъ странахъ.»

Относительно торговли, мы имѣемъ прямыя и ясныя свидѣтельства, что во время Суздальщины она была не только не слабѣе противъ прежняго времени; но даже во многихъ отношеніяхъ сильнѣе: ни Половцы, ни междоусобія Князей ей много не мѣшали. Мы знаемъ изъ лѣтописей, что торговцы свободно ѣздили съ своими товарами по Половецкимъ степямъ; а у Русскихъ Князей всегда было обыкновеніе не стѣснять и не задерживать торговыхъ гостей даже во время войны; этого требовали, какъ выгоды самихъ Князей пользовавшихся торговыми пошлинами, такъ еще болѣе интересы земщины, съ которой Князья постоянно должны были жить въ согласіи.

Кіевъ по прежнему велъ дѣятельную торговлю съ Греціею и всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, а также съ Половцами, съ Польшею, Венгріею и другими странами на западъ; въ этой же торговлѣ участвовали Чер-

ниговъ, Галичь и Волынь. Рѣка Днѣпръ отъ Кіева до моря у Кіевлянъ и Черниговцевъ называлась Греческимъ путемъ, по ней ходили торговыя суда, какъ изъ Греціи на Русь, такъ и изъ Руси въ Грецію, здѣсь по прежнему главною пристанью считалось Олешье, куда приставали большія Греческія суда. Русскіе этого времени особенно дорожили Греческою торговлею, и для этого иногда Придніпровскіе Князья предпринимали большіе походы на Половцевъ, когда тѣ своими грабежами начинали препятствовать торговлѣ. Такъ въ 1168 году Мстиславъ Изяславичь Кіевскій на княжескомъ съѣздѣ жаловался своимъ союзникамъ, что Половцы отнимаютъ у насъ путь Греческій, соляный и залозный; и Князья на съѣздѣ же назначили походъ, и всѣ съ своими дружинами двинулись изъ Кіева въ Половецкія степи и доходили за Осколъ, воюя землю Половецкую. Потомъ въ томъ же году, по призыву того же Мстислава, Князья ходили въ Каневъ встрѣчать Греческихъ купцовъ и залозниковъ, изъ опасенія, чтобы Половцы, мстя за недавнее опустошеніе своей земли, не пограбили купеческій караванъ. По свидѣтельству слова о полку Игоревѣ и другихъ памятниковъ, въ Кіевѣ проживали для торговли Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравляне и Венеціане; а по свидѣтельству лѣтописей въ Кіевѣ были ворота Лятьскіе, Угорскіе и Жидовскіе; это указываетъ на цѣлыя слободы или отдѣленія города, въ которыхъ проживали Поляки, Венгры и Жиды; а по Нѣмецкимъ лѣтописямъ и Нѣмецкіе торговцы имѣли свои конторы въ Кіевѣ; въ грамотѣ Австрійскаго Князя Леопольда, данной жителямъ Регенбурга въ 1190 году, Регенсбургскіе купцы, торгующіе въ Россіи, прямо названы Руссаріями. Кромѣ ино-

земцевъ въ Кіевъ съѣзжались и Русскіе торговые гости съ разныхъ сторонъ, изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова, Галича и другихъ городовъ. Новгородскіе гости въ Кіевѣ даже имѣли свою церковь, слѣдовательно жили тамъ отдѣльно большею слободою. Галичь и Волынь также торговали съ Греціею, Венгріею, Польшею и Германіею, и туда также съѣзжались и жили тамъ гости Новгородскіе, Смоленскіе и другихъ Русскихъ городовъ; Греческимъ путемъ для Галичанъ и Волынцевъ были восточный Бугъ и Днѣстръ; Днѣстромъ и потомъ Чернымъ моремъ и Днѣпромъ Галичане провозили свои товары даже въ Кіевъ.

Страна Ростовско-Суздальская, и особенно городъ Владиміръ съ Андрея Боголюбскаго, также стали участвовать въ торговлѣ Греческой и Нѣмецкой; по свидѣтельству лѣтописей туда ѣздили гости и изъ Царя-града и изъ Латинскихъ земель; но особенно въ близкихъ торговыхъ сношеніяхъ Ростовско-Суздальскій край находился съ Великимъ Новгородомъ, Смоленскомъ и Волжскою Болгаріею. Ежегодно въ Суздальскіе города пріѣзжало по двѣ тысячи и больше Новгородскихъ гостей; а въ Болгаріи Ростовско-Суздальскіе гости въ это время были главными Русскими торговцами, и въ старшемъ или Великомъ Болгарскомъ городѣ имѣли свою церковь и кладбище; такъ въ разсказѣ лѣтописи о кончинѣ мученика Аврамія, одного христіанина не Русскаго языка замученнаго Болгарами, сказано, что Русь-христіане взявши тѣло его, похоронили на своемъ кладбищѣ. Волга и Ока съ своими притоками служили большою торговою дорогою для Суздальцевъ, Ростовцевъ, Владимірцевъ, Устюжанъ, Муромцевъ и Рязанцевъ, по которой они торговали съ Болгарами, Мордвою и другими тамошними на-

родами; очевидно съ торговою цѣлію въ это время былъ выстроенъ и Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. При помощи Болгаръ Русскіе вели торговлю съ Персіею и другими странами Азіи; ибо Азіатскіе Мусульманскіе народы были въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Волжскими Болгарами. А Рязанцы по Дону торговали съ Половцами и Тавридою: на торговлю Рязанцевъ съ Тавридою и частыя сношенія съ тамошнимъ краемъ мы имѣемъ прямое указаніе въ сказаніи о принесеніи въ Рязань Корсунскаго образа Николая Чудотворца.

Смольняне и Полочане вели дѣятельную торговлю съ Новгородомъ, Ростовско-Суздальскою землею, Кіевомъ, Черниговомъ и Волынью; ибо по свидѣтельству лѣтописей мы встрѣчаемъ Смоленскихъ гостей во всѣхъ сихъ краяхъ. Относительно же иноземной торговли Смольнянъ и Полочанъ во время Суздальщины, мы имѣемъ прямыя и довольно подробныя свидѣтельства, что торговля сія преимущественно была ведена съ Сѣверною Германіею и берегами и островами Балтійскаго моря. По свидѣтельству договорной грамоты Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ, писанной въ 1229 году, Западная Двина по взаимному условію Смольнянъ и Нѣмцевъ, была признана отъ верховья до устья свободною для обоюдной торговли, съ одной стороны Смольнянъ, Полочанъ и Видблянъ, а съ другой стороны Нѣмцевъ и Готландцевъ; по сей грамотѣ Смольняне и Полочане имѣли право свободно торговать Двиною до устья и потомъ Балтійскимъ и Нѣмецкимъ моремъ до Любека; а Нѣмцы изъ Двины могли свободно идти волокомъ въ Днѣпръ до Смолепска, и изъ Смоленска въ другіе Русскіе города,

куда захотятъ. Князь Смоленскій по грамотѣ принималъ на себя обязанность защищать пріѣзжихъ торговыхъ Нѣмцевъ отъ обидъ во всей Смоленской землѣ; а Нѣмцы должны были платить тѣмъ же Русскимъ купцамъ пріѣзжающимъ въ Ригу и другіе Нѣмецкіе города до Любека. Нѣмцы имѣли въ Смоленскѣ свои дворы и свою церковь. У Смольнянъ и Полочанъ продолжалась торговля и съ Литовцами; но во время Суздальщины эта торговля очевидно была стѣснена съ одной стороны Нѣмцами, занявшими берега Балтійскаго моря въ Ливоніи, Эстляндіи, и Курляндіи, а съ другой стороны Волынцами вошедшими въ это время въ болѣе тѣсныя связи съ Литвою.

Самымъ торговымъ народомъ на Руси по прежнему были Новгородцы: ихъ торговые гости во время Суздальщины разъѣзжали съ своими товарами по всѣмъ краямъ Русской земли; ихъ мы встрѣчаемъ, по лѣтописямъ, и въ Кіевѣ, и въ Галичѣ и во Владимірѣ Волынскомъ, и въ Черниговѣ, и въ Смоленскѣ, и особенно въ землѣ Ростовско-Суздальской, въ которой они разъѣзжали большими товариществами; такъ напримѣръ Ярославъ Всеволодовичь Переяславскій во время одной войны съ Новгородомъ за разъ захватилъ въ своей землѣ до двухъ тысячь Новгородскихъ гостей съ ихъ товарами. Кромѣ Русскихъ княжествъ у Новгородцовъ въ это время продолжалась сильная торговля и колонизація на крайнемъ сѣверѣ нынѣшней Европейской Россіи, въ Заволочьѣ, гдѣ Новгородская торговля и колонизація съ одной стороны проникала до Бѣлаго моря и Сѣвернаго Океана, а съ другой стороны до Камской Болгаріи и до Уральскихъ горъ и даже въ Сибирь. Сѣверная Двина для Новгородцевъ и особенно для ихъ колонистовъ въ Заволочьи служила боль-

шою дорогою для торговли съ Шведами и Норвежцами. Корабли Шведскіе и Норвежскіе и въ XIII вѣкѣ продолжали еще ходить въ устье Сѣверной Двины для торговли съ тамошними Новгородскими колонистами; въ 1222 году Норвежцы, за убійство одного своего купца Двинянами, приходили въ устьѣ Двины на четырехъ кораблях мстить Двинянамъ и пограбили у нихъ много серебра и мѣховъ. Двинскія колоніи Новгородцевъ въ это время были довольно сильны и богаты; знаменитые Новгородскіе граждане имѣли тамъ большія владѣнія и даже свои города. Ихъ торговые промыслы и колоніи въ этомъ краю въ глубокомъ Сѣверѣ простирались даже въ Сибирь за Уральскіе горы, а на югѣ сближались съ владѣніями Волжскихъ или Камскихъ Болгаръ, гдѣ Новгородскими повольниками въ 1174 году основана довольно сильная и богатая колонія Вятка, получившая свое названіе отъ рѣки Вятки, на которой было построено первое поселеніе Новгородскихъ выходцевъ. Новгородская колонія на Вяткѣ въ XIII столѣтіи имѣла уже у себя города Никулицынъ, Какшаровъ и Хлыновъ, и владѣла сосѣдними племенами Чуди, Черемисы и Вотяковъ и торговала съ Камскою Болгаріей и Пермью. По Балтійскому и Нѣмецкому морямъ Новгородъ и его пригороды Псковъ и Ладога вели дѣятельную торговлю съ Шведами, Датчанами и Нѣмцами; Новгородскіе торговые корабли доходили до Любека. Особенно Новгородская торговля съ Нѣмцами усилилась со времени учрежденія союза вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ, извѣстнаго подъ именемъ Ганзы. Ганза имѣла въ Новгородѣ свою главную контору, которая называлась матерью всѣхъ иныхъ конторъ; у Нѣмцевъ и Готландцевъ были свои дворы и церкви въ Новгородѣ, Псковѣ и Ла-

догѣ; Новгородцы заключали съ Нѣмцами торговые договоры, изъ которыхъ нѣкоторые дошли и до насъ.

Вообще торговля во время Суздальщины, по свидѣтельству памятниковъ, производилась по извѣстнымъ правиламъ. Купцы въ Русскихъ городахъ составляли отдѣльный классъ жителей, по значенію своему въ Русскомъ обществѣ занимавшій первое мѣсто послѣ бояръ; такъ въ лѣтописи подъ 1177 годомъ купцы во Владимірѣ упоминаются прямо послѣ бояръ, лѣтопись говоритъ: «и возсташа во Владимірѣ бояре и купцы». Еще въ прежнее время, по уставу Всеволода, въ Новгородѣ купцы раздѣлялись на *пошлыхъ* и *не пошлыхъ*; точно также и во время Суздальщины по Смоленской грамотѣ купцы раздѣлялись на *правыхъ* купцовъ и *не правыхъ*; въ грамотѣ прямо сказано, что свободный путь по Двинѣ, по водѣ и по берегу, дается Русскимъ и Нѣмцамъ, только тѣмъ, кто правый купецъ есть. По Всеволодову уставу старосты купеческіе выбирались только изъ пошлыхъ купцовъ, не пошлые купцы не могли быть выбранными въ старосты; а по Смоленской грамотѣ торговля заграничная дозволялось только правымъ купцамъ; слѣдовательно торговля вообще хотя никому не была запрещена, но преимущественныя торговыя права и завѣдываніе торговою управою принадлежали пошлымъ или правымъ купцамъ. Пошлыми же или правыми купцами по Всеволодову уставу были тѣ, которые внесли въ ту или другую купеческую общину пятдесятъ гривенъ серебра; такимъ образомъ главная торговля и торговый судъ и управа были принадлежностью тѣхъ только купцовъ, которые заявили свою состоятельность вкладомъ въ общину довольно значительнаго опредѣленнаго капитала, но опредѣленный ка-

питалъ разъ взнесенный въ общинную казну дѣлалъ пошлымъ купцомъ не только самаго взнесшаго, но и все послѣдующее его потомство, какъ прямо сказано у Всеволода: «а пошлымъ купцомъ быть или отчиною или вкладомъ». Слѣдовательно званіе пошлаго или праваго купца было наслѣдственнымъ, точно также, какъ званіе боярина. Торговля по уставу Всеволода имѣла свой судъ и управу независимо отъ общаго городскаго суда, и свой сборъ пошлинъ также независимо отъ княжихъ посадниковъ и бояръ, какъ прямо сказано у Всеволода: «а поставилъ есми три старосты отъ житыихъ людей, и отъ черныхъ людей тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты; управливати имъ всякая дѣла Иванская и торговая и гостиная и судъ торговый; а посаднику въ то не вступаться, ни бояромъ Новгородскимъ».

По договорной грамотѣ Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ, отношенія Русскихъ и Нѣмецкихъ купцовъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1-е, *относительно суда*. Въ случаѣ суда между Русскимъ и Нѣмцемъ въ Смоленскѣ, Русскій долженъ представить двухъ свидѣтелей, одного Русскаго и одного Нѣмца; тоже Нѣмцы должны дѣлать для Русскихъ въ Ригѣ и другихъ Нѣмецкихъ городахъ. Русскій въ Смоленскѣ не можетъ приставить къ Нѣмцу дѣтскаго для вызова въ судъ, не объявивши о томъ напередъ Нѣмецкому старостѣ; ни Нѣмецъ не можетъ въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ приставить дѣтскаго къ Русскому, не объявивши напередъ Русскому старостѣ. Ни Нѣмецъ не платитъ судныхъ пошлинъ въ Смоленскѣ, ни Русскій гость въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ. Которое судное дѣло, между Нѣмцемъ и Русскимъ порѣшено въ Смо-

ленскѣ, того дѣла нельзя начинать снова, ни въ Ригѣ ни на Готскомъ берегѣ; равнымъ образомъ дѣло покон-ченное въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, не вчинается снова въ Смоленскѣ. А судъ какъ въ Смоленскѣ, такъ и въ Ригѣ, и на Готьскомъ берегѣ долженъ производиться передъ добрыми людьми. Смоленскій Князь не долженъ вступаться въ судъ Нѣмцевъ, между собою они правятся своимъ судомъ; и Нѣмцамъ не вступаться, ежели Русскіе купцы въ Нѣмецкой землѣ будутъ правиться своимъ судомъ. Ни Русинъ не можетъ звать Нѣмца на судъ къ иному Князю, кромѣ Смоленскаго, ни Нѣмецъ въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ не можетъ звать Русскаго на иной судъ, кромѣ Рижскаго или Готьскаго. 2-е. *Относительно взысканія долговъ.* Ежели Русскій задолжаетъ и Русскимъ и Нѣмцу, то взыскивать долгъ сперва Нѣмцу, а потомъ Русскимъ; точно также ежели Нѣмецъ въ Ригѣ или въ другомъ какомъ Нѣмецкомъ городѣ задолжаетъ и Нѣмцамъ и Русскому, то при взысканіи долга прежде всѣхъ удовлетворяется Русскій. Ежели Русскій будетъ взыскивать свой товаръ на Нѣмцѣ въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, или въ иномъ городѣ Нѣмецкомъ, то долженъ довольствоваться тамошнимъ судомъ, а другаго суда не искать, также поступать и Нѣмцу въ Смоленскѣ. Ежели Русскій не станетъ платить долга; то идти къ тіуну и взять у него дѣтскаго. 3-е, *Относительно торговли.* Нѣмецъ пріѣхавши въ Смоленскъ можетъ свободно торговать или въ Смоленскѣ, или везти свои товары въ какую угодно сторону; точно также и Русскій свободно торгуетъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ, или можетъ ѣхать въ другой какой Нѣмецкій городъ до Травины. Нѣмецъ свободно покупаетъ всѣ то-

вары въ Смоленскѣ, точно также и Русскій въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ. Русскій, купивши товаръ у Нѣмца и отвезши его къ себѣ на дворъ, долженъ заплатить деньги, а не отдавать товаръ назадъ; точно также и Нѣмецъ, кушивши товаръ у Русскаго, не можетъ принудить Русскаго взять товаръ обратно. Ежели испортятся или изотрутся вѣсы, то ихъ должно повѣрять по образцовымъ вѣсамъ, хранящимся у Русскихъ въ церкви св Богородицы на горѣ, и у Нѣмцевъ въ Латинской церкви. 4-е. *Относительно прольда купцовъ съ товарами.* Нѣмецъ по всей дорогѣ, по Смоленскимъ владѣніямъ, ѣдетъ ли въ Смоленскъ, или изъ Смоленска, не платитъ проѣзжихъ или мытныхъ пошлинъ; точно также и Русскій не платитъ проѣзжихъ пошлинъ, проѣзжая съ товарами по Нѣмецкой землѣ. Когда Нѣмцы пріѣдутъ съ товарами къ волоку отъ Двины, то Волоцкій тіунъ, по вѣстямъ ни сколько не медля, долженъ нарядить Волоцкихъ перевозчиковъ; и ежели у котораго перевозчика погибнетъ на перевозѣ товаръ, то за это платитъ вся община Волоцкихъ перевозчиковъ; тоже самое Нѣмцы, для Русскихъ гостей, должны дѣлать у себя. Ежели къ волоку подъѣдутъ въ одно время и Русскіе и Нѣмцы, то имъ бросать жеребій, чей товаръ везти напередъ; такой же порядокъ должны соблюдать Нѣмцы въ своей землѣ для Русскихъ гостей. Ежели у Русскаго или у Нѣмца на дорогѣ бурею разобьетъ судно съ товаромъ, то на водѣ и на берегу товаръ свободенъ отъ всякаго насилія; и ежели у хозяина товаръ потонулъ, то ему никто не долженъ мѣшать вытаскивать его; и ежели у хозяина своихъ людей мало и понадобится помощь, то онъ долженъ нанимать при свидѣтеляхъ, и платить цѣну, по какой

рядилъ при свидѣтеляхъ, а сверхъ ряды съ него не требовать.

Тотъ же почти порядокъ сношеній Русскихъ съ Нѣмцами записанъ и въ Новгородской договорной грамотѣ около 1195 года: по этой грамотѣ судъ производится также при помощи свидѣтелей, но сверхъ свидѣтелей еще требуется жеребій и клятва; также не допускается переводить судъ изъ одной земли въ другую, а довольствоваться судомъ той земли, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ, или гдѣ судъ начался первоначально. Относительно взысканія долговъ, въ случаѣ отпирательства должника, требуется двѣнадцать человѣкъ свидѣтелей и клятва; но ни Нѣмца нельзя посадить въ погребъ въ Новгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмецкой землѣ нельзя посадить въ погребъ за неплатежъ долга, а только взять свое по приговору суда. Относительно торговли предоставляется полная свобода Нѣмцу въ Новгородской землѣ, а Новгородцу въ Нѣмецкой землѣ. Но еще яснѣе излагается одинаковость отношеній къ Нѣмцамъ въ Новгородѣ, съ отношеніями въ Смоленскѣ, въ проектѣ договора Нѣмцевъ съ Новгородцами, писанномъ около 1230 года. 1-е, относительно суда: ежели Новгородецъ и Нѣмецъ имѣютъ тяжбу другъ съ другомъ въ судѣ, то должны представить двухъ свидѣтелей Нѣмцевъ, и двухъ Новгородцевъ; а ежели Новгородецъ и Нѣмецъ несогласны въ свидѣтеляхъ, то дѣло рѣшается жеребьемъ. 2-е, Относительно взысканія долговъ: ежели Новгородецъ долженъ и Новгородцу и Нѣмцу, то долгъ платить напередъ Нѣмцу. 3-е, Относительно торговли: купцы Нѣмецкіе и Готландскіе свободно торгуютъ въ областяхъ Новгородскихъ по старому обычаю; всѣ, приходя на гости-

ный Нѣмецкій дворъ, торгуютъ въ немъ свободно какъ Русскіе, такъ и Нѣмцы; вѣсы гостиннаго двора повѣряются два раза въ годъ; 4-е, въ проѣздѣ Нѣмецкихъ гостей съ товарами по Новгородской землѣ постановляется: когда Нѣмецкіе гости будутъ на Шкорѣ; то тамошній тіунъ высылаетъ имъ перевозчиковъ, за что перевозчикамъ дается гостями опредѣленная наемная плата. Въ случаѣ кораблекрушенія, сосѣдніе жители не должны грабить гостей, а подавать имъ помощь. Такіе же порядки и привиллегіи должны наблюдать и Нѣмцы въ своихъ городахъ, относительно пріѣзжающихъ къ нимъ Новгородцевъ. Вѣроятно такіе же или подобные договоры заключались съ Нѣмцами и другими торговыми народами и въ другихъ городахъ или областяхъ Руси; но до насъ сихъ договоровъ недошло.

Земледѣліе, во время Суздальщины, оставалось въ прежнемъ видѣ. Земледѣльцы жили общинами на своихъ общинныхъ земляхъ, и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, Князей, монастырей, бояръ и купцовъ, а равнымъ образомъ сами земледѣльцы могли имѣть собственныя земли и на нихъ селить другихъ земледѣльцевъ. Тѣ изъ земледѣльцевъ, которые жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, по свидѣтельству Русской Правды, въ то время назывались ролейными закупами, и по состоянію своему близко подходили къ наймитамъ; они за пользованіе землею и за ссуды, которыя давали имъ хозяева земли, должны были платить своею работою на хозяйскомъ полѣ въ пользу хозяина, или давать хозяину условленную долю произведеній, полученныхъ съ данной имъ земли, т. е. или половину, или двѣ трети, или три четверти, или меньше, смотря по условію. Ролейный закупъ, или по нынѣшнему крестьянинъ, тогда не былъ прикрѣпленъ къ

землѣ, онъ свободно во всякое время могъ оставлять землю хозяина; но не иначе какъ напередъ разсчитавшись съ хозяиномъ, т. е. возвративши ему въ цѣлости полученную отъ него ссуду, и выплативши наемъ. Равнымъ образомъ и хозяинъ земли имѣлъ право сослать съ земли ролейнаго закупа, ежели находилъ его неисправнымъ работникомъ, или по другимъ причинамъ. Ролейный закупъ, оставивши землю одного хозяина, могъ поселиться у другаго хозяина, или вступить въ сельскую общину, гдѣ его примутъ, и сѣсть на общинной землѣ, и даже безпрепятственно могъ пріобрѣсти себѣ землю въ собственность и сдѣлаться земдевладѣльцемъ, ежели имѣлъ на то средства. Въ то время земледѣльцы свободно могли переходить изъ одной области въ другую, даже изъ княжества въ княжество, ежели они сами не связывали себя какими-либо обязательствами, на той или на другой землѣ, ежели они исправно платили подати и за ними не было недоимокъ, которыя каждая земледѣльческая община взыскивала строго съ своихъ членовъ, и безъ разсчета въ недоимкахъ не спускала съ своей земли. Ежели же земледѣлецъ оставлялъ землю хозяина или общины, не сдѣлавши разсчета, то назывался бѣглымъ и преслѣдовался, закономъ; хозяинъ или община имѣли право преслѣдовать и отыскивать его вездѣ. Во время Суздальщины Князья дорожа своими отчинными княжествами, постоянно заботились о размноженіи населенія въ своихъ областяхъ, и рады были всякимъ пришельцамъ и давали имъ всѣ возможныя льготы, только бы они сидѣли на занятыхъ земляхъ или не переселялись изъ княжествъ; такимъ же образомъ смотрѣли на поселенцевъ и частные землевладѣльцы и сельскіе общины. Земли тогда было

много, а земледѣльцевъ мало, и потому ими вездѣ дорожили. Земледѣльцы, какъ полноправные члены Русскаго общества обязаны были нести и военную службу, подобно горожанамъ и другимъ членамъ Русскаго общества, они же должны были укрѣплять города на случай непріятельскаго нападенія и привозить нужные запасы. Впрочемъ собственно къ военной службѣ земледѣльцевъ тогда приглашали рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, когда непріятели вступали въ ту или другую область, когда нужно было защищать свою родную землю. Но когда Князь изъ своихъ видовъ вооружалъ земледѣльцевъ, то таковаго Князя укоряли и говорили, что такой-то Князь и поселей выгналъ на войну. Такъ о Ярославѣ Всеволодовичѣ и братѣ его Юріѣ, во время ихъ войны съ Мстиславомъ Удалымъ, лѣтопись говоритъ: «полки ихъ были сильны вельми, вся сила Суздальской земли, были выгнаны и поселяне пѣшіе.» Сельскія земледѣльческія общины управлялись также, какъ и городскія общины, старостами и другими выборнымп начальниками, и имѣли свои мирскія сходки или вѣча. Нѣсколько сельскихъ общинъ составляли одну большую общину, подъ названіемъ погоста или волости, также съ своимъ выборнымъ начальствомъ. Сельская община чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ или приговоромъ сходки рѣшала сама всѣ дѣла и тяжбы между своими членами; но недовольный сельскимъ судомъ, могъ идти съ жалобою въ волость или погостъ, гдѣ кромѣ выборныхъ старостъ былъ еще начальникъ отъ Князя, подъ именемъ тіуна или волостеля.

Ремесла въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ очевидно считались выше земледѣлія; ибо по закону Русской Прав-

ды, за сельскаго рядовича земледѣльца платилось пѣни только пять гривенъ, а за ремесленника или ремесленницу платилось по 12 гривенъ, столько же, сколько за сельскаго княжаго тіуна. Ремесленники жили и въ городахъ и въ уѣздахъ, и также какъ земледѣльцы и купцы составляли отдѣльныя общины съ своими старостами и съ своимъ управленіемъ. Въ городахъ ремесленники селились особыми улицами или концами; такъ напримѣръ въ Новгородѣ мы знаемъ Плотницкій конецъ, Гончарскій конецъ; въ уѣздахъ поселенія ремесленниковъ составляли особыя слободы, такъ напримѣръ, подъ Кіевомъ была слобода сѣдельниковъ. Ремесленники раздѣлялись на княжихъ и земскихъ. Княжіе ремесленники составляли особый разрядъ княжихъ слугъ, и жили на княжихъ земляхъ и платили за землю своею работою Князю. Земскіе ремесленники были разныхъ разрядовъ: одни изъ нихъ жили общинами, какъ самостоятельные члены городовъ и селеній; другіе ремесленники не имѣли земли и бродили изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, содержались своею работою, и какъ люди вольные, бродячіе, не имѣвшіе постоянной осѣдлости, не принадлежали ни къ какой общинѣ; наконецъ третій разрядъ ремесленниковъ составляли тѣ изъ нихъ, которые жили за какимъ-либо землевладѣльцемъ: такъ напримѣръ были свои ремесленники у епископовъ, у монастырей, у бояръ и вообще у богатыхъ собственниковъ. Этотъ разрядъ ремесленниковъ составляли какъ рабы, такъ и вольные люди, по договору принявшіе на себя обязанность служить своимъ ремесломъ епископу, или монастырю, или боярину, или другому какому частному собственнику.

Ремесла и художества во время Суздальщины посте-

нѣшо развивались и совершенствовались, тогдауже встрѣчались между ремесленниками и художниками люди пользовавшіеся извѣстностію у своихъ современниковъ; такъ напримѣръ въ Кіевѣ былъ извѣстенъ Петръ Милонегъ, современникъ Рюрика Ростиславича, построившій каменную стѣну подъ церковію Св. Михаила, у Днѣпра на Выдобичи. Или у Князя Даніила Романовича, при построеніи церкви Св. Іоанна въ Холму, былъ хитрецъ Авдій, который высѣкалъ разные хитрые узоры по бѣлому и зеленому камню на церковныхъ дверяхъ. Или есть извѣстіе, что у Батыя былъ плѣнникъ изъ Русскихъ, ковачь серебра, который построилъ ему великолѣпный серебряный тронъ. Конечно подобныхъ художниковъ на Руси было немного, и вообще ремесла и художества развивались еще туго; ибо Русскіе люди того времени, торгуя съ иноземцами, преимущественно получали отъ нихъ произведенія художествъ и ремеслъ, чего разумѣется не могло бы быть, ежели бы ремесла на-Руси были въ цвѣтущемъ состояніи. При томъ же для многихъ значительныхъ строеній, для украшенія церквей и для удовлетворенія другихъ художественныхъ потребностей приглашались мастера и художники изъ иныхъ земель, или изъ Греціи, или изъ Италіи, или изъ Германіи. Такъ значительнѣйшія церкви въ Суздальской землѣ были построены Итальянцами, а въ Кіевѣ и Черниговѣ по прежнему лучшими строителями и художниками были Греки изъ Константинополя. Андрей Боголюбскій отстраивая и украшая свой любимый городъ Боголюбовъ, по свидѣтельству лѣтописи, созвалъ мастеровъ изъ разныхъ земель. Но очевидно не всегда приглашались строители и другіе художники иностранные, были и свои мастера,

какъ прямо говоритъ лѣтопись подъ 1194 годомъ, что епископъ Ростовскій Іоаннъ, для возобновленія Суздальской церкви не искалъ мастеровъ отъ Нѣмцевъ, но нашелъ способныхъ людей изъ служителей церкви Пресвятыя Богородицы и изъ своихъ, умѣвшихъ лить олово и крыть крыши и бѣлить извѣстью, и возобновилъ церковь на удивленье современникамъ, и покрылъ оловомъ отъ верху до комаръ и до притворовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и уцѣлѣвшій до насъ Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ, построенный около 1194 года, и замѣчательный по своимъ изящнымъ формамъ, и по многимъ затѣйливымъ наружнымъ украшеніямъ, былъ строенъ Русскими мастерами, которые взяли за образецъ для этого собора церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, близь Боголюбова, построенную между 1158—1160 годомъ. Да и вообще мудрено допустить, чтобы всѣ каменныя постройки на Руси производились непремѣнно иностранцами, и чтобы не было своихъ строителей и другихъ художниковъ; ибо построекъ этихъ, особенно церквей, было очень много. Есть даже извѣстіе, что Нѣмецкіе купцы для росписанія своей церкви въ Новгородѣ, приглашали Русскихъ художниковъ, которые и написали имъ образъ Господа Вседержителя. Нельзя не согласиться, что ремесла и художества, во время Суздальщины, на Руси хотя не быстро, но шли впередъ; самое приглашеніе иностранныхъ мастеровъ вело къ тому, чтобы и Русскіе люди учились у нихъ, какъ мы и знаемъ, что Греческіе иконописные мастера, выучили своему художеству Печерскаго инока Алимпія. Конечно Русь не имѣла у себя древнихъ образцевъ художественныхъ произведеній, какими обладала западная Европа и Греція; но для Рус-

скихъ мастеровъ могли служить образцами и тѣ художественныя произведенія, которыя дѣлались на Руси иностранными мастерами. Такъ мы знаемъ, что храмы построенные Итальянскими художниками въ Ростовско-Суздальскомъ краю при Юріѣ Долгорукомъ и Андреѣ Боголюбскомъ, постоянно служили образцами въ томъ краю, для построенія храмовъ въ послѣдующее время и въ XII, и въ XIII, и въ XIV столѣтіяхъ, даже въ XV столѣтіи по прямому свидѣтельству лѣтописей Московскіе храмы строились по образцу Владимірскихъ. Точно также Кіевскіе храмы, временъ Ярослава и его сыновей, строенные Византійскими художниками, постоянно служили образцами для Русскихъ мастеровъ, строившихъ храмы въ послѣдующее время въ Кіевѣ, Переяславѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ Приднѣпровья, что доказывается и архитектурою тамошнихъ древнихъ храмовъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени. По прямому свидѣтельству лѣтописи, замѣчательные художники въ то время пользовались уваженіемъ въ Русскомъ обществѣ; напримѣръ Петръ Милонегъ, строитель Выдубецкой стѣны, въ лѣтописи названъ пріятелемъ Кіевскаго Князя Рюрика Ростиславича.

Подвигаясь хотя медленно впередъ на пути матеріальной жизни, Русское общество во время Суздальщины по прежнему шло впередъ по пути жизни духовной, по прежнему продолжалась мирная проповѣдь христіанской вѣры между язычниками подчиненными Руси; такъ по свидѣтельству лѣтописи въ 1229 году были крещены Новгородскіе дашники Корелы, въ это же время по всему вѣроятію Русскіе колоніи въ Литвѣ разпространяли христіанство между сосѣдними Литовцами, ближайшими къ

Русскимъ колоніямъ и бывшими въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ Русскими, особенно въ Южной Литвѣ, т. е. на югъ отъ Вилін, гдѣ было въ это время множество Русскихъ городовъ. По прежнему умножались церкви, монастыри и училища по всѣмъ краямъ Руси, Князья и простые люди старались объ умноженіи и украшеніи церквей и монастырей. Многіе церковные пастыри того времени были извѣстны своимъ примѣрнымъ благочестіемъ, строгостію жизни, своимъ просвѣщеніемъ и заботами о паствѣ. Таковы на примѣръ Святый Кириллъ епископъ Туровскій, который еще въ молодости отказался отъ богатаго наслѣдства послѣ родителей и поступилъ въ монастырь, гдѣ строгость отшельнической жизни довелъ до того, что подражая великимъ столпникамъ Греческой церкви, заключилъ себя въ столпѣ, чтобы совершенно отрѣшиться отъ міра и предаться богомыслію и молитвѣ. Но когда святость его жизни обратила на его общее вниманіе, и при избраніи новаго епископа на Туровскую каѳедру Князь и граждане умолили его принять Святительскій санъ; то тотъ же молчаливый отшельникъ оказалъ себя самымъ краснорѣчивымъ и дѣятельнымъ пастыремъ; такъ что Андрей Боголюбскій, знаменитый Князь отдаленной Суздальской земли, пожелалъ читать его краснорѣчивыя и высокія поученія. Симонъ первый епископъ Владимірскій въ Суздалѣ постриженникъ Кіевопочерскаго монастыря, извѣстный у современниковъ подъ именемъ пастыря учительнаго и милостиваго, среди заслуженной славы и богатствъ отличался такимъ смиреніемъ, что, какъ самъ пишетъ къ другу своему Поликарпу, желалъ бы хоть хворостиной торчать во вратахъ Печерскаго монастыря, и только благоговѣя къ званію Божію не рѣ-

шался оставить каѳедры епископской. Кириллъ митрополитъ Кіевскій, поставленный въ 1224 году, у лѣтописца названъ учительнымъ и книжнымъ, онъ былъ особенно извѣстенъ своими заботами о примиреніи враждующихъ Князей; для этого онъ ѣздилъ изъ края въ край Россіи, то во Владиміръ Суздальскій, то на Волынь, то въ Галичь, то въ Черниговъ, чтобы личнымъ присутствіемъ и убѣжденіями вездѣ водворить миръ и согласіе, хотя стараніе его не всегда имѣли успѣхъ. О епископѣ Ростовскомъ Пахоміи, скончавшемся въ 1216 году, лѣтописецъ говоритъ: «сей былъ не наемникъ, а истинный пастырь, не захватывалъ богатства отъ чужихъ домовъ, не собиралъ его и нехвалился имъ, но обличалъ грабителей и мздоимцевъ, ревнуя нраву Златоуста пекся о сиротахъ, былъ зѣло милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому, смиренъ и кротокъ, исполненъ книжнаго ученія, и всѣми дѣлами утѣшалъ печальныхъ. Кириллъ епископъ Ростовскій, поставленный въ 1231 году, былъ извѣстенъ постоянными заботами о поученіи христіанъ и объ украшеніи церквей. Поученія этаго Кирилла такую имѣли извѣстность у современниковъ, и такъ высоко цѣнились, что на слушаніе ихъ сходились не только Князья и бояре и простый народъ, но даже игумены, священники и иноки, и не только жители Ростова, но и жители окрестныхъ городовъ. И благочестивые епископы извѣстные своею пастырскою ревностію пользовались большимъ уваженіемъ у Князей, бояръ и народа, особенно въ землѣ Суздальской, которая въ это время превосходила всѣ края Руси своего любовію къ пастырямъ церкви. Такъ лѣтописецъ пишетъ, что когда епископъ Ростовскій Кириллъ, послѣ поставленія своего въ Кіевѣ, воз-

вращался въ Ростовъ; то къ нему вышли на встрѣчю и Князь и Княгиня, и бояре и всѣ граждане Ростова, и игумены и священники и иноки и весь крылосъ церковный со крестами, свѣщами и кадилами.

Но рядомъ съ свѣтлою стороною жизни христіанскої во время Суздальщины были и стороны мрачныя, не согласныя съ духомъ истинной церкви, какъ въ клирѣ такъ и въ мірскихъ людяхъ. Въ церковномъ клирѣ въ это время нерѣдко замѣчались значительные безпорядки; такъ митрополитъ Кириллъ въ своихъ церковныхъ правилахъ пишетъ, что нѣкоторые епископы дерзали продавать священный санъ, т. е. посвящать во священники и другія степени церковной службы за деньги, и учреждали при этомъ разные поборы подъ именемъ уроковъ и посошнаго. А по свидѣтельству Патерика Печерскаго, самые епископскія каѳедры получались происками у Князей и другихъ сильныхъ міра и даже подарками. Епископъ Симонъ Суздальскій и Владимірскій пишетъ Печерскому иноку Поликарпу: «писала ко мнѣ Княгиня Ростиславля Верхуслава, что она не пожалѣла бы потратить и тысячу серебра, только бы тебя поставить епископомъ Новгороду или Смоленску; но я отвѣчалъ ей, дочь моя Анастасія, дѣло не богоугодное ты хочешь сдѣлать.» А Ѳеодоръ епископъ Ростовскій, современникъ Андрея Боголюбскаго, племянникъ знаменитаго Кіевскаго боярина Петра Бориславича, получилъ санъ епископа Ростовскаго обманомъ и подкупами у патріарха Константинопольскаго, обойдя Кіевскаго митрополита. Этотъ же Ѳеодоръ прибывши въ Ростовско-Суздальскую землю, повелъ свое управленіе епархіею съ такимъ самовластіемъ и жестокостію, что вооружилъ противъ себя и Князя и народъ. Онъ не хотѣлъ

принять благословенія отъ Кіевскаго митрополита, и когда Князь Андрей Боголюбскій настаивалъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Кіевъ принять благословеніе, и безъ того непризналъ его своимъ епископомъ; то Ѳедоръ, въ отвѣтъ на требованія Князя, затворилъ всѣ церкви во Владимірѣ и ключи церковныя взялъ къ себѣ, такъ что по всему городу не было ни звону ни пѣнія церковнаго. Мало этаго считая себя властью независимою онъ началъ страшныя грабительства, у кого отнялъ села, у кого оружіе, у кого коней, другихъ предалъ работѣ и заточенью и раззоренью; не только простыхъ, но иноковъ, игуменовъ и священниковъ, инымъ людямъ порѣзывалъ головы и бороды, инымъ выжигалъ глаза, инымъ вырѣзывалъ языкъ, иныхъ разпиная по стѣнѣ мучилъ не милостиво, желая изхитить отъ всѣхъ имѣніе, ибо былъ жаденъ къ богатству и не насытенъ. Но таковое самовластіе епископа, въ такой странѣ, какъ Ростовская и Суздальская, гдѣ общество всегда имѣло большое значеніе и голосъ, естественно не могло быть продолжительно, едвали прошло и два мѣсяца, какъ Князь Андрей Боголюбскій потребованію народа приказалъ схватить Ѳеодора и отвезти въ Кіевъ на судъ къ митрополиту, гдѣ митрополитъ нарядилъ надъ нимъ судъ и по приговору суда приказалъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку, выколоть глаза и отвезти на Песій островъ въ заточеніе. Лѣтопись также свидѣтельствуетъ, что епископъ Ростовскій Леонъ грабилъ священниковъ, безъ нужды умножая церкви, и за это былъ изгнанъ Ростовцами и Суздальцами. Безпорядки допускаемые епископами, естественно вели къ безпорядкамъ и въ низшемъ духовенствѣ; такъ митрополитъ Кириллъ въ своихъ правилахъ пишетъ, что въ Новгородскомъ краю мно-

гіе священники, надѣясь на своихъ прихожанъ, непокорялись повелѣніямъ архіерея и предавались чрезмѣрному пьянству, такъ что начиная отъ Свѣтлой недѣли до Всѣхъ Святыхъ не служили ни литургіи, ни отправляли другихъ требъ церковныхъ. А прихожане иные силою удерживали таковыхъ священниковъ у себя, противясь повелѣніямъ архіерейскимъ. Безпорядки въ клирѣ естественно давали просторъ безпорядкамъ и между мірянами; такъ въ правилахъ митрополита Кирилла между прочимъ указывается на языческіе обычаи въ божественные праздники творить нѣкія бѣсовскія позорища съ свистаніемъ, кличемъ и воплемъ, на которыхъ по свидѣтельству лѣтописи въ память Перуна древняго идола, бились дреколіемъ до смерти, и снимали съ убитыхъ платье; потомъ указывается еще на другой старый языческій обычай, — водить невѣстъ къ водѣ; и наконецъ на третій обычай праздновать Діонисовъ языческій праздникъ, собирая въ субботу вечеромъ въ ночь на Св. воскресенье мужей и женъ вкупѣ для безстыдныхъ и развратныхъ игоръ и плясокъ.

Мало этого, время Суздальщины было временемъ борьбы и споровъ между церковною іерархіею, Княземъ и обществомъ, въ которой борьбѣ Князь и общество представляли одно начало, а церковная іерархія другое. Въ это время въ одномъ Новгородѣ были изгнаны народомъ три архіепископа, въ Ростовѣ также были изгнаны три епископа, и одинъ присланный митрополитомъ не принятъ. Андрей Боголюбскій замышлялъ устроить особую митрополію въ Ростовско-Суздальскомъ краю, чтобы совершенно независѣть отъ Кіевскаго митрополита. Въ самомъ Кіевѣ въ это время были споры признавать ли Кіевскимъ митрополитомъ Климента, поставленнаго Рус-

скими епископами при Изяславѣ Мстиславичѣ, или Константина, присланнаго патріархомъ Константинопольскимъ, такъ что Константинъ принужденъ былъ бѣжать въ Черниговъ, гдѣ и скончался. А въ 1163 Ростиславъ Кіевскій не хотѣлъ признать Кіевскимъ митрополитомъ Іоанна, присланнаго Константинопольскимъ патріархомъ. Князь и общество поддерживаемые нѣкоторыми изъ духовенства даже спорили объ уставахъ церковныхъ; такъ въ это время былъ довольно продолжительный и горячій споръ о постѣ въ среду и пятокъ, ежели въ эти дни случатся какіе господскіе праздники. Ростовцы и Суздальцы, поддерживаемые какимъ то бѣглецомъ Греческимъ епископомъ Ѳеодоромъ, выгнали отъ себя епископа Нестора за то, что онъ неразрѣшалъ ѣсть мясо въ среду и пятокъ въ господскіе праздники, исключая дни Пасхи, пятидесятницы, дня Рождества Христова и Богоявленія. Грекъ Ѳеодоръ разрѣшалъ Ростовцамъ постъ не только въ господскіе праздники, но и въ дни нарочитыхъ святыхъ. Потомъ Ростовскій епископъ Леонъ не разрѣшалъ поста ни для какихъ праздниковъ и, изгнанный изъ Ростова, спорилъ объ этомъ предметѣ предъ патріархомъ Константинопольскимъ. Въ этоже время и о томъ же предметѣ былъ споръ въ Кіевѣ и въ Черниговѣ: игуменъ Печерскій Поликарпъ училъ подобно Греку Ѳеодору, что должно ѣсть сыръ и мясо нетолько въ господскіе праздники, но и въ дни нарочитыв святыхъ, ежели они случатся среду или пятокъ; и это ученіе поддерживалъ Черниговскій Князь Святославъ и выгналъ изъ Чернигова епископа Антонія, неразрѣшавшаго поста въ господскіе праздники случающіеся въ среду или въ пятокъ; митрополитъ же Кіевскій заточилъ Поликарпа Печерскаго за ученіе

о нарушеніи поста въ означенные дни. Но заточеніе Поликарпа не смотря на то, что сдѣлано по соборному опредѣленію, не успокоило его послѣдователей, и современники были не недовольны судомъ митрополита, и по прямому замѣчанію лѣтописи, даже говорили, что Кіевъ былъ взятъ войсками Андрея Боголюбскаго за неправду митрополичью по дѣлу Поликарпа.

Впрочемъ явные и очень прискорбные безпорядки клира и мірскихъ людей въ церкви, отмѣченные лѣтописями и другими памятниками за время Суздальщины, были или случайными, отрывочными мѣстными явленіями, или выражали естественный ростъ церкви и постепенное укоренсніе ея въ Русскомъ обществѣ, но отнюдь не были выраженіемъ ея слабости или шаткости; чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что безпорядки сіи скоро прекращались и не возбуждали сильныхъ раздоровъ и раздѣленія столь гибельнаго въ дѣлахъ церкви. Естественно, что чѣмъ болѣе поднимался ростъ церкви въ обществѣ, тѣмъ замѣтнѣе становились временные и случайные недостатки тѣхъ или другихъ клириковъ; а съ другой стороны чѣмъ глубже церковь проникала въ общество, тѣмъ скорѣе отъискивала на глубинѣ старую плѣсень язычества и разныхъ суевѣрій, потерявшихъ уже смыслъ, когда то имъ принадлежавшій. Все это было въ порядкѣ вещей, борьба была необходима для развитія жизни; но что всего важнѣе среди самыхъ безпорядковъ церковь во время Суздальщины, постепенно принимая на себя чисто народный характеръ, дѣлалась чисто Русскою церковію, яснѣе опредѣляла и установляла свои отношенія къ Русскому обществу, и въ тоже время не разрывала мира и согласія съ церковію Греческою. Во время

Суздальщины замѣчается какая то дружная и согласная дѣятельность клира и мірскихъ людей на пользу церкви; такъ что о мирѣ церви одинаково заботятся и клиръ и мірскіе люди, на примѣръ когда въ 1227 году въ Новгородѣ появились волховы и начали дѣлать разныя волхвованія и ложныя знаменія: то уже не духовенство одно на нихъ возстало, а весь городъ, и граждане сами приведши ихъ на Ярославль дворъ предали сожженію. Въ самыхъ безпорядкахъ іерархіи первые возставали противъ злоупотребленій низшее духовенство и мірскіе люди; такъ по требованію низшаго духовенства и мірскихъ людей были изгнаны изъ Ростовской земли и преданы суду епископъ Леонъ, грабившій священниковъ, и самовластный и корыстолюбивый епископъ Ѳеодоръ.

Время Суздальщины именно было тѣмъ самымъ временемъ, когда вполнѣ опредѣлились отношенія Русской церкви и къ Русскому обществу и къ патріарху Константинопольскому. Въ это время съ одной стороны ограничены притязанія Константинопольскаго патріарха относительно назначенія іерарховъ въ Россію, а равнымъ образомъ поставлены предѣлы самовластію митрополита Кіевскаго въ самовольномъ назначеніи епископовъ по другимъ Русскимъ княжествамъ. Князья и народъ въ это время прямо говорили митрополиту, присылавшему неугоднаго епископа: «намъ этотъ ненуженъ, ты его поставилъ, и держи его, гдѣ хочешь.» Такъ на примѣръ въ 1183 году, когда на мѣсто умершаго Ростовскаго епископа Леона, митрополитъ поставилъ въ епископы въ Ростовъ Николая Гречина; то Всеволодъ Князь Суздальскій, неприялъ его и писалъ къ митрополиту: «сего незбрали людіе земли нашей; но какъ ты его поставилъ, то и держи его гдѣ

тебѣ угодно; а мнѣ поставь Луку смиреннаго и кроткаго игумена Св. Спаса на Берестовѣмъ». И митрополитъ поставилъ Луку, а Николая послалъ въ Полотскъ, гдѣ въ это время скончался епископъ Діонисій. Самая власть епископовъ въ отношеніи къ клиру и мірянамъ, безъ нарушенія прямыхъ церковныхъ правилъ, была ограничена живымъ участіемъ общества въ дѣлахъ церкви; такъ въ это время священники и клирики, преимущественно были люди избранные самимъ обществомъ, епископъ только посвящалъ избранныхъ. Съ другой стороны и свѣтская власть надъ церковію получила надлежащія границы. Она не смотря на старанія Андрея Боголюбскаго неуспѣла подчинить себѣ церкви; патріархъ Константинопольскій наотрѣзъ отказалъ Боголюбскому въ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ Суздальскомъ, и написалъ ему въ своемъ соборномъ посланіи, что двумъ митрополитамъ въ Россіи быть не слѣдуетъ по правиламъ церковнымъ, а надлежитъ остаться одному митрополиту въ Кіевѣ по прежнему; а другимъ своимъ посланіемъ оправдалъ епископа Ростовскаво Нестора, невинно изгнаннаго Андреемъ по наученію лишеннаго епархіи Греческаго епископа Ѳеодора, племянника Мануила епископа Смоленскаго, и требовалъ чтобы Андрей принялъ Нестора, какъ невиноватаго, а Ѳеодора удалилъ. Что и сдѣлалъ Андрей Боголюбскій по патріаршей грамотѣ, нерѣшившись разсориться съ старѣйшимъ представителемъ православной церкви патріархомъ Константинопольскимъ, и тѣмъ самымъ поднять на себя церковь Русскую.

Такимъ образомъ церковь Русская во время Суздальщины, среди самыхъ смутъ порожденныхъ неумѣстными

притязаніями іерархіи и свѣтской власти, достигла того, что стала въ свободныя отношенія и къ іерархіи и къ свѣтской власти и слилась въ одно нераздѣльное цѣлое съ обществомъ, выражая собою извѣстную опредѣленную сторону жизни Русскаго общества, а несоставляя отдѣльнаго общества, какъ въ западной Европѣ того времени. Таковое правильное положеніе доставило Русской церкви во время Суздальщины особенную силу и твердость и сообщило ей характеръ чисто народной Русской церкви. Лучшимъ свидѣтельствомъ силы и твердости Русской церкви въ обществѣ, и особенной любви общества къ ней служитъ безъуспѣшность попытокъ Римскаго папы обратить Русскихъ въ Латинство. Римскіе папы во время Суздальщины четыре раза присылали своихъ пословъ, то въ Кіевъ, то въ другіе города Руси, стараясь обратить Русскихъ въ Латинство, именно: въ 1169 году при Князѣ Кіевскомъ Мстиславѣ Изяславичѣ; въ 1205 году къ Роману Мстиславичу Волынскому и Галицкому; въ 1207 году ко всему Русскому духовенству и мірянамъ, по случаю занятія Царьграда Латинами, причемъ папа Иннокентій III-й писалъ въ своемъ посланіи, что Греческая имперія и церковь почти вся соединилась съ Римскою церковію и покорно принимаетъ ея повелѣнія, и что Русской церкви, какъ составляющей часть Греческой неслѣдуетъ отставать отъ своего цѣлаго; и наконецъ въ 1231 году къ Юрію Всеволодовичу Князю Суздальскому и Владимірскому, къ которому папа Григорій IX писалъ въ своей буллѣ, чтобы онъ оставилъ Греческіе и Русскіе обряды и принялъ Латинскіе. Но всѣ сіи посольства и даже содержаніе тайныхъ папскихъ миссіонеровъ въ Россіи не имѣли никакого успѣха, ни Князья, ни духо-

венство, ни народъ нисколько неподавались на соединеніе съ Римскою церковію. Когда посолъ папскій говорилъ Роману Мстиславичу, что папа при помощи меча Петрова можетъ сдѣлать его богатымъ, сильнымъ и знаменитымъ; то Романъ отвѣчалъ указывая на свой мечь: «такой ли Петровъ мечь у папы. а я пока ношу его при бедрѣ, ненуждаюсь въ чужемъ, и кровію покупаю города, по примѣру нашихъ дѣдовъ возвеличившихъ Русскую землю.» А когда Венгры во время междоусобій бывшихъ по смерти Романа, завладѣвши Галичемъ, стали тѣснить Русскую церковь и обращать Галичанъ въ Латинство; то за оскорбленіе Русской церкви весь народъ дружно поднялся на нихъ и выгналъ изъ Галича.

По мѣрѣ того, какъ церковь болѣе и болѣе утверждалась въ Русскомъ обществѣ, расло на Руси и просвѣщеніе не разлучное съ Христіанскою церковію. Между современными Суздальщинѣ Князьями мы уже болѣе прежняго находимъ Князей и охотниковъ до книгъ и внимательныхъ къ просвѣщенію народа. Такъ о Святославѣ Ростиславичѣ извѣстно по лѣтописи, что онъ зналъ Греческій языкъ и любилъ читать книги; о Святославѣ Юрьевичѣ извѣстно, что онъ былъ весьма благоразуменъ, ученъ писанію, много книгъ читалъ, и людей ученыхъ приходящихъ отъ Грекъ и Латинъ милостиво принималъ. часто съ ними бесѣдовалъ и имѣлъ состязанія; о Андреѣ Юрьевичѣ Боголюбскомъ. что онъ интересовался читать краснорѣчивыя поученія своего знамѣнитаго современника Кирилла Туровскаго; о Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ, что онъ былъ вельми ученъ во всякихъ наукахъ, и къ ученію многихъ людей понуждалъ устроя на то училища, и учителей Греческихъ и Ла-

тинскихъ содержалъ своею казною, и столько на это тратилъ имѣнія, что Смольняне на погребеніе его должны были сбирать деньги и хоронить его на общественный счетъ; о Михаилѣ Юрьевичѣ также есть извѣстіе, что онъ зналъ священное писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ языкахъ также свободно, какъ по Русски. Ярославъ Владиміровичь Галицкій, получившій отъ современниковъ прозваніе Осмосмысла, также зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ, понуждалъ духовенство учить мірянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями и изъ монастырскихъ доходовъ назначалъ на содержаніе училищъ; о Константинѣ Всеволодовичѣ Ростовскомъ извѣстно, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами, часто и прилежно читалъ книги, держалъ при себѣ ученыхъ людей, въ его библіотекѣ было болѣе тысячи однихъ Греческихъ книгъ, онъ поручалъ ученымъ переводить Греческія книги на Русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ Князей, самъ описывалъ ихъ и поручалъ другимъ.

Князья по прежнему старались окружать себя людьми образованными и получившими извѣстность своими дарованіями; такъ на примѣръ лѣтопись говоритъ, что Даніилъ Романовичь Галицкій приглашалъ къ своему двору знаменитаго у современниковъ пѣвца Митусю. Это обыкновеніе Князей имѣть при себѣ людей образованныхъ естественно и между дружинниками развивало потребность въ образованіи. Эту потребность мы видѣли еще при внукахъ и правнукахъ Ярослава Великаго, а теперь она постоянно усиливалась болѣе и болѣе. Лучшимъ свидѣтельствомъ постояннаго развитія этой потребности въ

дружинникахъ служитъ моленіе одного дружинника, писанное къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому; изъ этого моленія даже можно видѣть, что тогдашнее образованіе дружинниковъ неограничивалось знакомствомъ съ одною духовною Греческою литературою, но простиралась и на знакомство съ литературою классическаго Греческаго міра, и даже на знакомство съ тогдашнею жизнію западной Европы. Дружинникъ пишетъ въ своемъ моленіи къ Князю: «Княже, мой господине, я хотя не въ Аѳинахъ росъ и не у философовъ учился; но былъ падая аки пчела по книгамъ по различнымъ цвѣтамъ, оттуда собираю сладость словесную, совокупляя мудрость, какъ въ мѣхъ воду морскую.... Княже, мой господине! азъ несмь Ѳеофрастянинъ Терендь, Египетскій мудрецы Нифиніи, Калимидіи Аѳинстіи хитрецы. Аще есмь малоуменъ, обаче послушай гласа моего, постави сосудъ сердечный подъ потокъ языка моего, изкаплю сладость словесную паче водъ ароматскихъ.... Княже мой господине! ни моря уполовникомъ вычерпать, ни нашимъ иманьемъ дому твоего истощити. Аще бо не мудръ есмь; но попе мало мудрости усрѣтохъ, во вратѣхъ разумныхъ мужъ сапоги носилъ есмь, а въ смысленныхъ ризы облачихся.... Княже, мой господине! Королязи бо и Ковари Офорозѣ, рытиры, могистрове, дуксовѣ, Бокшородѣ и Ѳорози тѣмъ имѣютъ честь и милость у поганыхъ Солтановъ и у Королевъ: инъ вспадъ на фарь (коня) бѣгаетъ чрезъ подруміе (конское ристалище) отчаявся живота, а иный летаетъ съ церкви или высокіе палаты паволочиты крылы, а инъ нагъ мечется въ огнь, показующе крѣпость сердецъ своихъ царемъ своимъ.... а инъ обвився мокрымъ полотномъ борется рукопашь съ лю-

тымъ звѣремъ. Уже остану много глаголати, да не во мнозѣ глаголаніи разношу умъ свой, буду яко мѣхъ утлъ, труся богатство въ руцѣ имѣмъ.»

О просвѣщеніи и книжномъ ученіи духовенства мы уже упоминали выше и привели свидѣтельство лѣтописей о томъ, какъ высоко цѣнилось это просвѣщеніе тогдашними Русскими людьми, какъ Князья, бояре и простые люди стекались въ церкви изъ разныхъ городовъ, чтобы слушать поученія знаменитыхъ проповѣдниковъ и церковныхъ учителей того времени. Но кромѣ лѣтописныхъ свидѣтельствъ до насъ дошло нѣсколько и самыхъ литературныхъ памятниковъ того времени знаменитыхъ пастырей церкви. Такъ отъ знаменитаго проповѣдника, Русскаго Златоуста XII вѣка, Кирилла Туровскаго мы имѣемъ одиннадцать поученій говоренныхъ въ церкви, три наставленія писанныя къ разнымъ лицамъ, великій покаянный канонъ, изображающій искренній горькій плачь души о грѣхахъ передъ Господомъ, и тридцать молитвъ расположенныхъ по днямъ. Дошедшіе до насъ труды Кирилла Туровскаго обличаютъ въ авторѣ высокій умъ, глубокое истинно-христіанское чувство и близкое изученіе какъ священнаго писанія, такъ и литературы отцевъ церкви. Между словами Кирилла Туровскаго есть одно явно говоренное безъ приготовленія, это слово произнесенное въ пятую недѣлю по Пасхѣ, по случаю малочисленности собравшихся слушателей *). Чтобы нагляднѣе выразить характеръ проповѣдей нашего древняго

*) Слово въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ, я называю произнесеннымъ безъ приготовленія потому, что оно говорено не на текстъ и не на праздникъ, какъ всѣ прочія его проповѣди, а просто на

проповѣдника, и яснѣе показать его проповѣдническія способности, я считаю здѣсь не лишнимъ представить вполнѣ это импровизованное слово. Вотъ оно:

«Я убо, друзья и братья! надѣялся на всякую недѣлю болѣе собирать въ церковь людей, на послушаніе божественныхъ словесъ, нынѣ же пришло меньше. Но ежели бы я говорилъ отъ себя, то вы хорошо бы дѣлали не приходя слушать; нынѣ же я вамъ владычнее возвѣщаю, читаю вамъ грамоту Христову. Ежели кто принесетъ въ городъ грамоту цареву или княжую, къ сущимъ подъ рукою его; то неспрашиваютъ житія принесшаго, богатъ ли, убогъ ли, грѣшенъ ли, или праведенъ; но слушаютъ только чтомое въ грамотѣ, и стараются, чтобы ничего не было забыто, а кто которое слово путемъ неразслышитъ, то спрашиваетъ слышавшаго, и ежели какой безчинникъ сдѣлаетъ шумъ, то съ побоями прогоняютъ его, какъ пакость творящаго. Ежели же такое вниманіе потребно къ земному Князю; то кольми паче вы должны быть внимательны здѣсь, гдѣ бесѣдуетъ Владыка ангеловъ. Тѣмъ молю васъ пришедшихъ сюда поучайте неприходящихъ и увѣщевайте ихъ приходить въ церковь, вы бо вкусили отъ меду ученія, они же нисколько. Вкусите, рече, видите, яко благъ Господь. Вѣсте бо, яко изводяй достойнаго отъ недостойнаго. яко уста суть Христова. А понеже убо сія изрѣкохъ, послушайте же да поучу васъ о молитвѣ; тою бо исправляется всяко доброе, ежели отъ умиленна сердца изходитъ, яко благоуханіе къ Богу восходитъ; того ради и пророкъ

случай, что мало сошлось слушателей, а къ подобному случаю неприготовляются напередъ.

глаголетъ: да исправится молитва моя, яко и кадило предъ тобою. Почто же яко и кадилу молитъ исправиться молитвѣ? За тѣмъ что фиміамъ издаетъ благоуханіе, когда будетъ на огнѣ; такъ и молитва, когда отъ горяча сердца будетъ, то яко благоуханіе къ Богу восходитъ. Теперь уразумѣли ли то, что поется. Я и большему научу васъ, ежели вы будете внимать и захотите учиться; а ежели не будете внимать, то и я, и нехотя, умолкну; а вы будете осуждены тѣмъ, что, имѣя учащаго, невнимали. Како бы вы захотели проiйдти такой путь, какой прошла Южская Царица, чтобы слышать премудрость Соломонову? И се боли Соломона здѣ: не меня ради, я грѣшникъ, а евангельскаго ради пропоповѣданія и апостольскаго ученія. Повѣдайте мнѣ братіе: ежели бы кто при восходѣ солнца зажмурилъ свои очи, нежелая видѣть свѣта сего, и говоря тьма лучше свѣта: то сталъ ли бы кто жалѣть о немъ, не паче ли возненавидѣли и отверглись его. Тоже должно сказать и о словеси ученія: слово божіе въ писаніи называется свѣтъ и свѣтъ сей болiй видимаго сего свѣта, ибо сей просвѣщаетъ плотскія очи, а тотъ душевныя; того ради и пророкъ Давыдъ глаголетъ къ Богу: свѣтильникъ ногамъ моимъ законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ, и паки Исаія; людіе сѣдящіе во тмѣ видѣша свѣтъ велiй. Кто убо помину нехотящаго свѣту видѣти? Сколько васъ приходитъ въ церковь, понуждайте нехотящихъ приходить, и чтобы никто неговорилъ, я занятъ иными дѣлами; вспомните о тѣхъ званыхъ на царскую вечерю, которые также приводили разные извѣты: овъ рече, супругъ воловъ хочу искусити, овъ же села купленнаго съглядати, инъ же жену поятъ, и про то разгнѣвался на нихъ Царь. А вы

ужели одного часа неможете удѣлить Богу? Отвѣчайте мнѣ на мой вопросъ: ежели-бы я по вся дни раздавалъ злато или серебро, или медъ или пиво, не приходили ли бы напередъ другъ передъ другомъ? Нынѣже словеса Божія раздаю, лучьша паче злата и каменія драгаго, и слажьша паче меда и сота; и вы лишаетесь ихъ неприходя въ церковь. Тѣхъ же и злословлю и укоряю, якоже васъ приходящихъ хвалю и благословляю; каждаго же изъ васъ, придодящихъ сюда и вкушающихъ духовнаго сего меду, молю: аще сусѣда имѣете, или родина, или жену, или дѣти, зовите ихъ всѣхъ въ церковь и поучайтеся душеполезнымъ словесемъ, да и здѣ богоугодно поживше и вѣчныхъ благъ насдѣдници будемъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, емуже слава.

Другимъ драгоцѣннымъ памятникомъ духовной Русской литературы, современной Суздальщинѣ, служитъ посланіе Симона епископа Суздальскаго и Владимирскаго къ Кіево-печерскому иноку Поликарпу. Поводомъ къ написанію этаго посланія было письмо Поликарпа къ Симону, въ которомъ онъ жаловался на Кіево-печерскаго архимандрита Акиндина, и вообще на свое плохое положеніе въ Печерскомъ монастырѣ, и на безъуспѣшность искательствъ игуменства въ монастыряхъ Козмы и Даміана и св. Димитрія. Симонъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу, обличая неосновательность его жалобъ и неособразность ихъ съ обѣтами иночества, въ образецъ иноческой жизни приводитъ четырнадцать сказаній о подвижнической жизни святыхъ иноковъ, жившихъ въ разное время въ Кіево-печерскомъ монастырѣ; и желая возбудить въ Поликарпѣ болѣе благоговѣніе къ святости Печерской обители, разсказываетъ о чудесномъ построеніи Печерской цер-

кви Пресвятыя Богородицы, о поставленіи трапезы, или престола и объ освященіи престола, и между прочимъ говоритъ, что онъ Симонъ епископъ желалъ бы отказаться отъ епископства и оставить всю славу и власть, чтобы хворостиной торчать въ воротахъ Печерскаго монастыря. Въ этомъ посланіи Симонъ умѣлъ совмѣстить художественную изящность съ самою высокою простотою изложенія и съ такою искренностію чувства и глубокимъ пониманіемъ духовной жизни, что трудъ его досего времени служитъ лучшимъ украшеніенъ нашей поучительно повѣствовательной духовной литературы*).

Третьимъ замѣчательнымъ памятникомъ духовной литературы во время Судальщины служатъ двѣнадцать сказаній о святыхъ инокахъ Кіево-печерскаго монастыря, писанные для архимандрита Акиндина тѣмъ самымъ инокомъ Поликарпомъ, къ которому писалъ свое прекрасное посланіе епископъ Симонъ. Трудъ Поликарпа, по изящной простотѣ, живости и стройности разсказа, обличаетъ въ авторѣ высокаго художника повѣствователя, хотя онъ и ниже посланія Симона. Особенною теплотою и простотою дышутъ разсказы Поликарпа о блаженномъ Прохорѣ лебедникѣ, о Маркѣ Печерникѣ, о Ѳеофилѣ ученикѣ Марка Печерника, о Спиридонѣ просфорнякѣ и о Пименѣ многоболѣзненномъ. Для образца вотъ начало разсказа о Пименѣ. «О блаженномъ семъ Пименѣ сло-

*) Къ сожалѣнію посланіе Симона, въ своемъ подлинникѣ, до сего времени не издано. Оно обыкновенно помѣщается въ сборникѣ извѣстномъ подъ именемъ Патерика Печерскаго, и составляетъ почти половинну сего сборника; но оно тамъ страшно изкажено жалкою передѣлкою Иннокентія Гизеля въ XVII столѣтіи.

во вземше, на исповѣданіе снидемъ крѣпкаго его страданія, да увѣмы, како со благодареніемъ имамы болѣзни терпети доблественно, и како сила Божія въ немощахъ совершается. Сей убо блаженный Шимень болень родися на свѣтъ, болень и возрасте, сія тѣлесная болѣзнь мѣста въ немъ душевней недаде. Чистъ бо отъ всякаго порока бысть и отъ утробы матерни сквернаго непозна грѣха *).

Изъ свѣтскихъ литературныхъ произведеній отъ временъ Суздальщины дошли до насъ: Слово о полку Игоревѣ и моленіе къ князю Ярославу Всеволодовичу, сочинители того и другаго творенія неоставили своихъ именъ. Кромѣ того мы имѣемъ нѣсколько лѣтописей относящихся къ тому же времени и народныхъ былинъ въ которыхъ говорится о лицахъ историческихъ относящихся ко времени Суздальщины, напримѣръ о Новгородцахъ Васильѣ Буслаевѣ скончавшемся 1171 году, о Садкѣ Сытиничѣ и другихъ. Особенно замѣчательно истинными поэтическими красотами и вѣрнымъ и живымъ изображеніемъ тогдашняго состоянія Русской земли, слово о полку Игоревѣ. Непзвѣстный сочинитель этаго слова, описывая въ немъ нещастный походъ Игоря Святославича Сѣверскаго на Половцовъ, умѣлъ въ одной живой картинѣ вѣрно представить состояніе Русской земли во время Суздальщины. Онъ изобразивши, между прочимъ, мастерски общую печаль Приднѣпровья т. е. Кіевской и Черниговской стороны, о пораженіи и плѣнѣ Игоря Святославича, и

*) Сказанія Поликарпа обыкновенно помѣщаютея въ Патерикѣ Печерскомъ, и также тамъ изкажны, какъ и посланіе Симона, подлинныя же сказанія до сего времени ненапечатаны.

грозу отъ Половцовъ въ слѣдствіе этаго пораженія, обращается къ современнымъ знамѣнитымъ Князьямъ другихъ краевъ Руси съ такимъ воззваніемъ: «Княже Всеволоде! (Суздальскій) не мыслію тебѣ перелетѣть издалеча, отня стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы разкропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то былабы чага (плѣнница) по ногатѣ, а Кощей (невольникъ) по рѣзани; ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде! (Смоленскіе) не ваши ли злаченые шеломы по крови плаваша, не ваша ли храбрая дружина рыкаютъ, аки туры ранены саблями каленымі, на полѣ незнаемѣ? Вступите, господина въ златъ стремень за обиду сего времени, за землю Русскую за раны Игоревы, буего Святославича. Галицкій Осмосмысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованомъ столѣ, подперъ горы Угорскіе своими желѣзными полки, заступилъ королеви (Венгерскому) путь, затворилъ Дунаю ворота, меча беремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола Солтана за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго Кощея, за землю Русскую за раны Игоревы, буего Святославича. А ты буй Романе и Мстиславе! (Волынскій и Торопецкій) Храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицу въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у васъ желѣзные папорзи подъ шеломы латинскими; тѣми трѣсну земля и многи страны, — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половцы сулицы своя повергоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи Харалужные (булатные).»

Врагами Русской земли по прежнему на юго-востокѣ съ степной стороны были Половцы, а на западѣ съ лѣсной стороны Литва; но отношенія сихъ враговъ къ Русской землѣ, во время Суздальщины, значительно измѣнились. Половцы годъ отъ году дѣлались менѣе страшны, хотя и продолжали дѣлать свои набѣги, и иногда довольно значительные; но Русскіе люди довольно уже попривыкли къ симъ безпокойнымъ кочевникамъ, и за набѣги сами платили также набѣгами и довольно сильными. А Князья Русскіе по прежнему продолжали пользоваться Половецкими полчищами, какъ союзниками или наемниками, въ своихъ междоусобіяхъ; они по прежнему роднились съ Половецкими Князьями, сами женились на ихъ дочеряхъ, и Русскіе княжны и княгини выходили замужъ за Половецкихъ Князей, такъ что многіе Половецкіе Князья уже носили Славянскія княжескія имена, и даже иные принимали святое крещеніе; многіе изъ Половцевъ уже поступали въ службу къ Русскимъ Князьямъ, селились въ Русскихъ пограничныхъ городахъ и принимали строй Русской жизни. И кажется было уже недалеко то время, когда бы Половцы должны были или обратиться въ мирныхъ сосѣдей Русскимъ, или подчиниться Русскому владычеству.

Но совсѣмъ въ иномъ положеніи была Литва, теперь набѣги Литовцевъ годъ отъ году дѣлались сильнѣе и грознѣе; въ прежнее время сіи лѣсные дикари ограничивались набѣгами на сосѣднія Полотскія, Туровскіе и Пинскія владѣнія, и то изрѣдка; во время же Суздальщины Литовцы стали проникать во владѣнія Псковскія, Новгородскія, Смоленскія, Черниговскія и Волынскія, и набѣги ихъ дѣлались все чаще и чаще. Колоніи Полотскія

и Кривскія въ Литовской землѣ мало по малу уже совершенно были отдѣлены отъ своихъ метрополій, и частію признавали надъ собою власть Литовскихъ Князей или и Русскихъ Князей посаженныхъ Литовцами; самый Полотскъ уже недалекъ былъ отъ того, чтобы подчиниться какому либо Литовскому Князю, онъ уже не разъ, какъ мы видѣли, принималъ своихъ Князей, посаженныхъ полками Литовскими. Полочане, прежде грозные для Литовцевъ, теперь сами стали бояться Литвы; Западная Двина, эта торная веселая дорога Полочанъ къ морю, теперь уже подъ страхомъ Литвы обратилась въ пустынное болото. Вотъ какъ говоритъ пѣвецъ слова о полку Игоревѣ объ отношеніяхъ Литвы къ современнымъ ему Полочанамъ. «Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ поганыхъ (Литовцовъ). Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ червлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи, изрони жемчужную душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожерелье. Унылы голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ Городенскія. Ярославе и вси внуцы Всеславли, уже понизить стязи (знамена) свои, вонзить мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя (Литовцевъ) на землю Русскую, на жизнь Всеславлю». (т. е. на Всеславово достояніе) И дѣйствительно Князья Полотскіе, потомки знаменитаго Всеслава, своими междоусобіями выдвинули Литовцевъ, сами вызвали ихъ изъ непроходимыхъ лѣсовъ и пущей; сами водили ихъ на свою братью, сами учили воевать

съ Русскими и брать города; и такимъ образомъ на свою голову дали ходъ этому полудикому племени.

Литовскія племена во время Суздальщины раздѣлялись на два главныхъ отдѣла: на Литовцевъ живущихъ на сѣверъ отъ рѣки Виліи и въ низовьяхъ Немана, и на Литовцевъ на югъ отъ Виліи до Припети. На сѣверъ отъ Виліи жили: Жмудь въ низовьяхъ Немана до рѣки Святой, собственно Литва по сѣверному берегу Виліи, и Дяволтва на сѣверъ отъ Литвы въ сосѣдствѣ съ Леттолою до западной Двины. Второй отдѣлъ составляли два племени: Рушковичи и Булевичи жившія на югъ отъ Виліи. Хотя тотъ и другой отдѣлъ Литовскихъ племенъ издавна находился подъ вліяніемъ Руси и болѣе или менѣе былъ колонизованъ Русскими поселеніями и состоялъ въ зависимости отъ Полочанъ или Кривичей; но колонизація сѣверныхъ племенъ по отдаленности ихъ была слабѣе и постепенно ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ усиливались междоусобія въ Полоцкѣ и Смоленскѣ; напротивъ того племена южныя, какъ ближайшія, сильнѣе колонизовались Русскими поселеніями и были въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ Полочанами и Кривичами; такъ что во время Суздальщины, по свидѣтельству Литовскаго лѣтописца Быховца, страна на югъ отъ Виліи у сѣверныхъ Литовцевъ считалась Русскою землею. И дѣйствительно въ этой странѣ было много Русскихъ колоній и городовъ, въ слѣдствіе чего и сами жители были уже обрусѣвшею Литвою, на что намекаетъ и самое названіе южныхъ племенъ Литвы Рушковичами и Булевичами, съ чисто Русскими окончаніями. Сіи-то южныя обрусѣвшія племена были главными пособниками междоусобствовавшимъ Полоцкимъ Князьямъ, съ ними-то Князья сіи до-

бывали себѣ столы Княжескіе и прогоняли своихъ противниковъ, и къ нимъ же убѣгали Князья прогнанные. Но къ концу XII вѣка и обрусѣвшія и не обрусѣвшія Литовскія племена, пользуясь междоусобіями Русскихъ Князей, одинаково стали напирать на Русскія владѣнія преимущественно для грабежа. Такъ южныя племена напирали къ Припети, на сосѣднія Туровскія, Пинскія и частію Волынскія владѣнія, и даже на Смоленскія, Черниговскія и Сѣверскія; такъ что Кіевскій Князь Рюрикъ Ростиславичь, владѣвшій и Туровомъ, почти постоянно проживалъ въ Туровѣ для отраженія Литовскихъ набѣговъ. Въ это же время изъ сѣверныхъ племенъ Дяволтва преимущественно напирала на Псковскія и Новгородскія владѣнія, иногда одна, иногда въ союзѣ съ Полочанами; такъ въ 1183 году Литва Дяволтва грабила Псковскія владѣнія, а въ 1198 году также Литва въ союзѣ съ Полочанами напала на Великіе Луки, и въ 1200 году захватила Ловать до Налюця, но была прогнана Новгородцами. Жмудь и собственно Литва за одно съ Ятвягами преимущественно напирали на сѣверо-западный край Волынскихъ владѣній, къ Берестью, Кобрину и Дрогичину; но здѣсь они встрѣтили сильнаго врага въ Романѣ Волынскомъ, который неудовольствовался отраженіемъ Литовскихъ набѣговъ на свои владѣнія; но самъ сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ и удачныхъ походовъ въ глубь Ятвяжскихъ, Жмудскихъ и Литовскихъ болотъ и лѣсовъ, и такъ разгромилъ разрозненныя Литовскія племена и опустошилъ ихъ земли, что Литовцы въ этомъ краю на нѣкоторое время рѣшительно присмирѣли.

Страшные походы Романа Волынскаго сдѣлали большій переворотъ въ Литовской землѣ, видя крайнее опу-

стошеніе своей земли Литовскія племена, прежде разрозненныя, начали думать о соединеніи и дружныхъ дѣйствіяхъ противъ враговъ. Конечно во время Суздальщины Литовскія племена неуспѣли еще соединиться въ одно цѣлое, и въ каждомъ племени еще было по нѣскольку Князей; но между сими Князьями выдавались личности способные подчинить себѣ другихъ Князей, и самая видная изъ сихъ личностей былъ Миндовгъ, одинъ изъ старшихъ Князей собственно Литвы, онъ во время Суздальщины ежели и неуспѣлъ еще подчинить себѣ другихъ Литовскихъ Князей, но уже умѣлъ возбуждать ихъ на общее дѣло и руководить ими какъ союзниками. Такъ страшное опустошеніе Волынской земли въ первые годы по смерти Романа Мстиславича было уже дѣломъ не одного какаго либо племени, но всѣхъ пяти племенъ Литвы и даже Ятвяговъ, какъ прямо говоритъ Волынская лѣтопись: «бѣда была землѣ Володимірской (Волынской) отъ воеванья Литовскаго и Ятвяжскаго». Вторымъ общимъ дѣломъ всѣхъ Литовскихъ племенъ, очевидно подъ руководствомъ Миндовга, былъ миръ съ Волынскими Князьями Даніиломъ и Василькомъ Романовичами, заключенный 1215 году отъ имени старшихъ Князей всѣхъ пяти племенъ Литвы, Жмуди, Дяволтвы, Рушковичей и Булевичей, какъ прямо сказано въ лѣтописи, по изчисленіи всѣхъ племенъ и старѣйшихъ ихъ Князей «Си же вси миръ даша Князю Данилови и Василькy и бѣ земля покойна.» Этотъ миръ съ Волынскими Князьями всѣ Литовскія племена соблюдали строго до завоеванія Волынской земли Татарами. Мало этого многіе Литовскіе Князья и въ числѣ ихъ Миндовгъ вступили въ тѣсный союзъ и родство съ Даніиломъ Романовичемъ и братомъ

его Василькомъ и по ихъ указанію начали воевать Польшу въ томъ же году, и произвели тамъ страшные опустошенія; потомъ 1235 году Даніилъ опять поднималъ на Польшу Литовскихъ Князей Миндовга и Изяслава Новгородскаго, т. е. собственно Литву, жившую на сѣверъ отъ Виліи, и Литву обрусѣвшую, жившую на югъ отъ Виліи на Неманѣ. Но миръ съ Романовичами Волынскими, вовсе небылъ миромъ съ остальною Русью. Литовцы не трогая Волыни по прежнему продолжали дѣлать набѣги на другія владѣнія Руси. Такъ Ростиславъ Михаиловичь Галицкій въ этоже время по приказу отца своего Михаила нѣсколько разъ долженъ былъ ходить въ Литовскую землю для удержанія Литовскихъ набѣговъ на сѣверо-западныя Кіевскія границы. Кромѣ того Литовцы, вѣроятно племя Дяволтва, въ 1217 году кажется по указанію Ливонскихъ Нѣмцевъ, бывшихъ тогда въ войнѣ съ Новгородомъ, сдѣлали набѣгъ на Новгородскія владѣнія и пограбили берега Шелони. Въ 1223 году Литовцы воевали у Торопца; но услыхавши о походѣ Ярослава Всеволодовича съ Новгородцами, обратился въ бѣгство; а въ 1224 году они пробрались до Русы и разбили вышедшаго противъ нихъ посадника Ѳедора и Рушанъ. Потомъ въ 1225 году было какоето сильное нашествіе Литвы, многочисленныя полчища Литовцовъ въ одно время явились и въ Новгородскихъ, и въ Смоленскихъ, и Полотскихъ владѣніяхъ, въ Новгородскомъ краю они только трехъ верстъ недошли до Торжка и страшно пустошили страну, побили и пограбили гостей, и заняли Торопецкую волость; но Князья Новгородскій Ярославъ и Торопецкій Давыдъ, соединясь вмѣстѣ, ударили на грабителей, нагнавши ихъ у Всвята, разбили на голову, двѣ тысячи по-

ложили на мѣстѣ, взяли множество плѣниковъ и отбили всю награбленную добычу. Но зимою 1229 года Литовцы опять явились въ Новгородскихъ владѣніяхъ и воевали около Лубны, Моревы и Селигера: и снова были разбиты Новгородцами, и бращенные въ бѣгство побросали награбленную добычу. Въ 1234 году они опять воевали въ Новгородскомъ краю около Русы и даже ворвались въ самый городъ; но отбитые Русинами бѣжали и отступили на Клинъ. Между тѣмъ Ярославъ Новгородскій, получивши вѣсть объ ихъ набѣгѣ, пустился по Ловати имъ на перерѣзъ и нагналъ на Дубровнѣ въ Торопецкой волости, и такъ удачно разбилъ ихъ, что они потеряли обозъ въ 300 коней, и спасаясь по лѣсамъ побросали оружіе и щиты, тѣмъ не менѣе многіе были побиты Новгородцами. Впрочемъ всѣ сіи набѣги Литовцовъ ограничивались убійствами и опустошеніемъ, ни въ Новгородскихъ, ни въ Псковскихъ, ни въ Смоленскихъ владѣніяхъ Литва нигдѣ недумала еще утвердиться. Очевидно всѣ сіи набѣги производились только голодными охотниками пограбить, собственно же Литовскимъ старшимъ Князьямъ было не до завоеваній на сторонѣ; они въ это время еще рѣзались другъ съ другомъ и отбивались отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, которые вмѣшивались въ споры Литовскихъ Князей и желали ихъ подчинить себѣ, хотя и безъ успѣха; такъ подъ 1237 годомъ въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что Ливонскіе Нѣмцы, получивъ помощь отъ Нѣмецкаго Ордена въ Прусіи и соединясь съ Чудью и Псковичами, напали на Литву, но были разбиты.

Новыми врагами Руси во время Суздальщины являются на западѣ Нѣмцы, утвердившіеся въ Ливоніи при устьѣ Двины, и на востокѣ Монголы или Татары. Нѣмцы, собственно Бременскіе купцы, съ 1158 года начали

ѣздить для торговли къ Ливонцамъ или Ливи, живущимъ при устьяхъ Двины, и мало по малу построили тамъ два острожка Укскуль и Далень. Бременскій архіепископъ, узнавъ о Нѣмецкихъ поселеніяхъ при устьѣ Двины, выпросилъ разрѣшеніе у папы послать проповѣдниковъ латинской вѣры въ землю Ливонскихъ язычниковъ, и послалъ туда монаха августинскаго ордена Мейнгарда. Мейнгардъ прибывши въ Ливонію выпросилъ позволеніе у одного изъ Полотскихъ Князей Владиміра, княжившаго въ низовьяхъ Двины, проповѣдывать евангеліе Ливонскимъ язычникамъ, построилъ въ Укскулѣ церковь, крестилъ нѣкоторыхъ изъ язычниковъ и началъ строить замки. Но успѣхъ его проповѣди былъ непродолжителенъ, упорные язычники нетолько сами не крестились, но убѣдили и крестившихся Ливонцевъ обратиться къ прежнему язычеству, и стали грабить имѣніе самаго Мейнгарда, уже получившаго санъ епископа. Тогда Мейнгардъ отправилъ посольство къ папѣ съ просьбою прислать войско для крещенія язычниковъ силою. Папа велѣлъ проповѣдовать крестовый походъ въ Ливонію; между тѣмъ пока собиралось крестовое ополченіе, Мейнгардъ умеръ въ 1196 году, и на его мѣсто прибылъ новый епископъ Бартольдъ съ священниками и войскомъ. Бартольда Ливонскіе язычники убили въ первой же битвѣ, но сами были разбиты и силою принуждены креститьтя и обязались содержать у себя Нѣмецкихъ священниковъ; но лишь войско провожавшее Бартольда сѣло на корабли, какъ Ливонцы отрѣклись отъ крещенія, ограбили священниковъ и выгнали ихъ. На мѣсто убитаго Бартольда пріѣхалъ новый епископъ Альбертъ съ войскомъ на двадцати трехъ корабляхъ; язычники встрѣтили его какъ за-

клятаго врага и осадили въ замкѣ Гольмѣ, но были разбиты и по неволѣ обѣщались принять христіанство. Альбертъ въ 1200 году выстроилъ въ устьѣ Двины городъ Ригу и населилъ его Нѣмецкими колонистами, за которыми самъ ѣздилъ въ Германію, потомъ въ 1202 году упросилъ папу основать орденъ рыцарей меча, которые бы жили постоянно въ Ливоніи и воевали съ тамошними язычниками для обращенія ихъ въ Христіанство. Это новое учрежденіе дало силу Нѣмецкимъ поселеніямъ въ Ливоніи; Нѣмцы съ поселеніемъ рыцарей меча стали твердою ногою на Ливонской землѣ и подчинили себѣ не только Ливонцевъ, но и сосѣднихъ Эстовъ, мало этого они даже успѣли отнять два Полотскія княжества въ низовьяхъ Двины, Кукейносъ и Герсикъ. Ливонцы язычники обратились было за помощію къ Полоцкому Князю, къ какому неизвѣстно; но и тотъ ничего немогъ сдѣлать въ ихъ пользу. Нѣмцы отдѣлались отъ него тѣмъ, что обѣщались платить ему ежегодную дань за Ливонцевъ порабощенныхъ Рижской церкви и ордену меченосцевъ; и Полотскій Князь очевидно по тогдашнимъ Полотскимъ обстоятельствамъ, очень слабый, поспѣшилъ заключить съ ними миръ, и такимъ образомъ оставилъ Ливонскихъ язычниковъ безъ помощи на произволъ Нѣмцевъ. Черезъ нѣсколько времени Нѣмцы перестали платить и обѣщанную дань; но Полотскимъ Князьямъ было уже не до Ливоніи и не до Нѣмцевъ, имъ и дома отъ внутреннихъ междоусобій, отъ вмѣшательства сосѣднихъ Князей и отъ напора Литвы не было ни покоя ни надежнаго пристанища. И такимъ образомъ Нѣмцы безъ опасенія отъ Полотскихъ Князей могли свободно распоряжаться въ Ливоніи; и въ 1229 году за-

ключили торговый договоръ съ Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давыдовичемъ, въ который договоръ со стороны Смоленскаго Князя была включена и земля Полотская и Витебская. Но подвигаясь къ сѣверо-востоку отъ западной Двины въ предѣлы Эстонской Чуди, Нѣмцы встрѣтили себѣ крѣпкихъ противниковъ въ Псковичахъ и Новгородцахъ, съ которыми вступили въ нескончаемыя войны то удачныя, то неудачныя. Съ начала они были въ мирныхъ сношеніяхъ съ Псковичами и Новгородцами, и во враждебное столкновеніе въ первый разъ вступили въ 1217 году, вздумавши помогать Эстонской Чуди, и были разбиты подъ Эстонскимъ городомъ Оденпѣ, или Медвѣжьей Головою; и потерявши въ битвѣ трехъ военачальниковъ и 700 коней, принуждены были заключить миръ, по которому должны были оставить Оденпе. Въ 1219 году Новгородцы въ другой разъ сошлись съ Нѣмцами подъ городомъ Пертуевомъ, и опять разбили ихъ и ихъ помощниковъ Литву и Ливонцевъ, но города взять немогли. Потомъ было еще нѣсколько походовъ, Новгородскихъ въ Эстонію, и Нѣмецкихъ въ Псковскія и Новгородскія владѣнія; но и тѣ и другіе походы оканчивались только созженіемъ селъ и опустошеніемъ страны; въ 1224 году Нѣмцамъ удалось послѣ кровопролитнаго приступа взять Юрьевъ или Дерптъ, Русскій городъ въ Чудской землѣ, при чемъ были истреблены всѣ Русскіе жители Дерпта; а въ 1233 году они захватили было Изборскъ, но въ томъ же году были выгнаны оттуда Псковичами; а въ 1234 году Ярославъ съ Новгородцами разбилъ ихъ подъ Юрьевомъ и принудилъ къ миру, по которому они кажется обязались платить дань съ Юрьева. Вообще Нѣмцы были

врагами безпокойными, но негрозными, они своими успѣхами въ Эстоніи были обязаны единственно тому, что Новгородцы и Псковичи были въ это время въ постоянныхъ междоусобіяхъ.

Совсемъ иной характеръ имѣли Монголы или Татары, новые враги Русской земли, надвинувшіеся на нее съ востока; они въ два похода, слѣдовавшіе быстро одинъ за другимъ, какъ мы уже видѣли, покорили себѣ почти всю Русь, ихъ грозной силѣ ничто не могло противиться; но о нихъ мы будемъ говорить послѣ.

Кромѣ враговъ Русская земля во время Суздальщины терпѣла многія другія несчастія, иногда доводившія тогдашнихъ людей до отчаянія. Въ одномъ сѣверномъ краю Руси, т. е. въ Новгородскихъ и Суздальскихъ владѣніяхъ, по лѣтописямъ насчитывается шесть значительныхъ пожаровъ. Особенно были сильны пожары въ 1194 году; въ этомъ году горѣла Ладога, Руса и Новгородъ, въ Новгородѣ въ это время продолжались пожары отъ недѣли всѣхъ Святыхъ до Успеньева дня, т. е. до 15 Августа; такъ что каждый день загоралось въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и люди въ страхѣ бросали свои домы и жили въ поляхъ. Великъ также былъ пожаръ въ 1211 году, истребившій въ Новгородѣ 4,300 дворовъ и 15 церквей; а пожаръ 1217 года истребилъ половину Новгорода, причемъ погибло множество товаровъ и людей. Въ 1223 году по всей Суздальской землѣ была страшная засуха, такъ что лѣса и болота сами загорались, и по всей землѣ такой былъ дымъ и мгла, что птицы падали на землю, а звѣри изъ лѣсовъ бѣжали въ города и селы, и на всѣхъ людяхъ былъ страхъ и ужасъ. 1187 и 1230 годы особенно замѣчательны страшными повальными болѣзнями; подъ

1187 годомъ лѣтопись говоритъ: «была сильная болѣзнь въ людяхъ, такъ что не было двора, гдѣ бы кто нибудь нехворалъ; а въ иныхъ мѣстахъ цѣлые дворы были наполнены больными, такъ что не кому было и ходить за больными. О морѣ же въ 1230 году въ лѣтописи сказано, что въ одномъ Смоленскѣ въ это время было похоронено, въ нарочно по случаю мора выстроенныхъ четырехъ скудельницахъ, тридцать двѣ тысячи человѣкъ; а въ Новгородѣ въ одной скудельницѣ похоронили 3030 человѣкъ и еще въ двухъ безъ числа, такъ что не успѣвали хоронить и трупы валялись по улицамъ и площадямъ.

Но величайшее бѣдствіе Русской земли въ сѣверныхъ ея предѣлахъ, т. е. въ Новгородскихъ и Суздальскихъ владѣніяхъ, составлялъ голодъ, въ продолженіи семидесяти лѣтъ возобновлявшійся семь разъ, такъ что на каждые десять лѣтъ приходилось по голодному году. Особенно страшны были года 1212 и 1214, когда по всей Суздальской землѣ голодъ доходилъ до того, что люди ѣли дубовую кору, мохъ, солому и падаль, и многія умирали отъ голода. Еще болѣе страшный голодъ былъ въ Новгородѣ въ 1215 году; дороговизна хлѣба тогда дошла до того, что кадь ржи доходила до десяти гривенъ, тогда какъ прежде считалось страшною дороговизною, когда кадь ржи доходила до 3-хъ или до 4-хъ гривенъ; люди ѣли липовый листъ, сосновую кору и мохъ, многіе продавали своихъ дѣтей въ рабство, многіе умирали съ голоду; поставили скудельницу и полну наклали труповъ, но и за тѣмъ по площадямъ, улицамъ и полямъ вездѣ валялись трупы, такъ что собаки неуспѣвали поѣдать ихъ; а жители области Води всѣ или

померли отъ голода или разбѣжались въ разныя стороны. Но верхъ ужаса и бѣдствій, какія только выдержали во время Суздальщины Новгородцы, представляетъ 1230 годъ. Въ этомъ году въ первыхъ числахъ Мая было значительное землетрясеніе, потомъ въ Маѣ же мѣсяцѣ солнечное затмѣніе, а 14 Сентября морозъ побилъ хлѣбъ по всей волости Новгородской, и голодъ быстро возросъ до того, что кадь ржи продавалась по 20 и по 35 гривенъ, а къ веснѣ люди начали ѣсть не только мохъ, липовую и сосновую кору, но принялись за лошадей, собакъ и кошекъ, а иные ѣли трупы мертвыхъ; были и такіе, которые рѣзали и ѣли живыхъ людей, но таковыхъ отыскивали, и которыхъ сожигали, инымъ отрубали головы, другихъ вѣшали. Вмѣстѣ съ голодомъ явился страшный моръ, неуспѣвали хоронить мертвецовъ, по улицамъ и площадямъ не было прохода отъ непохороненныхъ труповъ. Голодъ дошелъ до того, что люди потеряли всякое чувство состраданія, даже родители недѣлились хлѣбомъ съ дѣтьми и продавали дѣтей пріѣзжимъ торговцамъ изъ хлѣба, дороговизна достигла страшной цѣны, коврига хлѣба продавалась по гривнѣ, т. е. на нынѣшнія деньги почти по три рубли серебромъ. И въ этомъ памятномъ году, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, голодъ былъ не въ одномъ Новгородѣ, но и по всей Русской землѣ, выключая Кіевской области, и также сопровождался моромъ; а другія лѣтописи говорятъ, что голодъ стоялъ три года.

2007042947